

Елена Сазанович
ГАЙДЕБУРОВСКИЙ СТАРИК

роман
(завершающая часть трилогии «Иная судьба»)

- В журнальном варианте опубликован в журнале «Подвиг» (№6, 2010).
Полный вариант – в журнале «Юность» (№№1,2,3,4,5,6, 2012).
- Номинант лонг-листа литературной премии «Ясная поляна», 2010
- Лауреат литературной премии имени Н.В. Гоголя в конкурсе Московской городской организации Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков «Лучшая книга 2008—2010 годов», 2011.

У меня в детстве был мяч. Обычный, резиновый, по-моему, волейбольный. Такими мячами еще на пляже играют. Мы играли им во дворе, но могли бы и на пляже. Если бы пляж был рядом. И было рядом море. Но ничего такого не было. Только дома, магазины, машины и наш маленький дворик с волейбольной площадкой.

Я не помню, кто мне этот мяч подарил. Может, отец. Вполне возможно, двоюродный брат. Мяч был сделан в виде глобуса. И на нем умещался весь наш мир. Не такой уж большой целый мир. Который я вечерами рассматривал под тусклой настольной лампой. Забравшись с ногами на диван и уплетая мамины пирожки с кислой капустой. В этом мире было все, что душа пожелает. И горы, и леса, и джунгли, и даже пустыня. И, конечно, море, которое я никогда не видел. И на берегу которого вполне мог играть в волейбол.

Но постепенно мир на мяче тускнел, стирался, становился нечетким и грязным.

Однажды мы играли миром на стройке, и он попал в гущу битого стекла. И сдулся. Быстро, за каких-то пару минут. Которые мне показались вечностью. Я заморожено наблюдал, как сдуваются моря, горы, города, страны и целые континенты. По-моему, именно в тот миг, когда на моих глазах сдулся целый мир, я почувствовал себя его частью. Маленькой частью. Но единственно выжившим на всей нашей планете.

Мне показалось, что и я что-то значу в этом мире. Во всяком случае, у меня оставался шанс что-то значить. Если я единственный выжил.

Я нес в руках помятую, выцветшую резину, когда-то называвшуюся мячом. Я нес ее важно, торжественно, словно держал в руках флаг победителя. Мне не важно было, что наш мир погиб.

Мне важно было, что я в нем умудрился выжить...

А вечером его окончательно разодрал наш кот. И мама выбросила его через форточку.

Утром, стоя босыми ногами на балконе, я наблюдал, как хромой дворник сжигает вместе с мусором и листвой жалкие остатки какого-то разодранного, потускневшего мира. Мира, который был когда-то и моим. И который я почему-то перестал жалеть.

Отрывки из детства пронеслись минутным вихрем в моей голове, когда через стеклянную витрину я разглядывал мяч в виде глобуса. Он не был похож на мой и не мог быть похож. Потому что продавался в антикварной лавке. Потому что очень дорого стоил. Хотя я сильно сомневался, что столько стоит наш мир, который вызывающе разместился на нем.

Ливень хлестал по моим щекам, резкие струи дождя протекали за ворот куртки, желтая листва прилипла к моим кроссовкам, угрожающе завывал ветер. Они тоже недорого стоили. Может быть, именно поэтому я в отчаянии распахнул двери антикварной лавки. Чтобы согреться. А не потому, чтобы вспоминать детство, которое сгорело вместе с моим первым мячом. Сгорело, как у всех – я не исключение. Сгорело, как и все. Неисключительное.

В лавке никого не было. Я стоял напротив мяча и, не прикасаясь, его разглядывал. Те же страны, горы, моря, океаны. В мире ничего не меняется. И вряд ли изменится. Если мир, конечно, однажды не сожжет хромой дворник вместе с мусором и листвой.

Позади меня послышался кашель. Так кашляют старики и продавцы, желающие привлечь внимание. Я резко оглянулся. И оказался вдвойне прав. Передо мной стоял и старик, и продавец в одном лице. Более того, он был типичным антикваром. Я даже удивился хрестоматийности образа. Высокий, сутулый, длинные седые волосы спадали на заостренные плечи. Седая борода аккуратно подстрижена. Черная фетровая беретка небрежно сдвинута на лоб. Из-под белых густых бровей настороженно выглядывали глаза болотного цвета. Одним словом, человек без лица. Просто антиквар. Похоже, не только мир неизменим, но и люди.

- Вас что-нибудь интересует, молодой человек? – низким густым голосом пропел он. Впрочем, я и не ожидал услышать другого.

- Сколько лет этому мячу? – спросил я, хотя мне было все равно. Мне нужно было дождаться, когда закончится буря.

- Более ста. Если вас интересует точная дата, я могу посмотреть документы.

- Нет, более столетия – это достаточно.

- Вас интересует история мяча?

- Нет, скорее его стоимость.

Меня не интересовало ни то, ни другое.

Старик назвал сумму, от которой у меня подкатил ком к горлу. Короче, я этой стоимостью чуть не подавился. Но виду не подал. За окном потемнело, хотя до вечера было еще далеко. А старик так и не зажег свет. Может быть, экономил. Ливень усилился, ветер так хлестал по деревьям, что они прогибались к земле. И целовали мокрую землю. Я не хотел оказаться на их месте. Слишком часто мне приходилось это делать. И сегодня мне нужно было оттянуть время.

- Понятно, - ответил я с достоинством, словно каждый день покупал подобные вещи.

- Этот мяч принадлежал самому Вильяму Моргану - старик гордо встряхнул седыми волосами.

Я поежился. Фамилия показалась довольно знакомой.

- Неужели самому? – я округлил глаза. И стукнул себя по лбу. Я вспомнил. – И как он к нему попал? К этому кровожадному пирату? Я и понятия не имел, что в перерывах между грабежами разбойники обожали на палубе играть в волейбол.

Старик сузил глаза. Он не понимал, я просто остряк или просто невежда. Впрочем, во мне всегда успешно совмещались и тот, и другой.

- Знаете, молодой человек, в истории было два Моргана. А, скорее всего, три или четыре. А еще, что вероятно, их было гораздо больше. Верите, но люди с одинаковой фамилией встречаются чаще, чем вы можете предполагать. Вашего Моргана звали Генри. И изобрести волейбол он просто не мог. Поскольку между ними пролегают более чем два долгих столетия. Но, увы, человеческая память почему-то тяготеет к дурным примерам. Почему? Не потому ли, что нам проще

совершать дурные поступки, и фамилии дурных людей проще запоминаются? И мы помним пирата, а не изобретателя волейбола.

- Ну, с этим можно поспорить. Думаю, все проще. Мы помним тех, про кого больше сказано в истории. Или про кого больше рассказано историй. И интересней. И потом... Плохое лучше запоминать, чем повторять, - мне стало неловко, и я осторожно провел пальцем по мячу. – Этим мячом Морган играл в волейбол?

Старик не мог скрыть улыбки. Хотя из-за густой бороды она плохо была видна. Но я ее угадал. По растянувшимся щекам.

- Этот подарок. Он был сделан специально для него. В его, так сказать, честь. Им и чествовали этого замечательного изобретателя волейбола. Эксклюзивный вариант. А вы попробуйте им сыграть. Попробуйте подбросить мяч. Ну же, смелее.

Я осторожно взял мяч в руки. Он оказался невероятно тяжелым. Словно сделан был из свинца. Ничего себе! Подарочек! Как он, бедный, домой тащил этот презент. Может, у Моргана было больное сердце, и беднягу просто решили добить? Но эти предположения высказать вслух я не решился. Старик бы не понял.

Я опустил мяч на витрину. Перевел дух. И украдкой посмотрел за окно. За окном - сплошная пелена дождя. Завывание ветра. И вспышки молнии в темноте. Жуткое зрелище.

- А почему этот подарок был в форме глобуса? – я, как мог, поддерживал разговор. Мне нужно было оттянуть дождливое бурное время. – Или все же фамилия пирата наложила свой отпечаток? Тот наверняка хотел ограбить весь земной шар, шаря по морям-океанам.

- Забудьте вы о разбойниках и пиратах! Вам не шестнадцать! – старик раздраженно махнул рукой. – А глобус... Ну, это очень просто. Волейбол завоевал весь мир. Люди по наивности думают, что только они способны на завоевание мира. Но ни у одного из них это так и не получилось. Во всяком случае, надолго. В том числе и у вашего Моргана. Мир завоевывают вещи, понятия и слова. Причем без боя.

Старик, похоже, был философом. Но не по профессии. По призванию. Еще бы не философствовать, сидя среди старых вещей, пропитанных запахом ветхости минувших лет, от которого слегка мутило.

Я был философом по профессии, поскольку когда-то закончил философский факультет университета, самый бессмысленный факультет. Потому что ни один философ за все время на всей планете так и не ответил в чем смысл нашего существования. По призванию я философом так и не стал. Мое призвание ограничилось работой в средненьком супермаркете, где я служил (именно служил, как сторожевая собака!) охранником. Там знание философии было не к месту. И выглядело бы скорее дурным тоном. Дурной тон я всегда избегал. Особенно, если моими товарищами были продавщицы и грузчики...

- Ну-с, молодой человек, вы решились на покупку?

Вежливый тон старика меня почему-то взбесил. Я привык к другой тональности. Но, поскольку дождь продолжал лить, как из ведра, я, слегка припомнив, что учился в университете, ответил.

- Решился? – я изобразил на своем лице приветливую улыбку. – Почти. Сами понимаете... Решиться на такую дорогую вещь... Причем, совершенно будучи равнодушным к волейболу. Более того, понятия не имея – кто такой Морган. И еще, более того, будучи равнодушным к планете, которая изображена на мяче...

Болотные глаза старика сузились. И мне показалось, он растерялся. Вновь кашлянул от неловкости. А, возможно, его философия была не столь уж глубока и философична.

- В таком случае, я не понимаю, - прохрипел он.

Еще бы он понимал!

Я действительно был равнодушен. И не только к планете. Но и к месту, где я жил. И к тому, что меня окружало. В квартире. И за окном. Был равнодушен к своей работе. И к своим праздникам. И к своим друзьям. И своим недругам. И, наверное, к самой жизни. Может быть, я был не равнодушным к единственному существу на планете – к Тасе? Но я не знал – это много или мало для жизни.

Мы не могли друг друга не полюбить. Это было неизбежностью. Нет, не случайной встречей, не взрывом романтических чувств, не желанием наконец-то обрести любовь ради любви. Эти слова были пригодны для рая. Вряд ли и она, и я в этом раю жили. Все было проще. Мы работали бок о бок. Так уж получилось, что ее отдел товаров для быта, где она была продавщицей, находился рядом с выходом из универмага. Который я охранял, чтобы пронырливые покупатели что-нибудь не стащили. Пачку творога, к примеру. Или кусок мыла. Мыло почему-то больше всего пользовалось спросом. Или его легче всего было унести. Не знаю точно. Статистикой воровства в супермаркете я не занимался.

К тому же Тася оказалась самой симпатичной продавщицей. А я самым симпатичным охранником. Вариантов не было. Впрочем, я часто думал, что она меня полюбила не за внешность. Это большая роскошь. Любить красоту. Ни она, ни я этой роскоши себе не могли позволить. Она полюбила меня именно потому, что я когда-то учился в университете. Хоть я был и в меру красив, и в меру высок. За это она бы меня не посмела полюбить. Ей нужно было выживать не только в супермаркете, но и в этом мире. Она полюбила меня за образование. Смешно, но правда. Тася еще смела надеяться, что хорошее образование – залог, если не успешной карьеры, то успешной порядочности и надежды на будущее. Впрочем, я тоже полюбил ее не за красоту. Только не это! Я полюбил ее, скорее всего, за необразованность. Хотя она была хороша собой. В меру круглое лицо, в меру синие глаза, в меру стройная фигура. Но я полюбил ее (стыдно признаться), за то, что она меня могла слушать с открытым ртом. Мне больше не перед кем было продемонстрировать свои философские измышления. Не перед покупателями же! Самые бесстыжие из которых таки умудрялись стащить кусок мыла. За который мне приходилось платить.

Впрочем, мы с Тасей неплохо ужились. Любовь это была или желание. Или желание, чтобы хоть кто-то любил. Это не важно. Хотя, не скрою, изначально я стал подсчитывать нашу любовь. Даже не подсчитывать, а считать дни любви. Зачем? Для кого? Знаете, как это бывает, когда считаешь будни до праздника. А какой у меня мог быть праздник? И с кем? И по какому поводу? Если все праздники всегда оказываются чужими. Я сам не мог ответить на этот вопрос. И, тем не менее, почему-то торопил, торопил время нашей совместной жизни.

Впрочем, я ловил себя на мысли, что вся наша жизнь подобна счету вслух. Поначалу считаешь цифры медленно. Потом берет нетерпение, и отсчитываешь все быстрее и быстрее. То ли сдают нервы, то ли устаешь, то ли хочешь поскорее закончить считать. Так идут годы. Поначалу размеренно, потом все быстрее и быстрее. То ли сдают нервы, то ли устаешь, то ли хочешь побыстрее рассчитаться. Так и не дождавшись праздника...

- Значит, вы ничего не желаете приобрести? – перебил мои непраздничные мысли антиквар.

Я вздрогнул – от неожиданности – и с тоской посмотрел за окно. Дождь усилился. Ветер рвал плакаты на улицах. Потоки воды уносили листья в разные стороны.

- Вы намекаете, что пора и честь знать? – вздохнул я.

- Ну, честь не в почете, особенно когда за окном такое твориться. Я бы мог предложить вам зонтик, - он зашел за прилавок и снял с крючка черный, довольно потрепанный мужской зонт с костяной ручкой. – Но у меня остался единственный экземпляр. И стоит он не дешево. Это вещь Ярослава Гашека. Вы знаете, он обожал зонты.

Антиквар с шумом раскрыл зонт. Он был весь в маленьких дырочках, словно съеденный мышью. А, возможно, Гашек просто гулял под дождем чаще, чем это следовало.

- Боюсь, что Ярослав Гашек мне не поможет.

Я решительно направился к выходу и с шумом распахнул дверь. Струи дождя ударили мне в лицо. Ветер чуть не сбил с ног.

- Погодите, - антиквар со всей силы сжал мое плечо и захлопнул дверь.

– Я откровенно вам скажу, молодой человек, я не люблю гостей.

Покупатели мне гораздо милее. Но их так мало случается в моем бизнесе. Люди перестали ценить историю в деталях. К чему им зонтик Гашека или чемодан Менделеева? Кстати, к вашему сведению, великий ученый слыл и великим чемоданным мастером. Но, увы, наши милейшие покупатели порой понятия не имеют, кто владельцы этих вещей. Если владельцы забыты, то какова гарантия, что их же не забудет сама история через пару лет? Возможно, наши посетители где-то и правы. С их точки зрения, история в мелочах – невыгодный вклад капитала. Вот почему они предпочитают нечто глобальное, нечто масштабное. То, что заметно с первого взгляда. И чем можно воистину удивить. К примеру, бюро из красного дерева в стиле «барокко», либо комод с отделкой латунию в стиле «жакоб». Им не важно, кому эти вещи принадлежали. Они не задумываются, что каждая вещь – хранительница чьих-то семейных тайн. Наши господа не размышляют, что история сама по себе довольно коварна, как и человеческая память. То, что забыто сегодня, завтра, может, всплыть на поверхность, и по баснословной цене.

- Но покупатели живут сегодня. Они вряд ли думают о вечности. И об играх истории. Вот поэтому и предпочитают надежность. То, что бесспорно.

- Вот поэтому у меня практически нет покупателей, - старик гордо встряхнул седой шевелюрой. – Я сознательно на это пошел, уверяю. Главный принцип моего бизнеса, чтобы каждая вещь имела своего хозяина. И его помнила, даже если он не так знаменит. И каждая вещь имеет свою интереснейшую историю. Это не безликий материал, как бы красив и дорог он ни был. Это предмет, за которым стоят века, целые эпохи, целые судьбы. Не буду скромничать, но в некотором роде я бы свою антикварную лавку посмел сравнить с музеем. Разве что в музее мы просто созерцаем историю. А здесь имеем право не только к ней прикоснуться, но и купить. Поэтому завсегда у меня немного. Но я не отчаиваюсь. Знаете ли – одна покупка в полгода – и я прекрасно эти полгода могу жить, ни в чем себе не отказывая. И, хочу заметить, не перетруждая себя.

- И на семью хватает?

- Мой дом, моя работа, моя семья, мои друзья, мои праздники и мои будни – вот они.

Старик обвел рукой комнату, в которой поселились сотни вещей. Столики и буфеты. Утюги и самовары. Патефоны и фотоаппараты. Подсвечники и сервизы. Книги и монеты. Драгоценности и булавки.

- Как много всего, - усмехнулся я. – И в то же время нет у вас ничего. – Нет жены, нет детей, нет друзей, нет даже соседей. Только антикварная лавка. Это и есть ваша родина?

- Почему только моя? И только родина? Это целый земной шар, молодой человек. Он для всех. И здесь все века. Здесь цари и слуги. Палачи и жертвы. Гении и ничтожества. Злодеи и герои. Поражения и победы. В этих стенах умещаются все страны и все континенты. Я в некотором роде космополит. И почему весь мир не может быть родиной. А родина миром?

...Я вдруг вспомнил, как год назад встретил своего однокурсника по университету Гарика Вышкина. Было так же дождливо и сыро. Так же по-осеннему муторно, монотонно и плаксиво. Все время хотелось пить, хныкать и жаловаться на судьбу и на страну. Мой однокурсник был свеж, толст, румян и весел. Словно в его мире всегда бушевало лето. И сезоны дождей его не касались. И смены времен года были где угодно, только не в его стране. В его стране возвышался огромный особняк с цветущим садом, регулярные поездки за границу и шикарный лимузин. В его стране, что самое противное, даже нашлось место для философии. Философию он тоже записал в каталог ценных приобретений. Хотя она слишком дешево стоила. Но Гарик об этом не знал. Он давно предпочитал только дорогие вещи. Похоже, и наш разговор он хотел сделать дорогим. И я совершил ошибку. Я это ему позволил. Мне все равно было кому плакать в жилетку. Тем более, если такая перспектива была реальной. Гарик и впрямь носил жилетки, сколько его помню. Сначала он подражал философам-разночинцам. Теперь, похоже, банкирам. И в тон его стандартной, но высокопарной речи о сложности жизни, я шмыгнул носом и так же стандартно, но высокопарно ответил:

- Понимаешь, Гарик, ну как бы тебе объяснить... Ну, словно, когда-то я умел летать. А теперь у меня сломано крыло. Или два крыла. Если бы их было три или четыре, они все равно бы все сломались. Вот так.

Гарик почесал лысую голову.

- Знаешь, - ему-таки в лысую голову пришла гениальная идея, – может быть, тебе влюбиться в кого-нибудь?

- Ну, в общем, я уже люблю, как могу.

Гарик наморщил высокий лоб.

- М-да? Ну, тогда подружись с кем-нибудь.

- У меня есть друг. Это я сам. Мне больше не надо.

Гарик сокрушенно причмокнул толстыми губами. Похоже, мое дело было дрянью.

- Ну, тогда посмотри хороший фильм или почитай хорошую книгу. Ей-богу помогает.

- Все что можно хорошего я уже прочитал и посмотрел. Не помогло.

Гарик сложил руки за спину и медленно прошелся взад-вперед перед моим носом. Он думал, как можно украсить мою никчемную жизнь. Не деньги же взаймы дать! Это было бы мелко. Особенно для философа. А я так тогда нуждался в деньгах. Но Гарик мне не посмел их предложить. А я не посмел одолжить. Гарик резко притормозил. Неужели все же решиться материально помочь товарищу. У меня даже дух захватило. Ведь все было так просто. Ну, ладно, не денег дать. Это и впрямь мелко. Но какую-нибудь достойную работу. И наверняка бы я с другим настроением встретил следующий день. Даже если он будет в тысячу раз дождливей и плаксивей. Какая к черту любовь, дружба и творчество!

- А знаешь, - Гарик понизил голос, встряхнул гордо головой и принял важный вид. Хотя куда уж важнее. В такой жилетке. - Знаешь, вот можешь мне поверить на слово! Не в деньгах счастье! Это я тебе говорю! Я, у кого их много,

очень много! Они счастливым не сделают. Ну, вот скажи, что за них можно купить? По сути, по глобальной сути – ничего! Что? Любовь?

Гарик запнулся.

- Ну, ладно. Про любовь не будем. Возможно, это возможно.

Я знал, что у него молодая хорошенькая жена. Он провернул удачную сделку. И этого не скрывал.

- Дружбу? – Гарик развел пухлыми руками. И вновь себя перебил. – Ну, ладно. И про дружбу не будем. Друзья обожают присоседиваться к деньгам.

Я знал, что у Гарика было много друзей. А вот был ли другом для них Гарик? Я сомневался. Но за дружбу он щедро платил.

- Черт! – Гарик начинал злиться. Он не мог вспомнить, чего нельзя купить за деньги. – Вот! Здоровье! Его не купишь! Ни за какие...

Он вновь себя перебил. И высморкался в носовой платок.

- М-да. Конечно, если деньги хорошие...

Я знал, что у Гарика искусственная почка. Его вытащили буквально с того света. В старом свете. За огромные деньги. Он за свою жизнь заплатил высокую цену.

Гарик вновь прошелся взад-вперед перед моим носом. Но уже менее важно. Ему, бывшему студенту философского факультета так не хотелось признаваться, что все на свете можно купить и продать. Что первична таки материя. Базис, а не надстройка. Гарик не хотел проигрывать как философ. Он готов был проиграть, как банкир. Но он забыл, что банкиры редко проигрывают. В отличие от философов. И не сдавался. И с пафосом воскликнул. Так громко, как на митинге.

- Вот! Ни за какие миллионы ты не купишь... Ты не купишь родину! Продать ее, пожалуй, можно. А вот купить... Знаешь, как другу говорю. Полюби настоящему родину! Ей сейчас не сладко. А дым отечества нам по-прежнему сладок и приятен. Мы должны думать о ней. А ты как-то совсем уж апатичен и не патриотичен. Это нехорошо. Неправильно это. Нужно любить родину. Полюби ее. Искренне полюби.

И тут я взбесился. Лозунги о родине в устах банкира Гарика переполнили чашу моего терпения. Вспомнился в который раз Достоевский, плюнувший в последнее прибежище негодяев. Вот и Гарик передо мной. Такой толстый, румяный. Такой классный. В такой дорогой жилетке. И белый лимузин за углом. И трехэтажный особняк за городом. И двойное гражданство. Две родины в пиджаке. В каждом кармане по родине. А можно и три, и четыре, и пять. Сколько угодно для него можно иметь родин! Сколько карманов – столько и родин! И он, без пяти минут или пяти миллионов миллионер, и то позволяет себе думать о родине. Беспокоится за нее. Тревожится за ее судьбу. И судьбы опустошенного народа.

После проникновенной речи Гарика слово родина как-то для меня и вовсе утратило смысл.

- Родину?

Я вслед за Гариком почесал голову. Я не был лысым. Я не был толстым. Я был, можно сказать, хорош собой. Если о себе вообще такое говорят. Но в отличие от Гарика, у меня были пустые карманы. И ни одной родины.

- Родина. Я вообще-то когда-то ее потерял. А на другую не хватает наличных. Но если ты имеешь в виду чердак, который я снимаю. И протекающий ржавый кран. И холодные батареи. Или дым от благополучно почившего завода за окном. Представляешь, уму непостижимо! Завод умер, а дым остался. Ну, прямо как дым отечества. Или пень от березки, которую ни за что ни про что срубили. Или полуслепую старушку-соседку с хромой дворнягой, сидящую с протянутой рукой в переходе. Или даже супермаркет, где я служу. И где люди, как муравьи. И все они одинаковы. И все они какие-то безнадежно усталые. И все они

не хотят уже ничего. Но покупают, покупают, хотя давно ничего не хотят. Одно и то же покупают. Их так много, много. И словно никого из них уже нет. Или вот-вот не будет. Или даже, если ты имеешь в виду мою Тасю, хорошенькую, кудрявую, румяную. В цветастом халатике и тапочках с мордочкой синего мишки? Ах да, еще разбросанные бигуди на тумбочке и флакончик розового лака у трюмо... Она обожает шуршать по утрам жалкими десятками у моего уха... Конечно, нет повода чтобы повеситься. Но не знаю, стоит ли это любить.

- Черт возьми! – Гарик отчаянно топнул остроносым ботинком с золотой пряжкой. – Ну, тогда возненавидь что-нибудь!

Я с горечью усмехнулся. Не дал-таки, подлец, денег, не дал. Хотя бы, чтобы купить один день. И разориться в этот день окончательно. Я вытер рукавом мокрое от дождя лицо.

- Для того, чтобы уметь ненавидеть, нужно уметь любить. Я разучился. Давно...

Из воспоминаний меня осторожно вывел низкий голос антиквара. Я прослушал, что он говорил. Но подумал, что какой он к чертям космополит. Если его родина умещалась в четыре стены. И до остального мира ему не было дела. Впрочем, не поэтому ли он так долго живет?

- Вещи не изменяют, не предадут, не уволят, - продолжал философствовать старик. - Они не упрекают, не требуют, не скандалят. Конечно, они не живые, но кто доказал, что быть живым лучше? Вы согласны? Вижу, не очень. Что ж, попробую доказать. Меня, слава Богу, миновали муки любви, разочарований и нетерпение счастья. И войны проходили меня, и заключения мира. И землетрясения не сотрясали мой дом. И я не дрался на дуэлях. И никто не предавал меня, потому что я не познал дружбы. И мне предавать было некого. Но поверьте, возможно, я прожил самую яркую из всех возможных жизней. Именно потому, что я жил среди вещей, которые принадлежали другим. И именно эти вещи, вобравшие всю информацию, всю героику, все катаклизмы столетий, меня смогли защитить. А вы живете будущим. А оно так страшно, потому что так неизвестно. Я предпочитаю жить тем, что случилось вчера. Прошрое не боится будущего и настоящего. Прошрое вечно. Прошрое – это не надежда на счастье. Это само счастье, которое я могу выбирать.

Я огляделся. Да уж. Пожалуй, в этом он прав. О такой работенке можно только мечтать. Правда, склеп напоминает. Все какое-то мертвое, вычурное, затхлое. Даже если и ценное. И только вещи, вещи, вещи. Но с другой стороны, можно посмотреть на вещи проще. И чем эта антикварная лавка отличается от моего супермаркета? А супермаркет от обычного сельмага, где можно купить все. И зубную щетку, и одежду, и канцтовары. И чем работа старика отличается от моей? Мы охранники. Охранники безмолвных и бездушных предметов. Просто в том месте, где работаю я, мне приходится перетруждаться. Глохнуть от криков покупателей, слепнуть от разноцветных ярких упаковок, задыхаться от огромного пространства, в котором поместятся все. Но нет места для одного человека. И при этом еле сводить концы с концами. И от этого, все чаще слышать упреки Таси, которая все реже открывала рот при моих философских измышлениях (а я все реже им предавался). И все больше провоцировала меня на скандалы. Где главной темой спора была не диалектика познания бытия (Тася все равно понятия не имела, что это такое), а методичность убывания денег. И, безусловно, неудобство квартиры, которую мы с грехом пополам снимали.

Часто мы работали в ночную смену. Добирались домой под утро, падая от усталости. И тут же засыпали. И просыпался я все чаще от навязчивого, нарочито громкого бормотания Таси. Приоткрывал глаза и видел ее, словно в широкоформатном фильме. Она сидела за столом, в распахнутом цветном

халатике и считала деньги. Морщила узкий лобик, вспоминая, сколько мы задолжали за квартиру, сколько за покупку холодильника. Ожидая от меня ответной реакции, стучала кулачком по столу, возмущаясь, что нет денег даже на туфли, а совсем скоро осень. Оборачивалась ко мне, и я тут же закрывал глаза. Она не выдерживала и уже громко орала, что самое страшное в жизни это связать свою жизнь с бухгалтером и философом. До меня у Таси в дружках состоял бухгалтер, чем она очень гордилась. И уже почти забыла, что он был пьяницей, и без зазрения совести пропивал все ее деньги. В этом месте про бухгалтера и философа я не выдерживал и вступал в спор. Помня о своем спорном образовании. И приподнимался на локтях с кровати. Для уточнения вопроса.

- Точнее, Таська, ты связала свою жизнь не с бухгалтером и философом, а с пьяницей и охранником. Это разные вещи.

Таська обиженно надувала пухлые губы.

- Как ты все умеешь опустить, Гришка. Ведь на вещи можно смотреть по-разному. И я к тому же не соврала, назвала вещи своими именами. А зачем залезать в суть вещей? Это удел бухгалтеров и философов. А так...

- А так тебе придется искать третьего. Желательно бухгалтера и философа в одном лице. Тогда бы уж точно все твои мечты сбылись, – я ненавязчиво, полушутя намекал, что нам пора расстаться. К тому же жить в одиночку гораздо легче.

- У меня нет времени на мечты! – Тася вскакивала с места, и, подперев руки в боки, становилась напротив кровати, где по-прежнему возлежал я. – И не надейся, что так просто со мной разбежишься. К тому же выжить вдвоем легче!

У нас с Тасей были разные взгляды на жизнь. И мы были разные. И дело ни в образовании, ни в воспитании. Сейчас это, по большому счету, вообще не имеет значение. Более того, никого не удивит, что самые образованные и самые воспитанные барахтаются на дне. И никто недоуменно не пожмет плечами, увидев невежество и хамство на вершине Олимпа. Ну, может, только олимпийские Боги недоуменно почешут затылок.

Мы с Тасей не барахтались на дне. Слава олимпийским Богам! И не были на верху, и не стремились к этому. Мы вынесли подобным стремлениям приговор. Мы с Тасей болтались где-то в невесомости, даже не посередине, это было бы большим счастьем. Нащупать середину и удержаться на ней, сохраняя равновесие. Это тоже нужно уметь. Мы не умели. Мы просто бултыхались в невесомости. Иногда нас погонял ветер то в одну, то в другую сторону. И мы не сопротивлялись, жалко барахтаясь в воздухе. Сопротивлению мы тоже вынесли приговор. Но мы ужасно уставали. И от невесомости, и друг от друга. И понимали, что друг без друга не сможем. Не потому, что до беспмятства влюблены. Просто нам в одиночку некуда было деться. Тася в этом вопросе оказалась права. И удерживаться в невесомости нам помогало то, что мы держались крепко за руки. В одиночку каждый из нас бы медленно опустился на дно.

И все же мы уставали. И последнее время я стал уставать больше. Иногда мне даже хотелось хоть глазком увидеть дно. И я чаще стал заглядывать на дно рюмки. Таську это страшно злило. Когда я после ночной смены вместо того, чтобы упасть от усталости на кровать, находил в себе силы сидеть за столом и разглядывать пустой, в который раз, бокал. И сил становилось больше. И даже поднималось (как удивительно!) настроение. И даже хотелось (это невероятно!) пофилософствовать. А иногда (что вообще фантастично!) помечтать.

В такие минуты Тася становилась посередине нашей жалкой комнатушки, подперев руки в боки. Ее халатик непременно при этом распахивался (случайно?). Ее лицо искажала плаксивая гримаса (довольно правдоподобно), и ее голос повышался на два тона (халатик почему-то распахивался еще больше).

- Я не хочу жить с пьяницей! Слышишь, не хочу! Я уже это проходила!
И мне так хотелось послать ее к черту и ответить: ну и не живи! И громко хлопнуть на прощанье дверьми, как полагается.
- Если ты помнишь, если ты еще не забыл, он был пьяницей!
- Недавно ты еще говорила, что он был бухгалтером, - вяло защищался я. –
У тебя двойные стандарты.

Тася при этом замечании морщила лобик и даже запахивала халатик. И чувство достоинства появлялось во всем ее простеньком облике. Она по-прежнему гордилась, что ее первый парень был счетоводом. Она вообще с линейным трепетом относилась к тем, кто разбирался в разных науках. И я подозревал, что когда мы с ней все-таки разбежимся (быстрее бы!), третьему своему другу (возможно, он окажется бывшим геологом) она с гордостью будет рассказывать, как жила с настоящим философом. При этом избегая подробностей, что на поверку он был всего лишь охранником жалкого супермаркета.

Я по-настоящему стал уставать от Таси. И все чаще представлял жизнь без нее. Не думаю, что эта жизнь была бы лучше, вряд ли. Просто она бы была другой!

Вряд ли бы меня в этой другой жизни ждало изобретение новой системы идей (с которой я никогда не поделюсь!). Или покорение новой страны (в которую я никого не допущу!). Или случайно найденный клад (который я никогда не верну государству!). Или черноволосая девушка в длинной цветастой юбке с одухотворенным лицом, так похожая на цыганку. С ней мы тоже вряд ли внезапно столкнемся на лесной тропе, посреди бушующей стихии, грома и молний, где я укрою ее своим плащом от холодного ливня или предложу ей зонтик от Гашека. Но я бы непременно только с ней поделился и новыми идеями, и новыми странами, и старым кладом. Но я прагматик, и я философ. Я знаю, что этому не бывать. И все доказательства относительны, как и мечты.

Я прекрасно отдаю себе отчет, что моя жизнь без Таси станет пустой комнатой с голыми стенами и коллекцией пустых бутылок, которая будет все быстрее и быстрее пополняться с каждым днем. А еще унылым пейзажем за окном, в серых, непременно дождливых тонах, разбавленных дымом заводских труб. И только иногда, вечерами, как на выцветшей картине, покрытой в некоторых местах фосфорической краской, моя жизнь будет вспыхивать редкими огнями уличных фонарей и чужих окон. Но в любом случае, это будет другая жизнь! И в любом случае я хочу на нее посмотреть.

Но я понятия тогда не имел, какой окажется моя другая жизнь. И как я прокляну в ней себя и свой случай. И вынесу нам приговор...

Из воспоминания меня вывел хриплый монотонный голос старика.

- Так на чем я остановился?

К счастью, спросил он себя, а не меня. Иначе бы я не ответил, поскольку не слышал ни единого слова из его высокопарной речи. Но на всякий случай сделал вид, что все помню.

- Кажется, вы сказали, что мертвым быть лучше, чем живым. Безопаснее, что ли.

- А кто вам сказал, что вещи мертвы? Может, это мы мертвы для них, молодой человек. Знаете ли, за свою немалую, и не такую уж долгую жизнь (если жизнь вообще можно назвать долгой) я все-таки сумел, можно сказать, нашел мужество понять, что не вещи принадлежат людям, а люди вещам. Точно так же как мы принадлежим природе, стране, Вселенной, если хотите. Я нашел мужество признать, что мы мало чем отличаемся от вещей. То же мучительное рождение,

та же легкая или не очень жизнь и такая разная смерть. И мы одинаково изнашиваемся и одинаково любим или не любим вовсе. Одинаково приручаемся, теряемся в этом мире или просто уходим. Пожалуй, отличие в том, что вещи запросто могут обойтись без людей. А вот люди... Да и жить в отличие от нас они могут вечно. И, как правило, переживают нас, вобрав всю информацию о нашей жизни. Наверное, это называется памятью об ушедших. И я храню эту память.

- И продаете память.

- Опять же, на память. Я, как и все, увы, не вечен, молодой человек. И даже не знаю, вечна ли душа, это уже религия. Но я нашел мужество знать, что есть душа у вещей. Это так же верно, как иметь сердце или не иметь. А сердце – это не обязательно, когда оно бьется.

Старик, сгорбившись, приблизился к старинным напольным часам с кукушкой. Я покорно последовал за ним, как отстающий ученик по истории.

- Слышите? Согласитесь, что удары секундных стрелок мало чем отличаются от сердечных ударов. Эти часы принадлежали матери известного в свое время писателя и революционера Виктора Сержа, кстати, родственника изобретателя Кибальчича, казненного за убийство царя. И сердце матери давно не бьется. Как и сердце самого Сержа. А часы стучат, возможно, даже лучше, звонче, чем прежде, поскольку их усовершенствовал новый век. Но для вас это пустой звук!

- Ну почему же, я помню улицу Кибальчича, - я втянул голову в плечи. Не от старости. От неловкости.

- Безусловно! – торжествовал антиквар. – Вы понятия не имеете, кто такой Кибальчич, кто такой Серж. И уж тем более его бедная матушка! Что ж, цари все убиты. Революции проданы. Писатели отменены. Улицы переименованы. А часы живы! И они выживут! Клянусь! Даю слово чести! Даже если никто на земле не запомнит их знаменитых владельцев.

- Я запомню, - пообещал я. Меня начинал раздражать этот антикварный фанатик.

- Не сомневаюсь, - поверил он мне на слово. – И знаете, как много проживший и повидавший на своем веку. В основном, безусловно, не людей, а вещей. Я все же смею предположить, что вы имеете образование, верно?

- Имею, - ответил я, невольно подражая его тону. – А как вы угадали? – я невольно бросил взгляд на свои порванные кроссовки - еще один повод, чтобы не мокнуть под дождем.

Старик перехватил мой взгляд.

- Угадывают, молодой человек, только невежды и дети. Я себя к их классу не отношу. Я знаю. И дело не только в ваших грамотно выстроенных предложениях, в ненавязчивом умении поддержать разговор, хотя вы предпочитаете думать о другом. И даже не в вашем умном серьезном взгляде, в котором прочитывается порой отчаяние. Возможно, все проще. Ваш шарф... Небрежно заброшенный через плечо...

Я невольно прикоснулся к мягкой ткани длинного, старого шарфа.

- Он, скорее, говорит о вашей богемности или о желании таковой. И ваш блокнот, выглядывающий из кармана...

Я невольно прикоснулся к кожаному потрескавшемуся переплету.

- Он скорее говорит о том, что у вас много мыслей, которые вы не собираетесь хоронить в себе. Вы можете быть и писателем, и художником, и музыкантом. Но это менее правдоподобно. Скорее вы хотели ими стать, но не получилось, поэтому вы выбрали другой путь. Тот, что поможет вникнуть в суть и мира, и творчества, и жизни. Соединить их и дать беспристрастную или, напротив, страстную оценку.

- Вы угадали, - я тут же поправился. – Простите, вы правы. Я философ. Старик гордо встряхнул седой шевелюрой. Он знал, что всегда прав.

- Не знаю, кем вы теперь служите...

Какое точное слово! Какой пронизательный старик! Именно служу – как сторожевая собака.

- Не знаю, но к философии это не имеет отношения, - продолжал антиквар.

– Понимаю. Жестокое время, нежелание ему угодить, неумение с ним найти общий язык, верно?

- В общих чертах.

- Именно общие черты дают представление о целостности. Но я, впрочем, о другом. В любом случае, кем вы бы сегодня ни были, вы остаетесь образованным человеком. Образование, как и талант, никуда не исчезает. Это на всю жизнь. Безусловно, они могут на время притихнуть, потухнуть под влиянием обстоятельств. Могут, как характер, испортиться. Но и в любое время по желанию или под влиянием других обстоятельств в любой момент вновь проявят себя. Это действительно навсегда. Как характер. И все же вы, со всей своей философией и образованностью понятие не имели, кто такой Кибальчич.

- К чему вы клоните? – я нахмурился.

- Я просто пытаюсь вам объяснить бесперспективность и одновременно благородство моего труда. Если вы не знаете Моргана или Сержа, то как о таких могут знать покупатели, особенно те, кто имеет возможность купить. Какое им дело до... К примеру, до этой гитары.

Старик приблизился к гитаре, висящей на стене. И провел по ее струнам длинными пальцами. Одна струна беспомощно свисала вдоль стены. Гитара издала резкий фальшивый звук.

- Это инструмент гусара Федора Потапова, поэта и чудака. А струна лопнула в день его смерти. Видите, гитара знала о его гибели. Сердце ее хозяина лопнуло, стихи позабыты, но память... пусть и с оборванной струной. Старым гитарам идут оборванные струны, вы согласны?

- Пожалуй, - я пожал плечами. Я был равнодушен к гитарам. И к оборванным струнам тем более. Я не очень-то верил в мистику.

- А вот это уже из новой истории, - старик выдвинул ящик комода, которому было лет двести, не меньше. Это было видно с первого взгляда. Мне почему-то подумалось, что этим комодом вполне могла пользоваться Арина Родионовна. Как-то уж очень он был на нее похож своей уютностью. Впрочем, я не знал Арину Родионовну. Мне в отличие от Пушкина не повезло.

Старик вытащил из комода перьевую ручку цвета морской волны со стальным пером.

– И эта история пока не продается. История еще впереди. Этой ручкой писал сам Александр Георгиевич Ржешевский! Опять вижу по глазам, что вам эта фамилия ни о чем не говорит. А это был величайший изобретатель в своем роде. Он первый в мировом кинематографе придумал эмоциональный сценарий. Это было довольно смело! Этаким импрессионизм. Мимолетность чувств и движений. Дыхание и мгновение из-под пера. И, пожалуй, он оказался первым и последним «взволнованным» и фактически невозможным сценаристом. Поскольку эмоции неповторяемы. А в наш прагматичный век просто невозможны. Я мог его знать, но, увы, не знал. Но я бережно храню его память. Эта ручка была в некотором роде для него талисманом. Все, написанное ею было воплощено. А вот сценарий «Бежин луг» сгорел во время войны. И догадываетесь почему?

- Он написан был другим пером.

- Увы, но вы правы. Ржешевский потерял эту ручку. И она чудесным образом попала ко мне. Ею трудно, уверяю вас, очень трудно писать. Она

непослушна! Это как орудовать китайскими палочками для непосвященного. Возможно потому, что слушалась она только своего хозяина. Знаете, вещи ведь благодарно служат тем, кого любят. И непременно приносят счастье. А вот в чужих руках они либо молчат, либо могут принести беду. И нужно очень, очень постараться, чтобы вещь вновь заговорила, и вы заслужили ее доверие.

Я перевел дух, словно пробежал стометровку в сорока градусную жару. Избыток информации поднимает температуру, это я понял сегодня. А витиеватые речи с мистическим уклоном, на которые был горазд старик, нарушают ритм дыхания. Мне захотелось на улицу. Мне захотелось воздуха. Мне захотелось оказаться вне этого затхлого мира вещей. Мне захотелось, как никогда, свободы. Я уже начинал понимать ее свежий смысл. Но на свободе по-прежнему бушевала бессмысленная стихия. Хотя воздух, наверняка был свеж как никогда.

И словно из могилы вновь раздался густой бас антиквара:

- Или какое дело этим расчетливым покупателям до...к примеру, до... - он обвел взглядом свой храм из вещей, - допустим, к примеру, до этого парика.

Он поднялся на цыпочки и снял с гвоздя комплект для старости: седой парик, седые усы, седые брови.

- Какое им дело, что в этом камуфляже свою лучшую роль Старика в «Старике» Горького исполнил величайший артист Павел Гайдебуров. О, этот спектакль стал событием для всей страны! Вы только представьте, молодой человек, этот Старик – воплощение зла, ничтожности, корысти...

Антиквар сгорбился еще больше, в его болотных глазах появился хищный блеск, его губы скривились в презрительной усмешке. Он протянул дрожащие руки ко мне.

Я вздрогнул. И резко отпрянул. В комнате стало еще темнее. Но антиквар по-прежнему не включал свет.

- Этот старик испытывал истинное наслаждение от унижений других, - зловеще прошептал антиквар.

Я попятился к двери, шаря руками в поисках выключателя.

Антиквар неожиданно расхохотался.

- Бросьте! Это всего лишь игра! Но сыграть как Гайдебуров мне не под силу. Хоть я тоже старик. И не под силу никакому смертному. Через обнажение фанатичной злобы старика Гайдебуров-артист сумел утвердить добро и человечность. Он сумел! Артист победил своего персонажа! Но не раз повторял (антиквар понизил голос до шепота): «Будьте бдительны, люди! Среди вас бродит Старик в каком-то вам неведомом обличье, но непременно обманчивом и лживом!...».

Мне не на шутку надоела эта бессмысленная игра. Этот салютующий фарс. Этот театр мистического абсурда. Черт с ней, с бурей! Черт с моими промокшими кроссовками. Черт с моей простудой, которую я наверняка подхватил. Черт с моим начальником, который наверняка этой простуды мне не простит и вышвырнет на улицу. Вновь под бурю. И черт с Тасей, которая меня запилит окончательно. Да, эти перспективы были незаманчивыми. Но они были реальными! А мне в этом загробном мире, который соорудил старик, так не хватало реальности. Даже если она была чертовски непривлекательна. Старик меня поймет. Похоже, про черта он все знает. И я решительно двинулся к выходу.

И меня остановил голос антиквара. На сей раз, он был приторно-ласковым. Словно мне насильно запихнули в рот сладкую ириску в тот момент, когда я ожидал горькую пилюлю.

- Ну, куда же вы, молодой человек! Ай-ай-ай! Как нехорошо получается. Groш цена мне как хозяину. И чаем не потчивал, и тульским пряником не угостил. А на улице-то, улице, сыро и зябко. И одна вода. Под ногами вода, с неба вода, в

лицо вода. А у меня-то, тепло, уютно. И много чего интересного узнать можно. Вот хотя бы про того же гайдебуровского старика. Где вы еще про него узнаете? И разве у вас выпадет в жизни шанс перевоплотиться в него? Нет, не выпадет, уж мне-то поверьте. А шансы нельзя упускать, молодой человек. Шансы не повторяемы. Ну, же, не бойтесь, подойдите поближе. Ну же...

Я, как околдованный, медленно приблизился к старику. Я отчетливо понимал, что его слова гипнотически воздействуют на мое сознание, на мою волю. Но почему-то не мог сопротивляться.

Старик опустил руку на мое плечо. И я машинально бухнулся на стул.

-- Примерьте, примерьте, не смущайтесь. Вы почувствуете, вы должны почувствовать силу великого артиста, его мощь, его умение проживать десятки чужих жизней. И при этом оставаться собой.

Я не успел опомниться, как старик ловко натянул на мои стриженные волосы парик, приклеил усы и брови. И подвел меня к зеркалу.

- Вот, взгляните! – он торжественно взмахнул рукой. Словно был на сцене.

Я вздрогнул.

В зеркале отображался антиквар. Нет, все было гораздо невероятней и пугающе. В зеркале отображались похожих, как две капли воды, два человека. Два антиквара. Одного роста, одного телосложения, с абсолютно одинаковым лицом. Единственное отличие – я не сутулился. Но это такая мелочь. И я невольно сгорбил плечи. Вот и все. И как просто. Чтобы навсегда утратить свою индивидуальность. Как легко. Превратиться в другого человека. Которого встретил лишь час назад, совершенно случайно. И сколько таких потенциальных двойников ходит по улицам, не подозревая о своей похожести, о своей одинаковости. Интересно, насколько похожи их судьбы? И интересно, этот актер, Гайдебуров, кажется? Какая сложная фамилия. Выговорить невозможно. Интересно, был ли он тоже похож на нас в этом гриме? Или все же ему удалось сохранить собственную неповторимость? В отличие от меня.

- Удивительно, - протянул антиквар. – Мы так похожи. Не хочу вас обижать, вы же гораздо моложе меня. Но все-таки... Знаете, если вы когда-нибудь желали увидеть себя в старости, ваше желание сегодня сбылось.

- Я подобного никогда не желал, - резко ответил я. – Мне безразлично, каким я буду в старости. И будет ли у меня старость вообще. Но в любом случае, бороду я никогда не отпущу, это точно.

- Как можно быть точным на много лет вперед? – усмехнулся старик. – Старость, поверьте молодой человек, не самое приятное состояние. Я это знаю, вернее, уже знаю. И в старости зачастую приходится выбирать: или лицо, исполосованное морщинами, или седая борода. И то, и другое - показатель мудрости, но никак не шика. Я выбрал второе. И как знать, что выберете вы... Впрочем, вы правы в одном, нам не дано знать, станем ли мы вообще перед выбором.

Почему мы? Антиквар уже давно этот выбор сделал. Интересно, подумал я, а артисту это удалось? Если да, что он выбрал? И был ли он все-таки похож на нас в этом гриме?

- Гайдебуров был совсем другим, - ответил на мой немой вопрос старик, словно легко прочитал мои мысли. – И ростом ниже, и фигурой не так складен. Да и нос у него был орлиный. Парик и борода не дают гарантии похожести всех. Он совсем не был похожим на нас, он был менее красивым, что ли. Но более выразительным. У нас с вами стандартные лица. Классические, можно сказать. Но, поверьте, классические лица менее ценны. Потому что их сложно запомнить, во всяком случае, с первого взгляда. Госстандарт хорош только в быту.

Вообще меня начинал раздражать этот антиквар. И его мудрость, и его откровенность. И его похожесть на меня, и его умение читать не просто мысли, но и профессию, и характер. И я с надеждой бросил взгляд за окно.

Надежды разбила струя дождя, который только усилился. Он хлестал по окнам с такой силой, что казалось, их разобьет вдребезги. И потоки воды хлынут в антикварную лавку и затопят ее вместе с нами. Я даже представил, как старинные вещи будут плавать, словно детские игрушки в ванночке. И ничто их уже не спасет. Ни история, ни историки, ни попытки старика ее сохранить.

И я предпринял вторую попытку уйти. Я шел уверенно, бодро, словно сегодня тоже встал перед выбором. И мой выбор был мой в пользу дождя, чтобы спастись. От чего? На этот вопрос я не мог себе ответить. Как всегда ответил старик. Мне нужно было уносить ноги, я это чувствовал. Мне не нужно было слушать, что он скажет, а сбежать, захлопнув плотно за собой дверь. Но я у двери притормозил. И прислушался к хриловатому голосу.

- Вы промочите ноги. В такой рваной обуви.

- Я могу пойти босиком, - решил я не сдаваться.

- Безусловно, я могу вам предложить сапоги самого Наполеона. Впрочем, возможно, и не Наполеона, а его слуги. Император терпеть не мог новую обувь. И поначалу ее снашивал слуга. Возможно, иногда и не возвращал. И такое бывало. Но какая разница? Император или слуга? Время уничтожает сословия. А история ценит рабов не меньше, чем их хозяев. В любом случае, сапоги вам не по карману. Ни императора, ни его слуги.

- Вы имеете привычку шарить в чужих карманах?

- Мне нет необходимости это делать. Сразу видно, что они пусты.

- А вы не допускаете, что я эксцентричный миллионер? Которого уже тошнит от дорогих шмоток. И стиль маленького бродяги милее.

- В нашей стране эксцентричных миллионеров не бывает. Игру в маленьких бродяг они не понимают. Они всегда будут предпочитать все по-царски дорогое и по-мещански безвкусное. Вот поэтому в мою лавку они и не заглядывают. К тому же вы не сняли парик.

Я машинально дернул себя за бороду. Но она надежно была укреплена, как и усы.

Не знаю, когда у меня мелькнула эта мысль. То ли когда я обернулся и посмотрел на старика. Мы смотрели друг на друга, словно в зеркало. И я не мог понять, кто из нас зеркало, я или он? И кто настоящий. И тогда я увидел в нем эксцентричного миллионера. В фетровой синей беретке, хлопковом мятом пиджаке и широких пожеванных штанах. У меня не было беретки, но пожеванные штаны и рубашка совпадали. Так почему же я все-таки не похож на эксцентричного миллионера? Не хватает уверенности в себе? Или слишком отчаянный взгляд?

А, возможно, эта мысль у меня промелькнула, когда я вновь обернулся на дождь. И со страхом подумал, что до дому мне так далеко. И денег на такси нет. И кроссовки мои дырявые. И где-то маячит начальник, размахивая кулаком. В любом случае эта мысль молнией пронеслась у меня в голове. И раздался настоящий раскат грома. Я вздрогнул от неожиданности. И подумал, почему бы мне не одолжить денег у старика? Конечно, я быстро вернуть не смогу. Но... Почему бы старику их не дать мне надолго? В конце концов, за одну вещь он может прожить полгода. В худшем случае. В лучшем – гораздо дольше. И я загадал, если он мне их даст, все у меня будет хорошо. Если нет... Я не успел подумать, что будет в другом случае. Или побоялся. Но сознательно или бессознательно мои слова опередили мои мысли.

- Вы не могли бы мне одолжить некоторую сумму? – выпалил на одном дыхании я.

И вновь раздался грохот грома. И я не услышал ответ. И торопливо продолжил.

– Это ненадолго. К тому же я обязательно отдам. Я очень щепетилен в этом вопросе. И порядочен. И я сам ненавижу брать в долг и презираю людей, кто берет. Но сами понимаете, сейчас такие обстоятельства, что оставаться щепетильным и порядочным слишком большая роскошь, а в некотором роде и риск. Для жизни. А мне бы хотелось все же стать перед выбором: морщины или борода. Вы понимаете?

Я говорил торопливо, с каким-то швейцарским, то ли лакейским акцентом, глотая слова. Мои глаза лихорадочно блестели, руки слегка дрожали. Я чувствовал, как у меня поднималась температура. Какая ирония судьбы. Я спрятался здесь, чтобы не заболеть. Но, похоже, именно здесь заболеть начинаю. А лекарства нынче такие дорогие. Неизвестно, но возможно, что дождь пошел бы на пользу, словно холодный душ, и я бы смог только закалиться. Как мы несовершенны. Как не умеем делать правильный выбор. И, как правило, выбираем самое легкое и безопасное. И не угадываем, где поджидает нас опасность, а где спасение.

И третий раскат грома. Тишина. И внятный голос старика. Мне показалось, он даже не хрипел. Голос звонкий, ясный, почти молодой. Впрочем, это такое короткое слово, чтобы определить какой голос:

- Нет.

- Но почему? Почему, черт побери!

- Вы кстати упомянули черта, - усмехнулся старик. – Именно он теперь прыгает в ваших глазах. Еще маленький. Но все равно чертик.

- Почему, - я попытался взять себя в руки. Но руки слишком дрожали, чтобы возможно было себя в руки взять.

- Вы должны успокоиться, молодой человек! О, я вижу, вы дрожите. Похоже, у вас поднимается температура. Как это дурно. В гостях и заболеть. Неужели я такой нерадушный хозяин. Ну что ж, попытаюсь исправить эту ошибку. Знаете ли, я не люблю ошибаться. Горячий чай с медом, смею надеяться, спасет эту столь щепетильную ситуацию.

Старик скрылся в подсобке, там, где была его кухня. Я слышал какие-то шорохи, стуки, шипение, звон посуды. Я прикрыл глаза. Но ни о чем больше не думал. Мне было плохо. Моя голова была пуста, как волейбольный мяч. И в нее ударялись только посторонние звуки из кухни.

- Вот! – торжественный голос старика вывел меня из дремы.

Я открыл глаза и увидел перед собой толстый, фаянсовый самовар. Из душничка размеренно и важно шел пар. Старик аккуратно взгромоздил на конфорку самовара маленький, расписанный золотом, чайничек. И поставил перед моим носом такую же золотистую чашку с блюдцем.

- Мы вас сейчас быстро вылечим, - уверенно заявил он. – Знаете ли, чаепитие это не просто ритуал семейного быта, - старик разлил ароматный чай по чашкам. - Это гораздо глубже. Это философия. Это гармония. И это нравственное здоровье. А вы пейте, пейте. Прямо из блюдца. Так вкуснее. И вы, возможно, тогда поймете меня. Кстати, именно этот самовар был изображен на картине Кустодиева «Купчиха за чаем».

Я нахмурился. Мне было не до Кустодиева и тем более до какой-то купчихи. Судя по ее румяной толстой здоровой физиономии, она в деньгах не нуждалась. В моей голове настойчиво крутилась, как белка в колесе, одна мысль. Во что бы то ни стало взять у старика в долг. Мне позарез были нужны деньги.

- Кстати, я тоже слишком щепетилен и порядочен, чтобы никому в долг не давать, - старик шумно хлебнул из блюдца - Я живу прошлым. Я им дышу. Оно мое настоящее и мое будущее, как ни парадоксально это звучит. В моем прошлом презирают должников. Я не люблю презирать. Я слишком считаю себя порядочным человеком, чтобы во мне поселилось такое непорядочное чувство, как презрение. И я себя от подобного чувства оберегаю.

- А для чувства жалости тоже считаете себя слишком порядочным? - выпалил я, так и не притронувшись к чаю.

- Смотря к кому. К другим или себе? Себя жалеть это уже не просто непорядочность, а невежество и падение. Вы же упасть не желаете? Вы для подобного желания слишком умны.

Умен. Я облизал пересохшие губы. Еще как умен. Дрожащими руками я попытался закурить сигарету, но, перехватив взгляд старика, тут же спрятал руки в карманы штанов. Лицо мое по-прежнему пылало. Ноги подкашивались. Перед глазами поплыли мутные круги. Мне казалось, что я сейчас рухну. Я все списал на температуру, на болезнь, которая меня настигла именно здесь, где не было дождя. Я не хотел признаваться себе, что физическое недомогание всего лишь самозащита, вернее, защита от моих преступных мыслей, подсознательных желаний. Или их результат.

И словно из склепа раздался приглушенный голос антиквара.

-Что такое деньги, молодой человек? Жалкие бумажки, не более. А в моих руках вечность! Разве я вам могу одолжить вечность! И как вы мне ее будете возвращать? Днями, годами, веками? О, нет! Это просто невозможно! Я прожил не одну жизнь, молодой человек! Потому что в моих руках были эти вещи! Я мог с ними разговаривать, спорить. Мог выбросить на помойку и сжечь. А мог просто продать! Все было в моей власти. Я создал общество этих вещей! И сам стал этим обществом! Его президентом и его народом. Его палачом и его благодетелем! Его преступником и его судьей! И идея этого общества – я сам! Великолепная идея...

Лицо старика исказилось, глазки сузились, голос понизился до зловещего шепота.

- Что такое люди? Ничто! Потенциальный прах! Существа, совершающие сделку с землей. Они пользуются благами земли в рассрочку. Пока живут. А потом их земля забирает. Превращает в удобрения. Для новых потенциальных смертников, разве не так? Даже гении, подумайте, даже гении! Кто они! Та же толпа! Пусть не такая многочисленная, ну и что? Удобрение для истории! Толпа гениев! Которые всего лишь являются инструментом для создания шедевров, орудием для сотворения вечности! Которой могу обладать лишь я! И только вещи ни от кого не зависят! И земля не в силах их уничтожить! Как и породить! Они творение рук человеческих, человеческого ума и таланта. И пусть не моего! Но я сумел возвыситься над людьми благодаря их вещам! Пусть я не написал ни одного стихотворения, не изобрел летательный аппарат и не совершил подвига! Мне это не нужно! Это сделали за меня другие! И неплохо, скажу я вам, сделали! Что ж. Слава им. И вечный покой им. Земля щедрая. Она нам еще подарит гениев и героев. Она хорошо удобряется.

В моих висках пульсировало. Мне казалось, удары слышны на всю комнату. Он просто сумасшедший. Просто сумасшедший. Нет, пожалуй, хуже. Сочетание безудержного безумия и рассчитанной логики. Это редко и это невероятно. А он утверждал, что не гений. Поторопился с выводами. Я не видел, как играл артист Гайдебуров. И возможно ли сыграть такое. Чем был этот, сидящий передо мной старик.

- А вы пейте, пейте чаек. Ароматный, с листиком мяты, прямо от купчихи Кустодиева, - голос старика резко изменился, стал ласковый, нежный, добрый. Не голос, а голосок. Не вой ветра, а журчание ручейка.

Я зажмурил глаза. И почему-то залпом выпил остывший чай, как водку. Только бы он от меня отделался. И вдруг почувствовал острую боль. От боли открыл глаза. Кровоточил палец. Видимо я порезался о треснутую чашку. Даром ей столько лет! Но мутные пятна исчезли. И комната предстала в таком ярком, отчетливом цвете, словно только что здесь прошел дождь. И мне показалось, что все это ненастоящее. Это бутафория, декорации, сцена. И эти парики, и пистолеты, и ручки с позолоченным пером, и пожелтевшие книги, и дырявые зонтики. Все это не история, а подделка под нее, и не стоит принимать это за истину, и не стоит воспринимать это серьезно. Если это всего - лишь кукольный театр, в котором вещи всего лишь маленькие модели больших вещей. Мне показалась, что комната покачнулась, словно палуба корабля. И Ярослав Гашек резко хлопнул дырявым зонтиком и мне подмигнул. И я услышал скрип стального пера по бумаге – это записывал свои эмоции Ржешевский. И Виктор Серж старательно заводил ключом часы своей матери. И Наполеон шагал взад-вперед, разнося новые сапоги. И Кустодиев шумно прихлебывал чай с треснувшей чашки. И всхлипнула гитара – гусар Потапов сыграл на оборванной струне. И Морган ловко подбросил мяч в виде глобуса в воздух, словно подбросил целый мир. Почему я решил, что это они? Ведь я не знал их в лицо, даже не видел на фотографии, даже не слышал их словесного описания.

Впрочем, это не важно, разве это всего лишь не кукольные персонажи, живущие в мире кукольных вещей, на сцене кукольного театра. Который, возможно, когда-нибудь назовут историей. И бородатый антиквар в центре лавки всего лишь копия актера Гайдебурова, кукольный персонаж, сделанный наверняка из папье-маше. Стоит слегка на него надавить, он поломается или рассыплется, словно и не было старика. И мне вдруг захотелось это, во что бы то ни стоило, доказать. Морган понял меня и как заправский волейболист подал мяч. Я ловко его поймал и запустил в старика. Больше я ничего не помнил. Вещи поплыли перед моими глазами. Палуба качнулась сильнее. И мне казалось я тону в море вещей. Я стал размахивать руками, словно пытался удержаться на месте. Я не знаю, сколько прошло времени с тех пор, как я потерял сознание. Наверно, очень мало. Какие-то доли минуты. Потому что, когда я очнулся, я еще стоял на ногах. Ноги были ватными и я слегка покачивался. Странно, я даже не упал. Возможно, меня поддержал антиквар?

Мой взгляд забегал в поисках старика. Но его нигде не было. Я сделал робкие шаги. Ноги дрожали. Я споткнулся о что-то тяжелое. И опустил глаза. И увидел его. Он лежал в неестественной позе, раскинув руки в стороны. В некоторых местах его седые волосы были окрашены в ярко красный цвет. Это так пугающе выглядело, словно на черно белом экране вдруг появились яркие краски. У его головы лежал мяч в виде глобуса, который когда-то подарили Моргану за выдающиеся заслуги. Мог ли Морган предположить, что этот мяч станет орудием убийства. Убийство. Это слово зазвенело у меня в ушах. И я вздрогнул. И оглянулся, словно хотел обратиться за помощью к Моргану. Или, на худой конец, к Гашеку. Но комната была пуста. Только вещи. Все остальные были мертвы. В том числе и старик антиквар.

Я машинально поднял мяч с пола. Он был очень тяжелым. И на нем вмещалась вся наша планета. Неужели наша планета так тяжела? И неужели вот этими континентами, горами и реками можно убить человека. Еще как можно. На нашей планете каждую секунду совершаются убийства. И наша планета уже сама представляет собой просто кладбище. Или удобрение для вечности. И на этом

круглом мяче в виде глобуса не обозначаются могилы. И убийство старика тоже не будет отмечено. Потому что это никому не интересно. И потому что о нем никто не знает. Кроме меня. И, надеюсь, никто не узнает. Кроме меня. Ведь у меня не было даже мотивов для убийства.

Мотивы. О мотивах я подумал потом. Осознавал ли я их в момент убийства? Или это просто была высокая температура? Болезнь, которая внезапно свалилась на меня. И реальность, которую я уже никогда не смогу доказать. Потому что не было свидетелей. Кроме кукольных персонажей. Кроме вещей, принадлежавших истории. Кроме людей, принадлежавших истории, и которые давно этой историей похоронены. Но история не свидетель, и актеры не свидетели тоже. И мертвецы подавно.

Безусловно, первая мысль, посетившая меня, была вполне благородна. Позвонить в милицию. И сдать на милость правосудия. Но почему я сразу не бросился к телефону? Почему лихорадочно в эту секунду не набираю номер? Почему я стою как истукан, вглядываясь в безжизненное тело? И у меня хватает даже ума открыть шкаф и переодеться в старика. Неужели я играл в благородство перед самим собой, поскольку никогда не считал себя негодяем? Неблагородная игра. И судьба словно решила испытать меня на прочность. И дала шанс доказать, что я не законченный негодяй. И уж тем более не расчетливый убийца.

Раздался громкий стук в дверь. Я вздрогнул и успел подумать, почему стучат, разве дверь не открыта? И успел подумать, почему к старику так долго не шли посетители? Впрочем, так долго шел дождь. На полу валялась фетровая беретка. И я машинально ее нацепил на голову. Мне кажется, что машинально. Ну, не мог я тогда все продумать, просто не мог! Не в моих это правилах. Скорее всего, это была испуганная реакция на приход гостей. Чужих гостей. В чужой дом.

Я приблизился к выходу и за стеклянной дверью отчетливо увидел фигуру человека в милицейской форме. Странно, я ведь совсем недавно убил. И тело, еще не остывшее, со сгустками крови в седых волосах лежит за старинным дубовым столом. А милиционер уже на пороге. Это просто невероятно. Что ж. Я даже облегченно вздохнул. Мне останется только протянуть руки. И щелкнуть наручники. Мне останется только выступить на суде. И рассказать про свою внезапную болезнь. Мне останется только провести оставшуюся жизнь за решеткой. Потому что про болезнь никто не поверит. Впрочем, все последнее время разве моя жизнь не была за решеткой? Просто не были закрыты двери. И я в любой момент по доброй воле мог выйти. И все равно возвратиться за решетку. По доброй воле. Похоже, мне суждено умереть благородным. И я резко распахнул двери и протянул навстречу гостю руки. Для наручников.

- Здравствуйте, дорогой! – с порога весело закричал милиционер, крепко пожимая мои протянутые руки. – А я уже волновался. Думал, чего бы не случилось.

- А что должно было случиться, - машинально прохрипел осипшим голосом я. Все же, похоже, я умудрился простыть. Моя болезнь была вполне реальна.

- У вас так долго висела эта табличка! – он протянул мне табличку с надписью «закрыто». – Вы так надолго никогда не закрывались.

Только теперь до меня стало доходить, что меня приняли за антиквара. Приняли безапелляционно, наверняка. Я схватился за голову. Конечно, этот седой парик. Эта седая борода. Мне даже показалось, что мое лицо исполосовано морщинами. От прожитого шока.

Стоит только все снять с лица. И отшвырнуть в сторону. И протянуть руки для наручников. И рассказать про болезнь. Уже появился шанс, что мне поверят. Ведь мой голос изменен до неузнаваемости от простуды.

- Боже, вы простыли! – милиционер приложил холодную ладонь к моему лбу. – Да вы просто горите! Теперь все понятно! Вам срочно нужно в постель, дорогой Аристарх Модестович!

Ну вот. Наконец, я узнал, как зовут старика. И если поначалу у меня были силы вот так, с ходу раскрыть все карты, то с приобретением имени антиквара, свои карты я почему-то решил приберечь. Никогда не поздно признаться. Тем более, я действительно болен и просто не осилю признание, и тем более допрос. Хотя у меня появились шансы на смягчение приговора. Ведь я был болен. И есть даже свидетель этой болезни. Веселый курносый милиционер.

- Дорогой Аристарх Модестович, - не унимался милиционер. – Давайте я вас уложу, что-нибудь приготовлю горяченького.

Он бережно взял меня под локоть и легонько подтолкнул вперед.

Милиционер действительно неплохо относился к антиквару. Видимо, они были давние друзья, что усложняло дело. Даже называл его «дорогой». Старое обращение, теперь уже такое редкое. Оно подчеркивало уважение к старику. Впрочем, этот парень в милицейской форме и так был вполне приятен и дружелюбен. Веснушчатый, лопухий, рыжеволосый. Он все время улыбался, и его светлые глаза лукаво светились. Но его дружелюбие было не в мою пользу. И уже не в пользу старика. И мне необходимо было срочно избавиться от непрошенного гостя. За противоположным углом стола лежало бездыханное тело антиквара. Я осторожно освободился из сильных рук милиционера.

- Спасибо, - пробормотал я. И чихнул. Вот теперь я должен решить. Правосудие само пришло ко мне в руки. И, возможно, это судьба. Мне даже не нужно звонить в милицию. Милиция есть. И если начинать признание, то лучше всего начинать с этого парня. Но я не знал с чего начинать. Я ни разу не совершал преступление. И я уже собирался выложить карты на стол. Но милиционер меня опередил.

- Боже! – он всплеснул руками. – Мне нужно бежать. Я попросил подменить меня только на десять минут. Так за вас волновался! А на дороге такое движение!

- На дороге? – удивленно переспросил я.

- Ну да! Сегодня же пятница! Машин, как тараканов! И такие пробки, что пришлось отключить светофор! Вот и приходится лавировать между ними, как жонглер со своей палочкой, – он ловко взмахнул полосатой палочкой регулировщика.

Ну конечно! Как я сразу не догадался! Это же просто регулировщик! Впрочем, откуда мне было знать. Я не сталкивался за свою жизнь ни с милиционерами, ни с регулировщиками. И с какой стати я должен признаваться перед ГАИ? Я правила уличного движения не нарушал. И я вновь проворно спрятал свои карты в рукав. Успокаивая себя тем, что в любой момент могу позвонить в милицию.

- И куда они все едут? – во весь рот улыбнулся лопухий регулировщик.

- На дачу, наверно, - уже более спокойно ответил я. И даже улыбнулся в ответ.

Я стал приходить в себя. И слово дача как-то возвратила меня на землю. Настолько все показалось бытовым, правильным, приземленным. Автомобилисты после работы спешат на дачу. А их жены, раздраженные и ворчливые, ругают «пробки» на дорогах, выглядывая из-за заполненных всякой провизией, пакетов. Да, еще наверняка где-то на заднем сидении примостилась болонка с красным бантом и мальчик, непременно с бутылкой лимонада в руках. От этой простой, мещанской, прямо как у Кустодиева, картинке у меня даже упала температура.

- В такой-то дождь! Делать им больше нечего. Смотрели бы телевизор!

- Да там смотреть нечего. Вот они и едут. Но все равно будут смотреть телевизор на даче.

- И это верно! А я вижу вам лучше, дорогой Аристарх Модестович! И слава Богу! Только кончится моя смена, я к вам забегу! Может, лекарство какое купить? Сейчас так много новейших продуктивных препаратов...

- Нет, нет, не стоит беспокоиться! – слишком поспешно ответил я, подталкивая его ненавязчиво к двери. Так и не решив, как мне его называть, на «ты» или на «вы». И стараясь избегать местоимений. – Безмерное спасибо за заботу. Но, ей-богу, у меня все есть.

- Надеюсь, не с прошлого века! – хохотнул регулировщик, довольный своей шуткой.

Я, совсем осмелев, даже похлопал его дружески по плечу.

- Шутник. Но мне действительно лучше. Вот выпью аспирин, старое проверенное средство. И сразу – в постель. Мне понадобится много часов хорошего сна.

Мы пожали друг другу руки, и парень выскочил за дверь, плотно ее закрыв. И поправил табличку с надписью «закрито».

Все. Я облегченно вдохнул. И повернул ключ в замке. Я закрыт для всех. В том числе и для дождя, который вновь усилился. И для молнии, которой меня не обжечь. Мне стало легче. Похоже, действительно спала температура. Я огляделся.

Тело по-прежнему лежало на полу. Впрочем, о чем я? Мертвые не уходят. И просто так не исчезают. Я побродил по комнате, заглядывая в каждый угол. Кухня. Полыхающий камин, в который я сообразил бросить свою одежду. Маленькая комната с диваном. Да, скромно жил старичок. Хотя в самой лавке навязчиво пахло миллионами. И вечностью, которой он так бахвалился. Что же делать, что делать... Мне нужно избавиться от тела. Впрочем, сознательно я об этом не думал. Я просто надеялся на чудо. Если чудо не произойдет. Что ж...

Не успел я подумать, что же будет без чуда, как увидел в дальнем углу лавки пошарпанную, перекошенную дверь. Я осторожно ее приоткрыл. В ноздри ударил запах сырости и соленых огурцов. Похоже, подвал. Да, и длинная лестница. Глубокий, очень глубокий подвал. Вот все и решилось. У меня было такое ощущение, что мертвый старик сам побыстрее хочет туда, вниз, где пахнет кислой влажностью и вечной ночью. А, может, я просто себя успокаивал. Мертвые уже ничего не хотят. И им все равно где лежать.

Я потащил старика по лестнице. Как ни странно, мне не было тяжело. Наверное, страх придавал силы. Страх сильнее любой непосильной работы. И мне казалось, время пролетело легко и мгновенно. Наконец, я опустил тело на бетонный пол. И только тогда отдышался. И вытер рукавом мокрый от пота лоб. И только тогда понял, что в подвале крошечный мрак. Я не знаю, что мог здесь прятать старик. И вряд ли он мариновал огурцы, хотя по-прежнему в нос бил кислый запах. Мне стало жутко. И я бросился вверх по лестнице. Но ноги меня плохо слушались. И подниматься было ужасно тяжело, хотя я был без груза. И время тянулось так медленно, словно кто-то нарочно все время переводил стрелки назад. Вот и все. А был ли мальчик? Так, кажется, написал Горький. И почему он не написал: «А был ли старик?» Которого когда-то сыграл Гайдебуров. Злой, злой старик со змеиными, вкрадчивыми жестами. И хитрым взглядом исподлобья. Так было бы справедливее, и точнее, и милосерднее. Когда-то умер и до сих пор – слава Богу! О чем это я? Или это температура?

Наконец я выбрался на свет божий, и мне стало чуточку спокойнее. Хотя по-прежнему плохо соображал. Единственная мысль, занимавшая меня в эти мгновения – была мысль о собственном спасении. Меня даже не успели замучить

угрызения совести. Поскольку об убийстве я не думал, как о реальном, свершившемся факте. Мне снова и снова казалось – это всего лишь спектакль, в котором я играю роль безумца. Не умеющего контролировать свои действия. И не имевшего даже мотивов для убийства. Я играл свою роль почти по-гайдебуровски. А, возможно, и лучше, и натуральнее. Хотя еще утром понятия не имел, кто такой Гайдебуров. Да что утром. Я узнал о его существовании только несколько часов назад, когда сыпал проливной дождь и бушевал ветер.

Я машинально поправил фетровую черную беретку. И зачем он ее дома носил? Разве дома носят головные уборы. Мне это в новинку. Но почему-то решил берет не снимать. Я взглянул на себя в зеркало. Седой парик, приклеенные усы и борода. Я увидел лицо антиквара. Даже морщины проглядывали на лице, видимо, от шока. Я был копией старика. И беретка старика мне удивительно подходила. Причины убийства, как мозаика, сложились в единый мотив. Очень простой мотив, наверняка тысячу раз прописанный в учебниках по криминалистике и книжках Достоевского. Корыстный мотив. И все же, еще по инерции благородного человека, я пытался себе доказать, что не смогу скрывать долго убийство. Просто не сумею. Потому что меня замучают угрызения совести, и по ночам мне будет являться седой антиквар. Без беретки. И диалоги с чужими людьми будут мне причинять боль. И слова, предназначенные антиквару, будут бить по моей голове сильнее, чем удары мяча в виде глобуса. Я даже не смогу просто пить чай.

Впрочем, я настолько устал, что уже ни о чем не мог думать. Глаза слипались, ноги подкашивались. И хотя, как заученный мотив, я продолжал бубнить: убил человека, я убил человека, меня не покидало странное чувство, почти убеждение, что я никого не убивал. Потому что просто не мог убить! Иначе это был бы не я. Это всего лишь какое-то недоразумение, фарс, игра. Во время которой я просто сильнее, чем нужно, метнул волейбольным мечом. И попал... В кого угодно, но не в человека. В манекен, куклу, в худшем случае – пародию на человека или персонажа из давно забытой истории. С этим убеждением я уснул, как убитый, хотя это сравнение было не к месту. Правда, погружаясь в глубокий сон, я успел подумать, что в отличие от убитого, мне придется проснуться. И я уже не знал, радоваться ли этому обстоятельству. А дождь и буря, похоже, утихли.

Проснулся я от громкого стука, словно стучали по моей голове. Это было бы справедливее. Но все было проще. Стучали в дверь. Схватившись за больную голову, я пошел открывать. За этот маленький путь от кожаного дивана до двери, который я проделал неровным от слабости шагом, я успел вспомнить, что было вчера. И успел этому не поверить. Но успел сообразить, что это свершившийся факт.

Я распахнул двери. Вместе с солнечным прохладным утром и осенним прохладным ветром в антикварную лавку ворвалась маленькая старушка. Довольно экстравагантного вида. В черном просторном пальто до пят, черных остроносых ботинках. Ее седые волосы, уложенные в прическу «каре», еле прикрывала косынка, завязанная на затылке. Гостья напоминала нечто среднее между старухой Шапокляк и бывшей нэпманши из богемы. В целом я оказался прав. Она была приблизительно и то, и другое.

Не дав мне раскрыть рот и едва взглянув в мою сторону, старушка живенько затараторила:

- Ох, Аристарх Модестович! Сколько я вас предупреждала! Сколько умоляла! Сколько беспрекословных доводов приводила! И все впустую! Все, все в пустую! Вам хоть кол на голове чеши! Осел вы, вот вы кто!

Я попытался что-то промычать, но это было бесполезно.

- Хорошо, что хоть Сенечку встретила. Он мне все и доложил. По полной программе!

Я понятия не имел, кто такой Сенечка. Но спрашивать не имело смысла. Это я сообразил сразу. Старушка сама все должна выложить. Она не являлась приверженицей диалога. И это мне было на руку. Я мог безболезненно оставаться глухонемым. А она не просто произносила монолог, но походу дела чистила антикварные вещи, тут же ставила чайник на плиту, тут же подметала пол.

- Умница! Какой мальчик! А как палочкой дирижирует! Virtuoz! Еще жезлом ее называет. Ну прямо король! Или министр какой. А он и похлеще министра какого будет, разве не так? Одна ошибочка – и все, беды не миновать. А Сенечка всю ответственность понимает. Работенка у него, скажу вам, небезопасная! Я в ужасе, когда вижу, как он, горемычный, посреди дороги, словно в океане среди акул! Ан-нет! Не боится! Они, эти железные монстры носятся мимо него, кажется, вот-вот собьют! А он, как оловянный солдатик! Невозмутимо стоит и с палочкой играет. Знаете, Аристарх Модестович, в каждой работе есть свои гении. Так вот я собираюсь написать ему на работу, что, мол, Сенечка – гений! Не больше и не меньше! Подпишитесь?

Я уже собирался утвердительно кивнуть, что согласен подписать, что угодно. Тем более этот парень, Сенечка, про которого говорила старушка, и который посетил меня вчера, был вполне симпатичен. И действительно, почему бы не гений? Но старушка даже мне не позволила кивнуть головой, а продолжала тараторить. Ее не интересовало, подпишусь я или нет. Ей просто нужно было все время, не переставая, говорить, говорить, говорить. Словно, замолкни она на минуту – и тут же на месте испустит дух. Слова, как я понял, у нее были что-то вроде жабр.

-И встречаю я Сенечку. Нос к носу столкнулись. Он мне все и выложи. Мол, плох Аристарх Модестович. Мол, лица на нем нет. Мол, совсем расхворался. Ну, меня при этих словах чуть удар не хватил, - старушка для наглядности схватилась за сердце и покачнулась. Хотя я подозревал, что удар ее чуть не хватил по другой причине. Не она узнала новость первой и ей пришлось (это совсем немислимо!) несколько минут выслушивать Сенечку.

- А я как предчувствовала! Так и говорю Сенечке! Мол, сон плохой накануне приснила. И рассказала ему, со всеми подробностями. Ну, прямо к вашей болезни! А приснилась, что вы потеряли беретку! Ну, говорю, Сенечке, не к добру это! Ох, не к добру! А он мне – не волнуйтесь вы так, Элеонора Викентьевна, беретка, мол, на нем. Я сам вчера видел. Собственными глазами. А зрение у меня, говорит, отличное. И с гордостью так прибавляет – я же регулировщик! А я – как же мне не волноваться! Беретке-то сколько годков? Я еще на свет не появилась, а она уже в костюмерной Александринки лежала. Разве не так? Так, Аристарх Модестович! Да вы без этой беретки, если честно, будто без головы! А если еще честнее – то я вас легче без головы представлю, чем без беретки!

Старушка топнула ногой, отбросила швабру в сторону и, наконец, удосужила меня взглядом. Сказать, что у нее был шок – ничего не сказать. Я даже испугался, что она меня узнала. Конечно, как не узнать человека, с которым она знакома по меньшей мере век? Но я ошибся. Я еще плохо знал Элеонору Викентьевну (хорошо, что еще хватило ума запомнить имя, вот выговорить, похоже, будет труднее). Я действительно ошибся. Не от моего вида у нее был шок, возможно, она даже в лицо плохо знала антиквара, не смотря на вековое знакомство, поскольку больше говорила, чем глазела по сторонам. Шок случился по случаю отсутствия беретки на моем седом парике. А беретку я, похоже, уронил, когда спал, что было вполне естественно, поскольку в беретках не спят. Что ж впредь нужно быть поосторожнее, и беречь этот головной убор, словно голову.

- О Боги! – старушка машинально схватилась за свою голову. – Сон в руку! Вы – и без берета! Непостижимо!

- Причем тут сон, Элеонора Вике... Викентьевна, - я даже произнес ее имя отчество по слогам, чтобы не ошибиться. – Сон-то к болезни. А беретка на месте.

- Ну, вы шутник! На каком таком месте! Ее место – на голове!

Мне пришлось проковылять к дивану, отыскать фетровую беретку и водрузить на голову. Элеонора Викентьевна мгновенно успокоилась и даже победоносно улыбнулась. Словно у меня на голове сияла корона.

- Вот так-то оно лучше. А то, ишь, чего выдумали! Ох, не нравитесь вы мне миленький. Ох, как не нравитесь. Не бережете вы себя. Коль уже и про беретку забыли. Хотя вам-то годков сколько? Я как пришла к вам работать, думала что гораздо младше вас буду. А потом гляжу – уже мы ровесники. А теперь совсем я старая. А вы все тот же. Словно вы таким и родились. И не молодеете, и не стареете, всегда одинаковый.

- Хорошо это или плохо? – я, наконец, вставил свои скромные пять копеек.

- Когда были молодым – плохо, выглядели уж больно старо. Когда стали старым – хорошо. Выглядите молодым. Чего уж лучше? Не знаю. Все равно помрем. Все. И разве так уж важно, как мы выглядели в жизни? В могилке-то все одинаковы будем.

- Ну что вы о печальном, - я попытался успокоить старушку, начисто забыв, что мы с ней с одного века.

- Поражаюсь я на вас, миленький. И смерти вы не боитесь. А зря. Конечно, бояться так сильно ее, подлую, не надобно. Но подумать следует. О жизни, к примеру. Помрем-то, помрем, а жизнь как текла, так течь и будет. Не спрашивая у нас. Не для нас. И без нас. Вот вы... Опять же, конечно, не думаю, что много уж накопили, но богатства у вас бесценные! Да вы и сами все знаете! Целая история у вас в руках. И кому же вы собираетесь эту историю передать? Чтобы не испоганили, не пропили, не разбазарили понапрасну. Ну же, кому?

Я молчал, и правильно делал. Я понятия не имел о жизни антиквара, которого вчера случайно впервые увидел (о том, что я его убил, как-то не успел подумать). Я понятия не имел, есть ли у него родственники, друзья, и написал ли он вообще завещание. Хотя, по-моему, он говорил, что никого у него нет. Но это не означало, что их вообще не было. Может он для них как раз очень даже был. И будет. Особенно мертвый. И я молчал. Зная, что ответит на все вопросы сама старушка. У нее по-прежнему все горело в руках. Она лихо орудовала тряпкой, шваброй, метлой.

- Вот завещание вы писать отказываетесь, мол, дурная примета. Хотя какой миллионщик верит в приметы? Миллионщиков они не касаются. А с другой стороны и верно, кому вам все завещать? Всю жизнь один и прожили. Ни женщины я здесь ни разу не видела, меня не в счет. Детей у вас нету. И друзей не заимели. Сколько помню – все один да один. Словно неприкаянный какой. Хотя и в этом вопросе, может, вы правы. Может одиночки дольше живут. Я так думаю, стены родного дома защищают не только от беды, но и от старости, а, может, и от самой смерти. Вот вы себя добровольно в эти стены и заключили. И друзьями вашими стали вещи. И это, может, верно. Заведи собаку – и то с ней сколько хлопот. А уж как жалко, когда она помирает! А вещи не поспорят, не обманут и не предадут. Но главное – не умрут. Получается, вам и плакать было не по кому. И волноваться не по ком. Сердце, получается, работает, как часы. Ни одного сбоя. Потому, как ни одного стресса. Я так понимаю? Как и вы?

Я пожал плечами. Я этого не понимал. Но мне уже начинало казаться, что понимать начинаю. И стены родного дома, словно крепость. И одиночество, которое дает полную свободу. И отсутствие жалоб и причитаний от любимой

девушки. И отсутствие семьи, за которую не нужно переживать. И отсутствие друзей, которые в любую минуту могут предать. Да, вольная воля. В добровольной неволе. Не в этом ли секрет счастья? И этот секрет я вот-вот открою. Более того, у меня есть все шансы им завладеть. Чтобы сердце работало, как часы. Ни одного сбоя. А уж если поломается, то в один миг и сразу – я даже не успею заметить. Ну что ж, прости меня, старик! Я по-прежнему не хочу думать, что убил тебя. Впрочем, я могу дожить за тебя. Не хуже, чем ты. Возможно, не лучше. Но какое это имеет значение? Если лучше, чем ты жить и не придумаешь.

- Философ вы, Аристарх Модестович, это я вам от сердца говорю, - старушка прижала швабру к сердцу и тут же вновь принялась ею отчаянно орудовать, словно старые вещи извергают больше пыли. Еще одно заблуждение. – Как пить дать, говорю, философ, каких мало сыщешь, а теперь так и подавно! Вот теперь, к примеру, все чего-то мечутся, чего-то суетятся, просчитывают, примеривают, приобретают. И всего побольше от жизни норовят урвать! И побольше денег, и побольше домов, и побольше путешествий, даже друзей копят, не глядя на качество. Даже жен, законных и незаконных, и тех в копилку. Знаете, дорогой, я вот гляжу на этих копителей, и все кажется, что они в постоянном движении, все бегут, бегут, словно на каком спортивном соревновании. Только разница в том, что это не просто кросс, ведь по пути нужно еще в мешок успеть собрать домов, жен, друзей. Вот к финишу, все потные, с одышкой, тахикардией, с заплавленными глазенками и с огромным мешком на плечах они приползают. А что в итоге получается? Кто первый прибежит? Тому получается первому и каюк. На финишной чемпион падает, мешок разрывается и подбирают его содержимое другие. Еще благо, если добрым словом упомянут своего благодетеля. А скорее, тут же забывают, даже родные. Поскольку мешок дороже для них любой жизни становится. Мешок эту жизнь, получается, перевешивает, разве не так? Сама-то жизнь, поди, весит так мало. Легка, как перышко. Ветерок подует – и улетит. Мы-то с вами это понимаем, недаром столько годков вместе знаем. А они, поди, думают, что чем больше в жизни дается, тем больше и жизни дается. Мол, как же так, я столько имею, и разве жизнь посмеет вот так, просто так, ни с того-сего оборваться! Эх, еще одно заблуждение. Может, еще как может. И шансов на такой конец больше. Ведь слишком много денег, друзей, любви... Это другим словом можно назвать – саморазрушение! Или разрушение другими, или разрушение самой жизнью. А я так, как и вы, понимаю. Только застывшая форма и есть долгая жизнь. Когда ни друзей, ни любви и в меру денег. И жизнь за стенами. Ведь за стенами - это то же самое, когда человек умирает. Мертвый человек не может вновь умереть. А мертвым человеком можно стать и в жизни. И у него много шансов отсрочить свою смерть.

Я смотрел на старушку с большим интересом. Права она или нет? Скорее, она тараторила словами старика антиквара, которого боготворила, который долго не старел, потому что не мучился. Но философия которого оказалась весьма зыбкой. Он, оградив себя стенами. В друзьях лишь вещи. И казалось, никто не мог причинить вреда этому безобидному, на первый взгляд, старику. И что же? Его не спасли ни стены, ни история, ни исключительное одиночество. Впрочем... Вполне вероятно, ему уже было за 100. И просто пришел его час. Более того. В глубине души я полностью соглашался с его философией. Какой бы зыбкой она ни была. Разве я в глубине души не мечтал о подобной жизни? И по мере своих сил ее даже сделал. Сведя до минимума свои потребности и возможности. Что это было? Страх перед жизнью? Или, напротив, вызов ей. И это не она захлопнула передо мной двери. Это я хлопнул перед ее носом дверь. Чтобы не видеть, не знать, не желая видеть и знать, насколько она дурна. Но осуществить свои намерения у меня не было возможностей. Я был слишком беден. И я должен был

периодически открывать двери перед жизнью, слегка приоткрывать, пролезая в щелочку двери. Чтобы идти на работу. Чтобы возвращаться домой, чтобы закрутить роман с Тасей, чтобы выжить. Теперь у меня есть все шансы выжить другим способом. Я имею все возможности закрыть перед жизнью двери навсегда и выбросить ключи. Я имею все возможности не жить. Чтобы жить и выжить. Я готов навеки заключить себя в темнице под названием антикварная лавка. Я готов дышать перебродившим воздухом старины. Выбросить календарь, не зная счета дням и годам. Я согласен быть мертвецом, но не потому чтобы подольше прожить. А чтобы не видеть самой жизни, несправедливых страданий в ней, уродливых страхов, мучений, патологического несовершенства. Это не борьба. Но это хоть какой протест. Протест, на какой я мог быть способен. И который, наверно, был мне удобен. Единственное, о чем я искренне сожалел, что невольно отнял жизнь у другого. Даже если он был сумасшедший. И даже если ему было за 100 лет. Бывает, и за сто лет жаждут жизни. А в двадцать по доброй воле обрывают ее.

- Ну да ладно, - издали я услышал голос Элеоноры Викентьевны. – Не слушаете меня, дорогой, и ладненько. Чего меня, старую дурру, слушать. Да и не моя это философия – ваша. Ее я у вас когда-то украла и теперь возвращаю. Ведь вы, дорогой Аристарх Модестович, даже не знали, что вместе с философией вашей я и кусок вашей жизни умыкнула. Права была или нет? Кто знает? Но, как и вы, всю жизнь так одна и прожила. Вот видите, сколько мне годков, а чувствую себя великолепно. Даже насморком не страдаю. А были бы дети, внуки, мужья, давно бы коньки отбросила, это я вам со всей ответственностью заявляю! Наши ровесники все торопились жить-то, скольких нет уже на земле? Даже могилы их не посещают, слишком уж древние, не актуально уже по ним плакать даже сородичам. А мы с вами, как две черепахи, так не торопясь к финишу и приползем. И уже не важно, кто первый. Это уже не от нас будет зависеть. Скорость-то у нас все одно одна, я правильно рассуждаю?

Я утвердительно кивнул головой.

- А вы-то здоровьице поберегите. Сенечка, думаю, преувеличил. Он, похоже, никак не может взять в толк, как это можно в нашем возрасте и не болеть? Вот и сочиняет всякого. Тоже такой шептун! В любой миг его могут сбить! Такая скорость! Но, поди, любит он ее. И я за него ох как опасуюсь. Ведь, дорогой Аристарх Модестович, жальче-то всегда таких как Сенечка. Парень больно хороший и бессеребрянник. Такие тоже первыми к финишу прибегают. Просто так. От жажды жизни. Они просто так эту жизнь обожают, бесплатно. Она ничегошеньки им взамен не дает. Скорее, больше пинков, чем подарков. Но они, знай, размахивают своей палочкой, словно с ветряными мельницами борются. Да, и такие, слишком живые, слишком совестливые, тоже первыми в очереди на тот свет. Жаль, очень жаль. Я ему от всего сердца желаю оказаться в самом хвосте этой чертовой очереди. Нужны такие парни, очень нужны, если и их не останется, я уж не знаю...

- Чего вы его раньше времени хороните? – наконец выдавил хриплым голосом я. Мне тоже нравился этот парень. И меня даже слегка кольнула совесть, что он выбрал опасную дорогу, кишашую акулами, а я безопасный склеп.

- Нет, Аристарх Модестович, я, надеюсь, что хоронить его не буду. Во всяком случае, этого не увижу.

Старушка быстренько натянула пальто, повязала косынку, чмокнула меня в приклеенную бороду. И весело крикнув: «до завтра!» так же легко выскочила за дверь, как и вошла. Впустив струи осеннего ветра и прохладного вечера. И мне на миг показалось, что на метле она бы выглядела более гармонично. Я ошибся с первого взгляда, принимая ее за Шапокляк, или за нэпманшу из богемы. Скорее,

она походила на ведьмочку, но очень добрую. Претендующую на чужую философию, живущую по чужой философии, но в глубине души, ей не доверяя. Потому что философия Сенечки ей была куда ближе. Хотя он никогда не был философом и, возможно, даже не знал, что на свете может существовать такая бессмысленная наука.

Вот и все. Все оказалось проще, чем я думал. От Викентьевны я узнал все, что мне было нужно. Да и узнавать было особенно нечего. Старик и впрямь оказался абсолютно одиноким. Похоже, самыми близкими у него были старушка и Сенечка. Остальные всего лишь случайные покупатели, а если и бывали постоянные, то вряд ли старик шел с ними на близкий контакт. Моя жизнь мало чем отличалась от жизни старика. Я тоже в ней был одиночкой. Разве что Тася... Впрочем, в последнее время у нас были более чем прохладные отношения. И каждый был готов к неминуемому разрыву. Тася прекрасно поймет, что я ее бросил. Впрочем, возможно, стоило позвонить? Нет, не стоило. Это было в моем характере. Просто исчезнуть. И не потому, что я был труслив. Просто мне лишний раз не хотелось обижать девушку. И Тася про эту черту характера знала. Сенечка представлял минимальную опасность, поскольку из совершенно разных были поколений старик и регулировщик, из разных социальных слоев и разного воспитания. Скорее, Сенечка забежал всегда на минутку, узнать все ли в порядке. Он был ответственный парень. А, возможно, его и впрямь сжигало любопытство, почему старик так ни разу не заболел. Вот Викентьевна... Она, конечно, больше говорила, чем смотрела и слушала. Но все же... Столько лет вместе... Из дня в день... Только бы здесь не допустить промах. Старушка, на первый взгляд, довольно простодушная. Но все же, мне казалось, она не так уж проста. И я грешным делом подумывал, как бы избавиться от ее услуг. Но ничего путного, что не вызывало бы подозрений, сочинить не мог.

За меня сочинила жизнь. И с какой стати последнее время она играет на моей стороне? Нет ли здесь подвоха? Я настолько привык к поражениям, что удачи для меня становились аномалией, и доверять им я разучился.

Следующим же утром я напряженно ждал старушку. Я понимал, что нужно расслабиться, чтобы не вызвать подозрений. Но напряжение, скованность нарастали. Я проверил, на месте ли берет. На месте. Вместе с головой. Но он сжимал до боли голову. Возможно, потому что она распухла от мыслей.

Вместо старушки неожиданно появился Сенечка, и я облегченно вздохнул. Сенечку я не боялся. Он долго на пороге лавки растирал замерзшие уши и бормотал:

- Ну и холодрыга. Им-то хорошо, они в машинах. Там и тепло, и музыка. И чай в термосе. – Сенечка не смотрел на меня. Он как-то съежился, втянул голову в плечи и все отчаяннее и отчаяннее растирал лопухие уши. Они уже просто пылали. Я заволновался. Что-то было не так. И хотя я плохо знал этого парня, все же подозревал, что сегодня он совсем другой.

- Выпьешь чаю, Сеня? – я рискнул все же быть с ним на «ты». Он был настолько молод! Даже, если антиквар отличался чрезмерными интеллигентскими замашками, с лопухим мальчишкой Сенечкой и то бы не посмел на «вы». Я угадал.

Сенечка еще больше пригнулся к полу, растирая уши. Казалось, он не может мне ответить.

- Выпей чаю, ты согреешься. У меня хороший чай.

Я уже успел изучить запасы старика. Плохой чай он не пил.

- И зеленый есть, и красный, и белый, и черный. С листиком мяты. С веточкой облепихи. С ягодами земляники. Ты какой хочешь, Сеня?

Я приблизился к парню. Того всего колотило. И мне показалось, что холод тут не причем. К тому же не так уж было холодно на улице. Даже не завывал ветер.

Я осторожно встряхнул его за плечи и приподнял подбородок. И встретился с ним взглядом. Глаза Сенечки были полны слез.

Неожиданно он вздрогнул, словно увидел меня впервые. Неужели узнал? Нет, этого не может быть. Седые длинные волосы, седая борода и черный берет. Как можно узнать человека?

- Что с тобой, Сеня?

- Я не знаю... Я не знаю, как вам... сказать... сообщить..., - Сенечка еще более отчаянно стал тереть уши. И я силой отодрал его ладони от ушей.

- Прекрати! – резко сказал я. – Что случилось!

Мой резкий властный голос заставил Сенечку подпрыгнуть на месте и вытянуться в прямую стойку. Он имел опыт общения с начальством. И действительно походил на оловянного солдата.

- Аристарх Модестович! Имею неприятность вам сообщить, что гражданка... гражданка..., - и Сенечка не выдержал. Оловянный солдатик растаял и промычал сквозь слезы... - Викентьевна ночью умерла, умерла, как пить дать.

Я машинально перекрестился. Так наверняка бы сделал антиквар.

- Царство ей небесное, - первое, что мне пришло на ум сказать. Но, безусловно, этого было мало. С этой женщиной антиквар был знаком долгие годы, возможно, целый век. И отделаться дежурным «царством небесным» вряд ли получится. Мне нужно было вообразить неутешное горе. А это было непросто. Мне искренне было жаль эту старушку, словоохотливую, полную жизни. И так... Вдруг... У нее даже не было насморка. Впрочем, чтобы остановилось сердце, насморк необязателен, иногда он даже мешает.

Я резко повернулся спиной к Сенечке. И правильно сделал. Теперь Сенечка поверил в искренность моего горя. И положил руку на мое плечо.

- Держитесь, дорогой Аристарх Модестович. Прошу вас, держитесь. Я знаю, что кроме нее у вас никого не было.

- Никого, - эхом повторил я.

- Она всегда говорила, что вы старики крепкие, даже не болеете. И к финишу придете вместе. Ой, извините, я не про то, извините. Я не то хотел сказать, не так выразился, ей-богу. Дай вам Бог еще долгих-предолгих лет.

- Не извиняйся, Сеня. Мне она тоже это не раз говорила, - глухо ответила моя спина. - Как будет, так будет. Не так уж я боюсь смерти. Я живу в таком мире, где смерть давно поселилась. Но это не просто смерть. Это вечность. И кто скажет, что эти мои вещи не есть настоящая вечность. А я один среди них. Я сам давно мертв и я сам давно уже вечность. Вот так, Сеня.

Странно, мне только вчера старушка сама заявила, что к финишу они с антикваром придут вместе. Пережила она его всего на один день, даже не зная о его смерти. Но она и не должна была знать. Это за нее знало сердце. Вот оно и остановилось.

- Так жаль Викентьевну, - Сенечка шмыгнул носом. – Она меня любила. Я сам это чувствовал. За меня никто в жизни так не переживал, как она. Никто, представляете. А она, как бежит через дорогу, как видит меня - и давай размахивать руками и со всей силы бить машины сумкой по капоту, или багажнику, или лобовому стеклу. Помните, у нее еще такая цветастая сумка была, в розочки, что ли, или...

- Не нужно, Сеня. Мне тоже тяжело, - не поворачиваясь, я крепко пожал его ладонь.

- Я все понимаю. Но ничего уже не пропишешь. Меня ждет дорога. Куда они все прутся? Неужели трудно хоть иногда пешком пройтись. Я вот этого не понимаю! Я даже себе клятву дал, что никогда не куплю машину! Ни в жизни!

- Не клянись, Сеня. Жизнь идет, а клятва остается. Зачем быть повязанным?

- Ну, вот вы, к примеру, дорогой. Вы... Вы вообще редко выходите. А если и выходите – только пешком. Так и живете пешком. Разве это плохо?

Я пожал плечами. Я еще не знал, плохо это или хорошо.

- И в магазин не ходите, редко гуляете, и то только, когда стемнеет. Да уж, у каждого свой ритм, у каждого. Тут ничего не пропишешь. Я так медленно не люблю. Мне бежать надо. Но только не машины. Это уже полный идиотизм.

- Странно это слышать от госавтоинспекции.

- Госавтоинспекция – звучит слишком солидно. А я всего лишь регулировщик. Мне стоять нужно. И смотреть в оба на этих монстров, эх, знали бы вы, как я их ненавижу! Ну, просто не переносу! И Викентьевна их ненавидела. Даже мне электронную игру подарила, где всех их на дороге можно отстреливать за нарушение правил. Получается 80 процентов отстреленных, представляете! Что бы было в жизни! Представляете, 80 % преступников! И все среди нас! И каждый убить нас может! Нас 20, а их 80! Какова гарантия жизни!

- Я не играю в электронные игры.

- И то верно. Другой ритм. Другие нервы. Я не знаю, чем вас успокоить, потому что не знаю, как успокоиться самому. Но одно, что я для вас успел сделать. Я знаю, для вас это важно. Я уже дал объявление о преходящей домработнице.

И я тут впервые резко повернулся к Сенечке.

Пожалуй, у меня был настолько свирепый взгляд, что Сенечка попятился, покачнулся и чуть не упал.

- Зачем? – прохрипел я.

- К-ка-как зачем? – испугался Сенечка. – Что с вами, дорогой? Я никогда вас таким не видел. Боже! – Сенечка стукнул себя по лбу. – Ну конечно! Как я смею задавать такие вопросы. Может быть, вам купить что-нибудь успокоительное? Хотя какое уж там спокойствие. Только время все успокоит. Положитесь на время, дорогой Аристарх Модестович.

- Зачем ты Сеня дал объявление?

- Это вы сейчас, в шоке говорите зачем. А потом мне спасибо скажете. Как же вы и без домработницы! Это же невероятно! Это же так всю вашу жизнь перевернет! Да это и убить вас может! Да! Да! Убить! А я этого никак не допущу! Чтобы вы сами в магазин ходили, в аптеку, в прачечную... Как же такое вообще возможно! Сами полы мыли и готовили! И посетителей принимали, вернее отшвыривали, извините, все же принимали! И на звонки отвечали! Нет, это определенно самоубийство! И я определенно этого никак не допущу!

Я признал свое поражение, и устало опустил в бархатное кресло. Интересно, кому оно принадлежало? Да, пожалуй, пора проверить все учеты и записи Аристарха, и выучить все вещи, всю их историю и их цену наизусть. Сенечка тысячу раз прав. Мне светиться не следует. Меня вообще никто не должен видеть. Во всяком случае, много и часто. Поэтому домработница необходима. Какая-нибудь проворная допотопная старушка, которая слухом не слыхивала об антикваре. С ней, пожалуй, я буду в большей безопасности. И я посмотрел на Сенечку. Уже ласковым, почти трогательным взглядом.

- Прости меня, Сенечка. Я действительно не в себе. Смириться со смертью никто не может. Во всяком случае, пока. Даже если и готов к ней. Ведь мы с Викентьевной и впрямь не молоды. И смерть нам уже не казалась пришельцем из другой планеты. Она уже была рядом, почти жила с нами. И с нами делила и

неудачи и радости. Мы давно ее не боялись. Ну, знаешь, как соседа. Который чего-то дожидается. И который что-то хочет от нас. И не очень любим друг друга. Но и друг без друга как-то пусто. Как говорится, – сосуществование. И неизбежность. И все же...

- Дорогой Аристарх Модестович, - Сенечка присел на корточки возле бархатного кресла и даже попытался взять мою руку. Но я вовремя спрятал ее. До меня вдруг дошло, что мои руки наверняка моложе рук старика. И руки гримировать я не умею. – Дорогой... Мне ужасно жаль Викентьевну.

У Сенечки на глазах вновь выступили слезы.

- Она мне как мать была... Или бабушка... Которых у меня в помине не было. Но... Я всегда чувствовал, что вы крепче ее. Гораздо крепче. Потому как на улице редко бываете. Мне вообще иногда кажется, что всех убивает улица. Может, потому что я на ней работаю, кто знает. И не обязательно машины убивают. Это просто. Сколько на улицах магазинов, контор, учреждений всяческих, офисов. И со всем этим нужно вступать в контакт. А контакт не самый приятный. Я бы сказал, убийственный контакт. Вы себя от него избавили. Вот почему вам просто необходима домработница. Как воздух, может, как продолжение жизни. Вы согласны, дорогой?

- Еще как согласен, Сенечка, еще как, - я улыбнулся. И подумал, что подобного контакта с улицей не допущу. И понял, что я всегда именно так хотел прожить свою жизнь. Только не мог сообразить, за что, за что фортуна так легко вступила в контакт со мной. Но мысленно поблагодарил ее за это.

Сенечка направился к выходу.

- Я оставлю вас одного, хоть вам, может одному, теперь и не сладко. Но, наверно, нужно.

Я утвердительно кивнул.

- Проводить-то Викентьевну в последний путь сможете?

Я кивнул отрицательно.

- Не смогу, Сенечка, не смогу. И не суди меня за это.

- Кто я такой, чтобы судить. И Викентьевна тоже бы не осудила. Людей, я так думаю, вообще нужно запоминать живыми. А мертвые пусть останутся для истории.

- Или не останутся.

- Ну, в вашей истории Викентьевна точно останется. Вам чего-нибудь принести от нее... Для памяти?

У меня не было памяти о Викентьевной и быть не могло. А вот у Аристарха... И я вспомнил о сумке.

- Ну, ту сумочку... В розочки. Которой она так отважно била машины по стальным мордам.

- Хорошая память, - Сенечка улыбнулся. – А ее вы помяните здесь.

- Помяну здесь. И похороню здесь. И сохраню здесь навсегда в своей истории. И поэтому здесь побуду один.

- Я понял. Только для меня открывайте двери. И для домработницы. Может, мы пока единственные живые для вас.

Сенечка закрыл за собой двери. И аккуратно повесил табличку «Закрыто». Он был умный парень.

Я облегченно вздохнул. Во всяком случае, на какое-то время я был полностью закрыт от жизни. И она не сможет вломиться мне в двери.

Эти несколько дней, на которых была табличка «закрыто» пролетели для меня мгновенно. Я лихорадочно изучал дело старика. Его записи, в которых с методичной четкостью были указаны не только цены на вещи, но и их биография. И эта биография неодушевленных предметов оказалась чрезвычайно

увлекательной, и мне чудилось, что не просто мертвые вещи окружают меня. У каждой из них была душа. Я словно читал приключенческий роман, со множеством глав, где были и погони, и выстрелы, и смерть, и победа, и слезы, и страх, и радость. И меня уже не удивляло, что старик отказался от людей и от самой жизни. Он заменил и семью, и детей, и друзей и саму жизнь чужими биографиями, которые, наверняка, были гораздо увлекательней его собственной, если бы она состоялась. Может быть, поэтому он так долго прожил? И, по словам Викентьевны, совсем не менялся, не старел, что заменил собственную жизнь сотнями чужих жизней. И прожил сотни чужих жизней, так и не познав настоящую жизнь. В которой не так много удач и так много потерь.

Пару раз забегал Сенечка. Первый раз, чтобы рассказать о похоронах Элеоноры Викентьевны. Я слушал вполуха, поскольку меня не очень интересовали чужие похороны, хотя старушку было искренне жаль. И я даже пару раз промокнул глаза платком. Не играя в печаль, а печаясь. А во второй раз он мне принес хозяйственную сумочку в розочки. Все что осталось от Викентьевны для ее друга антиквара. И я демонстративно, при Сенечке ее аккуратно сложил в шкаф. Для будущей истории. Которая вряд ли кого заинтересует когда-нибудь. И состоится.

Сенечка на прощанье посетовал, что никто не отозвался на его объявление по поводу домработницы.

- И как вы тут, дорогой, один-одинешенек справляетесь? – вздохнул он на прощанье.

Я вздохнул вслед за ним. Справлялся я не плохо. Пока. Но что будет завтра, если все мои припасы закончились, вещи покрылись пылью. Выходить я опасался. Я боялся соприкосновения с миром, в котором играл чужую роль, и который уже мне не принадлежал. А вдруг этот мир меня разоблачит? Но, похоже, когда я сегодня доел последнюю консерву, завтра придется табличку «закрыто» снять. Как бы мне этого не хотелось.

Но «завтра» распорядилось иначе. Фортуна вновь легко пошла на контакт со мной, что меня еще больше встревожило.

Ранним утром я проснулся от громкого стука в дверь. Машинально нахлобучив беретку. Набросив халат на пижаму, сгорбившись, шаркая тапочками, я медленно пошел открывать. При этом я что-то хрипло ворчал себе под нос. Я выучил за эти дни свою роль на отлично.

На улице едва светало. Пронзительно завывал ветер. И мокрая листва прилипла к витрине. Свет я так и не включил, мне нужно было узнать, кто поднял меня в такую рань. Безусловно, я сегодня не ждал милиции, но на страх перед ней я похоже, обречен на всю жизнь. Я осторожно приоткрыл занавеску и заметил маленькую женскую фигурку, которая прыгала от холода на месте и демонстративно хлопала ладошками по своим плечам. На милицию она не была похожа.

Поэтому я смело распахнул двери. Ветер едва не сбил меня с ног. И едва не сбила с ног меня девушка, которая буквально влетела в комнату, стуча так же демонстративно от холода зубами.

- До вас не достучаться! – вызывающе заявила она вместо «здрасьте».

Я вздрогнул при ее вызывающем голосе. И включил свет. И мы встретились с ней взглядом.

Мы встретились взглядом. Это была Тася. Моя Тася. К бумбончику вязаной шапочки прилип желтый лист. И я его осторожно снял. Не знаю, почему я это сделал первым делом. И только потом удивился. Впрочем, возможно, я это сделал от удивления. Нет, удивление еще мягко сказано. Мои ноги похолодели, и

я не мог сдвинуться с места. Возможно, последствие шока – оцепенение - и спасло меня. На лице не проступило ни грамма изумления. Мимика была не подвижной. Лицо оставалось каменным и суровым. Каким, должно быть, и было бы лицо антиквара при виде нежданной незнакомки осенним ранним утром. Когда еще еле-еле светает. И когда особенно хочется спать. Впрочем, возможно, Аристарху спать не хотелось. Он был настоящий старик. Старики зачастую страдают бессонницей.

Передо мной стояла моя Тася. В вязаной шапочке с бумбончиком. К которой, совсем недавно, прилип желтый лист. Но я стариком не был. И она об этом не знала, не могла знать. Но тогда, черт побери, что она делает на пороге антикварной лавки!

Тася тут же ответила на мой мысленный эмоциональный вопрос. Тоже вполне эмоционально, в ее духе.

- Черт побери! Я вам тут тарабаню в дверь с полчаса! А вы спите, как убитый! Во истину лгут, что старики страдают бессонницей, особенно поутру! Прекрасно они дрыхнут, за милую душу! Мне бы так!

- Вы пришли обсуждать особенности моего ночного сна?

- Но не дневного же! – Тася хихикнула в ладошку. – Или вы и днем не прочь вздремнуть часок-другой? Да, при таком занятом образе жизни вам непременно нужна управительница! Точнее, мо.. мож...можу... рдом! Да, може... могу...он мне больше нравится. Солиднее. Да, но так плохо выговаривается! Дурацкое слово! Во! Менеджер! Точно. Как пить дать! Мои подружки лопнут от зависти! Представляете!

Тася важно прошагала взад-вперед по комнате, подняв голову вверх и уперев руки в бока:

- Кем ты, Таська, работаешь?

А я им в ответ.

Тася понизила голос:

- Во-первых, не Таська, а Таисия Кирилловна. А работаю я... Вернее, не работаю, а служу менеджером в антикварном магазине, нет, магазин, вообще, как сельмаг звучит. Ага! Менеджером в антикварном супермаркете! Так точнее.

-А еще точнее – уборщицей в антикварной лавке, – не выдержал я и одернул Тасю довольно грубо, как всегда. Когда мне надоедала ее пустая болтовня, окрашенная легким снобизмом.

- А еще точнее – вы никем не работаете. Во всяком случае, у меня!

Но Тасю нужно было знать. Впрочем, я ее знал хорошо. Она никогда не сдавалась. И умела доставать, до полной победы. Но на сей раз о ее победе не могло быть и речи. Она запросто может меня разоблачить, и как я ей все объясню. При этой картине легкая дрожь пробежала по моему телу. Хотя... Вполне возможно она бы поддержала меня. По натуре Таська была авантюристкой. Но авантюра и убийство, во-первых, разные вещи. А, во-вторых, я не хотел категорически к ней возвращаться. Только я обрел настоящий покой – и на тебе. К тому же, я не мог ни под каким предлогом впутывать в криминал девушку, хотя, возможно, при ней и было бы безопаснее. Нет, и еще раз - нет.

Пожалуй, последнюю фразу я пробормотал вслух. Потому что Таська тут же в ответ закричала:

- Дедушка! И на каком основании вы меня не берете! Что за шуточки такие! Интересно, почему это я вам не подхожу! Я все умею делать, к тому же я молода!

- Слишком молода, - резко ответил я. – Мне нужна старушка, еще с нэповских времен. А на счет все умею..., - я резко затормозил. Да, нужно контролировать себя. Я знал, на что способна Тася. Куча разбросанных вещей по всей комнате. Пыль на мебели. И редкое махание метлой в разные стороны,

после чего еще больше пыли. Да, старательной и умелой ее вряд ли бы я осмелился назвать. И это чуть было не ляпнул. Но вовремя остановился.

- Да! Именно! Все умею!

- Ну, женщины все всё умеют. Это небольшая заслуга. А вот найти интеллигентную старушку, умеющую вести интеллектуальную беседу с покупателями... замечу, что мой магазин посещает определенный тип людей. Этакие эрудиты, этакие романтики, для которых история не просто абстрактное понятие, а осязаемая реальность, в которой они хотят принять свое непосредственное участие и оставить в ней свой след, либо хотя бы посметь ступить по чужому следу.

Тася слушала меня с открытым ртом, наморщив свой узенький лобик. Как всегда, ее шокировали словесные непонятности, на которые я был мастер. И чем больше она не понимала собеседника, тем больше уважала его, даже если он нес полную чушь, состоящую из стилистических ошибок. Как я теперь. Мне нужно было отпугнуть Тасю. Чтобы она сама отказалась от мысли об этой работе.

- Да-а-а... И вы это... Всерьез думаете, что я не обучусь разговаривать с вашими сомнительными романтиками?

- Увы! – я развел руками. – Этому не учатся. И этому не учат. Интеллигентный разговор – это дар врожденный.

Здесь я определенно слукавил. Интеллигентности можно научиться, просто сегодня зачастую учат наоборот. Таковы правила игры сегодняшних реалий, когда хамство, грубость и высокомерие является некой визитной карточкой, открывающей многие двери, за которыми восседают те же хамство, грубость и высокомерие. Но Тася этого не понимала. К тому же привыкла верить умным людям на слово. А зря.

Но Тася еще не сдавалась. Она упрямо помотала головой. И бумбончик на ее вязаной шапочке покачнулся из стороны в сторону.

- А, между прочим, мой один друг был бухгалтером - уже не так уверенно сказала она, видимо, вспомнив о пьяных загулах бывшего дружка.

Я только развел руками.

- А второй – настоящим философом, - еще менее уверенно упомянула она мою персону, видимо вспомнив о моих сомнительных выходках.

Я вновь развел руками.

И Тася сдалась. На ее глазах выступили слезы, она повернулась и медленно направилась к выходу. Я ликовал, хотя в душе жалел девушку.

Тася сделала последнюю попытку надавить на мою жалость. И у двери обернулась. И сквозь слезы пробормотала.

- Мне так нужна была эта работа. С прежней меня уволили. К тому же мой второй друг...ну, который философ, он пропал. Представляете, бесследно исчез.

Я приложил все усилия, чтобы не выдать волнения. Благо я был в гриме. В седой бороде волнение незаметно.

- Бесследно исчез? Как же так? Так невозможно, - прохрипел я.

- В том-то и дело, что невозможно. А оказалось, возможно. Ушел и не вернулся. Мне теперь просто не на что жить.

Я облегченно вздохнул. Тася подумала, что ее бросили.

- Не переживайте так. Может быть, он еще вернется. Но если нет... Всех бросают. И все бросают. Хоть раз в жизни.

- Бросают?! Ну, вы скажете! Какое там бросают! Если бы! Если бы он меня бросил, то я бы нашла способ его вернуть! От меня так просто не отделаешься! К тому же он наверняка бы меня предупредил! Не переживайте!

- Я и не переживаю. Мне вообще нет дела ни до вас, ни до вашего философа и тем паче – бухгалтера. Просто я пытаюсь вам объяснить, что он,

возможно, не предупредил вас только потому, что знал – вы найдете способ его вернуть. Это ваши слова.

- Вот видите, вы меня уже цитируете. А говорили, я глупая. Глупых не цитируют.

-Ну, это спорное заявление. Не хочу показаться невежливым, но у меня куча работы. Так что, - я легонько подтолкнул Тасю к выходу.

- Я бы мигом разгребла вашу кучу, - Тася так жалобно смотрела на меня полными слез глазами, что будь я собой, то непременно бы сдался. Она права, вернуть меня она бы нашла способ. Но, к счастью, я собой не был вот уже несколько дней. И даже потихоньку стал привыкать к этой мысли. И потихоньку стал себя забывать. Тася же могла разрушить все мои планы. А к себе я не хотел возвращаться ни под каким предлогом. Впрочем, как и к ней. И я вновь ненавязчиво подтолкнул ее к выходу. Бумбончик на вязаной шапочке с укором кивнул мне.

Я услужливо, как швейцар, распахнул перед Тасей двери. И она переступила порог.

- До свидания, Таисия Кирилловна.

Слава богу, этот навязчивый визит, завершился. Поражением моей бывшей девушки, что на моей памяти случилось впервые. Но я поторопился заявить о своей победе.

- Извините, - последнее слово Тася оставила за собой, как всегда. И это слово оказалось решающим. – А вы не подскажите, где находится отделение милиции?

- Отделение милиции? – машинально переспросил я, по-прежнему желая избавиться от девушки. – Понятия не имею.

- Ну, тогда...

И тут до меня дошел смысл ее слов.

И я буквально силой втащил девушку в дом.

- погоди, ты погоди, - я слишком суетился. Но Тася была не самой умной девушкой на свете. И вряд ли что-нибудь могла заподозрить. - Ты погоди, погоди. Милиция? Отделение милиции? У меня есть справочник, если хочешь, я поищу.

Я сделал вид, что бросился на поиски справочника, хотя не подозревал, имеется ли он в наличии. Хотя, по идее, у антикваров должны быть координаты всех учреждений.

- Вы так любезны.

- А зачем тебе милиция? – как можно непринужденнее выкрикнул я из дальнего угла комнаты, перебирая книги Аристарха.

- Зачем? – крикнула мне в ответ девушка. – Как зачем? Чтобы сообщить о пропаже друга! Уже более трех дней прошло! Такие заявления они принимают!

- Что, что, что?! Я ничего не слышу! – еще громче заорал я, хотя все прекрасно услышал.

Тася мигом очутилась возле меня. Я сидел, окруженный многочисленными книгами, которые сгрузил на пол и делал вид, что старательно ищу справочник. Тася повторила свой ответ.

- О пропаже дружка? – я округлил от изумления глаза. – Какие глупости! Бросил он тебя, девушка! Так тысячи парней сбегают от своих девушек! И тысячи мужей от своих жен! Тебя даже не будут слушать в милиции! Больше у них дел нету! А еще хуже – вообще затаскают. Ты же с ним жила! Значит, если ту есть хоть доля криминала, ты первая и будешь в ответе!

- Ой, напугали! А что мне прикажете делать! – Тася приняла боевую стойку, подперев руки в бока. – Жить мне не на что! И мы вместе за квартиру должны расплатиться! И за холодильник! Гришка, может, и негодяй, но честный парень! Не

оставил бы меня умирать в одиночку среди кредиторов! Только, если не наложил на себя руки. А если наложил – нужна милиция! Кстати, вот справочник! – Тася схватила телефонную книжку, лежащую прямо перед моим носом. – Других поучаете, а сами ни черта не замечаете, что творится у вас под носом.

Я осторожно забрал у нее справочник и усадил девушку в бархатное кресло.

- Ну, хорошо, милая. Мне действительно тебя жалко. Ну, как человек человека жалеет.

- Точнее, дедушка – внучку.

- Пусть будет так.

Ну, вот я уже стал дедушкой для девушки, которую совсем недавно еще любил. Время для меня воистину пробежало быстро.

- Мне не хочется, чтобы такая миленькая девушка связывалась с милицией. И не хочется, чтобы она погибала от голода. К тому же я убедился, какая ты проворная и находчивая. Так ловко отыскать справочник в чужом доме, под грудой книг!

- Который лежал перед вашим носом, на самом видном месте.

- «Большое видится на расстояньи». А что под носом происходит – незаметно.

Тася почесала свой курносый носик.

- Я все вижу, что у меня под носом происходит.

- Вот поэтому я и принимаю тебя на работу! В антикварном деле – главное внимание! Главное – все подмечать и уметь находить!

Тася от радости подпрыгнула на месте и закружила по комнате. Она никогда не умела скрывать своих эмоций.

- Вот это здорово! – она резко притормозил возле меня. – Неужели это правда? Не шутите?!

- С моей седой бородой, какие уж шутки, - я потерял бороду.

- И то верно. И что, я и впрямь буду менеджером?

- Менеджер, Тася, это чуть-чуть другое. Ты будешь... Ну, скажем, секретаршей. Так точнее.

Тася вздохнула.

- Менеджером было бы лучше.

- Хочу заметить, что пять минут назад ты была без работы. Прошу и впредь это помнить.

- Ладно, ладно, уговорили. Секретарша – тоже неплохо звучит.

Тася скромностью никогда не отличалась.

- Более того. Абстрактно звучит. А на самом деле, но об этом, конечно, будем знать лишь мы с тобой, ты будешь и домработницей, и продавцом, и швейцаром, и поварихой, и официанткой...

Чем больше я произносил профессий, тем больше хмурилось Тасино личико.

- Ну и, счетоводом, конечно.

- Счетоводом? – Тасино лицо наконец-то просветлело. У нее явно была тайная страсть к математике, в которой она ни черта не смыслила.

- Справишься?

- Не знаю, как на счет домработницы и кухарки. Но счетоводом я точно смогу быть! Я же говорила, у меня бывший дружок... Ну, который еще до философа, был бухгалтером!

Слово бухгалтерия она по-прежнему произносила, как молитву.

- Так что не волнуйтесь! Уж я справлюсь!

Безосновательная самоуверенность – один из основных коньков моей бывшей девушки, которая сегодня годилась мне во внучки. А поводов для волнений у меня было предостаточно.

- И когда приступать к работе, то есть к службе... счетоводом, то есть... бухгалтером? Я могу хоть сегодня! – по-деловому спросила Тася. Ей деловитость шла так же, как ее бухгалтеру подснежник в петлице.

Мне вообще хотелось, чтобы ни к какой работе она не приступала. Или как можно дольше не приступала. Она была опасной работницей, у нее всегда все валялось из рук. Но оставлять ее без присмотра было куда опаснее.

- Завтра, завтра приступишь. А сегодня... Я тебе дам аванс, чтобы ты рассчиталась со всеми. И вообще, тебе, наверно, нужно подготовиться, собраться с мыслями, морально, так сказать, настроить себя на служение новому делу...

Тася от удивления приоткрыла рот.

- Ну да... Конечно, морально собраться с мыслями, - пробормотала она.

- Да, и еще, - я от волнения закашлялся. – И повернулся к окну. Так было легче не выдать волнения. – Ты понимаешь, у меня здесь серьезное дело, а не какая-нибудь шарашкина контора. И работа с историческими ценностями, и ценными бумагами, и важными людьми... Так что ... В общем, о милиции я не хочу и слышать. Иначе окажешься в одну секунду на улице. Сама понимаешь.

- Сама понимаю, - как эхо повторила она за мной. – Конечно, это будто на секретном предприятии, да?

- Ну, в общем, да, - я вновь повернулся к Тасе и облегченно вздохнул. Вопрос с милицией был, похоже, решен. – Секретность – это точно сказано. Конкуренты никогда не дремлют.

- Только вы любитель вздремнуть, - Тася хихикнула в ладошку.

Я сурово сдвинул седые приклеенные брови.

- Да, и запомни хорошенько, очень хорошенько! Я тебе не дедушка, а твой начальник! И ты мне тем паче не внучка, а моя подчиненная! Так что никакой фамильярности!

- Никакой, дедушка! – Тася приложила, ладошку к виску и шаркнула ножкой. Как верный солдат. Хотя в ее верности я всегда сомневался.

Тася выскочила за дверь. И я, приподняв занавеску, наблюдал, как она весело перепрыгивает через лужи и мурлычит под нос какую-то песенку. И ее бумбон на вязаной шапочке шатается из стороны в сторону, как колокольчик. И, казалось, подыгрывает ей. И я словил себя на мысли, что не зря был в нее когда-то влюблен. Что-то в ней безудержно притягивало, как осенью притягивает солнце, а знойным летом - дождь, как притягивает абсолютная тишина в непрерывном звоне колоколов. И одинокий звон колокольчика в абсолютную тишину. Но любовь моя было в прошлом. Это для меня облегчало ситуацию и усложняло одновременно. С кем-кем, а с Тасей нужно всегда быть готовым к неожиданностям. Кто-кто, а она была полна неожиданностей. И что-то эти неожиданности частенько сбывались. Да-да, как теперь.

Мои мысли материализовались мгновенно. У меня на глазах Тася, перебегая не по правилам дорогу, виртуозно лавируя между бешеными автомобилями, вдруг резко остановилась напротив Сенечки, который, в свою очередь, виртуозно лавировал палочкой. Он от неожиданности подпрыгнул на месте. От неожиданности на месте подпрыгнул и я. А Тася, приблизив личико прямо к оттопыренному, красному от холода, уху Сенечки, стала что-то возбужденно лепетать. Наконец Сеня вытянул руку с палочкой, указывая куда держать путь. И Тася пошла по пути, указанному регулировщиком.

Я взволнованно шагал по комнате взад-вперед. И мои мысли уже рисовали отчетливую картину: «Тася в отделении милиции», где девушка захлеб

рассказывает о пропаже своего дружка. Дело принимало для меня плохой оборот. Я, безусловно, совершил ошибку. Мне нужно было в эти дни позвонить Тасе и сказать, что я ее бросил. Раз и навсегда. И вообще уехал из города, если не из страны или планеты. А рассчитаюсь с долгами позднее. Впрочем, это еще не поздно сделать. Стоит только дождаться, когда она вернется домой.

Горло по-прежнему болело. И душил кашель. Но у старика в лавке было тепло. И я, напившись горячего липового чая с малиновым вареньем, забрался на диван и, укутавшись шиншиловым пледом, читал исторические детективы, любителем которых оказался антиквар. Как антиквару и положено. Табличка «закрыто» по-прежнему наглухо закрывала мою дверь. И мой день для непрошенных гостей и покупателей. А барабанная дробь дождя по подоконнику и заунывный вой ветра, звучали как печальный аккомпанемент к моему покою. И я этим покоем от души наслаждался. И от души понимал, насколько мне не хватало его эти годы. Для души.

Вечером у меня вновь поднялась температура, но я нашел силы позвонить Тасе.

- Тась, это я, - сипло проорчал я в трубку.

- Кто - я? – нежно промурлыкала она в ответ.

- Ты что, совсем меня забыла? – хрюкнул я от кашля и досады, что любимая девушка не узнает родной голос.

- А кого я должна была забыть? Забывают тех, кого знали когда-то.

Представьте, пожалуйста, - мурлыканье перешло в раздраженное кудахтанье.

- Ты что, разыгрываешь меня? – не менее раздраженно крикнул я.

После перепалки на скотном дворе, мы уже по-человечески рычали друг на друга.

- Это вы меня разыгрываете! Или представьте или у вас больше не будет такого шанса!

- О господи! Если это шутка... То глупая, как все твои шутки! Ну, хорошо, я сдаюсь, это Гриша. Твой Гриша.

В трубке повисло молчание. Потом трубка испуганно вздохнула, всхлипнула, ойкнула и, наконец, разразилась потоком и слез, и слов.

- Зачем, зачем вы разыгрываете меня?! Это что, жестокая шутка? Да? Да я Гришкин голос наизусть выучила. Мне он теперь ночами снится. А вы... Кто вы... Что-нибудь с ним случилось, да? Я чувствую, Ну ответьте, пожалуйста, я умоляю! Где он? Что с ним? Он попал в беду? Что бы ни было, я все выдержу, только честно-честно скажите...

- Да я тебе честно и говорю! Дурочка! Но до твоей тупой башки не доходит! Это я, Гриша! Меня сейчас в городе нет! Понимаешь, мне срочно нужно было уехать! Так что пока меня не жди, ты слышишь? Не жди!

- Я вас и не жду! – уже истерично закричала трубка! – Я Гришку жду! А вы...вы...я понятия не имею!...

Ох, как мне хотелось заорать в ответ. Но простуженный голос не позволял. Но я сделал попытку.

- Да ты выслушай меня, идиотка, - мой голос сорвался. И в ответ раздались истеричные гудки.

Похоже, я допустил промах. Тася определенно меня не узнала. Я при ней не болел ни разу. И мой простуженный голос она не представляет. Как не так уж хорошо помнит мой обычный голос по телефону, поскольку на моей памяти мы с ней почти не созванивались. Мы вместе уходили на работу и вместе возвращались. А если нам и случалось по воле обстоятельств в одиночку плавать в кишасщем городе, то эта передышка была недолгой. К тому же сегодня на линии

были ужасные помехи. Видимо, от разбушевавшейся к вечеру погоды. Деревья от сильного ветра клонились наземь и провода на столбах разрывались от боли.

Я со злостью бросил трубку на рычаг, и раздался условный стук в дверь. Я, кряхтя и пыхтя, сгорбившись и скукожившись, поплелся открывать. Играть в старика мне было несложно. Болезнь на время превратила меня в немощного человека. Как всякая болезнь превращает людей разного возраста в стариков.

Сенечка, мокрый с головы до пят, долго вытирал ботинки на пороге, отряхивал плащ-накидку. Наконец, придвинул кресло к камину и вытянул замерзшие руки и ноги. Пока он грелся, я готовил крепкий чай, желая поскорее вытянуть из него утренний разговор с Тасей.

- Да уж, погодка, так погодка. Не угадаешь. Утром такое солнце, аж сердце радуется! И никак не можешь поверить, что вечером такой ужас. – Сенечка отхлебнул горячий чай и закатил глаза от удовольствия. – А вы совсем плохо выглядите, дорогой. Говорил вам, куплю лекарства, новейшие средства, так нет – упрямитесь не по своему положению.

- Ну, старый добрый аспирин у меня еще есть. А все остальное завтра мне моя секретарша купит. Да, кстати, забыл вас поблагодарить за нее. Мне кажется, замечательная девушка. Сразу видно – смышленная и аккуратная. Так что я теперь буду в безопасности. И мое положение улучшится, – я сразу решил брать быка за рога. Бык не сопротивлялся. И мне подыграл. Похоже, он хотел разузнать про Тасю не меньше моего.

- Да уж, и симпатичная какая, - Сенечка покраснел, от неловкости подавился чаем, громко закашлял.

Я услужливо похлопал по его спине. При этом сделав вид, что нахожусь в полном недоумении.

- Что вы говорите! Симпатичная? Так вы с ней знакомы? Уж не вы ли мне ее подбросили, так сказать, от чистого сердца. Помочь умирающему старику.

- Ну, это вы зря, Аристарх Модестович. Вам еще много годков отпущено, уж мне-то поверьте. А что касается девушки... - Сенечка вновь покраснел, и хотел было от неловкости прихлебнуть чаю, но передумал, видимо опасаясь снова подавиться. – Коли был бы я с нею знаком, уже точно бы ее к вам приставил. От чистого сердца, как вы говорите. Но, увы, даже имени ее не знаю.

- Тогда как же, я не понимаю...

- На улице она ко мне подбежала. Прямо на дороге. Эти сумасшедшие носятся взад-вперед. А она, не менее сумасшедшая! Между ними, как между акулами, сюда-туда... Раздавить могли запросто, как букашку. И фарой бы не моргнули, и сигналом не пискнули. и не притормозили бы. Я уже было хотел штраф у нее выписать. Но сами знаете, на штраф у нас и времени нет. К тому же, как только она сказала, что является вашей новой секретаршей, я тут же и скумекал. Ну, какой можно брать штраф у работницы глубокоуважаемого Аристарха Модестовича. Это словно я бы взял штраф у вас, или у Элеоноры Викентьевны. Нехорошо это. Я у друзей штраф не беру. Хотя... Я и так редко штрафую. Мне, честно вам доложу, пешеходов гораздо жальче, чем этих железных монстров. Вот с них я сдираю по полной программе. И чем железка дороже, тем она больше платит. Я правильно рассуждаю? Вроде налогов. Ведь должны они у них быть поболее, чем у пешеходов. Ан нет, всех уравнили. Неправильно это. Как жить, так одинаково недолжны. Не приветствуется одинаковость. А как платить – тут уж все равны. Кто с копейкой в дырявом кармане, кто с мешком золота за спиной. Вы присоединяетесь к моему мнению, дорогой?

- Еще как, Сенечка, еще как. А что секретарша? Тоже жаловалась на машины?

- Не-а, чего ей жаловаться. Похоже, она не из жалобщиков. Она, как Викентьевна. Проще поступает. Сумочкой их по железной спине.

- Фу, - я помахал журналом. Температура поднималась. Я весь горел. – А я уж думал, что она жалобу хотела в милицию написать.

- Да нет, зачем ей милиция? Она дорогу у меня просто спросила. Я напрягся.

- Дорогу? И куда, если не секрет.

- Какой тут секрет. Девушка симпатичная, молодая. Как вы говорите – смышленная. Сразу скумекала, что почетная должность, какую вы ей предоставили, требует особого оформления. Вот она и хотела свой вид, так сказать, усовершенствовать. Придать ему другой, соответственный вашей антикварной лавке окрас. А то, знаете ли, джинсы и кеды – как-то не совсем солидно. Вот и спросила, не знаю ли я, где тут расположен магазин для деловых женщин. А я свой район, как пять пальцев знаю. Вот и указал нужное направление.

Я перевел дух и налил еще чаю. Безусловно, я совершил глупость, позвонив Тасе. Она бы не посмела ослушаться того, кто ей предоставил работу. Да, я определенно поторопился. Только испугнул девушку. Впрочем, возможно, она уже одумалась, вспомнила и поняла, что звонил ей именно я. А если нет? Может быть, не брать ее на работу и держаться подальше? Нет, не годится. Я должен за ней следить. За каждым ее шагом. Чтобы она не натворила глупостей. И как можно быстрее отвлечь ее от мыслей обо мне. Чтобы она поскорее вообще забыла о моем жалком существовании. Я внимательно посмотрел на Сенечку. Вот он, этот обаятельный парень с лопухими ушами и курносый носом, мне и поможет. Определенно он влюбился в Тасю с первого взгляда. А она? Впрочем, его профессия – регулировщик - должна ее сразить наповал. Хотя... Тася любила интеллектуалов. А чем Сенечка не интеллектуал? Говорит он витиевато, вычурно, видимо, подражая слогану старика. А как влюбить в себя Тасю – это дело нехитрое, и я ему смогу подсказать.

Утром я встал пораньше, чтобы встретить Тасю во всеоружии. Мне нужно было ненавязчиво заставить ее рассказать о телефонном разговоре с ее дружкой, то есть со мной. Не знаю зачем, но я тщательно причесался, надел новый пиджак Аристарха. Белый, в черную клетку. И даже почистил беретку, к которой стал потихоньку привыкать, как к собственной голове. Не знаю почему, но сегодня меня роль старика раздражала, как никогда. Я с раздражением посмотрел на себя в зеркало. И выпрямил плечи. Спина болела. За эти дни я уже привык сутулиться.

Тася постучалась в дверь лавки вовремя. Я распахнул двери. В комнату медленно и торжественно вошла девушка. Ее волосы были подобраны в какую-то невероятную высокую прическу. Лицо ярко накрашено. Если бы я не ждал Тасю, я бы в жизни не догадался, что это она. Передо мной она так никогда не выражалась. Тася сбросила синий плащ и предстала передо мной в строгом дорогом костюме. Длинный твидовый пиджак и юбка до колена. Ансамбль завершали высокие лаковые сапоги на высоченных каблуках. Я вздохнул. Похоже, Тася еще не скоро расплатится за холодильник и квартиру. Весь аванс, который я вчера ей щедро выплатил из запасов старика, она с удовольствием оставила в магазине для деловых женщин. Вот чертовка! Мне она гораздо больше нравилась в шапочке с бумбоном, джинсах и кедах. И я решил незамедлительно ей отомстить.

- А где твоя шапочка?

Тася округлила глаза.

- Вы что! Издеваетесь! Какая еще шапка! Я секретарша, а не какая-нибудь... торговка!

Я подумал, что она разговаривает, как торговка. В полном несоответствии с костюмом деловой женщины.

- Я тебе объяснил, что секретарша – это условное название. Посмотри, что у меня делается. И первым делом – ты должна привести в порядок дом, – я провел пальцем по поверхности буфета. – Видишь сколько пыли! А на полу! Сколько грязи! Сейчас сезон дождей. И ты должна привыкать к мысли, что мыть пол придется тебе по нескольку раз в день. А в твоём костюмчике и этих сапожках, вряд ли удобно заниматься уборкой. Ты хорошо меня поняла?

Моя месть удалась. Тасино хорошенькое личико скривилось. Казалось, она вот-вот расплачется, как ребенок. У которого вот-вот отберут нарядное платьице.

- А сами, вон как вырядились. Слово франт какой-то.

- Я – хозяйин магазина, девушка. А вы – подчиненная. И будете впредь следовать моим указаниям. И повторюсь – никаких фамильярностей на мой счет.

Тася что-то пробурчала в ответ, гневно сверкнув на меня своими большими глазенками, и, так же бурча под нос, ушла в соседнюю комнату переодеваться. Это не заняло у нее слишком много времени. Все же она от природы не была леди, и это мне больше всего в ней нравилось. Ей бы и в голову не пришло, что женщине нужно определенное время (очень долгое время) для смены своего образа. Поэтому через несколько минут она предстала предо мной в тех же джинсах, полосатой рубашке на выпуск и кедах.

- Молодец, похвалил я ее. Действуешь быстро, как в армии. Эти качества я ценю больше всего в работниках.

- И в женщинах тоже? – съязвила Тася, наплевав на мой запретный закон о фамильярности. – Или в вашем возрасте уже не делят человек на мужчин и женщин?

- Во-первых, людей, а не человек, - резко поправил я ее, хотя знал по собственному опыту, что это бесполезно. – А во-вторых, я не делил человек и в твоём возрасте, - я почему-то был уверен, что старик их действительно не делил.

- Вот поэтому вы и один. И поэтому мне даже вас чуть-чуть жаль.

- Жалость я тоже ценю в людях, но только не по отношению к себе.

- Ну, тогда пожалели бы бедную девушку и не заставляли ее драить полы и сдувать пыль с мебели.

- Сдувать не получится. Бери тряпку и хорошенько все вымой.

- А посетителей будете вы принимать? И дверь открывать? И кланяться перед ними, а кто купить чего хочет – тому чай подносить, а кто не хочет – сделать так, чтобы захотел. Сомневаюсь, чтобы вы справились.

Я задумался. Если честно, я сомневался тоже. И вообще не желал видеть посетителей и тем более вести с ними беседу. Я подумывал, не проще бы вообще смыться с капиталом антиквара. Но это было невозможно. Наверняка бы меня объявили в розыск... А если бы еще нашли труп старика... Хотя это маловероятно, он покоился в надежном сыром склепе.

- Конечно, не справлюсь, - я признал свое поражение. – Для этого тебя и пригласил. И даже обозначил твою должность. Не домработница, а секретарша.

-- А на деле?

- А на деле по утрам и вечерам ты будешь уборщицей, а днем, при приеме посетителей, моей помощницей. Все очень просто. И очень по-честному.

- Проще и не бывает, - Тася гневно стрельнула в меня своими большими глазками. – Только не очень по-честному получается. Две должности и одна зарплата.

- А не хочешь – ни одной должности и ни одной зарплаты.

- Не хочу, - она схватилась за швабру и с каким-то яростным отчаянием стала протирать пол. В ее руках все... нет, слава Богу, не горело. Но летело в

разные стороны, переворачивались с грохотом стулья, скрипели столы, раскачивались, как на ветру, занавески. В общем, ураган молниеносно пробежал по антикварной лавке и резко затихнул непосредственно перед прилавком, где и происходила продажа ценных предметов. Где в шкафу и на витрине лежал антиквариат. Затихнул на минуту, чтобы, как я подозревал, с удвоенной, а то и с утроенной силой, набросится на него. В минуту затишья я вовремя соориентировался, встал стеной перед Тасей. И поднял руки вверх.

- Все, все, все. Эта территория неприкосновенна, она находится под моей эгидой. И следить за ее чистотой буду я сам.

Тася пожала плечами и поправила косынку на затылке.

- Как хотите. Хотя зря мне не доверяете. Ничего я не переколочу. Можете сами убедиться. Все в ценности и сохранности.

В этом я и убедился. И хотя ураган был действительно разрушающий по своим звукам. Никакого разрушения не произошло. И стулья, и столы, и диваны, и занавески, все были целы и невредимы. Более того. Тася прибрала идеально. Комнаты и кухня, без преувеличения, сияли чистотой. Мне даже стало обидно. Я вспомнил, как мы жили. В бардаке, хаосе, честнее сказать – в свинарнике. Впрочем, обижаться, наверно, я не имел права. Я ей зарплату за домашнюю уборку не выплачивал. А зарабатывала она наравне со мной. И столько, что теперь, при воспоминании об этих деньгах, у меня пробежал легкий озноб по телу. Я хотел побыстрее забыть свое прошлое. Свое прошлое, похоже, побыстрее хотела забыть и Тася, судя по тому, в какую цену ей обошелся костюм. Но я сомневался, хотела ли она забыть меня. И тут же получил ответ на эти сомнения. Она меня забывать не собиралась.

- Видите, как все чисто, - Тася гордо встряхнула головой. И ее косынка упала на пол.

- Чисто, Тася, Чисто. Сдаюсь. И каюсь, что в тебе сомневался.

- А вот когда мы жили с Гришкой, - Тася громко всхлинула. – Я никогда так не убирала. И теперь, знаете, как меня мучит совесть. Где он теперь? Хотя... Он тоже порядочной свиньей был. Я не меньше его пахала, а дома он палец об палец не ударил, чтобы мне помочь, вы понимаете?

- Понимаю, - кивнул я и тут же решился на осторожный вопрос, который мне не терпелось задать еще с утра. – Тася... А что твой парень... ну, этот... Гриша, да? Он не появлялся?

Тася всхлинула еще громче и тут же в подробностях, даже передразнивая и свои, и мои интонации, пересказала наш вчерашний телефонный разговор.

- Ну, вот видишь! – я старался не смотреть на девушку. – Это он и звонил, я уверен. А ты, глупенькая не поверила.

- Да я скорее поверю, что это звонили вы! – выпалила Тася. – Это вы сипите, как и положено старикам. Особенно простуженным. А Гришка никогда не сипел!

- Что за ерунду ты несешь! – не выдержав, вспылил я. – Как будто твой Гришка не мог простыть!

- Да он в жизни не простывал! Он здоровый, как конь! Просто любил отлынивать от работы! И часто притворялся больным. Философ он, видите ли! А я кто ему? Ну, вот скажите, кто? Простая продавщица? Да если хотите знать, у меня первый парень был бухгалтером! Я не раз это Гришке в лицо бросала, чтобы он утерся! Так прямо в лицо и заявляла: а мой парень был бухгалтером! Он, наверняка, втайне завидовал. Вот скажите, ну что такое философия? Никто ответить не может. Эта философия не в состоянии даже подсчитать нашу жизнь. И цену ей дать. Все словечки одни. Неподсчитанные. А бухгалтерия все может! Оценить и нас, и все что вокруг нас, и высчитать и слова наши, и наши мечты, и

даже будущее. И смысл жизни в цифрах указать! Все может! Вот Гришка и бесился, что мой парень был выше его по рангу! И умнее, наверняка.

- Чего же он, такой умный спился? Если сам смысл жизни мог высчитать?

- А вы откуда знаете? А, ну да, я говорила. Вот от того и спился. Как высчитал и понял, что его жизнь, как и многих, на копейку потянет, так сразу и спился. И другие тоже спились бы, да считать не умеют. А вы говорите – философия!

- Да уж, - я вытер пот со лба. Как ни странно, но при всей Тасиной простоте, я часто соглашался с ней. Как и теперь. Впрочем, все чаще я стал доверять людям попроще.

- Да... Но все же, Тася, послушай меня, старика. Я много пожил и понимаю психологию людей. Поверь мне на слово. Ушел твой парень, как ни больно тебе в этом признаться, но он ушел от тебя. Уехал. Возможно, он одумается и вернется. Возможно, он одумается скорее, чем ты думаешь. Просто ему тоже время нужно подумать. Ты меня понимаешь? Он звонил, он. И поступил, смею утверждать, порядочно. Все же сказал тебе. Просто ты не дала ему высказаться и объясниться до конца.

- Может, вы и старый, и много годов прожили, но ничегошеньки в наших с Гришкой отношениях не кумекаете. К тому же, кому? Кому, как не мне знать его голос? А? А ваша психология, это как философия – пустой звук в этой комнате, захламленной вещами. Какая может быть психология, если всю жизнь прожили среди неодушевленных предметов. А для психологии нужна душа.

- Может, у этих предметов тоже душа есть, откуда нам знать.

- Может и есть. А у некоторых людей нет. Но я говорю о живой душе. Поэтому... Нет, я уверена, не Гришка это звонил. На все сто – не Гришка. У Гришки тоже душа есть. Уж я это знаю.

Я знал, что если что-то Тасе втемяшится в голову – никакие слова не помогут. И даже порка. Бог с ним, убеждения по поводу, кто звонил, придется прибегнуть до лучших времен. Теперь главное – не допустить ее с заявлением в милицию.

- Ну ладно, Тася, - вздохнул я. – тебе, может, и лучше знать, хоть я уверен в обратном. Только... В таком случае, что ты решила делать?

- В таком случае – не мне решать. Это решать милиции.

Я чуть не подпрыгнул на месте. И чтобы не наговорить глупостей в ответ, закурил дрожащими руками сигарету и приоткрыв форточку, повернувшись к Тасе спиной, глухо выдавил.

- Ты опять о милиции...

- Опять? – Тасин голос сорвался на последней ноте. При чем тут опять?! Вчера одно было, а сегодня – совсем другое! Звонил-то кто-то неизвестный! А, спрашивается, зачем звонил? Головоломка? Напугать меня хотел? А может за Гришку выкуп хотел потребовать? Вот пусть милиция и решает.

- Так ты уже там была?

- Не успела. Звонил он поздно. А я рано к вам побежала. Но ничего – еще успеется.

- Я что-то не понимаю тебя, Тася, - я откровенно нервничал и, резко развернувшись, дыкнул ей сигаретным дымом прямо в лицо. Она закашлялась. И мне показалось, что на минуту я обезвредил противника газовым баллончиком.

- Не понимаю я тебя девушка! Этот Гришка... Ну, кто он такой? Кто? Ты сама говорила. Жалкий неудачник! Никчемный философ с претензией на философию. Никчемный муж, да и не муж вовсе, потому что жениться и под угрозой смерти не захотел! И никчемный любовник, потому что и любить-то настоящему не умеет. Все одна философия! Кто он, ну скажи кто?

Тася смотрела на меня с ужасом, открыв рот.

- Человеку уже за, за и еще раз за тридцать! Ни профессии, ни семьи, ни квартиры! Даже за холодильник расплатиться нечем! А уж свиньей какой был! Ты сама говорила! Тарелки за собой не помоешь! Зато притворяться умел! Что сделать попросишь – он, видите ли, болеет. Здоровый кабан! Его никакая болезнь не возьмет! А если чуть и подкрадется – так он ее алкоголем вмиг вышибет!

Я разгорячился не на шутку. Мне казалось, что говорю не о себе, о ком-то постороннем. Которого искренне уже ненавижу.

- А куда он с тобой выходил? Куда приглашал? Ага, молчишь! Я не говорю о ресторанах, бог с ними. Это не по карману не только Гришке. А любому, сохраняющему здравый смысл. И хотя бы из гордости не желающему покоряться миру абсурдных цен. Но хоть в парк он хоть раз вышел с тобой прогуляться? Опять молчишь. И правильно делаешь. Это достойно минуты молчания. Как и то, что он ничего тебе не дарил. А ты, между прочим, его девушка. А девушкам положено делать подарки. А он даже сапоги тебе приличные не купил! Уже такая холодина – а ты в летних кроссовках.

Тася сделала протестующий жест. Но я тут же его перебил.

- А-а-а, понятно! На каждый Новый год в подарок флакончик туалетной воды! Самой дешевой, со скидкой, со своего супермаркета! А на 8 Марта – букетик мимоз? И в бесплатное приложение – уборка квартиры? Раз в год!

- На это 8-марта он мне подарил еще коробку конфет, - робко пролепетала Тася, с таким же ужасом глядя в мое покрасневшее, разгорячившееся лицо.

- Коробку конфет? – Я почесал затылок. Про коробку я забыл начисто. – Ну да, коробку! Так ее бесплатно раздавали сотрудникам, потому что просроченная! Но это не помешало твоему Гришке ее слопать за милую душу. Ты съела две конфетки.

- Одну. Я на диете.

- Нет, две! – решил я все-таки уточнить, потому что вспомнил – именно две тогда съела Тася. Так зачем прибедняться? – А ты всегда на диете! А твой Гришка наверняка нет! Он еще к тому же уплетал в три раза больше тебя! И за милую душу! Не смотря на общий бюджет!

Тася, словно утратив все силы и аргументы, опустила в кресло.

- Неужели он такой подлец? – она с жалостью посмотрела на меня, словно просила, чтобы я поставил хоть один балл в его пользу. Но я был неумолим. Я уже искренне возненавидел этого парня.

- Да, Тасенька, образ более, чем непривлекательный!

- Но ведь что-то, хоть что-то в нем хорошее было? Иначе я бы с ним не жила? Да?

Я развел руками. И важно прошелся взад-вперед по комнате.

- Какая ты еще молоденькая, Тася. Живут и не с такими. Живут даже с преступниками. Вообще, девушки закрывают глаза на многое. И слишком многое прощают. Чего не скажешь о парнях. Вот ты с ним и жила. Потому что рядом никого не было. А вот он... Он бы ни один промах твой не простил. Более того – искал любой повод, чтобы смыться. А поскольку промахов и поводов у тебя не было, он ушел, так ничего и не объяснив. Украдкой. Среди бела дня. Как вор. Как последний трус. А ты еще хочешь заявлять в милицию о его пропаже. Поставить себя в наиглупейшее положение! Это тоже самое, что повесить объявление на каждом углу: от меня сбежал муж, верните мне его, пожалуйста! Представляешь, сколько это вызовет смеха.

Тасины плечи затряслись. Но не от смеха. А от слез. И мне стало ее искренне жаль. Эх, попадись мне этот Гришка, намылил бы я ему шею! Этому трусу и проходимцу!

- Ну ладно, ладно, девочка. - Я слегка надавил ладонью на Тасино плечо. – Не плачь, только не плачь. Этот парень не стоит твоих слез. Знаешь, сколько парней на свете! Ты только подумай! Твой бухгалтер бы в миг подсчитал! И ты бы поняла, как глупо плакать по одному, когда их миллионы. Тоже самое, что жалеть одну раздавленную вишенку в вишневом саду. Одно было преимущество у твоего друга, что он был философом. Но заметь, был, но не стал.

- А вот вы стали! – Тася подняла на меня зареванное личико. – Так все подметить! Вы действительно психолог. Жить с вещами и все-все-все угадывать про людей.

- За каждой вещью – отдельная биография, Тасенька, - поучительно заметил я. - А вещи здесь необыкновенные. Принадлежащие необыкновенным людям, понимаешь. Значит и биографии необыкновенные, в некотором роде утрированные. А если я все знаю про уникальных людей, то что мне биография какого-то парня с улицы? Это даже не ребус. Это какая-то детская считалочка.

- Ну, раз вы все-все можете угадать. Тогда... Тогда скажите, зачем был этот звонок? Если это не Гришка...

- Ну вот... У попа была собака... Хорошо, если это не Гришка, тогда ответ еще более прост. Учítывая, что твой Гришка и трус, и негодяй, он вполне мог от страха попросить позвонить какого-нибудь друга. Простуженного друга. Или старичка-соседа, понимаешь? Чтобы самому не объясняться. И чтобы ты его никогда не разыскивала и навсегда отцепилась, понимаешь? Грубо, но правдоподобно и достоверно.

Тася открыла рот, чтобы вновь зареветь, но я вовремя зажал его ладонью.

- И плакать не надо. Будем думать о вишневом саде. А не об одной раздавленной вишенке. И навсегда забудем про милицию.

Тася передумала реветь. Благодарно кивнула мне. И даже улыбнулась. Я всегда подозревал, что Тася не из тех девушек, кто печали принимает близко к сердцу. И тем более – надолго. Тася слишком любила жизнь, чтобы долго печалиться в ней. И вишневый сад ей уже казался гораздо реальнее какого-то вчерашнего парня. Что ж. Дело пропавшего Гришки пора закрывать. И я это дельце провернул на славу. Как настоящий делец. Коим и был, и должен был быть антиквар. По всей логике, мои дела теперь должны пойти в гору.

Мои дела пошли в гору. Вместе со мной в гору уверенно и весело шла Тася. Я не знаю, какой помощницей была Элеонора Викентьевна, насколько она была приветливой с покупателями и насколько способствовала процветанию, а не загниванию антиквариата. Хотя в отсутствии интеллектуализма ее точно нельзя было упрекнуть. Но Тася, как ни странно, оказалась способной к торговле на все сто. Хотя упрекнуть ее в интеллектуальности тоже было невозможно. По сути своей этот магазинчик требовал именно эрудированных работников. Поскольку старинные вещи не терпят невежд. Нужно знать и кому эта вещь принадлежит, и сколько она стоила когда-то, и сколько может стоить сегодня. И главное - сколько в истории стоил ее хозяин. Сколько стоит теперь. И угадать, даже не угадать, а интуитивно высчитать – сколько будет стоить завтра. И я, поскольку невеждой никогда не был, в суть дела вошел быстро. Но поначалу очень опасался, насколько Тася сможет принять правила торговли антиквариатом. И правила игры в эту торговлю. Опасения мои оказались напрасными. Как ни парадоксально, именно отсутствие эрудиции и глубокого интеллекта, помогли Тасе в освоении дела. Она, что ли, была не зашорена ни цифрами, ни датами, ни именами, ни самой историей. К которой была равнодушна. Тасю интересовало исключительно настоящее. И с этим настоящим она ловко справлялась. И это настоящее в ней подкупало покупателей, которые приходили в нашу лавку исключительно покупать прошлое. И это настоящее помогало дать настоящую цену будущему.

Конечно, старик был профи в своем деле. Но я подозревал, что его мудрость, его философия, его нахмуренные седые брови и непревзойденное умение апеллировать, словно жонглировать фактами и событиями прошлых веков, только отпугивали клиентов. Равно как и отпугивала древность Элеоноры Викентьевны, способной лишь на красочный монолог, окрашенный допотопными иероглифами или иероглифами. Что, по сути, одно и то же. И что, по ее мнению, должно способствовать выгодной сделке.

Безусловно, у них были выгодные сделки. Иначе бы Аристарх не сколотил такое состояние. Но эти сделки были редки. А значит, чаще всего, случайны. Мы с Тасей построили свою торговлю на ином принципе. На некотором снижении цен, а значит на повышении частоты сделок. Что означало, эти сделки уже были не случайны, как и не случайными покупатели, которые постепенно становились потенциальными постоянными клиентами. А это неминуемо вело к регулярной прибыли.

Без сомнений, подобный метод работы старика с покупателями мне был на руку. У него не было постоянных. Это означало, что опасность моего разоблачения сводилась к минимуму. Более того, как оказалось, чаще всего у него приобретали антиквариат приезжие. Я, конечно, понимал старика. Он высоко ценил свои вещи. Они были для него не просто вещами. Они были для него всей жизнью. Его друзьями, его семьей, его домом, его родиной. Не смотря на то, что биография у каждой вещи была чужая, постепенно она становилась и биографией старика. Кроме вещей у него, по сути, ничего и никого не было. И если он изредка расставался с ними, то расставался по баснословной цене. И снижать ее не собирался. И не торговался ни с кем. Он продавал свою родину, семью, свою биографию очень дорого. За такую цену, когда уже отказать было невозможно. И он эту цену знал. И по продаже частицы себя, словно в искупление, тут же приобретал другие антикварные вещи. Умело приобретал, недорого. Чтобы ужившись, сроднившись с ними, искренне полюбив их, позднее им поднять цену. Можно было про него сказать проще – спекулянт. А можно – романтик. Это - как и кто понимает. Ведь все имеет цену. Даже то, что бесценно. И то, что ничего не стоит вообще. Я мало знал старика. Всего несколько часов. И все же... К тому же, по его подробным дневникам, где он скрупулезно и выразительно описывал каждую вещь, словно рисовал с натуры, я понял - он являлся и спекулянтом, и романтиком в одном лице. Он был равнодушен, порой жесток к людям, как прирожденный ростовщик. Которого убить не жалко. Подобных ему не раз безжалостно убивали классики в своих романах. В то же время, он был искренне неравнодушен к вещам, нежен к ним и сентиментален. Как возвышенная натура, сподвигнутая ими на философию и поэзию. И классики, убив подобных ему, потом часто оплакивали их в своих романах. Я не был классиком и не писал романы. Я просто убил старика по-настоящему. Как спекулянта. И потом не раз плакал о нем. Как об одиноком и по-своему трогательном человеке.

Тася же, в отличие от меня и старика, не имела дурной привычки вдаваться в глубинную суть вещей. Вещи для нее были всего лишь вещами. Ни больше и не меньше. И вряд ли она находила отличие между музыкальной шкатулкой, которую можно купить за сотню в китайских сувенирах. И шкатулкой деспотши Салтычихи, убившей ею своего ямщика.

Тася недоуменно вертела шкатулку в руках и старательно морщила узкий лобик. Помню, это был день, когда мы провернули первую сделку.

- Да, да, Тасенька, это именно та шкатулка, представляешь, невероятно! – я возбужденно ходил взад-вперед по комнате, размахивая руками. Для меня словно открывался учебник истории, иллюстрированный памятными раритетами. – Это

просто невероятно. Ты только подумай! Только себе вообрази! Ты держишь в руках настоящий осколок истории! Сколько-то, господи, лет прошло! И все эти годы словно укрылись в этой шкатулке! Сколько рук прикасалось к ней! Здесь укрылись человеческие страсти, пороки, трагедии, неоправданная жестокость... И...И, возможно, любовь. Нам знать не дано.

Тася еще старательней морщила узенький лобик. И открывала шкатулку. И совала в нее свой остренький носик.

- Почему, все нам прекрасно дано знать. Никаких трагедий и страстей я здесь не вижу. Даже никаких украшений. Вот так история! Пусто!

- Это у тебя в голове пусто! - я раздраженно стучал по лбу Таси кулаком. – Никакого воображения! Просто с ума сойти!

- А что, ну что тут я могу вообразить! - Тася горячилась не меньше моего, да еще с таким видом, словно тоже поражалась моей беспросветной тупости. – Шкатулка как шкатулка! К тому же совсем старая. Конечно, она еще ничего, крепкая. Даже краска почти не облезла. И обита добротной тканью. И вышивка довольно искусная. Может вас вышивка так поразила? Но могу вам сказать, моя бабушка лучше вышивала. Сюжетней. А тут куры да утки. Деревня какая-то. А моя бабушка в эту деревню наверняка бы еще каких влюбленных поставила в центре. Пусть себе целуются. Уже хоть какая мысль вырисовывается. К примеру, тоска на душе, друг бросил, ушел и не вернулся. А смотришь на шкатулку, а там влюбленные целуются. Уже радость. Вдруг скоро и у меня так будет? Вдруг явится принц и подарит сережки, которые можно положить сюда. Так нет! Одни куры да утки!

- О, боже! – я схватился за голову. – Ты все о своем. И причем тут твоя бабушка! Она что артистка была, или офицерша, или из знатного рода происходила!

- Нет! Но хочу заметить, и убийцей она не была. А насколько я знаю, этой шкатулкой прибили кого-то! И я должна при этом разевать рот от счастья и махать крыльями! Что какая-то придурковатая старуха убила бедного парня! И причем тут исторические страсти! Вы что-то путаете! Это даже не шкатулка, а орудие преступления. Может, ей бы нашлось местечко в музее милиции. Это ведь не история, это просто жестокость! И эту жестокость не нужно возводить до небес! И петь ей дифирамбы! Ее нужно либо клеймить, либо забыть! А можно вообще сжечь!

Тася решительно направилась к камину. В своих руках она торжественно несла шкатулку Салтычихи. В камине, как назло, полыхал огонь. Раскаленные языки пламени, словно в пасти дракона, готовы были все поглотить.

- Эге-гей! – закричал я. И в секунду очутившись возле девушки, выхватил из ее рук редкий предмет. – Тоже мне, вершитель истории!

- Вы что, Аристарх Модестович! – Тася покрутила пальцем у виска. – Я же не чокнутая, как ваша Салтычиха. Я человек рассудительный, как вы заметили. И, если что можно продать, с выгодой к тому же, в огонь в жизнь не полетит. А вы наверно забыли, что шкатулка стояла на камине?

Я вздохнул и поставил шкатулку на место.

- Вот так. И смотреть на нее нужно как на товар.

- Товар, Тася, продается в соседнем супермаркете, где ты работала. Товар можно положить в пакет, выбить чек и покупателя отправить восвояси. Можно, Тася, даже продать просроченный товар. Частенько подобное выгорает. Здесь, девушка, просроченных товаров не бывает. Напротив, чем дольше их срок, тем выше цена. И в пакет их просто так не уложишь. К нашим вещам требуется особое уважение, почтение и осторожность. Поскольку если что разобьешь, то не только разобьешь дорогую вещь, разобьешь то, что уже никогда, представляешь, никогда

в жизни не восстановить. И, если хочешь, разобьешь мое сердце, – мне уже казалось, что это не я говорю. Я только открываю рот. А меня озвучивает настоящий антиквар. Из своей могилы. Мне стало не по себе. И я зябко повел плечами. И протянул руки к огню. Мне нужно было почувствовать боль. Чтобы знать, что я еще существую. И я еще живой.

- И еще, уясни себе девушка. Здесь ценится не внешняя оболочка, не картинка и даже не качество. Каждая вещь ценна своей историей, как ты говоришь, сюжетом. Ну, хорошо, ты не понимаешь про страсти, трагедии и любовь. Это все абстрактно. Это нужно представлять. Но... Но, к примеру... К примеру... ты представляешь, что на этой шкатулке, возможно, еще есть улики. Улики преступления.

- Как так? – Тася всплеснула руками. – Через столько-то лет!

- Вот именно! И этим можно поразить покупателя! Сразить его наповал!

Обезоружить!

- А потом, обезоруженного, облапошить, - хихикнула Тася в ладошку.

Замечание было колким и, в общем-то, довольно уместным. Но я не обратил на него внимания. Я становился профессиональным торговцем.

- Представляешь, Тасенька! В те годы, столько веков назад, улики можно было и не найти. И не доказать причастность к убийству того или иного лица. А сегодня! И отпечатки пальцев, и генетический код, и даже пылинки, и даже кровь! Через столько времени! Все можно определить! И все сохранилось! Бог с ними, страстями и трагедиями. Люди! Здесь можно физически почувствовать прикосновение людей, которые умерли сотни лет назад! И кровь жертвы, и кончики пальцев убийцы! Они здесь!

Тася содрогнулась. И в ужасе посмотрела на меня.

- И вы такое хотите продать! Продать убийство! И убийцу, и жертву! Да кто такой страх купит!

- Люди разные бывают, иногда они очень хотят купить смех, иногда страх, - машинально ответил я.

- В таком случае, пусть лучше валят в ларек с компакт-дисками. И покупают комедии и трагедии себе на здоровье. Это как-то нормальнее, чем кровь жертвы и пылинки от волос, - буркнула себе под нос Тася.

Я задумался. Кровь жертвы, пылинки от волос, отпечатки пальцев. Что-то я забыл, что-то упустил. Что? Когда? И что мне это напоминает? И о чем это напоминание предупреждает?

Мои глубокие воспоминания перебил звон колокольчика. Что означало – пришли посетители. Может быть, они захотят купить страх? Он сегодня в цене.

Тася со знанием дела вмиг очутилась у двери. Поправила юбку и пиджак. Она нисколечки не волновалась, в отличие от меня. И на ее миловидном румянном личике заиграла приветливая улыбка. Она уверенно встряхнула пышной белокурой головкой. И прорепетировала:

- Проходите, пожалуйста. В мир исторических вещей. Нет, в мир вещей с историей. О, нет, в историю для вещей. Тьфу, так можно запутаться. В общем, безмерно рады вас видеть в антикварном супермаркете.

Я угрожающе постучал ладонью по столу.

- Ну, супермаркет это слишком, вы правы, - вздохнула Тася, видимо, вспомнив торговый муравейник, где мы с ней вместе работали. Похоже, она по нему скучала.

- Ну, ладно, ваша взяла. В антикварный бутик, - Тася почесала за ухом, видимо, тоскуя, что в бутике ей торговать не пришлось.

Еще раз угрожающе постучать по столу я не успел.

В мою антикварную лавку (подчеркиваю – лавку, а не иначе!) торопливо вошла молодая женщина. Кудрявые рыжие волосы были уложены в невероятно пышный «пучок». А синие, ярко накрашенные черной тушью глаза, пробежались по магазинчику суетливо и с любопытством. На ее плечи было небрежно наброшено песцовое манто, на воротнике которого виднелась металлическая игла от этикетки. Я опустил голову и заметил безукоризненно чистые лаковые сапожки (в такую-то дождину!). Из своих наблюдений я сделал вывод, что дамочка не иначе подкатила на машине. Недавно купила себе дорожные новые вещи. Значит, у нее появились деньги. Шальные случайные деньги. Она нервно мяла новую сумочку из крокодиловой кожи в своих руках. Из чего я сделал вывод, что она не коллекционер и вообще, скорее всего, впервые посещает антикварный магазин. Куда и хочет поскорее вбабахать свои сбережения. Это было нам на руку. Я уже безбоязненно вышел ей навстречу и поклонился.

- Что желаете приобрести? Для коллекции? – спросил вежливо я, чтобы окончательно удостовериться в безопасности посетителя. И заодно, чтобы угодить.

- Коллекции? – она заносчиво засмеялась. Я попал в самую точку. – Вы мне льстите. Я не коллекционер. Коллекционеры – это нечто космическое. Они живут не в нашем мире. А я живу здесь, - она для убедительности топнула высоченной золотой «шпилькой». Словно хотела, чтобы мы поверили, что она не космический пришелец. Мы и так в это с легкостью верили.

- В таком случае... - я сделал надуманную паузу продавца. Торговую паузу.

- Вы должны понимать, в общем-то... У моего мужа юбилей! - Она произнесла это с таким апломбом, словно ее муж был, по меньшей мере, президент.

А мое напряжение окончательно спало. Как все просто. Всего лишь юбилей. Словно она зашла в ларек китайских сувениров за углом. А может она и впрямь углы перепутала? Она не перепутала.

- Юбилей! – Тася радостно всплеснула руками. Словно это у Тасиного мужа был юбилей. – Как это замечательно! И сколько ему, если не секрет?

- Не секрет. Секреты от подружек бывают. А не от продавцов. Ему тридцать пять.

- О! – не престаивала радоваться Тася, словно ее уже пригласили на этот юбилей. – Тридцать пять! Вы на лет десять моложе его? Двенадцать? Пятнадцать?

- Мы ровесники, - лицо дамочки покрылось легким румянцем. Ее это окончательно сразило. Подобный комплемент для женщины ценен именно с уст женщины. И он так редко случается. Первый шаг сделан. Мы ее подкупили. Теперь нужно, чтобы она купила у нас.

- Мы можем что-либо подобрать для вашего мужа, - не унималась любезничать Тася. – Надеюсь, он не космический пришелец?

Они вместе рассмеялись довольно плоской шутке. Похоже, они нашли общий язык. Позднее я убедился, что Тася находит общий язык со всеми. И что она так долго делала со мной? Ведь единственный, с кем она так и не поладила – это был я. Когда-то.

- Нет, - сквозь смех ответил женщина. – Он не из космоса. Он, слава богу, не коллекционер. Тьфу, тьфу, тьфу, - она плюнула через левое плечо. – Представляете, как бы мне это дорого обошлось! У коллекционеров, наверно, нет жен, да? Это нереально. Такие бешеные деньги за какую-нибудь чугунную сковородку, – она бесцеремонно указала накрашенным ноготком на висящую на стене сковороду, на которой не раз пекли блины на Масленицу в петровские времена. - Даже если ей пользовался сам... ну, ну, не знаю кто...,- дамочка

отчаянно пыталась вспомнить хоть одного великого. – Ну к примеру, к примеру... Сам Петр! Да любая жена его этой сковородкой по голове. Ну, разве, если они только будут коллекционировать одни и те же вещи. А это уже фантастика.

- Увы, - Тася бесцеремонно указала на меня. Как на живой пример женоненавистника. – Вот вам и пример. Человек, не смотря на свои более чем преклонные годы, так и не женился.

- Сочувствую. Впрочем, в одиночестве есть свое преимущество? Да?

- Вы правы, милая, - я развел руками. – Мне, например, нечего терять. Кроме своих вещей. А терять вещи – это моя профессия. Это моя неизбежность. И в некотором роде – болезнь.

-Ну, за определенную цену с ними не так уж болезненно расстаться, разве не так?

- Вот вы бы никогда не сделали этого едкого замечания, если бы были-таки коллекционером, - я шутливо пригрозил ей пальцем.- И как же вы накажете бедного старика? Что у него отберете?

Женщина медленно прошлась по антикварной лавке. Мельком взглянула на картины, гобелены, посуду, письменные принадлежности. И, наконец, резко притормозила у витрины со старинными драгоценностями. Она кружилась возле нее, как пчела у бочки с медом. Громко восклицала, цмокала язычком, хлопала от удивления в ладоши.

- Какая красота, боже мой! Какая прелесть! Как хочется что-нибудь этакое...Ой, а этот браслетик, там рубины, да?

- Хочу заметить, что юбилей у вашего мужа, вряд ли этот браслет ему будет к лицу, – осадил я ненасытную дамочку.

- Увы! – она в негодовании стукнула шпилькой, опустившись на землю. И чуть не заплакала от обиды.

Тася осторожно ее взяла под руку и повела, как по музею, по антикварной лавке, где с достоинством расположились исключительные предметы. И у каждой из них была биография. И свой хозяин. Иногда казалось, что это вовсе не вещи, а сами владельцы, которых кто-то заколдовал. Но Тася не вдавалась в ветхости истории и не рассказывала биографии, ни антиков, ни их хозяев. Она, как истинная продавщица, со знанием дела, горячо и убедительно описывала качество, прочность антиквариата. Плюс его оригинальность, неожиданность и экзотичность в разрезе сегодняшнего века. Как ни странно, нашу покупательницу это вполне устраивало. Как ни странно. Это будет устраивать и наших последующих покупателей.

- Да, да, - Тасино хорошенькое личико покраснелось. – Этот удлиненный глиняный горшок для молока. Ручная работа. Вы заметили, какое качество? А глина! Пластичная! Огнеупорная! В печь поставишь, в жизнь не треснет. Я имею в виду, конечно, микроволновку. И электричество, и пламя - ни почему! Такой глины теперь с огнем не сыщешь! А какой изгиб у талии. Это просто скульптура! Напоминает женскую фигурку? Правда? Кстати, очень даже на вашу фигуру похоже. Представляете, ваш муж каждое утро наливает туда молоко. Смотрит на этот сосуд и сразу вас вспоминает.

- Ага, и ассоциирует меня с горшком. Еще чего не хватало! А еще хуже, если с этой посудинкой будет ассоциировать свою секретаршу!

Я почесал за ухом. Я боялся, что наше первое дело разобьется вдребезги. Оно так же хрупко, как этот глиняный горшок. Не смотря на качество глины. Но я плохо знал Тасю. Она расхохоталась во весь голос. И у нее на щеках появились глубокие ямочки.

- В таком случае, могу предложить графин для водки. Или коньяка. Как хотите! Венецианское стекло! Тоже ручная работа. Это вам не какое-нибудь чешское! Здесь стекло тоньше, гораздо тоньше. Оно в расплавленном виде более текучее, понимаете!

Дамочка притворно зевнула. Ее не интересовала текучесть венецианского стекла. Но Тася не сдавалась.

- И здесь сюрприз, как раз для юбиляра! Классный такой!

Тася с виртуозностью фокусника достала из буфета графин. В нем сидел жирный, раздутый черт.

- Посмотрите, какое чудо! – ликовала Тася, словно сама хотела купить этот сосуд. – Графин полный! До рогов! А теперь!

Тася продолжала показывать фокус.

- Наливаем, так-так. Видите, черт меньше, еще наливаем, еще меньше, еще наливаем, о, это уже не черт, а чертик. Бац! Наливаем до конца. Где черт? А черта нет! Что означает – нет водки, и черт не страшен! Очень поучительно!

Тася была безмерно довольна своими артистическими способностями, словно это она сочинила графин с чертом. Но на дамочку фокус не произвел должного впечатления. Она даже не удивилась ни оптическим эффектам, создаваемым жидкостью. Ни мастерству стеклодувов. Ни самому черту.

- Тогда мой муж окончательно сопьется! – возмутилась наша привередливая покупательница. - Этот черт - провокатор. И его пребывание в графине попросту означает – спиться до чертиков! И вы мне это подсовываете, чтобы мой муж спился! И не черт, а он будет все время на рогах! На пустой графин он смотреть не сможет. Скажет – как-то незачем. Графин - без водки, точно стихи без рифмы! Или искусственный песок! Уж я хорошо знаю своего мужа. А как только нальет туда водку, тем паче не станет просто на него глазеть. Захочется выпить. Причем все! Это, знаете ли, вы мне замкнутый, точнее порочный круг предлагаете. Мало того – бешеные деньги за графин, а потом еще вбухивать за лечение от алкоголизма. И от прыгающих чертей перед глазами.

Мы с Тасей переглянулись. Муж дамочки, похоже, был еще тот черт. Но как бы ему графин пришелся по вкусу! Своей жене этого он точно не простит. Впрочем, черт с ним!

- Чемодан не желаете? – Тася еще и еще попыталась исправить ситуацию. – Посмотрите, какой вместительный! Куда хочешь с ним поедешь! Не подведет! Можете на Канары, можете в Париж! И сам Менделеев сделал. Он не только эти всякие непонятные элементы изобретал! Наверно потом понял, что делать чемоданы – куда выгоднее и полезнее, разве не так? А какая кожа, вы только попробуйте!

- Не нужен мне ваш чемодан! – голос дамы сорвался. – Вы что, хотите, чтобы мой муж в этот же день сгрузил все вещи в чемодан и смылся! Небось только об этом и мечтал всю жизнь – на Канары со своей секретаршей, у которой черти не только в глазах прыгают! Нет уж – дудки! Этого счастья я им не доставлю! А Менделееву больше делать было нечего, как чемоданы для мужей-пройдох изобретать!

Я даже ее пожалел. Зачем вообще такой муж нужен? Впрочем, какое мое дело. Возможно, мужья любые пригодятся.

- И вообще, неужели у вас нет тут чего поярче, ну, как бы, чтобы искрилось, что ли!

Похоже, дамочка любила все, что блестит. Как ворона.

- В таком случае – вот этот колокольчик, - Тася взяла с полки колокольчик и протянула покупательнице. Колокольчик блестел, словно золотой. И это подавало надежду, что дамочке понравится. Тася словно пускала золотую пыль в глаза.

Дамочка даже прижмурилась, разглядывая эту вещицу. И даже потрясла ею. Раздался мелодичный, но довольно громкий звон.

- Ну- у-у, - протянула неопределенно она. – Это хоть на вещь похоже. На полезную вещь.

Я понятия не имел, какую пользу может принести колокольчик, и тут же поспешно попытался набить ему цену.

- Безусловно! Учитывая, что эта вещица висела в доме графа Вяз...

Дамочку совершенно не интересовала фамилия графа.

- В доме графа? – она бесцеремонно меня перебила. – Ну да. Вещь практичная. Дамочка постучала по колокольчику и даже обнюхала его, – и звенит громко. Еще бы мужу его куда повесить, чтобы всегда знать, где он. А то шляется бог весть где.

- Ну, для этого давно изобретены мобильные телефоны, - сглупил в очередной раз я. И Тася бросила на меня свирепый взгляд.

- Вот именно! – поддержала меня дамочка. – И к чему этот пустой перезвон!

Я тут же попытался исправить ситуацию.

- Ну что вы! Он очень удобен в доме! А я уверен, что ваш дом не хуже дома графа Вяз...

Дамочка вновь не пожелала дослушать фамилию. И перебила меня.

- Хуже! Тоже мне - хуже! Я не в доме, к вашему сведению, а во дворце теперь живу! А в этой убогой квартирке и не появляюсь!

- Вот видите, - ликовал я. – Столько комнат, спальен, огромный холл, гостиная... Зачем лишний раз тратить деньги по мобильнику, чтобы дозваться друг друга. Стоит только, - я потряс колокольчиком. Звон стал еще громче и мелодичнее. И я от счастья тут же совершил еще одну ошибку. – Именно так и поступал лакей, чтобы кликнуть графа Вяз...

- Что-о-о! – дамочка побагровела. И ее кудряшки затряслись в негодовании. – Так это штуковина для лакея! И вы хотите ее подsunуть для моего мужа! Да вы... Да если хотите... Да если вы знаете... Мой муж недавно стал президентом!

Я уже об этом догадывался. И даже мог представить себе эту фирму, президентом которой стал ее благодетель (надолго ли?) И этот дворец, в который они недавно переехали (надолго ли?) И их вкусы, которым они недавно в спешке обучились (это уже навсегда) И их образование, которого у них никогда не было и не будет (счастливые люди!).

Я стал заметно нервничать. И чем больше нервничал я, тем спокойнее, приветливее и терпеливее становилась Тася. Она сразу сообразила, что с подобными покупателями нужно поступать по-другому. Им нельзя указывать и навязывать. От них нужно держаться в стороне. А они должны выбирать товар сами. А когда выберут, тут вступает наш трудовой дуэт. Я и Тася. Мы их убедительно отговариваем от покупки до тех пор, пока они не остановятся на своем выборе окончательно.

Ради усыпления бдительности, Тася указала еще на парочку вещей и, получив категоричный отказ, дала полную волю покупательнице. Та, в свою очередь, демонстративно стуча каблуками, деловито прошлась по кругу комнаты и неожиданно остановилась возле волейбольного мяча, на котором ненавязчиво был указан наш навязчивый мир.

- Вот! – она тыкнула накрашенным пальчиком в «глобус». – Это то, что надо!

Мое сердце подпрыгнуло. И некоторое время не хотело возвращаться на место. Мне показалось, что у меня закончилось сердце.

- П-почему вы остановились на этом выборе? – я слегка заикался от волнения. И Тася бросила подозрительный взгляд в мою сторону. Я на пару секунд затаил дыхание и бесшумно выдохнул. Сердце вернулось на место.

- Почему? – дама капризно повела плечами. – А потому что мой муж – бывший футболист!

- Но... с вашего позволения – это волейбольный мяч, - неуверенно возразил я.

Тася приложила палец к губам, что означало, чтобы я заткнулся. Иначе испорчу все дело. Она правильно решила, что у нас с покупателем возникла антипатия. И что ей, Тасе, нужно теперь вести тонкую политику противоречия. Отговаривать от покупки, чтобы в нужный момент покупатель уверовал в необходимость своего приобретения. Но Тася не могла знать, что я противился приобретению мяча совсем по иным, гораздо более трагичным причинам.

- Ну и что, что волейбольный? – дамочка агрессивно сделала шаг в мою сторону. И удар шпильки зазвучал как удар молотка в пустом зале. – Мяч он и есть мяч! Ни больше и ни меньше! Не все ли равно, чем бить! Главное не убить!

Я вздрогнул при этих словах и машинально резко отступил назад. Дама победоносно улыбнулась. Ей показалось, что ее шутка удалась.

- Понимаете, дорогая, - Тася осторожно взяла под локоть женщину, словно прикоснулась к антикварной вещи, – понимаете, мой босс имеет всего лишь в виду то, что этим мячом неудобно играть в футбол. Он и не волейбольный даже. Он просто макет волейбольного мяча, на котором изображены страны. Ну, что-то вроде глобуса-сувенира. Не будете же вы сувениром играть в футбол. И тем более жалко подфутболивать наш мир.

- Его уже и так футболят в разные стороны. Тоже мне новость! А на счет того, удобно его гонять по полю или нет – это мой муж разберется. Не глазеть же нам на него. Тоже мне - сувенир! У нас атлас мира имеется. И если захотим куда поехать, туда и заглянем. А этот мяч, - она по-хозяйски похлопала по нему, - вполне практичная вещь. Мой муж будет рад такому подарку. А то – горшок, графин, чемодан! Дудки! Пусть лучше мой муж за здоровьем проследит. А то все время в кресле с пивом и с чертями в башке! О спорте начисто забыл! Уже брюхо какое вырастил! Вот я и напомню и про футбол, и про здоровье. Уж я лучше вашего знаю, что моей семье нужно!

Покупательница раскраснелась от красочного монолога, словно чугунная сковорода. Впору было на ней жарить блины к Масленице. В общем, она была готова. И Тася уже показала мне украдкой большой палец: «все в порядке». Но она не могла знать, что к этой сделке не был готов я. Я уже понял, что меня так взволновало, когда я рассказывал про шкатулку Салтычихи, про это орудие убийства. Мяч! Тоже орудие и тоже улика, еще какая улика. И хотя я его тщательно протер одеколоном, я не мог знать, до какой степени теперь развиты технологии в раскрытии преступления. Вдруг на этом мяче все же остались отпечатки. Вдруг изобретены приборы, благодаря которым улики смыть невозможно! Я от напряжения вспотел. Мне нужно было любым способом прекратить эту сделку. И я почти выкрикнул:

- Нет!

Тася и дамочка уставились на меня.

- Я хотел сказать, что этот мяч не продается. Он особенно дорог мне. Он... Это мяч Моргана. Ведь вы даже о таком не слышали? И вам плевать, что это за человек был! Нет, не магнат! И не пират! Это великий человек! Он изобрел волейбол! Вот так! Самую увлекательную в мире игру! Я... Я фанат волейбола! Ну, скажите, как фанат волейбола может продать волейбольный мяч! Продать самого Моргана!

- Чего-то староваты вы для волейбола! – дамочка уже решила откровенно на меня наступать. И намерена была победить в этой битве.

А Тася незаметно покрутила пальцем возле виска. Мол, дело уже выгорело, мяч, считай, в сетке. И это перебор - вести игру дальше.

- Я не играю в волейбол. Я слежу за игрой. Это разные вещи. И это еще более ценно, - я не собирался сдаваться.

-В таком случае, что эта рухлядь тут делает! – покупательница схватила мяч двумя руками и прижала к своей груди. - Может, вы ничего не собираетесь продавать? Может вам тут все дорого? Это не по правилам торговли! Это вам не музей! Сделайте музей, тогда и вопросов не будет! Но вы же получили лицензию на открытие антикварной лавки, разве не так?

- Отдайте мяч!

- Не отдам! Он мой! Сделка свершилась! И если вы посмеете у меня его отобрать, я сделаю так, что здесь не будет ни лавки, ни музея. Я уж найду способы! – и она замахнулась мячом. Мне на миг показалось, что я повторю участь старика.

Тася проворно стала между нами.

- Сделка действительно свершилась, - и Тася назвала такую цену, от которой у меня глаза полезли на лоб. Глаза готовы были полезть на лоб и у дамочки. Но где-то на середине передумали и остановились. Все же принцип был для нее дороже, чем такая дорогущая вещь. И это похвально для покупателя.

- Согласна! В конце концов, здоровье моего мужа дороже! И торговать здоровьем я не собираюсь!

Она вытащила из крокодиловой сумочки толстую пачку купюр. Тася их проворно пересчитала.

А дама, гордо подняв голову вверх и громко стуча каблуками, пошла к выходу. Держа перед собой на вытянутых руках мяч с таким видом, словно получила царскую корону. И так не хватало вассалов, бегущих за ее шлейфом, и удивительно напоминающих чертей, выпрыгнувших из венецианского графина. Который так и не достался ее мужу. И мне на секунду ужасно захотелось отомстить дамочке. И все ему рассказать.

Это была наша самая дорогая сделка. И самая дорогая афера. Тася ликовала. А я, вначале сильно испугавшись, потом успокоился. В конце концов, держать улики лучше там, где никто ими не заинтересуется. Дома держать улики опасно. Возможно, судьба вновь благоволила ко мне.

Так прошло несколько месяцев. Я постепенно забывал о Гришке. Только иногда, вначале, по вечерам, когда снимал парик, бороду, усы. И смотрел на себя в зеркало. Из зеркала на меня в ответ смотрело не слишком привлекательное лицо. Потрепанное и постаревшее. Мне оно все меньше и меньше нравилось. И я вскоре отучил себя заглядываться на свое отражение. И вскоре отучил себя снимать грим. Словно раз и навсегда хотел расчитаться с прошлым. А моим настоящим был этот седой длинноволосый старик в черной беретке, с белой бородой. О настоящем антикваре я вспоминал все реже и реже. Мне он даже не снился. Иногда мне казалось, что он вовсе не существовал. А, если и существовал, то был всего лишь предметом антиквариата среди множества старинных вещей в магазинчике.

Тася, похоже, вслед за мной безболезненно расставалась с прошлым. И не так уж часто вспоминала о своем непутевом парне Гришке, как и я. Он пропал без вести. И никто в нашем рабочем дуэте не желал слышать вести о нем. Мы на него были обижены одинаково. Для Таси он навсегда остался негодяем, так и не женившимся на ней. Для меня еще хуже – неудачником и преступником.

Помимо редких, но желанных покупателей (которые так все покупали, благодаря Тасе), частым гостем в нашей антикварной лавочке стал регулировщик Сеня. И я был этому безмерно рад. Я знал причину его нетерпеливых приходов. И меня эта причина устраивала. Сенечка стал гарантом того, что Тася больше никогда не вспомнит о своем парне. И тем более у нее никогда больше не возникнет желания податься с жалобами в милицию. И я, как сердобольная сваха, делал все, чтобы они полюбили друг друга. Впрочем, Сенечка был и без моего суетливого участия уже влюблен по уши. Дело оставалось за Тасей. Но она почему-то медлила. Похоже, успех в бизнесе не на шутку вскружил ей голову. Она одевалась, как истинная бизнес вумен. И мне все меньше и меньше нравилась. Возможно, ту девчонку, в джинсах и кедах я бы еще смог полюбить. Повторно. Так, от нечего делать. На безрыбье и рак рыба. Но эту... Нет, это был не мой стиль, не смотря на деньги, которые у меня уже давно водились. А Тася возвращаться к своей босоногой юности с бумбончиком на шапочке не желала. И вряд ли уже у нее возникнет такое желание. Как у всякого, хоть раз повернувшего судьбу к себе лицом. Особенно силой. Иногда мне даже казалось, что ее вообще не было в той, другой жизни. И познакомился я с ней только теперь, здесь. Впрочем, как и не было в той жизни давно и меня.

А вот Сенечка был и тогда, и теперь. И будет. Таким же славным лопухим и неприхотливым парнем. И я, как умел, делал ему рекламу.

- Да уж, Тасенька, - мечтательно тянул я после его очередного ухода, потягивая горячий чай. – Да уж. Любая девушка такому парню позавидует.

Похоже, опыта в рекламе у меня не было никакого.

-Ну, вы тоже скажете, Аристарх Модестович! – Тася громко в знак протеста стучала купеческим чайником по столу. – Любая девушка! Какая еще девушка! С вашего каменного века?! Может и да. А в нашем веке никто такому богатству не позавидует. Регулировщик на дорогах! Вот еще! Только Сенечка такую работенку мог откопать. Уже давно везде светофоры стоят! Да что светофоры! Вон, китайцы уже изобрели виртуальных пешеходов! Машина несется на зеленый свет – а тут такая стена из лучей в виде красных пешеходов. Машина хочешь - не хочешь, а остановится! И настоящие пешеходы в безопасности! А что Сенечка? Куда ему до китайцев! Если он умудряется в наш-то век стоять вместо светофора! Он такой же динозавр, как и вы!

- Зря ты так, Тасенька, - не сдавался я, подливая себе чаю. – Ох, как зря. Регулировщик – вполне уважаемая профессия. Да и действительно редкая. А машины людей не заменят. А ты судишь... Да уж и не знаю, по каким критериям ты судишь.

- Только вы знать такое не можете! – Тася еще громче стучала фарфоровым чайником. Чайник недовольно опускал свой носик и проливал чай прямо на стол. – Только вы! Живете в своем придуманном мире! Среди бездушных вещей!

- Бездушных? Весьма спорно. Но дорогих – это точно, - делал я маленькую поправку.

- Может и дорогих, - уже милостиво соглашалась Тася, вспоминая цену антиквариата. – Но все одно. И разговаривать они не умеют, и совет мудрый дать. Вот вы, получается, только в себе и живете. Сам себе и друг, и собеседник. Поэтому ничегошеньки не кумекаете в нашей жизни. А жизнь, дорогой Аристарх Модестович – это не палочкой на дорогах махать за копейки. Она другая – жизнь.

- И какая же, если не секрет, Тасенька?

- А хотя бы такая! – Тася подскочила к многочисленным пакетам, с которыми явилась сегодня утром на работу. И вывалила их содержимое прямо на

диван. Множество дорожных тряпок, обуви, бижутерии, косметики. Даже почему-то малюсенькая сумка-холодильник затесалась. Что меня убило окончательно.

- Ну что, скажете не красиво? Красиво! А вы мне – регулировщик. Вот она – вся жизнь на этом диване. И вся моя философия. И регулировщик сюда не вписывается.

- А как вписывается это? – я осторожно взял сумочку-холодильник.

- А, это я получила за этикетки от йогурта. Ничего, пригодится! А не пригодится – Сенечке его и подарю. Когда жара будет, он достанет из сумочки холодненький напиток – и уже маленькая радость. А меня Сенечкины радости не устраивают. У меня другой интерес.

Я вздыхал. Мне искренне было жаль Сеню. И я не собирался завершать свою рекламную компанию. Но всем нутром чувствовал, что у Таси действительно другой интерес. И Сенечка туда никак не вписывается.

О ее интересе я узнал совсем скоро. И меня это шокировало. Я догадывался, что если что в жизни и интересуется Тасю, то принципы в этот интерес не вмещаются никаким местом. Но чтобы настолько...

Был уже поздний вечер. Тяжелыми хлопьями валил снег. И я вглядывался сквозь морозную витрину на улицу. И видел расплывчатые фары пробегающих машин, сливающиеся с бликами замерзшей луны.

И когда в дверь постучали, я не удивился. Поскольку успел разглядеть мелькнувший силуэт Сенечки.

Сенечка долго вытирал ноги у порога, смущенно сжимая фуражку в руках.

- Дорогой, - бубнил мимоходом он. – Дорогой Аристарх Модестович... Вы уж извините, что так поздно. Вы, пожалуй, уж и ко сну собрались. А я вот так... Хотел пораньше, но никак не вырвался. Из этого сумасшедшего потока. И снег такой валит, а они все не угомоняться. Даже скорость не сбавляют! И дачного сезона, поди, нет. А они все туда-сюда, туда-сюда...

Я уже хорошо выучил Сенечку. Он мог так бубнить до бесконечности. А я все же хотел выспаться. Как всегда. С тех пор, как стал стариком.

Я силой втащил Сенечку в комнату и налил остывший чай.

- Ох, ну и хватка у вас, дорогой! – восхищенно заметил Сенечка. – И у молодого не часто встретишь такую хватку, я вам скажу!

- Ну, о моем возрасте, Сеня, говорить – это избитая тема. Не за этим ты, поди, явился. Почти в полночь.

- Не за этим, - по-старчески вздохнул Сенечка. И от неловкости огляделся. Остановил взгляд на маленькой пушистой елочке, примостившейся в углу.

- Не рановато ли? – Сенечка кивнул на елку. – До Нового года еще далеко.

- Да это все Тасины выдумки, - махнул я рукой. – Категорически мне заявила, что елку нужно ставить, когда выпадет первый снег. А убирать, когда снег последний растает. Мол, так вернее. Мол, елка может себя показать во всей красе только зимой. И удивительно гармонирует со снегом. Даже, если снег за окном, а она в комнате. А мы ей отводим каких-то жалких 2 недели из всей долгой-долгой зимы. Кто его знает, может, в ее нелепых словах и есть частица правды? Правда тоже частенько гармонирует с нелепостью.

- Вот это верно, - Сенечка почесал макушку. – Тася часто говорит нелепости. А они в миг – и правдой оказываются.

- А-а-а, - понимающе протянул я. – Так ты о Тасе пришел поговорить? Ну что ж...

Если честно, я был недоволен. И хотя мне нравился Сенечка, Тася мне нравилась не настолько, чтобы ей посвятить часы драгоценного сна.

Сенечка, не смотря на свою доверчивость, мое недовольство все же успел уловить. И резко, как солдатик, подскочил с места.

- Вы уж извините меня еще раз, дорогой. Пожалуй, этот разговор, может и подождать.

Может, еще как может. Я облегченно вздохнул. И поднялся вслед за Сенечкой. Но, чтобы сгладить ситуацию, решился на пару ласковых слов.

- Ты, Сенечка, не беспокойся. Все будет у вас хорошо. Девушки нынче, сам знаешь, какие. А в итоге, и не плохие вовсе оказываются. Да и я тут не сижу, сложа руки. Ты мне симпатичен, Сеня. И я всегда к месту и не к месту, бывает, – да и замолвлю о тебе доброе словечко. А доброе слово о хорошем парне никогда мимо ушей у девушки не пролетает. Уж поверь моему долгому опыту.

- Опыту? - Сенечка как-то многозначительно усмехнулся. И мне это не понравилось. Многозначительность никогда не была в духе этого довольно однозначного парня.

- Ты что-то имеешь против моего опыта? – нахмурил я седые приклеенные брови.

- Опыт, дорогой, Аристарх Модестович, не есть годы. Можно за сто дней приобрести столетний опыт. А можно за сто лет иметь всего лишь стодневный. Я, безусловно, отдаю все свое почтение вашим годам. Но опыт... Возможно, вы прекрасно разбираетесь в этих старинных вещах, может быть, даже в людях понимаете. А вот в любви... Вы, поди, и не любили никогда.

- Ну, Сенечка, если за сто лет мне не удалось полюбить. То сегодня, в час ночи разговоры о любви тем более не к месту, - и я демонстративно посмотрел на огромные часы, принадлежащие матери Сержа.

Сенечка, этот тактичный, щепетильный, скромный парень неожиданно проигнорировал мой откровенный взгляд. И вновь уселся в кресло. Правда, фуражку он по-прежнему от неловкости мял в своих руках.

- Фу! – выдохнул Сенечка, промокнув вспотевший лоб фуражкой. – Ну да ладно, чего уж. Если сегодня не решусь, никогда не решусь!

Похоже, у Сенечки таки был весомый повод для ночного разговора. И мне пришлось смириться. Я тоже уселся в кресло.

- Вы уж извините, Аристарх Модестович, я к вам со всем уважением. Вы и сами это прекрасно понимаете. И никогда на вас ничего такого не подумаю... да и вообще, даже нехорошо об этом и думать, не то, что говорить...

- Нет, Сень, будь добр, говори, - я довольно резко перебил парня. – А то мы так и до утра не закончим.

- В общем, как вы понимаете, я о Тасе.

Я в упор смотрел на Сенечку. И молчал. Так появлялось больше шансов, что он соберется духом. Он собрался. Правда, при этом его лицо настолько пылало, что казалось, парня только вытащили из печи. Оставалось надеяться, что не Баба Яга в обличье хорошенькой белокурой девушки его туда засунула. Надежды не оправдались.

- В общем... Вас она предпочитает, Аристарх Модестович. – Сенечка при этих словах так часто задышал, словно поднимал гири.

А я по-прежнему в упор смотрел на него. Только мой взгляд стал очень тупым и бессмысленным. Я не мог сразу переварить сказанное. Настолько оно было нелепо. Тася... Ну, и девчонка! Не Баба Яга, а ведьма! Нет, этого просто не может быть!

- Этого просто не может быть, - наконец выдавил я из себя самые правильные слова, которые положено говорить в таких пикантных случаях.

- И я поначалу так думал, дорогой, - Сенечка вновь промокнул вспотевший лоб. – Хотя и замечал ненароком, как она на вас поглядывает.

- Прекрати, Сеня! – я резко вскочил с места, начисто забыв, что на сегодняшний день я столетний старик. – Это же просто абсурд! Ты знаешь,

сколько мне лет! С ума сойти! Я уже сам сосчитать не могу! Сбился со счета! Она же, в конце концов не сумасшедшая!

- Вот именно, далеко не сумасшедшая. Потому как далеко метит. И потому предпочла вас, уважаемого, богатого человека. Мне – бессребреннику и простаку.

- Ты так не похож на эти слова, - я усмехнулся. И наконец, сгорбился, вспомнив, что слишком стар для прямой осанки.

- А это ее слова. Я ничего не придумывал. Вот так, дорогой.

Сенечка поднялся с места. И встал напротив меня. Выпрямив плечи. И с каким-то трогательным достоинством приподняв голову вверх. Словно хотел доказать, что он и моложе, и сильнее, и прямее. Как ни странно, это ему не помогло. Я даже со сгорбленными плечами был выше его. Это еще больше смутило и расстроило парня. И он направился к выходу. Его походка была и печальной, и обиженной.

Я не находил слов, достойных его трагичному уходу. И решил нужные слова приберечь до завтра. Предварительно сказав пару ласковых Тасе.

Этой ночью я спал плохо. Как и положено старикам. Мне снились белые кролики в наполненном графине из венецианского стекла. И я сливал и сливал воду, чтобы они исчезли. Но их становилось все больше и больше. Они становились все жирнее и жирнее. Пока не лопнул графин. И кролики разбежались по антикварной лавке. А я успел подумать, как же дорого стоило венецианское стекло. И как же мне оно было дорого. И мне за него уже не расплатиться...

Тася как всегда влетела вовремя. С утренними сумерками и мокрым снегом. В новой белой кроличьей шубке и белой кроличьей шапочке. С кучей шелестящих разноцветных пакетов.

Она долго топала ногами на пороге, бросив покупки на пол.

- Вы даже не поможете мне раздеться, Аристарх Модестович! – крикнула она с прихожей. И в ее крике я уловил кокетство. А раньше не замечал!

- Я в том возрасте, когда ты мне уже должна помогать! – я принял оборонительную тактику. Но Тасе было плевать на оборону.

Она вбежала в комнату и на середине закружилась. На ней был новый трикотажный облегающий костюм. Иссине-черный цвет которого гармонировал с ее белокурыми кудряшками и румяными щечками. В нем, надо отдать должное, она выглядела превосходно.

Я нахмурился.

- Ну и как? – не унималась Тася.

- А в нем удобно будет мыть пол? – с заботливой учтивостью поинтересовался я.

- Ну вот, вы за старое, - Тася поджала губки. И в этом поджатии губ я тоже уловил заигрывание. А раньше не замечал.

- Вы же прекрасно знаете, что я переоденусь.

Я демонстративно повернулся спиной и стал усердно копаться в папках с документами. По-стариковски ворча, что, дескать, какой я уже старый, и меня совсем замучил склероз.

Но Тасю склерозом было не напугать. Она подкралась ко мне сзади. Стала совсем рядышком, и стой же усердностью принялась рыться в документах. Дыша мне прямо в затылок мятым леденцом.

- Старость – не порок, Аристарх Модестович. А даже напротив. Старость нужно нести с достоинством.

Я весь напрягся. А раньше внимания не обращал на подобные разговоры.

- Скоро уже покупатели придут, - осиплым голосом выдавил я, – тебе нужно успеть все убрать.

- Ну, вы-то знаете, я все успею! – хохотнула Тася. И заботливо прикоснулась к моему лбу. – Ой, а вы такой горячий! Вдруг у вас температура!

Я раньше внимания не обращал на прикосновения Таси. И до меня вдруг дошло – а ведь все было. И прикосновения, и многозначительные взгляды, и двусмысленные слова. Просто для меня все выглядело естественным, а не пошлым или вызывающим. Я совершил главную ошибку. Старость я на себя безболезненно принял, но абстрагироваться от молодости, в которой жил когда-то вместе с Тасей, забыл. А ведь она была мне почти женой.

Но теперь... Теперь, после разговора с Сенечкой, по-прежнему уже ничего не могло быть. Я должен контролировать каждый ее взгляд, жест, каждое слово. И давать им настоящий отпор.

И я резко убрал руку Таси с моего лба.

- Нет, вы и впрямь пылаете! – Тася всплеснула руками. – Так не годится! Не хватало заболеть перед Новым годом! Давайте-ка я поточнее проверю вашу температуру.

И Тася приподнялась на цыпочки, чтобы дотянуться губами до моего лба.

Я в прямом смысле от нее шарахнулся, еле удержавшись на ногах.

- Что с вами, Аристарх Модестович? – Тася невинно захлопала синими глазками.

Я постарался взять себя в руки. И даже изобразил подобие улыбки.

- Тасенька, - прохрипел я, – ты же знаешь, ты мне, как внучка. А то и правнучка. Знаю, и ты ко мне, как к родному прадедушке, относишься... Но не нужно чрезмерно много заботы. Я еще стою на ногах.

- Правнучка? Какая еще правнучка!

Похоже, мои слова попали в цель. Больно ударив Тасю по ее расчетливым мыслишкам. Мыслишки на время разлетелись в разные стороны.

- Да какой вы прадедушка! Вы мой партнер по бизнесу! Да, партнер! Именно – партнер!!!

Слово партнер снова окрылило Тасю. И ее мыслишки вновь стали собираться в одно целое.

И меня это и пугало, и раздражало. Если поначалу я Тасю воспринимал, как легкомысленное, довольно бестолковое существо. То теперь, воочию, во весь рост предстала настоящая хищница. В черном трикотажном костюме она и вовсе напоминала пантеру. А пантер я боялся еще с детства. Хотя никогда не видел.

Да, Тася пошла гораздо дальше, чем я мог ожидать. Она все ловко и профессионально рассчитала. Недаром ее парнем когда-то был бухгалтер. Всю жизнь, мечтающая о богатстве, она наконец-то реально почувствовала его запах, вкус, цвет. Тратить времени на поиски богатого молодого жениха она не стала. К тому же ей за ним пришлось бы становиться в долгую-предолгую очередь. И неизвестно, возможно, так и стояла бы, пока не состарилась. К чему журавль в небе. Если я, в виде старенькой обципанной синицы уже почти в руках (к тому же, с золотой клеткой в виде приданного в придачу). И Бог со мной! Меня и убивать не надо. Я вот-вот и сам в порядке очереди уйду на вечный покой. Что ж. Расчет верный. Бухгалтер ее многому научил. В отличие от философа. Впрочем, возможно, я просто бездарный был философ. А он был талантливый счетовод.

Но ее расчеты никоим образом не совпадали с моими. Я наконец-то получил долгожданную свободу. И от нее, и от своего неблагополучия, и от своего прошлого. И главное – от себя самого. Я стал другим, совершенно другим человеком. И этот другой человек меньше всего хотел в своей свободной жизни заполучить Тасю.

Но Тася, похоже, не собиралась отступать, ни под каким аргументированным предлогом. Я прекрасно знал – что в упрямстве она

превзойдет любого. И в достижении уже намеченной цели ей равных не будет. И самое главное – она таки этой цели достигнет. Даже если оставит позади себя немало трупов.

Я признавал, что гораздо слабее ее. И рано или поздно поддамся ее верному расчету, который гораздо превосходил ее чары (им я никогда не поддавался). Я со страхом даже мог вообразить себе невообразимое. И ненароком бросил взгляд на картину, висящую над столом. Это была совершенная копия работы Василия Пукирева «Неравный брак», написанная учеником художника. Поэтому стоила не на много меньше. Что ж, и мастер, и его подмастерье были в теме. И эта тема, похоже, для них так же, как и для меня, была шокирующей. Но арифметически точной и астрономически приземленной, раз они так реалистично и так грамотно смогли ее преподать. И мое воспаленное воображение уже нарисовало третью копию «неравного брака», правда, в иной интерпретации. На картине был изображен седой старец с длинной бородой и черной береткой, надвинутой на высокий лоб. Его морщинистое лицо застыло в ужасе. Он безумно не хотел идти под венец! А под руку его держала хорошенькая белокурая девушка в костюме от «бизнес-леди». И в кроличьей белой шапочке вместо фаты. Она счастливо улыбалась. И ее синие распахнутые глазки лукаво кому-то подмигивали из гостей. Возможно, вон тому лопухому парнишке, нервно сжимающему в руках полосатую палочку регулировщика. Он брезгливо скривил свой курносый нос. Он единственный осуждал невесту.

Тася мгновенно перехватила мой испуганный взгляд. И бросила свой уверенный взор на картину. И мгновенно ее оценила. Она этому хорошо научилась здесь, в антикварной лавке.

- А, - ехидно протянула она, – «Неравный брак». Как же знаю, знаю.

- Я и не подозревал, что ты так хорошо разбираешься в живописи, - не менее ехидно ответил я.

- А тут не надо разбираться. Ее все почему-то знают. Наверно, со школы запоминаются вещи, которые ничем уже не вышибить из памяти. Все знают, что дважды два четыре. Что молоко пишется через «о». Что Онегин отверг вероломно Татьяну, а она потом ему сказала «Но я другому отдана и буду век ему верна». Что Анна Каренина бросилась под поезд. Что таблицу Менделеева придумал Менделеев. А Шишкин рисовал мишек в лесу, но понятия не имеют, как его картины называются. И все знают название картины «Неравный брак», но не знают, кто ее рисовал.

- Прекрасное знание школьной программы!

- А то! – Тася гордо встряхнула головой, подперев руки в боки. Она была уверена в своих знаниях. Ей их было достаточно. В большом количестве она никогда не нуждалась. Хотя я не могу не признать, что она любила ученых людей. И благодарно их слушала с открытым ртом. Но ничему у них не училась. Тася не любила думать. И, если о чем-то пыталась соображать, то лишь о любви. Как и соображала только в любви.

- И чего эту картинку у нас не покупают? – она вновь повернулась к «Неравному браку» лицом. Сегодня он ей согревал душу.

- Не знаю, - я меланхолично пожал плечами. Хотя весь напрягся, чтобы не пропустить двусмысленное слово и вовремя его отшвырнуть. – Может, некоторые не хотят себе портить настроение. А для некоторых она слишком дорога в цене.

- Не-а! – торжественно заключила Тася! – Вот вы ученый человек, а ничегошеньки не кумекаете в современной жизни. Хотя, конечно, быть ученым это не означает хорошо разбираться в житейских делах. Ученость даже мешает. А я вот знаю, чего ее не покупают!

- И чего? – грубо передразнил я ее. Но она не заметила. Или сделала вид.

- А того, что она просто не актуальна! Ну, кого сегодня удивишь неравным браком! А если честно, то вообще это детская картинка. Даже смешно. Что тут неравного? Вы посмотрите на жениха! Да он совсем еще молодой мужчина! В самый раз! Да еще при деньгах! Если хотите знать, то пройдет лет десять, и он сам бросит свою жену. И жениться на еще более молодой. Вот увидите!

Интересно, как это я мог увидеть, если всегда считал, что живопись – это застывшая форма искусства.

- Я бы в жизни на такой неравный брак не подписалась!

Я от удивления присел на диван. Диван подо мной провалился. Вот это да! Может это все выдумки Сенечки? Его юношеское воображение блуждает в поисках соперника. А поскольку он ни с кем не общается, то его ревность обрушилась на меня, его единственного приятеля. Признать же, что его просто не любят, Сенечка не желает, поскольку слишком молод для подобного признания.

- Вот это верно, Тасенька, - я по неосторожности обратился к ней ласково. – Ну, какая умная, красивая, веселая, вообще замечательная девушка, как ты, подпишется на такой брак?

- Вы и впрямь так считаете? – Тася тут же бухнулась на диван рядом со мной. – Что я такая замечательная? – И Тася в порыве схватила мою руку. Я даже не вырвался. С каких пор я стал таким доверчивым. Разве можно верить Сенечке? Он ведь ни черта не понимает в людях. Упомянуть черта я, похоже, поторопился.

- Милый Аристарх Модестович! – защебетала Тася. А я пытался припомнить, в каких случаях она так нежно щебетала. Но не успел. – Дорогой! Я действительно в жизни бы не подписалась на такой брак, поскольку предпочитаю мужчин постарше, чем на этой картинке. Вот как вы, например. Они гораздо надежнее...

Я, как ошпаренный подскочил с места, не дав Тасе закончить свою крамольную мысль.

Она так и осталась сидеть с открытым ртом.

- Ты с ума сошла! – закричал я на нее. Но при крике мой голос почему-то молодец. И я вовремя остановился. И уже приглушенно затараторил. – Ты с ума сошла! Да как ты смеешь даже такие мысли допускать! Испорченная девчонка! Соплячка! Я вообще никогда не был женат! И считаю это одним из своих достоинств! И как ты посмела... Посмела! Даже намекнуть! Да, я слишком стар, но еще не настолько, чтобы выжить из ума! И не допущу, чтобы ты тут меня с ума сводила! Как можно тебе вообще доверять! Самое лучшее, что ты сейчас можешь сделать – это уйти!

Мне от всей души хотелось схватить ее за шкуру и вышвырнуть на улицу. Она это почувствовала. Вскочила с места. И, похоже, испугалась не на шутку. Я никогда не позволял себе подобного тона, даже когда еще не стал стариком.

Тася медленно попятилась к двери.

- Мне и правда уйти? – пролепетала она, чуть заикаясь.

- Куда правдивей! И хорошенько запомни один совет, девочка. От старика. Не лови там, где работаешь. И не словишь ничего, и место потеряешь!

- Но ведь я ничего еще не потеряла? Да? Во сколько мне завтра приходиться? Как всегда? – Тася умела отсекал невыгодную ей информацию.

- Нет! – выкрикнул я молодым голосом. – Никуда тебе приходиться не надо! И, тем более, сюда! И никогда!

Тася не уловила мой молодой голос. Она была слишком напугана. Поспешно натянула на себя белую кроличью шубку и белую шапочку. И выскочила за дверь. Ее блестящие пакеты остались валяться на полу.

Я приблизился к окну. Мимо витрины быстрым шагом шла Тася. Ее высокие каблочки так громко цокали, что мне казалось, я отчетливо слышу их стук. Снежинки медленно и печально кружились в воздухе. И падали на белую шубку и шапочку. Отчего они выглядели еще пушистее. Тася напоминала испуганного зайчонка, которого вот-вот подстрелит старый опытный охотник. И быть подстреленной она не хотела. И не могла допустить. В этом была вся Тася. Зайчонок умел спрятаться от опасности. И поскакал на каблучках еще быстрее.

Тася прыгнула к Сенечке, который, как всегда, стоял на перекрестке, отражая палочкой атаки железных акул. И уткнулась носиком в его грудь. И я видел, как ее плечи тряслись от рыданий. А Сенечка, красный от мороза, нежно гладил одной рукой ее рыжие, запорошенные снежком волосы, выбивающиеся из-под шапочки. А другой рукой указывал верный путь машинам. Которым, по большому счету, было плевать на его указания. И они сами выбирали свой путь.

Охотник не подстрелил зайчика. Это был плохой охотник. Он промазал. Зайчика подобрали, пожалели и поверили в его беззащитность.

Тася и Сенечка так и стояли в обнимку. Мимо пронеслись машины, сверкая гневно круглыми желтыми глазами. И печальные снежинки превращались в хлопья снега, а хлопья снега в свирепую рвущуюся метель. Казалось, она вот-вот закружит в вихре Тасю и Сенечку. И унесет в снежную неизвестность. Но случится ли это на самом деле, я узнать не смог. Поскольку из-за метели уже ничего не мог разглядеть. И отошел от окна. И только тогда подумал, почему я так разозлился? Неужели я злился не на то, что у меня вот-вот отнимут свободу? А на то, что ее так мне легко смогли предоставить. Что парень Гришка был забыт раз и навсегда, словно его никогда и не существовало на свете. И его, этого симпатичного, молодого философа так легко, вот-вот заменили бы на старика. И неужели так легко человек заменим. И так легко забывается. В таком случае, зачем мы вообще появляемся на этой земле? Если мы так фрагментарны. И зачем мы так долго живем? Если жизнь всего лишь – один кадр многомиллионной пленки. И зачем мы так много наживаем вещей – если они достанутся в итоге не нам. И зачем так много у нас родных и друзей, если мы с ними все равно расстанемся. И забудем. Или они забудут нас. И зачем мы вообще любим, если любовь все равно, гораздо короче жизни. И не только ее. А гораздо короче всего, что эта жизнь нам может предоставить. Любовь – это самое короткое, что есть на свете. И кажется, самое бессмысленное. Но понимаешь это тогда, когда она нас покидает. Когда по ней уже не плачешь. А на душе только терпкая досада – зачем, зачем я столько времени потратил на любовь. Как-то на другое время тратить не жалко.

Что ж. Я еще раз убедился, насколько старик был прав. Только одиночество – самая надежная вещь на земле. Никто не предаст. И ты никого предать не сможешь. И никто не сможет забыть, и ты никого не забудешь. Нужно учиться жить одиноким. Ведь все равно рано или поздно каждый остается один. И только одиночество может даровать подобие вечности и бесконечности. Как застывшая форма искусства.

Впрочем, нужно успокоиться. Чего я так разволновался. Если я даже не любил Тасю. И не собирался любить. Вот еще одна особенность проклятой любви. Даже когда не любишь – все равно обижаешься, что тебя легко забывают, и легко бросают.

Я огляделся. Дом выглядел как никогда пустым. Хотя я частенько оставался один. Все-таки сознание того, что Тася больше не вернется, делало дом пустым по-настоящему. Возможно, потому, что в отличие от старика, вещи еще не сумели полностью завладеть моим сознанием и моим бытом. Возможно потому, что понимание исключительного одиночества пугало меня, делало незащищенным.

Впрочем, скорее всего, придется на время закрыть лавку. Без Таси вряд ли торговля пойдет успешно. К тому же, кое-какие сбережения уже у меня были. И оставались сбережения старика. Он не держал деньги в банке. И это позволяло на некоторое время лечь на дно.

Вскоре табличка «Закррито» висела на входной двери. Вскоре она была запорошена снегом. Я бросил взгляд на елку. Она так и стояла, пушистая и не наряженная. Оттого выглядела незащищенной. Словно в лесу она, укрытая от людских глаз, могла себе позволить быть без одежды. А в городе, в чужой квартире ей непременно нужно было прикрыть свою наготу. Нарядить ее, что ли? Нет. Елку я не наряжал с детства. И теперь мне казалось, если я дам слабину, то Новый год придется встречать одному. Я готов был смириться с одиночеством, но не в Новогоднюю ночь. Мне казалось, я непременно дождусь того, кто нарядит мою елочку. Хотя эти мысли были нелепы. Кого я мог дождаться? Деда мороза? Снегурочку? Или Тасю? Все они были одинаково неправдоподобны в моей жизни.

Я выключил свет, завел старенький патефон с Моцартом, забрался с ногами на диван. И попивая «Мартини», украденное в одном из Тасиных пакетов, долго любовался мигающими огнями улицы, возле которых весело кружились в танце снежинки. Я пил под сумасбродную, но гармоничную музыку Моцарта. Убеждаясь и убеждаясь, что в каждом хаосе есть своя логика.

Две недели меня никто не тревожил. Хотя табличка «Закррито» была видна неотчетливо, поскольку ее полностью залепил снег. Не знаю, радовался ли я своему отпуску за свой счет, или печалился. Во всяком случае, я добровольно себя отпустил, и счет мне не был предъявлен. В моей душе поселилось предновогоднее умиротворение, которого и не бывает перед Новым годом. Я не видел суеты толпящихся в магазинах людей, не слышал сирен машин и мне в лицо не ударяли огни уличных елок и цветных гирлянд. Я был предоставлен сам себе. И даже казалось, так будет всегда. Я забыл про убитого антиквара, наверно потому, что не просто мое преступление осталось незамеченным и безнаказанным. А скорее потому, что я сам стал антикваром, и более того – в это искренне поверил. Но даже если я игнорировал факт преступления, это не означало, что этого факта не существовало.

Я забыл про Сенечку и Тасю, которые, наверняка, объединились в общую команду против меня. Но они меня не тревожили, поэтому для меня этой вражеской команды как бы и не существовало. Если что-то не видишь или что-то не слышишь, это не значит, что его нет. Но, во всяком случае, можно вообразить, что его нет. Так мне казалось. И я так ошибался. Если у меня не было врагов, это не означало, что меня не было у них.

Конечно, меня немного удивило, что Тася не прибежала за своими блестящими пакетами. Я понятия не имел, что там. Просто выпил ее запас мартини, нащупав через сумку. К тому же я Тасе был должен. Не просто выручку. Но и скандал, который бы она никогда не пропустила, имея хоть малейший шанс его допустить. И вряд ли бы она шанс со мной рассчитывать проигнорировала. Они и не упустила, и не пропустила и не проигнорировала. Но это я узнал чуть позднее.

С Сенечкой все было понятно. Он просто обижен. Хотя я и не виноват. И хотя это именно его, а не меня обнимали на заснеженной дороге, прижимаясь пушистым кроличьим воротничком к его румяной щеке. Я частенько видел Сенечку через замороженную витрину. Он по-прежнему, как оловянный солдатик, стоял посреди ледяной дороги, среди бурного железного потока машин, отбиваясь от них единственной тоненькой палочкой. И как ему только не страшно? Ведь его в любой момент могли сбить. Элеонора Викентьевна была права. Он заслужил медаль. Или орден (я до сих пор не знаю отличие, хотя, наверное, знать должен,

хотя не получал ни того, ни другого). Но Сенечка отчаянно отбивался. Помню, как-то стоя возле замороженной витрины от антиквара и бокалом мартини от Таси я подумал. Бесстрашный парень! Ведь он даже понятия не имеет, кто за рулем. Вдруг пьяный вдребезги. Вдруг озлобленный на весь мир. Вдруг просто сумасшедший. А вдруг просто любитель сбивать людей только потому, что они имеют дурную привычку ходить, а не ездить. Как знать?

Впрочем, Сенечка не более бесстрашен, чем все мы. Вдруг мы работаем плечом к плечу с маньяком? А в очереди стоим плечом к плечу с грабителем банка. Вдруг нас принимает врач-убийца? Вдруг наш поезд ведет машинист-самоубийца? Вдруг наш сосед мечтает ночами взорвать дом? Вдруг мы смеемся над фильмом, который снял шизофреник. И плачем над книгой фашиста. Вдруг мы живем не в сумасшедшем мире, как это красиво и поэтично все называют. А в сумасшедшем доме. И каждый из нас помещен в свою палату. И у каждой палаты свой санитар. Одно неверное движение – и... Просто когда-то слово дом заменили на слово мир. И нам стало легче. А вдруг нам откроют правду. И все станет на свои места. И как мы будем жить? Неужели так же. Потому что мы все среди них? Или они среди нас. И нам легче принять сумасшедший дом. Чем его отрицать. И нам легче жить в нем. Потому что другое мы уже не сможем построить. Не потому что сумасшедшие. А потому что так легче.

Но Сенечка и не собирался думать о таких сложных и запутанных вещах. Он вообще редко думал. И теперь он думал, скорее всего, о Тасе. И это для него было много. И очень бесстрашно. Потому что ни сумасшедших машин, ни сумасшедшего мира он не боялся. Впрочем, возможно, это было самое безопасное. Во всяком случае, для него.

За эти две недели я действительно отдохнул. Правда, были некоторые неприятные моменты. Но, как это бывает, я тогда и не подумал, что они неприятные. Я подумал, что это так, просто случайность, любопытство, глупость или черт знает что. Я помнил про черта в графине. По мере убывания жидкости – он уменьшался. По мере убывания дней уменьшаются и страхи, и подозрения.

Несколько раз в мою заснеженную витрину заглядывали. Причем по очереди! С точностью секундомера – то одна, то один. Это была супружеская пара. Кажется их фамилия ... Нет, точно не помню фамилию. В районе их называли парочкой Косулек. Возможно, все же их фамилия была Косулевы. Думаю, красивая фамилия. Я немало знал людей с красивыми фамилиями, но так и не узнал, насколько они сами красивы. Впрочем, наверно, я слишком мало прожил, чтобы узнать. А иногда, мне кажется, это был их псевдоним. Ну, знаете, как у художников, композиторов, ученых. Почему бы не у поваров? Готовящих на жаркое косуль? Которые совсем недавно были живыми. Логично.

Так вот они, эта парочка Косулек, попеременно вдруг стали заглядывать в мое заснеженное окно. Благо, оно было заснеженным! Мне не очень хотелось созерцать их красные, помятые рожи, которые не очень соответствовали ни фамилии, ни прозвищу.

На углу, справа от моей лавки, напротив цветочного магазинчика располагался их ресторанчик «У Косулек». Элитный ресторанчик. Нет, это, скорее сказано для журналов с блестящей обложкой. Ну, такой маленький... бутик (я уже выражаюсь, как Тася). Ну, не бутик, а забегаловка по продаже мяса. Мяса косулей, оленей, ланей, лосей и им подобных краснокнижных товарищей. Косулек. Которые с пылу да жару – прямо на стол. Впрочем, мне не было дела ни до торговцев мяса, ни до их бутика. Но как-то щемило сердце, глядя на вывеску, на которой сияло фосфорической краской: «Умчи меня, олень, по моему хотенью!» Я не знал, куда мог умчаться кого-то мертвый, посыпанный перцем и базиликом

олень. В тупик? Ну, может, разве, ананасовый соус мог растопить мечту о свободе?

Я понятия не имею, откуда они брали такое элитное мясо. В наших краях явно не водились подобные животные. Но Косулевы почему-то их доставали. Почему – стоит ли углубляться в понятия, на которые не найдешь ответ. Причем никогда!

Как-то, по глупой случайности, начисто забыв, что я старый-старый антиквар, я заглянул в их лавку

Это было невообразимо! Мне даже стало неудобно! Не часто встретишь такое радушие! Меня поразил этот ресторанчик. При всем своем неудобстве, и мягко говоря, ущербности квадратных метров, он и впрямь умудрился выглядеть элитным. Даже имелись бархатные шторы и золотые рыбки в маленькой имитации пруда! Но главное – на витрине прыгал игрушечный олененок, который тут же превращался с помощью спецэффектов в весьма аппетитное блюдо.

Помню, я был очень голоден. Запасы моего одиночества закончились. И я заказал олененка. Без зазрения совести. Не все ли равно, цыпленок, олененок или поросенок? Все когда-то были живыми. Но я знал толк в пище. Это была свинья. Явное надувательство! Я не устроил скандал, не потребовал назад деньги. Я просто смотрел на прыгающего в витрине олененка и очень жалел свинью. Помню, чуть не расплакался. Ей даже после смерти не удалось быть собой и вкусить похвалу и славу. Слава досталась другому. Впрочем, разве каждому удастся иметь свою славу? И намного ли больше повезло олененку. Как знать...

А парочка Косулек все раскланивалась предо мной, делали реверансы. Вообще – они были удивительно похожи. Я даже считал, что можно позавидовать их счастливому во всех отношениях браку. Словно два близнеца. Одного роста – маленькие круглые краснощекие и почему-то оба белокурые и кудрявые. Вот уж воистину говорят, что муж с женой с годами становятся похожи. Впрочем, к ним подходила и другая поговорка: муж и жена одна сатана.

А они все услужливо раскланивались, но при этом почему-то смотрели на меня как-то косо. И тут меня осенило! Они же к тому же оба косоглазые! Вот, возможно, откуда возникло это прозвище – косульки. Бедные животные тут были ни при чем. Как ни при чем и «осанка», и «благородные» черты лица этих двух увальней. Разве что еще фамилия...

- Ах, Аристарх Модестович! – не говорила, а просто пела Косулька-жена. – Это такая честь для нас. Впервые! Посетить наш замечательный ресторан! Вы, такой загадочный, такой аристократичный! Наш рейтинг непременно повысится! Мы непременно вам сделаем скидку! Солидную скидку для такого солидного человека!

- И непременно повесим вашу фотографию на стенде почетных посетителей! – пропел своей жене в такт Косулька-муж. - Там уже висят знаменитости нашего района! Вы только посмотрите! И глава управы, и адвокат, и главврач, и визажист, и директор супермаркета, и руководитель стройтреста. И начальник похоронного бюро...

В общем, весь набор, необходимый для полноценной жизни парочки Косулек. И для полноценной смерти. Только причем здесь я? От доски почета я вежливо, но категорически отказался. А от скидки нет. Она оказалась не такой уж солидной.

Косульки, так же кланяясь попеременно и косясь в мою сторону, проводили меня до двери. Уговаривая стать постоянным посетителем их бутика, в котором подают великолепную оленину. И я вновь с грустью подумал о несправедливо обиженной свинье. Больше моей ноги не было в их ресторанчике. И не потому,

что мне было жаль обиженную свинью или замещенного ею оленя. Просто мне не нравилась эта краснощекая румяная парочка. Страдающая косоглазием.

Вот это они и косились попеременно в мою заснеженную витрину, когда на двери висела табличка «закрыто». И я не обратил на это особенного внимания. Вдруг им просто нравилась моя антикварная лавка. Что тут может быть удивительного. Мало ли что людям нравится, даже если они повара. И мало ли какое у них может быть хобби, даже если они мясники.

Мой отпуск был недолгим. И спустя две недели, прямо с утра (слава богу, уже рассвело, в свете как-то легче воспринимать свалившиеся события) в мою дверь настойчиво и громко застучали.

Ну, сколько раз говорил себе – почистить табличку! Наверняка любители антиквариата! Прямо с утра! Ну как можно с рани, такой снежной и такой холодной вообще что-то любить! Даже если ты фанатичный коллекционер.

Я наспех причесал свой спутавшийся парик, нахлобучил беретку и шаркающими шагами пошел открывать.

На пороге стоял высокий мужчина. В разрезе утра. Перемешанного со снежинками и бликами замерзшего солнца он выглядел... ну, прямо из сказки Андерсена Каем. Безусловно, взрослым и постаревшим Каем. У которого так и осталась вместо сердца ледышка. Нет, с возрастом она переросла в глыбу прозрачного льда. Я даже поежился. Мне на миг показалось, что он вытащит свое холодное сердце и запустит им в мою голову.

От страха я тут же пригласил его в дом. При комнатном свете страх улетучился. Мужчина выглядел вполне реальным. Красивым, с правильными чертами лица, прямым носом. Его умные, очень голубые глаза мигом могли оценить обстановку. Я знал такой взгляд. Такой взгляд нужно... Ну, если не бояться, то всегда быть на чеку. Этот взгляд ничего не упустит. И от такого взгляда всегда веет таким легким, слегка снобистским холодком. Недаром в моей комнате похолодало, меня даже знобило. Я машинально набросил на плечи клетчатый плед.

- Роман, - представился он низким хриловатым голосом. Ему удивительно подходило это имя. Не зря он мне напомнил персонаж Андерсена. Роман. Он точно мог стать героем романа. Возможно, благородным, удивительно уравновешенным или просто флегматичным героем романа, который все подмечает, замечает, но не сразу раскрывает свои карты. Ей-богу, если бы я был романистом, я бы непременно с него списал образ. Настолько мне он понравился. И с удовольствием сам бы про него и прочитал. Но романистом я не был. И мой роман жизни был и не мой вовсе. Этаким плагиат. Списанный у настоящего автора - антиквара. И мне приходилось довольствоваться лишь жалкой ролью интеллектуального вора.

Я назвал ему в ответ свое имя отчество. Аристарх Модестович. И мне оно показалось, настолько несуразным, надуманным, вычурным, что стало смешно. Словно произошла встреча двух персонажей. Одного из классического, серьезного произведения. И второго из какого-то дешевого водевиля, уличного фарса. Мне стало даже обидно. И я не преминул эту обиду как-то обставить в свою пользу. Вдруг и у него дурацкое отчество?

- Извините, мы не знакомы, - тоном аристократа заявил я. – И позвольте полюбопытствовать, как вас величают по батюшке.

- Величают? – он широко улыбнулся. У него к тому же была безупречная, белозубая, обаятельная улыбка. Мне было до такой улыбки далеко. Я вообще не любил улыбаться. – Мое отчество Романович. Довольно просто. Но еще проще, если вы будете величать меня по имени. Все же я намного младше вас. А вы такой солидный, уважаемый человек...

Солидный и уважаемый прозвучало по моему уязвленному мнению так, словно меня только что обозвали старым придурком. Я, безусловно, преувеличивал. У моего гостя и в мыслях такого не было. Он вообще никогда наверняка не выражался. Но все равно мне стало грустно. Учитывая, что на самом деле, он был меня старше лет на пятнадцать, не меньше. Но не мог же я от обиды, вот так, с пылу-жару, во всем признаться? Я уже упустил время для признания. И меня оно особенно сильно не мучило.

Роман медленно, величаво, даже подчеркнуто безразлично, прошелся по антикварной лавке. А его взгляд (я это видел!) цеплялся за каждый предмет дома, каждую антикварную вещь, каждую случайную деталь. Его взгляд ничего не упускал. И в моей комнате еще больше похолодало. И я подбросил поленья в камин.

- У вас висит табличка закрыто, - наконец обратился он ко мне. – У вас проблемы? Или это недоразумение?

- Ни то, ни другое, - я чувствовал, что отвечаю, как школьник. – Просто я взял для себя отпуск. Я сильно устал. В зиму человек... Человек моего возраста особенно устает. Вы понимаете... Впрочем, возможно и нет. Вам до моего возраста еще ох как далеко. Вы же человек далеко не моих лет (почему-то я сказал это с завистью, хотя по-прежнему был младше его).

- Не ваших. Но понимаю, – достойно ответил он.

Иногда мне казалось, что он вообще все понимает. Только что именно? И попытался перевести разговор на более приземленную тему. Купли-продажи. Мне так хотелось, чтобы он оказался всего-навсего заядлым коллекционером. И почему, почему, только увидев его, я в этом засомневался? Ведь у него такой респектабельный вид. Возможно, потому, что с такого раннего утра антикварные лавки не посещают респектабельные люди?

- Для вас, безусловно, я сделаю исключение.

Я так старался быть на него похожим! Старался говорить так же спокойно, чуть лениво, беспристрастно. И в то же время умно.

– Вас что-либо конкретное интересует?

Он сделал медленный поворот головы в мою сторону. И пристально на меня посмотрел.

Я заторопился. Что, ну что, черт побери, его может заинтересовать! Главное не ошибиться! Графин из венецианского стекла? Нет, он не пьяница. Колокольчик? Нет, он кто угодно, но не лакей. Картина «Неравный брак»? Нет, он не опустится до неравного брака. У таких как он брак при любом возрасте и любом раскладе вещей будет равным. Ну, что, что, что!

- Возможно, вас интересуют карманные часы, принадлежавшие ближайшему другу Андерсена? – неожиданно для себя вдруг выпалил я.

Он лишь взметнул густыми бровями. Взметнул. Подержал их немножко на взлете. И все.

- Они позолоченные, - торопливо добавил я, совершив главную ошибку профессионала. Позолота для подобных часов, к которым прикасался великий сказочник, не имела никакого значения. – Вы не хотите взглянуть?

Он, естественно, не хотел.

- Возможно, позднее. Часы и есть часы. Только время. А время движется лишь в одну сторону. И не в самую благоприятную. В том числе и для Андерсена. Его, к сожалению, уже забывают.

- Но, к счастью, таланты не угасают! – я грудью встал на защиту сказочника.

- Безусловно, таланты не угасают. Но угасают их поклонники. И это для талантов не менее печально, чем, если бы угасали они. Поскольку, как ни прозаично и приземлено звучит, таланты, гении, личности, держатся на обычных

людях. И что еще обиднее – на простых обывателях. Впрочем, земля и небо – это одно целое. И это неоспоримо.

В комнате по-прежнему было холодно, но меня почему-то бросило в жар. Я разволновался. Я вдруг физически, до зубной боли почувствовал опасность, исходящую от этого человека. И он вновь на секунду взметнул брови. Похоже, это было для него единственное выражение удивления. Он понял мой испуг. Он все понимал! И тут же широко улыбнулся своей обаятельнейшей улыбкой. Мне полегчало. Жар спал. словно он прикоснулся голодной рукой к моему пылающему лбу. И все, все прошло. Я даже присел в кресло и вытер капли пота со лба.

- Меня действительно очень заинтересовали ваши вещи, - продолжал улыбаться он. – Я вообще большой поклонник истории. Историю не исправить. Не в этом ли ее преимущество? В отличие от действительности, которая так несовершенна и над которой нужно работать. Но - как и кому?

Я плохо вслушивался в его философичный монолог. Но его голос, ровный, гладкий как ополоснутый поутру асфальт – ничего лишнего. Как прямая дорога, по которой можно ехать без опаски, потому что ты один на дороге и все лишь зависит от тебя. Его утренний, промытый, вычищенный голос действовал не меня как легкий транквилизатор. И почему я так взбунтовался, так разволновался? Он обычный коллекционер, каких тысячи. И все эти тысячи с маленькими причудами. Иначе бы они не были коллекционерами. Любое хобби – зависимость, любая зависимость – некоторое отклонение от нормы. Безопасное отклонение в этом случае.

- Вы что-то сказали про историю? – я настолько успокоился, что решился на светскую беседу. – Или про вещи?

- Что одно и то же, разве не так? Застывшая форма. Можно сказать – смерть, а можно бессмертие. Что тоже одно и то же – разве не так?

- Но смерти все боятся, - возразил я.

- Бессмертия боятся не меньше.

- Но мы ведь не знаем, что будет после смерти? Это и вселяет страх.

- Но мы и не знали, что было до нашего рождения. И почему это не вселяет в нас страх? Почему мы так боимся небытия, если небытие для нас уже было.

Безусловно, он коллекционер. Коллекционеры все немножко философы. Они живут в застывшем времени, собирают его, молятся на него и часами в ночи при свете полной луны над ним философствуют. У них нет времени. Или для них оно бесконечно. Что одно и то же. Наверно. Таким был антиквар, которого я когда-то убил. И который уже в небытие. Или, наоборот, в бесконечности бытия. Что одно и то же.

Я давно не философствовал. Мне этого не хватало. Как когда-то не хватало Таси для того, чтобы избавить меня от всей философии на свете.

Но с этим человеком. Который просто вышел из классического романа, мне было очень приятно вести беседу. Как жаль все же, что я не романист. Ну, классный бы получился персонаж!

Я настолько обрадовался случайному гостю, что предложил ему выпить. О деле потом. Вещи не убегут. Вещи не умрут. И вещи долго могут ждать. В этом их преимущество перед людьми.

Роман согласился. И сделал большой глоток коньяка.

- И все же, конкретно, чем вы интересуетесь? Ну, хотя бы в рамках моего скромного маленького ларца истории.

Я небрежно развалился в мягком кресле, забросив ногу за ногу и с наслаждением пуская дым от сигары в потолок. Сегодня я во всем сделал исключение. Я даже позволял курить в лавке. настолько мне было хорошо. Меня

всегда несло, когда нравился человек, мне настолько хотелось сделать ему приятное. Что я не знал меры. И я предложил, ну прямо, как парочка Косулек.

– Для вас я сделаю исключительную скидку. На любой товар. Для солидного человека – солидная скидка, - я даже содрал сленг у Косулек. – Только, пожалуйста, конкретнее. Я понял, что вы все успели оценить (пусть не думает, что я не уловил его цепкие взгляды, я тоже не промах). Что вас зацепило? Что легло близко к сердцу? Что вас интересует?

Он широко улыбнулся. Обаятельно, мило, дружелюбно. Наверно, обрадовался скидке, ну и пусть, я не жадина, для хорошего человека ничего не жалко!

И тихо (это его стиль), спокойно (как всегда), благородно (как он умеет) ответил:

- Меня интересует Григорий Карманов.

Знаете, если бы висело ружье, оно бы непременно выстрелило. Впрочем, оно и весело. Помповое ружье с креплением для штыка конструкции Джона Браунинга. Прямо с окопов первой мировой. Оно давно не стреляло. Но выстрел раздался.

Мне даже показалось, что в комнате запахло порохом. И первое, что я сделал после шока – повел носом, тщательно принюхиваясь. Но, слава богу, ошибся. В комнате пахло коньяком и антикварными вещами, на которых застыло слегка перебродившее время.

Это хорошо, что от шока первым делом я повел носом. Реакция была непринужденной и естественной. Мало ли почему я так сделал? Мол, нет мне дела ни до какого Григория Карманова, поскольку я и понятия не имею, что это за фигура. И в этот промежуток времени, пока я принюхивался, я сумел сосредоточиться, и более-менее взять себя в руки, хотя внутри все перевернулось. Словно пуля таки угодила прямо в живот.

- Извините, что вы сказали? – это был правомерный вопрос для человека, которому на данный момент интереснее всего, чем пахнет в комнате. И еще активнее повел носом.

- Меня интересует Григорий Карманов, - так же невозмутимо ответил мой гость, не отрывая от меня своих прозрачных холодных глаз.

Я наморщил лоб. Как еще можно сделать вид, что вспоминаешь.

- Григорий Карманов... Григорий Карманов... М-да, - задумчиво протянул я. – А я так всегда гордился своим образованием. Казалось, ни одна историческая личность не прошла мимо моего внимания. Григорий Карманов, пожалуй, прошел. Кто он был? Художник, скульптор, писатель, политик? Или друг подобных известностей? Нет, не припомню. Стыдно, но припомнить не могу. Воистину говорят – век живи век учись. Я уже почти век прожил, а века оказывается мало, чтобы всему научиться.

- Ну, это вы зря преуменьшаете свои знания, - так же спокойно ответил Роман. – Думаю с этим багажом у вас все в порядке. Не следует копать в веках минувших. Да и нынешнему веку не стоит делать вскрытие. Все гораздо проще. Вспомните последние месяца три. Три с половиной. Точнее...

Он заглянул в записную книжку и назвал точную дату. Дату, когда было совершено убийство. Дату, которую я сознательно вычеркнул из памяти. А он ее вписал в свою записную книжку.

- Я вас не понимаю, - я старался говорить не просто как он – спокойно. Но еще холоднее, чем он. – Извините, но мы говорим о вещах, которые не имеют точки соприкосновения моей и вашей памяти. Вы говорите, словно я уже должен знать что-то. Не учитывая, что я понятия не имею, о чем речь. Прошу вас,

выражайтесь яснее. Помните, что перед вами человек, который на данный момент находится в полнейшем неведении. Исправьте это.

- Легко. Мы разыскиваем человека по имени Григорий Карманов, пропавшего... - и он вновь взглянул в свою записную книжку и назвал дату. Хотя я уверен, он ее мог и во сне повторить. Такие, как он, все запоминают с первого взгляда.

Я развел руками, как и полагается в таких случаях.

- Поймите, здесь лавка вещей. Старинных вещей, каждая из которых имеет свою историю. Но не людей без истории. Думаю, как человек проникательный (я нарочито это подчеркнул, мол, я его сразу раскусил). Так вот, как человек проникательный, вы должны были заметить, что я живу одиноко. И гости в моей скромной обители редко бывают.

Впрочем, здесь я дал промах. Причем тут гости, если это торговая лавка, где покупатели бывают уж точно. Он на лету ухватился за мою оплошность.

- Я не говорю о гостях. Гости меня не интересуют. Я говорю о покупателях. Разве они не посещают ваш антикварный магазин.

- Посещают. Но довольно редко.

Я вновь сделал промашку.

- Ну что ж. Это только облегчает дело. В таком случае вам легче будет припомнить этого человека.

И он стал нащупывать свои карманы. Он так тщательно их нащупывал, словно их у него было тысячи. А всего-то – карманы в брюках, рубашке и пиджаке. А костюмчик-то английский. Почему-то некстати подумал я, словно в английском костюме проще было отыскать нужную вещь. Вот, я так и знал, он нашел то, что ему нужно непременно во внутреннем кармане. Прямо смешно! Он прекрасно знал, что это там и лежит. Этот человек знал все. И все умел раскладывать по своим местам.

- Григорий Карманов, собственной персоной, - он протянул мне фотографию.

Не знаю даже почему, но я уже хорошо владел собой. Возможно, это был некоторый протест против моего непрошенного гостя. Возможно, какое-то мальчишество, желание доказать, что я совсем его не боюсь. И я не менее уравновешен и благороден. И тоже вполне, вполне, могу стать героем чьего-нибудь романа. На каждого человека найдется свой автор. И на каждого автора – свой человек (!).

Я взял фотографию из его рук. Я прекрасно был подготовлен к этому. И прекрасно знал, что это будет именно мое фото. Что ж. Тася постаралась на славу, предоставив именно эту мою физиономию. Она была настолько четкой, что казалось, сверху по изображению, еще кто-то намеренно прошелся карандашом. Чтобы подчеркнуть мои и без того резкие черты лица. Зеленые глаза и темные волосы. Тяжелый подбородок и ровный нос. И даже маленькая родинка на левом виске была удивительно видна. Это действительно была одна из самых удачных моих фотографий. Я вообще мало верил в эту чушь, что по фотке можно легко найти человека. Миллион найдется похожих на нас людей. Ну, только если не шрам на пол лица или бородавка на носу. А так... Чтобы отличить в толпе незнакомца, нужно по меньшей мере хоть раз за ним понаблюдать. Его походку, манеры, жесты. А остальное – случайность или сказки для любителей детективов.

И все же, по всем правилам игры, я стал тщательно рассматривать свою фотографию. Я морщил лоб. Чесал за ухом, теребил приклеенную бороду. Я даже хотел понюхать фото. Но вовремя сообразил, что не стоит преувеличивать.

- Увы, - глубоко вздохнул я, словно очень сожалел, что мне так и не пришлось познакомиться с этим человеком. – Я его вижу впервые.

- Возможно, просто вам стоит одеть очки? Я не хочу подчеркивать ваш возраст. Но все же....

Вот здесь я внутренне напрягся. Черт побери! Мне ни разу не пришла в голову мысль об очках! Антиквар действительно был очень и очень стар, но почему, почему мне не попадались на глаза очки. И мысли кувырком, вихрем, бурей, ураганом пронеслись в моей голове. И среди этого хаоса я вспомнил нужный мне эпизод. Когда старик предлагал мне посмотреть на ручку Ржешевского, акцентируя внимание на стальное перо. Он, черт побери, не надел, ну не надел очки! Он прекрасно все видел.

И я мгновенно успокоился и расслабился. Меня на мякине не проведешь.

- А вы знаете, молодой человек, - я даже снисходительно усмехнулся, - я прекрасно, к вашему удивлению, вижу. И мне могут позавидовать многие молодые. Впрочем, в молодости я был близорук. Очень близорук. Сами понимаете – профессия. Скупулезное разглядывание мелочей. И при этом вечное напряжение – что-либо не упустить. Мои глаза ничего не упускали. Но именно поэтому зрение ослабло. Но с возрастом... Думаю, вам знакомы подобные случаи. Когда сильная близорукость плавно переходит в состояние дальновзоркости. У некоторых она остается и им приписывают другие в придачу линзы. А у некоторых, на каком-то этапе останавливается. Как бы, проще говоря, близорукость сталкивается с дальновзоркостью и зрение восстанавливается. Ни шага вперед, ни шага назад. Полнейшее равновесие. Мне очень повезло. Это со мной и случилось. Возможно, бог воздал мне за кропотливый труд. Возможно, сам труд победил мою незрячесть. Возможно, сама история захотела, чтобы я лучше ее видел. В старости. Когда уже приобретаешь много опыта, но, увы, и много болезней. Во всяком случае, от одного недуга я избавился.

- Похвально, - он искренне похвалил меня.

Интересно, а сам он очкарик? Впрочем, уже не интересно. Мне нужно было, чтобы он поскорее смылся. Тася-таки ловко отомстила мне! Таки заявила на мою пропажу! Только я недоумевал, каким образом она так обтяпала, чтобы искали меня именно здесь, у меня. Она ведь и понятия не имела, как я провел тот осенний, дождливый день! И на улице было – ни души. Ливень хлестал! И я от холода, по чистой случайности, заглянул в лавку антиквара. Нет, нет, и нет. Это просто месть Таси за то, что я ее уволил. И не больше. Просто доставить мне мелкие неприятности. У них нет никаких улик. И я должен окончательно успокоиться.

И едва я окончательно успокоился. И даже встал, давая понять, что наш разговор окончен, как увидел через витрину парочку Косулек. Которые откровенно косились в мою сторону. Такие же кругленькие, румяньенькие, кудрявенькие. Мне вдруг захотелось представить, как бы они смотрелись на сковороде. Но представить столь занимательную картину я не успел.

Роман сделал жест рукой. Косульки исчезли из поля зрения и через секунду возникли в фокусе моей комнаты. Нарочито шумно топчась на пороге, сбивая мокрый снег со своих сапог. Самое удивительное, что и сапоги у них были почти одинаковые. С широким голенищем, гармошкой, и скривленные сбоку от подошв. Спецодежда, что ли?

- Проходите, - Роман вновь сделал этот дурацкий жест рукой. Впрочем, он, надо признать, выходил довольно красивым. И с каких пор он так красиво распоряжается в моем магазине? Понятия не имея, что он не мой.

Косульки мелкими шажками, в своих кривеньких сапожках подобострастно подбежали к сыщику.

- Расскажите, граждане, что вы видели в этот день, - Роман вновь вытащил свою книжонку и вслух зачитал дату. Все-таки плохо у него получается играть в рассеянность и забывчивость.

- В этот день, - шумно и радостно выдохнула жена Косулька, словно раскаленный самовар. – В этот день мы видели, как к антиквару – она тут же себя отредактировала. – К нашему глубокоуважаемому господину антиквару, нашему, так сказать, почтенному соседу по торговому бизнесу, нашему старожилу района, нашему...

И вновь легкий и красивый жест Романа, по-простому означавший: заткнись, дура, и ближе к делу.

Косульки, похоже, на всякий случай, решили оставить себе пути отступления, раз начали с песни оды моей персоне.

- Да, так вот, к нашему глубокоуважаемому Аристарху Модестовичу заходил молодой парень.

Роман вновь долго копошился в своих карманах. Наконец, нашел мою фотку. Она мигом оказалась в пухлых ручках Косулек.

- Да, да, он, он и заходил. И родинка, вот эта, на левом виске, - Косулька бесцеремонно ткнула жирным пальцем прямо в мою родинку. Мне казалось, что она ее вот так, запросто, раздавила. И висок запульсировал. И сильно заболел. Я машинально схватился за него. Благо под моими седыми длинными волосами родинку было совершенно не видно. И благо, она оказалась на месте.

Вот наглые лжецы! Как она могла разглядеть родинку в тот пасмурный, дождливый день! Когда и антикварную лавку я с трудом разглядел! Разве что тучи, которые вот-вот могли свалиться на голову! Но о погоде я упомянуть не мог. Я же не помнил. Пока не мог.

- Боюсь, вы ошибаетесь, многоуважаемые, - в такт им ответил я. Приблизился красному дубовому столу и стал в нем рыться, медленно и важно, подражая Роману. – Вот, какое вы говорите число? Вот! – я бесцеремонно ткнул пальцем в журнал записей и отчетов. Подражая Косулькам. – Вот! Человек с таким именем и фамилией в записях моих покупателей не значится! И не может значиться. Иначе бы я его запомнил.

Тут вступил в разговор муж Косулька, до этого почтенно молчавший и сложивший свои пухлые ручонки на груди, словно на похоронах.

- Извините почтенный Аристарх Модестович – он по примеру своей жены оставлял за собой пути отступления. – Вы, безусловно, занятой человек. И мы знаем ваши безусловные заслуги, - тут он запнулся, - и величайшие заслуги, - он вновь запнулся. И мне показалось, он хочет сказать: перед отечеством. Но не рискнул. – Ваши невероятные заслуги перед сохранением исторической памяти (нашелся он). Но вдруг у вас самого нет памяти? - неожиданно бестактно ляпнул он. Но тут же исправился. – Такой почтенный возраст. Эти трудные прожитые годы...

Я уже не мог это вынести и перебил его.

- Есть записи в моем журнале. Они к возрасту не имеют отношения.

- Вот! – Косулька ткнул толстым пальцем вверх (И что они все тычут своими пальцами, в небо, что ли, желают попасть!). – Вот оно! Дело не в журнале, уважаемый! В журнале записываются, как я понял, фамилии ваших клиентов! А тот парень никаким образом не подходил под образ вашего покупателя! И не потому, что я его раньше не видел! Просто уж очень он простеньким был для вашей солидной антикварной лавки. Этакие потрепанные джинсы и дырявые кроссовки! Создалось впечатление... Более того – это мое откровенное мнение, которое я сейчас и выскажу! А состоит оно в том – что парень этот случайно

забежал в вашу лавку! Я человек наблюдательный! И прямо выскажусь! Забежал он к вам, чтобы скрыться от дождя! Вот мое мнение.

И мне показалось, он хочет добавить, словно Наполеон.: великое мнение.

- Да-да, так промок, бедняга, прямо до нитки! И кеды дырявые! И штаны старые! Так ему холодно было! – И Косулька даже всхлипнула и промокнула косые глазки платочком.

- А вы, поди, уважаемый, и запамятовали, - поддержал ее муж. Но почему-то не всхлипнул.

Да, похоже, все оказалось серьезнее, чем я думал. Они и впрямь видели меня. Но как можно было заметить при такой бурной погоде? Нет, нужно не сдаваться. Родинку они точно не могли заметить. А о погоде сказали вскользь, словно просто шел дождь. И это нужно исправить. И я вновь состряпал озабоченную рожу, сморщив лоб, как гармошку.

- И что вы на это скажете? – вступил в разговор Роман, про которого я даже забыл.

- Что? Я говорил, что со зрением у меня все в полном порядке, но никогда не утверждал, что с памятью. Отличная память для стариков – большая редкость. Особенно для антикваров. Которые живут не в сегодняшнем времени, далеко не в сегодняшнем. Они живут там... Где уже никто не живет.

- Возможно, вам повезло, - усмехнулся Роман. – Но все же... Ваш долг. Долг почтенного, как я успел понять, гражданина, попытаться вспомнить. Пропал человек. И найти его – не просто моя обязанность. Но и обязанность каждого гражданина.

Косульки при этих достойных словах недостойно закивали круглыми кудрявыми головками, как китайские болванчики.

И я вновь сморщил лоб до состояния гармошки.

- Ну, хотя бы напомним, что было в этот день? – я демонстративно обратился к Косулькам. – Возможно, день семьи. Или день знаний? А может день влюбленных? Уж день влюбленных вы наверняка должны вспомнить!

- Ой, что вы! – Косулька потупила косые глазки и хихикнула. – День влюбленных в феврале.

- Неужели, а я думал, для любви особенного месяца не существует. Ну, тогда, возможно, день защиты животных? Или день охотника?

- Вряд ли, - развел толстыми ручками муж Косулька, - день охотника я бы точно запомнил. И пригубил бы по этому случаю.

- За охотников или животных?

- И за тех, и других. И мы без них не можем. И они без нас.

- Ну, без нас, думаю, они как-нибудь обойдутся.

- А вот это уж как сказать, уважаемый, - не сдавался Косулька. – Равновесие! Вот чего нужно природе! Охотники, позволю заметить, это равновесие и обеспечивают. Браконьеры, не спорю, нарушают. А у кого есть дозволенность, разрешение с сургучной печатью – те действуют во благо. Не только общества, но и флоры и фауны. Зверья не должно быть слишком много!

Мне показалось, что ему очень хотелось добавить: как и людей. Но вовремя остановился. И добавил другое, чтобы уже наверняка закрепить свою мысль. Ну не Косулька, а точно Наполеон!

- Лесорубы тоже это равновесие обеспечивают, смею вам заметить. И цветочницы тоже! Или вы не покупаете цветы, или мебель у вас не из дерева, или вон, та же елка, - он кивнул на наряженную елочку, - или она не из леса? Даже если вы чистый вегетарианец. Впрочем, я помню, как вы за обе щеки уплетали мою оленину.

Было, грешен. Уплетал свинину. И что тут было возразить Наполеону? Плакать о меньших братьях было бессмысленно. Слез не хватит, да и аргументов, пожалуй. А осуждать любую профессию, когда к ней не имеешь никакого отношения, проще всего. Я его старался не осуждать, но Косульки были мне крайне неприятны. А от подобного чувства никакие аргументы и слезы не избавят.

Впрочем, Романа не интересовали ни флора. Ни фауна, ни комплексы Наполеона. Он пришел за другим. По мою душу. И громко кашлянул, давая понять, чтобы мы закончили свой бессмысленный спор. И даже пришел мне на помощь.

- Какой, говорите, был день? - Он еще раз для надежности кашлянул. - В-первых, воскресенье. Во-вторых, накануне, ночью, вы должны были слышать непрерывные сирены машин в честь победы наших футболистов, учитывая, что вы живете у шоссе. И даже, если вы не фанат футбола, не слышать разгулявшихся подростков и гудки автомобилей просто было невозможно. Если вы не глухой, – добавил он с нескрываемой иронией. Но даже ирония в его устах выглядела красивой и безупречной.

Я не был глухим. Но я ничего не слышал, поскольку мы с Тасей снимали квартиру на окраине города, и дом наш стоял в гуще дворов. Но про ту ночь я помнил! И не только потому, что она была накануне убийства. Но еще потому, что я был страстным болельщиком. Боже, как это была давно! И насколько реалистична, приземлена, даже фактична была та жизнь. И я неожиданно для себя впервые о той жизни подумал с грустью. О панельной многоэтажке, о пенке березы за окном, о беспризорных исхудавших собаках, которых я подкармливал каждое утро, о беспризорной старушке в переходе и даже о дыме умершего завода. Слово о дыме отечества, в котором я уже не был давно, думал с грустью и болью. И о трансляции матча по телевизору под пиво и пережаренную докторскую колбасу. Даже о ворчании Таси взгрустнул, но слегка и ненадолго. Как же она меня подставила! После этой секундной грусти, я наконец очень естественно (слишком уж естественно) воскликнул:

- Ах, да! Ну, безусловно! Вот теперь, кажется, припоминаю! Крики машин, визги подростков... Нет, постойте. Визги машин, крики подростков.

Роман улыбнулся. Пожалуй, по-доброму. Он уловил мою иронию. И я, вдохновленный его добротой, продолжал.

- Да, да. Это было ночью. Сумасшедшая ночь, особенно если ты не фанат футбола. Я не мог уснуть. В ушах все время звенело. Но не от того, что уши больны, этот звон был реальным! Осязаемым! Отчего делалось еще хуже. Точно! Утром я проснулся с невыносимой головной болью. Что же я делал потом? Ах да, как всегда, по привычке. Знаете, у меня есть привычка первым делом после сна смотреть за окно. Узнавать. Какая погода. Хотя по большому счету, мне нет дела до погоды. Я ведь редко бываю на улице. Но от этого, почему-то еще любопытнее познавать мир за окном. Каково им, тем несчастным, кто вне дома.

- И что вы узнали в то утро? – вновь эта добрая улыбка Романа. Которая меня вдохновила на более экспрессивный монолог.

- Что? – я посмотрел на потолок, словно оттуда вот-вот должен хлынуть дождь. – Что... Это было ужасно. Такого ливня я давно не помнил! Это был не просто ливень! Это, пожалуй, был ураган! Вихрь! Поползень! Деревья так качало из стороны в сторону, что, казалось, они вот-вот свалятся! Даже столбы клонились к асфальту! А по асфальту летел ужасный, пенистый водяной поток, смывая все на ходу. Прохожих просто не могло быть! Их просто бы смыло этим потоком! Вместе с листвой и осенней грязью! Небо висело настолько низко, что, казалось, вот-вот рухнет! Я даже заметил, небо было ниже, гораздо ниже крыш домов. И очень, очень черное! Знаете, я долго прожил на свете, но, пожалуй,

такого неба не видел. Знаете, в Америке дают названия ураганов. Милые такие названия. «Эрнесто», возможно, в честь Хемингуэя? Или «Джон». Возможно, в честь Джона Рида? Впрочем, мало ли в Америке Джонов? «Билл», это уже теплее, что-то из современной истории. А вот «Катрина» мне больше всего нравится. Что-то совсем понятное, близкое, прямо, как Катерина из «Грозы». Мне кажется, в тот миг я понял Америку, а возможно для себя ее открыл. В тот миг, припомню, мне хотелось как-то назвать этот ураган. Но очень, очень добрым именем. От страха - добрым. Что бы как-то замолить его гнев, что ли? Вы только представьте – черное, черное небо – и белая, белая сверкающая пелена дождя! И больше ничего! Словно на земле ничего больше не было, и ничего больше нет. И ничего уже никогда не будет. Скажите, вы только скажите, как при таком раскладе красок, при такой цветовой гамме можно что-либо разглядеть, - я резко повернулся всем телом к Косулькам. – Тем более родинку!

Это был верный удар. Косульки открыли от неожиданности рты и подпрыгнули на месте, как мячики.

- Знаете, пожалуй, я бы назвал этот ураган – Косулька. Милое доброе прозвище. Милое, доброе животное с благородной осанкой, и аристократическим, плавным поворотом головы. Очень быстрое животное. Которое в отличие от урагана, никому не несет зло, - я сделал плавный аристократический поворот головы в сторону Романа.

- Думаю, это прозвище оценили бы в Америке. И только в Америке приняли бы его, – не переставал по-доброму улыбаться Роман.

Я понял, что он имел в виду. В отличие от Америки, Косульки не поняли мой монолог. И слава богу! Мне не хотелось их обижать, таких кудрявеньких и румяньких, в одинаковых скривленных сапожках. Лежачих не бьют. Они и так застыли на месте с открытыми ртами, не зная, как выпутаться из этого положения. Про ураган они, видимо, начисто забыли. А, возможно, просто его не заметили. У таких, как они, всегда есть дела поважнее. Даже если взрывается мир. Неужели это Тася таки их подкупила? Сама того не подозревая – попала в цель. Почти попала. И почти в цель.

- А вот я кое-что, в отличие от Америки, не понимаю, – я обратился к Роману, почувствовав превосходство, - вы запомнили ночь накануне, когда наши выиграли матч. И не запомнили ураган. Такое только возможно, если вас ничего, кроме футбола не интересует. Но это так на вас не похоже.

- А почему вы думаете, что я не запомнил. В данной ситуации важно не то, что помню я, а то, что вспомните вы.

- Я вспомнил, как видите. И как видите, ваши свидетели – я нежно поклонился Косулькам. Что жалко, что ли нежно поклониться! – Мои многоуважаемые соседи по торговому бизнесу, они что-то напутали. Особенно в случае с родинкой.

Тут открытые Косулькины рты стали издавать нечленораздельные возмущенные звуки.

Роман сделал привычный жест рукой, означавший чтобы они заткнулись.

- Возможно, они перепутали день.

- Нет, это невозможно, - довольно резко ответил Роман. А он редко говорил резко. Скорее – язвил. – Мы отлично знаем, когда пропал этот человек.

- Ну, в таком случае, - я пожал плечами. – Остается одно. Я не хочу плохо говорить о своих любезных соседях. У них такая прекрасная оленина. И всегда свежая. Кстати, можете сами попробовать! И главное – действительно натуральная. Но...Но, - я почесал затылок. – Я часто замечал, что многие люди просто любят быть свидетелями. И их не стоит за это осуждать! Свидетелями того, что было и того, чего не было, и даже того, что еще будет. Главное –

свидетельствовать. И главное – в это верить, чему свидетельствовать. Возможно, просто у них богатое воображение.

Косульки вновь стали издавать нечленораздельные звуки и еще отчаянней топтаться на месте. Мне все же не хотелось с ними портить отношения. Возможно, я был романтичен. И я вновь им поклонился в третий раз.

- Я даже уверен, что у вас богатое воображение! И даже приветствую это! Вы, возможно романтики по натуре! И это прекрасно! Возможно, вы губите в себе талант писателя или художника, или...

- Достаточно, - резко оборвал меня Роман на полуслове. И на сей раз Косульки этому не обрадовались. Они, и впрямь, возможно, в глубине души были романтиками. Как многие мясники.

- Я кстати, в детстве писала стихи, - потупила глаза Косулька-жена.

- А я баловался рисованием, - щечки Косульки-мужа зарделись.

Черт меня побери! Неужели и впрямь все мясники в душе художники и поэты?! Интересно, а художники и поэты в душе мясники? Этого я не знал. Слава богу, я не был ни поэтом, ни мясником. Я был нормальным человеком, как мне казалось.

После моих лестных комплиментов, Косульки тут же перебежали на мою сторону. Как оказывается легко подкупить человека! Словами даже быстрее, чем деньгами. Потому что безопаснее сделка. Эх, Тася таки ошиблась. Она все измеряла деньгами. А денег-то у Косулек было более чем предостаточно. Им просто, возможно, в жизни не хватало доброго слова!

- Ну, знаете, - наконец встрял муж-Косулька, – возможно, мы чего-то и перепутали. Столько посетителей проходит за день перед нашими глазами.

- Да-да, - торопливо поддержала его жена. – Наш ресторан очень, очень уважаем. И очень пользуется большим спросом. И уважением. Может, этот парень и к нам заходил. А мы перепутали, и подумали, что к нашему многоуважаемому Аристарху Модестовичу. А к нему, возможно, вовсе и другой парень заходил. Совсем, совсем другой даже. Можно еще раз взглянуть на фотографию?

Роман вновь стал тщательно копаться в своих немногочисленных карманах. И я не выдержал.

- Фото у вас во внутреннем кармане.

Он достал его и поблагодарил за напоминание. Я ответил - пожалуйста.

Косульки впились косыми глазками в снимок. И хором объявили:

- Нет, мы не помним! Может он, а может и вовсе, вовсе другой! А у нас столько посетителей! Всех не упомянуть! Мы даже журнал не ведем! Как наш найлюбезнейший антиквар! Такой организованный человек! У него покупатели – все на счету. И вообще, мы люди по натуре творческие, а потому рассеянные. С богатым, очень богатым воображением! И в нас живет и художник, и поэт. Мы не какие-нибудь там... А тот это человек или не тот – нет, не имеем ни малейшего понятия. И вовсе знать не хотим. И Аристарх Модестович, многоуважаемый старожил не даст соврать. Он вообще не врет. Был ураган – значит был. Не было посетителя – значит не было. И не стоит нас беспокоить. Вот таково наше последнее слово.

Они, безусловно, не хотели, чтобы слово было последним. Они еще хотели порассуждать о творчестве и о его глубочайшем значении в нашей жизни, и о том, что, возможно, они скоро, совсем скоро вспомнят свои юношеские увлечения. И на досуге буду писать шедевры. Кстати, в этом я нисколько не сомневался. Но Роман вовремя взмахнул рукой. И Косульки, уже приученные к этой команде, мгновенно закрыли рты.

А я перевел дух.

- Вы свободны. Пока свободны, - кивнул Роман Косулькам. И те, испуганно и осторожно пятясь к двери, тут же за ней исчезли.

Безусловно, Косульки не являлись надежными свидетелями. Ни свидетелями за меня, ни - против. И я вполне допускал, что завтра, они подкупленные заново, или дороже, вновь изменят свои показания.

Что ж. Тася начала войну. И я должен быть готов к ударам. А пока была временная передышка. Перед новым штурмом. Как на войне.

Роман попросил у меня разрешение покурить. Хотя прекрасно знал, что в антикварной лавке курить не полагается. Я-то курил в одиночку. Но прилюдно следовало соблюдать правила, установленные антикваром. Но сегодня был особенный день. В этот день было разрешено все.

- Удивительные люди, - он глубоко затянулся сигаретой и допил свой коньяк.

- Косульки? – я кивнул за окно. По тротуару семенили муж и жена в скривленных сапожках и по-прежнему косились в нашу сторону. У меня вдруг мелькнула мысль, что по косому взгляду никогда нельзя определить – добрый он или злой. Может, страдать косоглазием не так уж и плохо? Своего рода защита. И своего рода прикрытие своих действий и мыслей. Но понимали ли это Косульки? И пользовались ли своим привилегированным положением, я знать не мог.

- Нет, - возразил сам себе Роман. – Я не правильно выразился. Люди удивительные, – он сделал акцент на слове «люди». - Сами по себе. Пожалуй, я никогда не перестану им удивляться.

- Боюсь, вашу мысль я уже давно перерос. Меня уже ничто не удивляет, и никто.

- Вам повезло.

- Всем рано или поздно повезет, если доживут до моих лет.

Странно, но в эту минуту я искренне верил в свой возраст. Абсолютно верил! У меня и мысли не было, что я намного моложе Романа. Напротив, он мне казался неопытным щенком, по сравнению со мной. И когда это со мной произошло? И когда я начал так быстро стареть? Когда убил человека? Или когда попытался им стать?

Роман встал. Наша встреча с ним пришла к своему логичному завершению. Как ни странно, но я уже не слишком был рад, что он покидает меня. Не потому, что боялся остаться один. Просто мне казалось, он с собой уносит какую-то тайную мысль. Какое-то не раскрытое мнение. Относительно меня. Мне казалось, что в своем внутреннем кармане вместе с моей фотографией лежит и моя жизнь в кратком содержании. Которого достаточно, чтобы понять ее суть. И меня это мучило.

Роман стал медленно натягивать свое длинное пальто английского фасона в крупную клетку. (Похоже, он был поклонник английского стиля!) Медленно стал застегивать на все пуговицы. Он все делал медленно. Еще один прием сыщика? Играть на нервы? Он угадал. Мои нервы сдали и я выпалил:

- А что за парень-то пропал?

- Парень? Обычный парень, каких тысячи. Ничего примечательного.

Похоже, и плакать по нему некому, чтобы с ним ни случилось.

И в этот миг мне так захотелось расплакаться. Я действительно оставался на земле единственным, кто готов был пролить о себе слезы.

- Вы так говорите о людях, словно они ничто, - я за себя искренне обиделся.

- В целом – да. Каждый из нас значит что-то только для отдельных людей.

Родственников, друзей, сослуживцев.

- Странная у вас профессия, - я решился встать грудью на свою защиту. – Пропал человек – и вы словно ищите не его, а его тень или... Или какое-то изображение на фотокарточке. А ведь у человека была жизнь!

- Поверьте, глупо было бы искать конкретное, фактическое лицо, углубляясь в его мысли, его страдания, трагедии, удачи и неудачи. Это равноценно, если бы хирург углублялся в биографию своего пациента. Поверьте, это только мешает. Беспристрастность – залог успеха в некоторых профессиях. Наша из их числа. И пристрастные люди здесь не приветствуются. Они способны напороть горячки. Иметь дело с жертвами и убийцами... Тут требуется пониженная температура тела. И, в некотором роде, астенический синдром идет на пользу нашему делу. Представьте, если бы могильщики соперничали всем своим клиентам. А работники ЗАГСа плясали от радости за каждый совершенный брак или рождение ребенка. Это уже были бы не профессионалы, поверьте. А люди с некоторыми отклонениями. Отклонения в подобных профессиях исключаются.

Наш спор зашел в тупик. И мне вновь показалось, что этот постаревший Кай вытащит из внутреннего кармана свое ледяное сердце и покажет мне. Но этого не случилось. Мы пожали друг другу руки и довольно холодно расстались. Вполне соответственно холоду за окном.

Я видел, как он шел. Не смотря на мороз и ветер, его осанка оставалась подчеркнута прямой. Подбородок приподнят вверх. И широкий размашистый, очень уверенный шаг. Ветер усилился. Снег падал на его черное пальто в клетку и русые густые волосы. Я был уверен, он прекрасно знал, что я наблюдаю за ним. И это гордое, благородное шествие мимо витрины, не иначе было посвящено мне.

И в который раз за сегодняшний день я вспомнил великого умницу Андерсена. И его кривое зеркало, в котором уже отражался не здоровый симпатичный парень. Пусть и неудачник. А зловещий гайдебуровский старик. Наверное, мне сейчас не хватало только Снежной королевы. Только она способна меня избавить от мук и терзаний. И тогда все проблемы будут окончательно разрешены.

Но поскольку Снежной королевы не предвиделось. Похоже, она ходила в подружках у Романа. У меня возникла дерзкая мысль поскорее смыться. Деньги были, чтобы уехать подальше отсюда и дожить свою жизнь без нужды. Но я вовремя этой мысли испугался. Меня непременно будут искать. И непременно выйдут на труп антиквара. Побегом я себе подпишу приговор. В конце концов, что они против меня имели? Абсолютно ничегошеньки! Сомнительные показания ненадежных свидетелей? В конце концов, я могу приложить все усилия, чтобы они признались, что их подкупила Тася. Именно этот человек объявил мне войну. Я докажу, что эта война началась в отместку. За увольнение. Вполне приземленная на сегодняшний день ситуация. Миллионы безработных желают начать войну. И это вполне справедливо. Если хотят – пусть себе ищут какого-то Гришку. Я еще могу порассказать про него. И доказать, что он просто смылся от надоевшей девушки.

Я расставил все свои доводы по полочкам, аккуратно, словно антикварные вещи. Я готов был их завтра же, если понадобится, продать, нет отдать даром, нет, великодушно подарить. В этих доводах было мое спасение. Как, наверное, старик-антиквар видел когда-то спасение в своих молчаливых вещах. Я окончательно успокоился.

И мое спокойствие нарушило вечернее явление Таси. Это случилось, когда я абсолютно расслабленный, сидел в кресле-качалке с откупоренной бутылкой коньяка и слушал Моцарта. В общем, и в целом я в тот миг был счастлив.

Насколько мог быть счастлив человек в моем положении. Но даже это хрупкое счастье Тася умела легко и безжалостно разбить вдребезги.

Я отпил большой глоток коньяка и по привычке заглянул за ледяную витрину. И увидел их. Тася и Сенечка стояли на тротуаре и что-то горячо обсуждали. Тася возбужденно размахивала руками, тащила Сенечку за рукав (явно ко мне), но тот упрямо отбивался и качал головой. Он был стойкий оловянный солдатик. Но это была бы не Тася, если бы она не выиграла битву. Учитывая, что в запасе она всегда имела запасные маневры. Она прекрасно знала, как растопить сердце оловянного солдатика. Тася неожиданно резко притянула Сенечку к себе и поцеловала прямо в губы. Тася умела целоваться, я это прекрасно знал. И прекрасно знал, что сейчас оловянный солдатик сделает для нее все, что угодно. И я не ошибся.

Через минуту они вдвоем были в моей лавке. Сенечка не рискнул пройти вглубь комнаты. Он остался стоять на пороге, смущенно переминаясь с ноги на ногу (лучше бы он просто неподвижно стоял на одной ноге). Сенечке было стыдно передо мной. За что? Конечно уж не за то, что он бесцеремонно отбил девушку у столетнего старика. Скорее всего, ему было стыдно за саму девушку. В отличие от нее самой.

Тася бесцеремонно подлетела ко мне, на ходу сбросив кроличью белую шубку, и затараторила, проигнорировав вежливое «здрасьте».

- Я пришла за вещами, Аристарх Модестович! Где они!

Я молча указал ей на диван. Там лежали аккуратно сложенные пакеты. Я их сам сложил, зная, что в любой момент она может за ними явиться. И для меня желательно было, чтобы этот визит был краткий.

Тася засунула голову в сумки, перебирала вещи, мне кажется, пересчитывала их (она это умела, ее первый жених был бухгалтер). И тут же продемонстрировала память о своем женихе-счетоводе.

- Ну вот, - всплеснула руками она, - а где три бутылки «Мартини»? Нет, погодите, четыре! Да, именно четыре! Я же отлично помню.

В этом была вся Тася. Как всякий бухгалтер она умела без зазрения совести шельмовать. Уж я-то отлично знаю, что выпил всего три бутылки. Но считаться я с ней не собирался. У меня не было жениха счетовода. Я молча вытащил из бумажника деньги и протянул ей.

Она мигом пересчитала. И не нашлась, что возразить. Я намеренно дал ей гораздо больше. Но последнее слово она, как всегда, решила оставить за собой. Хотя я не сказал ни слова.

- А как же должок? - она прищурила свои светлые глазки. - За последние дни.

Я вновь молча вернул ей долг. И вновь со значительной прибавкой. И ей вновь нечего было возразить моему молчаливому слову.

Сенечка так же топтался на месте и нервно покашливал. Ему не терпелось поскорее смыться. Сенечка был неплохим парнем и довольно щепетильным в человеческих отношениях. И тем более - бесчеловечных.

Тася загрузила парня пакетами и сумками, так же на ходу натянула белую шубку. И уже собиралась открыть дверь, как резко затормозила. И резко повернулась ко мне.

- А чего-то вы сегодня глухонемой, Аристарх Модестович?

Я упорно молчал. Не скажу, что это был мой придуманный прием. Скорее, сегодняшнее молчание было нечаянным. Но мне оно ужасно понравилось.

- Да-а, - протянула Тася, - старость - не радость. Радикулит, склероз, скупость, а теперь вот еще глухота и немота в придачу.

На счет скупости, эта чертовка, явно соврала!

- А коньячок-то, несмотря на старость, попиваете, - Тася вернулась в комнату и бесцеремонно допила остатки моего коньяка. – И картины весь мой выдули.

Сенечка кашлянул еще громче. Но на Тасю его кашель не подействовал. И она решила продолжить поединок слова и молчания.

- А к вам следователь этот заходил, да?

От коньяка Тасины глазки заблестели и стали еще нахальнее. А я нахально продолжил молчание.

- Это я заявление написала о пропаже Гришки!

Мне на миг показалось, что она потеряла кота по прозвищу Гришка.

- И свидетелей я нашла! – Тася откровенно меня провоцировала. – Милые такие люди. Сразу видно – очень честные. И семейные. И оленина у них замечательная! Всегда свежая! Я сама пробовала! Их показаниям в суде поверят с первого слова!

Тася никогда не смогла бы отличить свинью от оленя. И я мысленно заликовал. Моя война может быть запросто выиграна.

Неожиданно, на первом этапе боевых действий, Тася сдалась. Я ей наскучил. Она наверняка считала, что меня победила. Своим молчанием я притупил ее бдительность. Она еще не знала об отказе свидетельских показаний против меня. К тому же новая искрометная мысль пронеслась в ее голове.

- Сенечка, а пойдем-ка отведаем оленину! Я так проголодалась!

Сенечка нагло содрал у меня сегодняшний имидж глухонемого. И в ответ только радостно кивнул головой. Он по-прежнему хотел поскорее смыться. Оленина так оленина! Это лучше, чем мой гордый независимый оленин поворот головы в его сторону. К тому же я был уверен на все сто, что и он никогда не отличит свинью от оленя. Но по иным причинам, нежели Тася. Он был для этого слишком наивен.

Тася, назло мне, громко и шумно отворила дверь. Пропуская Сенечку, загруженного с ног до головы пакетами. И на пороге, как всегда, обернулась. Ей непременно нужно было ляпнуть еще слово, иначе бы кусок свиньи не прошел в горло:

- Кстати, Аристарх Модестович! И не надейтесь, что ваш номер глухонемого пройдет в суде! Суд все видит! – сказала она так, словно речь шла о суде Божьем. Хотя, в принципе, на счет суда Божьего, она была права.

А я сегодня угадал еще одно в Тасе. Она обожала судиться! И я мысленно перекрестился, что на ней не женился и вовремя от нее сбежал. Суды я физически не мог выносить. Хотя подозревал, что от Божьего суда никуда не деться. Но вот от земного... А земного мне необходимо избежать. Всеми путями, даже если эти пути ведут в ад.

Далее события развивались настолько стремительно, что я не успевал, не только переваривать информацию, но даже испугаться по-настоящему. Мне казалось, что все происходит во сне. И не со мной. А с настоящим Аристархом Модестовичем. Которого в перерывах между начавшейся бессонницей, в короткие промежутки глубокого сна мучили настоящие кошмары.

Утром моими гостями были Тася, Сенечка и Роман. В общем, ворвалась целая банда, во главе с атаманшей.

Тася, по праву главаря начала первая, вновь не поздоровавшись. С каких пор ее манеры стали еще дурнее? Неужели, с тех самых, как ее бросил философ Гришка Карманов?

- Так вот, Аристарх Модестович! – Тася стояла посреди комнаты, подперев руки в бока, – были мы вчера в этой забегаловке! У Косулек!

- Приятного аппетита! – некстати ляпнул я.

- Да уж! Наиприятнейшего! И какого, к чертям, аппетита! Если вместо оленины там подсовывают обычную свинью! Еще недожаренную! Уж я-то гурманша, я-то знаю! Что я оленины не пробовала, что ли!

Я прекрасно знал, что оленины Тася никогда в жизни не ела. А вот свинина... Да уж, отбивные она любила. И методом исключения (помня жениха бухгалтера) Тася-таки сумела определить, что если это вкус свиньи, значит, не олень точно.

- Я уже на них жалобу накатала! Целую петицию! Будут знать, как обманывать благородных покупателей! Вот так! Еще их забегаловку прикроют, вот увидите! Я еще доберусь до суда!

У меня на глазах развивалась мания искового жалобщика.

- Мало того, что они шарлатаны! – Тася кричала все громче и громче. Ее щечки горели от возмущения. А вообще она была похожа в этот миг на обыкновенную торговку. Не олениной, а свиньей. Впрочем, это не имело значения. Особенно для несчастных животных. Которые, в отличие от людей, не имеют классовых различий, к какому бы классу не принадлежали.

- Мало того, что они аферисты! Так они еще дают ложные показания! То свидетельствуют против, то - за! А это называется - показания ненадежных свидетелей! И за это привлекают к уголовной ответственности! Вот так! – Тася громко стукнула каблучком. А у меня закралась смутное подозрение, не юрист ли ее третий жених. И я даже стукнул себя по лобу! Ба! Сенечка! Ну, если не чистый юрист, то где-то рядом с законом стоит точно. Пока на дороге. Но для Таси достаточно и минимального юридического образования, чтобы из этого затеять максимальный юридический процесс.

Я внимательно посмотрел на Сенечку. И искренне поразился. Передо мной стоял не несчастный оловянный солдатик. А я бы сказал – сержант, вернувшийся прямо с окопов! Нет – офицер, только что командовавший боем. Нет, генерал... Пожалуй, с генералом – это сильное преувеличение. И я вовремя остановил пулеметную очередь своих мыслей, как рядовой.

Да, сегодня утром был другой Сенечка. Что с ним могло произойти за ночь? Я совсем отупел. И посмотрел на Тасю. Что же еще! Быть в подчинении у нее – вот кто настоящий генерал! Генерал ночи. Что ж, похвально. Парни, подобные Сенечке, редко меняются. Они по жизни и порядочные, и совестливые. Что бы их изменить, нужна только Тася. А Таси, как правило, для подобных им, быстро находят.

Тася встрепенулась и подбежала к Сенечке:

- Ну, чего ты стоишь, как истукан (вероятно, она имела в виду оловянного солдатика, но не читала Андерсена). - Ну же, говори! Все равно в суде выступать придется (при слове «суд» Тася мечтательно закатила глаза).

Сенечка сделал строевой шаг вперед. Откашлялся. Мне показалось, он вот-вот приложит руку к козырьку.

- Извините, гражданин Аристарх Модестович, - сурово начал он, и мне показалось, что меня оштрафуют на месте. – Но я привык говорить правду и только правду.

- И в чем твоя правда, Сенечка?

Сенечка на секунду смешался. Он и впрямь раньше говорил только правду. Но когда это было! Целые сутки назад. Сенечка вновь принял важный суровый вид, видимо, вспомнив минувшую ночь или в предвкушении ночи сегодняшней.

- Я со всей откровенностью вам заявляю, что собственными глазами видел в тот день, когда имело место быть урагану, что не иначе, как к вам заходил гражданин по фамилии Карманов. Поскольку самолично стоял на дороге и руководил автомобильным движением с помощью жезла.

Какая наглая ложь! И почему любовь с людьми вытворяет Бог знает что! А может и не знает. Но я почему-то на Сенечку зла не держал. И только в ответ печально вздохнул.

- Ну что вы на это скажете? Относительно гражданина Карманова? – Роман сощурил свои прозрачные глаза.

Ответ был у меня в кармане.

- Я постоянно смотрю на дорогу. И в тот день ничего не было видно. Я не видел гражданина регулировщика. Ответ напрашивается сам собой. Как в таком случае он мог видеть меня? - ляпнул я, забыв все меры предосторожности. И все резко ко мне повернулись.

- Вас? – удивленно переспросил Роман. – А он, возможно, вас и не видел. Нас вы не интересуете. Нас интересует Карманов.

Я равнодушно пожал плечами.

- Я сказал это для сравнения. Если он не видел меня, то Карманова тем паче. Ливень бил в лицо, все почернело вокруг. Одна сплошная серебряная пелена. Еще мою витрину можно было разглядеть, а вот гражданина Карманова... Более того, я вам скажу, ты уж извини меня, Сенечка. Но я тоже на ложь не способен. Так вот, следует проверить, что в такую бурю вообще мог делать регулировщик на дороге. Его машины бы точно не заметили и сбили в два счета. И вообще, на дороге могло возникнуть угрожающее аварийное положение. Но, как видите, Сенечка жив и здоров. И думаю, в милицейских отчетах будет указано, чем Сенечка занимался в тот злополучный день. Скорее всего, выяснится, что он сидел в участке за написанием важных бумаг и отчетов, ожидая, когда кончится дождь. А вместо него работал светофор. Знаете, светофор виден лучше в любую погоду, он поярче регулировщика. Человеческий фактор на дороге, да еще в бурю - не самое удачное подспорье даже самой примитивной технике.

Но Сенечка не собирался сдаваться. Перед глазами маячила ночь с Тасей. И он сделал еще шаг вперед. Но уже менее уверенный.

- А может этот парень заходил вовсе не в бурю. А после нее!

- Сенечка, - не выдержал я. – Вы так молоды, а память у вас никудышная! После бури вы пришли прямо сюда, помните? И еще мне аспирин предлагали, поскольку я был болен. Дождь еще шел, но что бы буря...

Мне так хотелось добавить: еще тело антиквара не остыло, а мы впервые тогда познакомились.

Сенечка смутился и покраснел. А потом и вовсе испугался, когда Роман объявил, что проверит все факты. Выяснить, где в то время находился регулировщик, не составит большого труда.

Но Тася ни капельки не смутилась. Она даже еще имела наглость подбадривать Сенечку и подначивать на очередную дачу ложных показаний. Но Сенечка оказался непоколебим. Похоже, он уже с меньшей охотой думал о предстоящей ночи. Все-таки долг оловянного солдата оказался превыше долга полуночного ковбоя.

А потом события побежали вперед, все быстрее, и быстрее. Неожиданнее и внезапнее. Сенечка с Тасей исчезли (запилила его она, бедненького, наверное). И не успел я очухаться, как Роман привел еще одного свидетеля. Роман все-таки настоящий профессионал. И кремьень. Его с места не сдвинешь. От слез и неудач не рассыплется в разные стороны. Даже от урагана.

После ухода Таси вскоре на моем пороге стояли Роман и новый свидетель. Я бы с удовольствием сказал, что свидетель – это неопределенное лицо. Просто лицо, дающее свидетельские показания. И мне не важно, какого он возраста, пола, и как он по ночам спит.

Но это был другой случай!

Я увидел свидетеля. И мгновенно для меня приобрело значение и возраста, и пола, и как по ночам спит. Более того, мне так хотелось узнать – с кем. А еще более – как он к этому относится и существует ли на белом свете вообще тот, с кем можно спать по ночам? Так хотелось, чтобы не существовало! Я даже приосанился. Я даже пригладил приклеенную бороду. Я даже посмотрел в зеркало! И ничего хорошего там увидеть не смог. Старик.

Так бывает. Когда нравятся с первого взгляда. Более того, я уверен, что первый взгляд самый объективный. Конечно, потом возможны ошибки, разочарования. Но это ничто, по сравнению с первым взглядом. Ошибки и разочарования все равно есть следствие любой любви. Даже если между влюбленными ничего не случилось. У каждого найдется свой типаж в симпатиях. Это бесспорно. Мы даже друзей выбираем по типуажу. Что говорить о тех, кого можно просто любить. И каждый из нас отлично понимает, когда встречает человека, может влюбиться в него или нет.

Я тогда влюбился. С первого взгляда. Фактически наугад.

Хотя не имел права, и мое положение к этому далеко не располагало. Мало того, что я был преступником. Я оказался, по воле обстоятельств, еще стариком. И дерзко подумал, а вдруг в старика можно влюбиться.

Я влюбился.

Я, у которого совсем недавно была Тася! Я, у которого за плечами был груз убийства! Я, которому всеми путями нужно было выкручиваться из тупикового положения. Я, который, в принципе, никого не любил. И любить не затруднялся. Я взял вдруг и влюбился. Безумие? Нет. Безумнее влюбиться с первого взгляда. Не зная о человеке ничего!

Моя теория о типаже оказалась верной. Все влюбляются с первого взгляда, не думая, что будет потом. Потому что первый взгляд самый верный. Первый взгляд – это недомыслие. Это визуальность. И понимание. У каждого есть свой любимый типаж. И у каждого типажа есть каждый. Как у каждого человека есть своей автор. И у каждого автора свой человек.

Ко мне привели свидетеля. Именно привели. Поскольку свидетель очень стеснялся и смущался. Это была девушка-цветочница. Хорошенькая девушка. Очень, очень хорошенькая. Смугленькая, черноглазая, черноволосая, так похожая на цыганочку. В длинной цветастой шерстяной юбке. На острые плечики наброшено манто из искусственного черного меха. Это именно ее я мечтал когда-то встретить на размытой от дождя дороге, среди разбушевавшейся стихии, укрыть плащом от ливня и предложить зонтик от Гашека. И только с ней поделиться новыми идеями, открытыми странами и найденным кладом. Которых у меня не было и никогда не будет.

Но она пришла в холодную зиму. Накануне Нового года. И в зонтике не нуждалась. Не знаю – как в остальном. И что самое трагичное – она действительно не умела лгать. Она оказалась самым опасным свидетелем.

- Ее зовут Дина, - сухо сказал Роман. Слишком сухо, может она ему тоже понравилась? Я ошибся. Этот человек был безупречен, чтобы ему кто-то мог понравиться. Такие люди всегда ровны. С равновесием у них все в порядке. Их вестибулярный аппарат работает безукоризненно.

- Она даст безукоризненные показания.

Я посмотрел на Дину. И она посмотрела на меня. Вот! Это был тот взгляд, который называют магическим, возможно, взрывным, возможно, дальновидным. Это был взгляд людей, которые заинтересовались друг другом с первого взгляда. Нет, это невозможно. Бесспорно, я преувеличивал.

- Я дам показания, - тихо ответила она, не отрывая от меня своих черных пронзительных глаз. Она мучилась, я видел это, черт побери! Мучилась, между

возможной симпатией и кристальной честностью, которая эту симпатию вот-вот может разрушить.

- Я дам показания, - так же тихо, но упрямо повторила она.

А я вдруг задумался об этом взгляде. В нем была заинтересованность и в нем была страсть. Но неужели этот старый человек с седой бородой и седыми космами может внушить любовь? Это невероятно! Может быть, я напомнил ей любимого дедушку, которого она недавно похоронила? Как знать... Ну же, Дина, говори! Она тут же сказала.

- Я всегда продаю цветы. Вот здесь, за углом, рядом. Совсем рядом мой лоток. Возможно, вы, уважаемый Аристарх Модестович, не заметили?

Если честно, я не заметил. Кто замечает цветочниц, мясников и аптекарей? Особенно, если не выходишь из дому. Особенно, если ничего не хочешь у них купить.

- Извините, но я видела, что к вам заходил человек, похожий на этого. - Она ткнула пальцем в мое изображение, которое Роман всегда держал при себе. Словно я был самым дорогим человеком в его жизни.

- Видели? – вновь, в который раз, уточнил я. И в который раз привел свои веские аргументы по поводу погоды. – Разве в такое время возможно было торговать цветами на улице?

- Я торгую в любое время, - вздохнула девушка. И встряхнула пышными черными волосами. – Даже если бы случилось землетрясение, все равно бы не бросила свой пост. У меня договор. И потерять работу... Нет, я себе это не могу позволить. Я слишком много теряла, чтобы обращать внимание на погоду.

Да, мое положение становилось более чем затруднительным. Девушка, в которую я влюбился с первого взгляда, становилась самым опасным для меня человеком.

- А вы видели, как выходил этот парень? – нахмурился я.

И мы вновь столкнулись с ней взглядом. Ну что это! Магнетический ток! От которого дрожь по всему телу. Взрывная энергия! И комната вот-вот взлетит на воздух. Ну, со мной все понятно. Но неужели она так горячо любила своего дедушку? Впрочем, всякое бывает. Я, к примеру, своего тоже сильно любил.

Цветочница вновь глубоко вздохнула. Я видел, видел, как она не хочет свидетельствовать против меня! Я ей был симпатичен! Но ее честность была гораздо любой симпатии. И таких людей я уважал. Хоть в моем положении сталкиваться с подобными людьми было не на руку.

- В том то и дело, что я не видела, как выходил этот парень. Как заходил – да, помню отлично. А вот выходил... И мне это показалось странным. Почему он не вышел?

Мне стало ужасно тоскливо. Борьба с честным свидетелем, в которого я влюбился с первого взгляда, мне казалось не слишком этичным. Даже если бороться за свою жизнь. Но я попробовал.

- Дина, неужели вы запоминаете всех прохожих? Тем более – случайных прохожих. Напротив вашего лотка кафе «У Косулек». И что, вы можете узнать всех, всех посетителей в лицо? Да еще вспомнить в какой месяц, какой день, какой час каждый из них заходил туда и выходил? Вы просто какой-то феномен!

Мне показалось, что даже справедливости моего замечания. Это действительно казалось невозможным.

А Дина покраснела.

- Нет, про Косулек сказать ничего определенного не могу, чтобы наверняка... Но тот день... Он действительно был особенным. Он страшным был каким-то, - Дина поежилась. – Все такое черное, как будто уже никогда, никогда не будет света, как будто все электрические провода перерезаны и никто, никто их не

сможет уже починить. И солнце... Солнце тоже починить не сможет. Потому что некому. Страшно было... И я запомнила этот день. Людей на улице не было. Их и не могло быть, если они не сумасшедшие. Вот только этот парень. Хотя он не показался сумасшедшим. Просто он попал не на ту улицу и не в то время...

Она говорила настолько искренне и трогательно, что не поверить было невозможно.

И я, и Роман ей тут же поверили. Но в отличие от Романа моя вера не сулила ничего хорошего. Мне нужно было выпутываться из положения. Конечно, можно было на время появиться в облике Карманова, а потом вновь исчезнуть. Уже законно. Но меня это не устраивало. Антикварная лавка была окружена плотным кольцом. И Тася непременно бы заголосила о пропаже старика. Значит, была опасность, что прочистили бы магазинчик. И нашли труп. Тогда убийство было бы повешено на меня, Григория Карманова. Мне так не хотелось становиться убийцей. Я чувствовал, что пока безопаснее, чтобы дело вели против старика. Во всяком случае, труп Карманова они уже точно не смогут найти. Карманов пребывает в полном здравии. Второе, это попробовать вспомнить вслух, что забегал некий парень на короткое время, чтобы укрыться от бури. Я человек старый, провалы памяти в таком возрасте вполне оправданны. А как вышел? А как вышел... Здесь уже понадобятся показания цветочницы. Очень честной цветочницы. И даже, если она обожала покойного дедушку, души в нем не чаяла, вряд ли она отступится от своего. Я не был ее дедушкой. Я был всего лишь похож на него. Следовательно, нужно было подходить к проблеме с другой стороны. Осторожненько подходить. На цыпочках. Еле дыша. Искать слабинки в человеческой психологии. Я не был психологом, но философский закончил. А вся философия не иначе как равна психологии. И то, и другое, настолько зыбко, расплывчато и субъективно. И главное – всегда поддается разумной коррекции. Что ж. Это уже был вариант. Возможно, не самый лучший, а, возможно и самый – в моем-то не лучшем положении.

Я забросил руки за спину. Медленно и кряхтя, по всем правилам глубокой старости, прошелся взад-вперед по комнате. Резко остановился, словно что-то вспомнил и повернулся к маленькой цветочнице.

- Девушка, милая. Я вот подумал... Я долго живу на своем веку. И много видел. Да, я не часто перемещался из одного места в другое. И, по большому счету, я не путешественник. Скорее, я наблюдатель! Созерцатель, так сказать. Но сколько, боже мой, сколько я видел из своего окна! Возможно, гораздо больше тех, кто без конца общается, сплетничает, обожает многолюдные компании. Кто совершает вояжи и кругосветные путешествия. Кто на практике, детально познает мир. Взгляд из окна – это посторонний взгляд. А еще вернее - взгляд постороннего. Как сказал поэт – большое видится на расстоянии? Я бы посмел уточнить. Вернее и глубже видит тот, кто сам невидим. Я всю жизнь в некотором роде оставался невидимкой. Вот это стекло, тонкое, прозрачное стекло всего лишь отделяло меня от мира, - я легонько постучал по оконной витрине, – и я не существовал для мира. А мир для меня существовал, еще как существовал! Он был реальностью! Тогда как я был для него нереальным. Я знал все тайны этого мира, который мне их не доверял. И не знал, что я знаю. Передо мной могли разыгрываться страсти, проливаться слезы, сталкиваться машины и разбиваться вдребезги. И несутся, расталкивая всех, скорые помощи. И я видел толпу! Жадную толпу, ненасытную толпу, которая расталкивала друг друга локтями, чтобы посмотреть на что-то ужасное, на что смотреть нельзя, просто не положено, просто неприлично, просто преступно! Если ты не патологоанатом. Передо мной торжественно шествовали похоронные процессии под траурный марш Мендельсона! Как заметил еще один поэт – все преходяще, лишь музыка

вечна? Я посмею его тоже откорректировать. Не всякая музыка. Но траурный марш точно на все времена. И только я видел, как в этот печальный миг кто-то зевал (наверно, случайно), а кто-то не смог сдержать улыбку (наверно, от шока), а кто-то жадно пересчитывал деньги (ну, это уже вам судить - почему). Передо мной мелькали счастливые свадьбы под свадебный марш того же Мендельсона! И только я мог заметить, как жених, целующий невесту, косился на ее подружку. А та украдкой вытирала слезы, и срывала лепестки у ромашки, украденной из букета невесты. Любит – не любит! Она до сих пор, когда гремел свадебный марш, еще на что-то надеялась. И я даже подсчитал. Вышло – любит! Поразительно! И я подумал, что будет после этой свадьбы! Много еще будет! На моих глазах одни объяснялись горячо в любви, а потом следовала резкая пощечина. На моих глазах разрывали свидетельство о браке. А потом она тайно вытаскивала его из мусорного бака и осторожно склеивала частички. На моих глазах какой-то подонок обокрал старика, столкнув прямо на тротуар. Бессмысленная кража – пустой кошелек. Старик этот все время побирается на помойках, тоже на моих глазах. А еще пьяные негодяи поломали ногу бездомной собаке. Я увидел ее позднее, когда она гуляла с перевязанной ножкой на поводке с одним из этих пацанов. Наверное, он протрезвел. Наверное, он бросит пить. Я видел, как он виновато целовал ее в морду. И она лизала ему руки в ответ. Собаки умеют прощать все.

- А вот для вас многое непростительно, - в тишине комнаты раздался ледяной голос Романа. Казалось, моя комната заледенела и покрылась сосульками. Как в царстве Снежной королевы. – Вы были свидетелями многих преступлений. И, насколько я знаю, ни разу свидетелем так и не стали.

Честно говоря, я все это выдумал. Я эти истории предположил, но они приобретали для меня настолько осязаемый, реальный факт, что я сам в них поверил. Конечно, антиквар видел много. И мне почему-то казалось, он никогда свидетелем так и не стал. Это было не в его духе. Холодный созерцатель. Он словно наслаждался чужими победами и поражениями, чужой болью и радостью. Но никакого участия в них не принимал. Ему нравилось наблюдать. И чужие страсти он словно впитывал в себя. Как вампир питался ими. Свежая кровь. И жил ими. И, возможно, поэтому, так долго жил. Если бы не я...

- Во всяком случае... Во всяком... Вы просто обязаны... Просто должны были вмешаться, - цветочница неожиданно расплакалась. И я не знал, что с этим делать. У меня не было опыта утешать плачущих девушек. Тася не плакала никогда. Только когда ей было выгодно заплакать. Ну, словно натереть глаза соком от лука.

- Вмешаться? – я усмехнулся. Никто не заметил моей усмешки. Ее скрывала седая борода. – Нет, девушка, я не мог вмешаться. Меня не приглашали принять участие в этих представлениях. Я был всего лишь зритель, внимательно следящий за спектаклем. Кстати, благодарный зритель. Если бы я вмешался... Понимаете, был бы нарушен ход то ли времени, то ли чувств, то ли самой жизни. Поймите. Поймите меня правильно. Вот мы с вами здесь сидим, а где-то, возможно, совсем рядом бушуют еще сильнее страсти и совершаются трагедии пострашнее. Возможно, только стоит взглянуть в окно. Но ведь мы не вмешиваемся. И не бежим искать тех, кто в нас сейчас, сиюминутно нуждается. Мы просто мило беседуем. У нас все хорошо. А за окном, возможно, у многих и многих очень и очень плохо. Вот поэтому я выбрал застывшую форму существования. И друзья мои – вещи, тоже застывшая форма. Их эмоции уже в прошлом. И, поверьте, их было не мало. Положа руку на сердце, в некотором роде я и сам уже застывшая форма. И много требовать от меня бессмысленно. А тут... Чуть ли не подозрение в убийстве. Поверьте, вы бы сделали мне

комплимент этим подозрением. Убийцы – это живые люди. Я в некотором роде уже давно мертв. И все друзья мои мертвы. Не ждите много от мертвецов. И не верьте в призраков.

- Я не знаю, насколько убедительны ваши аргументы для суда, - сухо заметил Роман. – Во всяком случае, у вас есть шанс на психиатрическую экспертизу. Если вы этого добиваетесь.

- А вот это вы напрасно! – я погрозил пальцем. – Подобного не добивался и не буду. Поскольку считал и считаю себя здравомыслящим человеком. Возможно, самым здравомыслящим из всех! Поскольку раскусил и человека, и его слабости. А это был всего лишь театральный монолог. К сожалению, люди отвыкли от подобных монологов. От этого они чураются высокопарных слов, сантиментов и откровенной романтики. Поверьте, в веке, где царствуют грубые слова, небрежный тон и пренебрежительные фразы, преступлений гораздо больше. И было слово! Слово определяет нас. Даже если мы вначале говорим его просто так, чтобы понравиться, чтобы прослыть железным или независимым. Оно все равно потом нагоняет и портит, поверьте, сильно портит характер человека. И потом уже человек способен на подлость. Слово – это часть нас. Ну, это даже в некотором роде физиологический орган. Как рука, нога, горло. Мы сегодня боимся, чураемся, стыдимся красивых слов. Сможем ли мы красиво поступать? Если этот орган уже удалили? И что вы думаете, станет с нами?

- В данный момент я думаю, в силу своей профессии, что стало с парнем по фамилии Карманов, - грубо отрезал Роман и почему то посмотрел в окно.

Возможно, он захотел там увидеть, как избивают старушку, чтобы вмешаться в это преступление. И мне доказать свою участливую правоту. И свою доброту доказать Дине. Но ему не повезло. По улице лениво шныряли прохожие, бездумно гоняли машины и малыши играли в снежки. Безмятежный зимний день.

-Что стало с этим парнем? – Роман повернулся ко мне и в его глазах зазвенели льдинки. Воистину, повзрослевший Кай скоро получит мантию Снежного короля. – Его видел надежный свидетель. Как он входил к вам. А вот как выходил...

- Я попробую ответить и оправдаться за свой театральный монолог. Он и был в принципе, в некотором роде, моим ответом. Я действительно не помню этого парня. Но цветочнице я верю. Попробуем разобраться. Основное, что нас сейчас мучит – почему он не вышел. Потому как, если бы он просто вошел и вышел – все вопросы бы отпали сами собой. Или хотя бы просто вошел, а цветочница не заметила как вышел, просто отвлеклась или что... Но меня поражает другое. Вы уже поняли, насколько я имею права называть себя хранителем чужих тайн. Попробуем раскрыть еще одну. Диана... Очень хорошенькая молоденькая девушка... Ей нужно добросовестно выполнять договор, чтобы ее не уволили. И все мысли ее заняты только работой. Допустим, какой-то посетитель заглянул в мою лавку... Скажите, Дина, - я резко к ней повернулся, - вы за всеми следите, кто выходит, ведь на это у вас нет не просто времени, но и желания. Так не похоже, чтобы вы всюду совали свой остренький носик. Вы другая! В конце концов, просто кто-то мог прошмыгнуть! Да еще в такую погоду! Так нет, вы сознательно, повторяю, вы сознательно ждали его. Почему?

Я когда-то видел, как краснеют девушки (кроме Таси, она не умела краснеть, разве если ее сознательно натереть свекольным соком). Но Дина не просто покраснела! Ее глаза засветились и прослезились одновременно. И мне показалось, что даже руки ее покраснели и слегка задрожали. Что ж. Хоть я и не был столетним антикваром. Я угадал. Я не зря с отличием закончил философский.

- Я не хочу вас смущать, но, похоже, вы сознательно ждали этого парня. Вдруг он еще раз пройдет мимо вас. А вдруг повезет! И он бросит на вас заинтересованный взгляд. А вдруг повезет еще больше – и он влюбится в вас с первого взгляда! Как и вы в него влюбились! Вы не могли его пропустить! Вы слишком много ждали от этой встречи! Слишком! Ну, разве я ошибаюсь?

Черт побери, меня уже этот Карманов начинал бесить. В него, видите ли, влюбились, я не ошибся. А меня приняли за своего любимого покойного дедушку. Разница существенная!

- И что это доказывает, - Роман вплотную приблизился ко мне. – Это доказывает, что девушка уж точно не могла ошибиться! В таком случае напрашивается вопрос – куда делся Карманов?

И вот тут я на всю катушку решил отомстить и Карманову, и этой влюбленной девице!

- А вам не кажется, что ответ тоже напрашивается сам собой! Мало того, что Карманов сбежал от Таси. Так на своем пути он встречает цветочницу, которая во все глаза пялится на него! Вы же честная девушка, скажите, пялились?!

- Ну, - цветочница опустила голову, она почти плакала. – Пялиться... Такое грубое слово, а вы так о словах говорили... Ну, да... Я, в общем, смотрела...

- И он уловил ваш столь откровенный взгляд?!

- Думаю... да...

Я развел руками.

- И вы хотите, чтобы после всего, что было, он вновь пробежал мимо цветочницы! Ну, уж дудки! Он же не мог знать, что она скромная девушка! Вдруг она хищница! Ему после Таси было не до этого! Он больше всего на свете желал покоя! А еще – чтобы кончился этот проклятый дождь!

- В таком случае, куда же он делся, - Роман пожал плечами.

- А куда все деются? Думаю, вы не раз попадали в подобную ситуацию. И если хочется сбежать от неуютной женщины, это всегда удастся! Даже самые тупые и простаки становятся ловкачами, уж мне поверьте.

Я перевел дух. Да, нелегкое это дело быть ловкачом. Даже если ты не самый тупой. И все же даже я (не смотря на то, что в прошлом был философом), не ожидал столь легкой победы. Даже я не мог рассчитать (хотя Тася когда-то и жила со счетоводом), что девушка может пережить все, что угодно. Только не это, когда ей в лицо бросают: от вас хотели сбежать. Даже самая честная девушка, какой и была Дина. Нет, вынести такого она не могла. Не понравилась парню, в которого влюбилась с первого взгляда? Что он сумел-таки от нее скрыться незамеченным, или выпрыгнуть в окно, или проползти под окнами. Только бы вновь не повстречаться с ней взглядом. Самое удивительное в этой истории было то, что я совсем не помнил цветочницу. Абсолютно! И мне казалось, ни с кем не встречался в тот день многочисленным взглядом! Мне было не до этого. Когда кроссовки были забиты водой, а глаза слезились от ветра. К тому же где-то поджидала Тася, подперев руки в боки. Со своими вечными укорами и подсчетами неудавшихся со мной лет.

Но Дине я этого объяснить не мог. Она видела во мне старика, который так напоминал ее любимого дедушку. И все же она старику с вызовом бросила. Хоть я уверен, никогда в жизни не лгала:

- Возможно, вы и долго прожили на свете, уважаемый, - краска с ее лица спала, словно она тщательно смыла свекольный сок. - Но вы не можете все знать на свете. Ну и что? Да, мне понравился тот парень! Ну и что? Но если бы вы вышли в тот день на улицу... Вы бы прекрасно поняли, что все углядеть было просто невозможно! Нереально! Этот свист ветра! Этот хруст веток! Это гудение

проводов! Эта бурлящая пена под ногами! И я прекрасно помнила о своем договоре. Мне нужно было сохранить работу даже в такую страшную непогоду. В любую погоду! Это вы не теряли работу! Вам нечего было терять! А я... Я знаю, что это такое! И я не раз склонялась к цветам, чтобы проверить, все ли в порядке. Наверняка, в это время он и прошмыгнул мимо меня! Да, да, именно тогда! Я теперь припоминаю, я словно почувствовала на себе пристальный взгляд! Мне кажется, он вообще у вас секунду пробыл, возможно, вы его и не пустили! На вас это так похоже! Человек, который с равнодушием наблюдает за чужими несчастьями из окна! Поэтому вы и не признаетесь, что он к вам заходил. Вы не пустили промокшего, продрогшего человека за порог, в ливень. Только потому, что он не соответствовал вашим представлениям об этикете! А, возможно, вы так хотели увидеть из окна, понаблюдать, что с ним приключится дальше. Вдруг вам случайно повезет – и на него упадет дерево. Или в него ударит молния. Вам случайно не повезло? И вы не смогли его включить в свою коллекцию происшествий. Или сломанных вещей. Бедный парень! Если бы я знала! Если бы я тогда поняла, что это он на меня так смотрит! Этот взгляд просто пронзил меня. Но я не поняла. Была слишком плохая погода, чтобы вообще понимать.

Ай да, Дина! Ай да борец за справедливость! Впрочем, у меня создалось впечатление, что она сама верила в то, что говорила. Ей было проще в это поверить. Чем в правду. Человек часто блокирует правдивую информацию и выбирает ту, которая ему ближе, которая безболезненнее. Дина оказалась не исключением. Но она исключительно, сама того не желая, меня выручила.

Роману оставалось только развести руками.

- Я долго проработал в угро, - обреченно вздохнул он. – И наверняка усвоил одно – свидетели это самые ненадежные люди на свете. Иногда мне кажется, человек вообще не может быть свидетелем. Он гораздо сложнее прямых свидетельских показаний. Особенно в случае с происшествиями. У человека не одно зрение. Далеко не одно. А еще если подключается мозг, чувства, - Роман махнул рукой. – Впрочем, это тема для диссертации. Но вам это неинтересно.

Нам это и впрямь было не интересно. Каждый из нас думал о своем. И жил своим мозгом, своими чувствами и смотрел разными глазами с разных углов. В разные стороны. И хорошие люди бывают плохие свидетели. А хорошие свидетели бывают плохими людьми. Впрочем. Это тоже тема для диссертации. Но не по моему профилю.

Я услышал нервный щелчок замка. Роман ушел, не попрощавшись. Похоже, у него не клеилось дело. Похоже, он от меня устал.

Я остался с Диной наедине. Я так боялся, что вновь раздастся нервный щелчок замка. И она уйдет не попрощавшись. Тоже смертельно устав от меня. И я не мог допустить этого. И я решил предвосхитить, вернее, перечеркнуть ее возможный уход. Даже мысль об уходе. Но ничего путного не приходило в голову. Все идеи ее остановить сбились в одну бурлящую пену, так напоминающую ту, по которой я бежал в рваных кроссовках укрыться в антикварном магазинчике от ливня и холода. И не обратил внимания на маленькую цветочницу. Которая влюбилась в меня с первого взгляда. Возможно, в тот злополучный день все могло бы быть по-другому, если бы я пересилил боль глаз от ветра и хоть раз взглянул в ее сторону. Но этого не случилось. Случилось убийство. Вместо любви. Как нелепо и глупо. Впрочем, иногда и любовь приравнивается к убийству. Но это не про тот дождливый грозовой день...

Вот сейчас... Она встанет с кресла.

Дина встала с кресла.

Сейчас скажет: «Ну, мне пора!»

Она сказала:

- Мне пора.

И пойдет к выходу.

Дина пошла к выходу.

Вот и все. Я, впрочем, оказался никудышной гадалкой.

У выхода Дина неожиданно резко обернулась. И кивнула на елку.

- Странно, сегодня Новый год, а она так и стоит неукрашенная.

- Новый год?! – я, пожалуй, от этой новости больше опешил, чем от того, что Дина задержалась у двери.

- А вы не знали?

- Не знал, - честно ответил я.

Боже, я уже перестал считать дни. Для меня все они сбились в одну кучу и были брошены вместе с убитым стариком туда, в сырой глубокий подвал, пропахший солеными огурцами. И превратились в месиво одного дня.

- Это не удивительно. Ведь вы живете в прошлом. Какое вам дело до настоящего? Особенно, если оно не так уж хорошо. Вы счастливый человек, Аристарх Модестович. Вы, наверно, время измеряете веками. И великими событиями, и великими людьми. А мы живем по-другому. Мы считаем дни. Особенно до зарплаты. Иногда часы. Особенно, когда ждешь окончания работы. Иногда секунды... - Дина запнулась. И мне казалось, она вновь покраснеет. Но почему-то передумала.

- И до чего же вы считаете секунды?

- Ну... Наверно, когда ждешь чего-нибудь важного или кого-нибудь, кто для тебя важен.

- Как вы ждали Карманова?

Дина вновь не покраснела. А мне так нравилось, как она краснеет.

- Это уже не важно. Он все равно пропал. И, возможно, никто и никогда уже не узнает – куда. Но иногда мне кажется, что люди лучше бы пропадали, вот так, незаметно и мгновенно. Это лучше, чем смерть. И лучше, чем видеть человека мертвым. Я так думаю...

- А зачем вам вообще думать о смерти? И, поверьте, это не лучше. Для родных это трагедия. Гораздо глубже, чем смерть. Надежда не всегда бывает спасательным кругом. Иногда это страшное наказание. Груз, который тянет на самое дно. Особенно, когда ждешь. Ждешь того, кто, возможно, никогда не придет. Представляете, что такое всю жизнь провести в ожидании? Всю жизнь бросаться к телефону или к двери. Всю жизнь жадно шарить глазами в толпе. И всю жизнь не спать. Чтобы не проспать того, кто возможно уже никогда не придет.

- Вы так говорите, словно знаете. Словно что-то... у вас... Или кто-то...

- Нет, Дина, я не знаю. Я всегда жил один. И никого не было на свете, кого бы я мог ждать. И никто на свете не ждал бы меня, даже если бы я пропал навсегда.

- Так быть не должно.

- Не должно, наверно, но бывает.

Впрочем, я не лгал. Я действительно был одинок. И никто у меня не исчезал. Просто я мог себе это представить. Наверно потому, что когда-то по профессии был философом. Или, во всяком случае, мог бы им быть.

- И все же, она не наряженная. Так быть не должно тоже. - Дина вновь кивнула на елку.

- Не должно, но тоже бывает, - я улыбнулся. Я так хотел, чтобы она поняла мою открытую искреннюю улыбку, которую скрывали борода и усы.

Мне кажется, она поняла. И улыбнулась в ответ.

- Вот вы, Дина, и нарядите. Мне всегда казалось, что елки должны наряжать или дети, или молоденькие девушки. Это как-то правильнее. Но только не

одинокие старики. Это противоестественно. Что делать одинокому старику под елкой, если он только не Дед мороз?

Дина засмеялась. Мне нравилось, как она смеется. На щечках глубокие ямочки. И в глазах чертики.

- Вот я вас и развеселил. Значит договорились?

- Мне бы очень вам хотелось помочь, Аристарх Модестович. И елочку жалко. Но у меня работа. И я не могу ее потерять. Меня сейчас заменяют, поскольку я была этим...ну свидетелем. Не очень надежным свидетелем. А теперь нужно идти. Я даже и четверть плана не выполнила. Хотя это такая глупость. Ну, вот скажите, кто, кто будет покупать цветы в Новогоднюю ночь?

- Это я вам уж точно не скажу, - я развел руками. – Разве только какой-нибудь сумасшедший. Но это тоже не надежный покупатель, как и свидетели.

Дина улыбнулась и распахнула двери. И у меня невольно вырвалось:

- Дина!

Только бы она не ушла, только бы не ушла. И я решительно направился к ящику с новогодними игрушками. Я знал, что эти игрушки не имеют цены. Эти самые хрупкие символы времени. Это не просто украшения. Это целая жизнь, длящаяся на протяжении нескольких веков. Когда и снег был белее, и мороз сильнее, и дети веселее, и страна умнее. Но для меня это не имело уже значения. Ни цена безделушек, ни прошлые века. Для меня все было только здесь и сейчас. Я поставил ящик с игрушками на пол. И велел, по-моему, слишком сурово велел, чтобы Дина нарядила елку. Елочка-то совсем маленькая, недоросток, подросток, коротышка. Нарядить-то ее ничего не стоит. Всего каких-то жалких полчаса! И неужели Дина пожалеет эти жалкие полчаса для совершенно одинокого старика. Нелюдима. В общем, довольно несчастного старика, который даже не похож на Деда мороза. И которому, возможно, не так уж и много осталось на этом свете. И вдруг, вдруг, конечно, не дай Бог, этот Новый год для него последний. Так неужели такая хорошая честная девушка... Дина прервала мой бессвязный монолог. Последняя фраза о возможно последнем празднике в моей жизни, по-моему, ее окончательно добила. Мне даже показалось, что у нее в глазах застыли слезы.

- Прошу вас, не надо. Вы так похожи на моего любимого дедушку.

А дедушка окончательно добил меня. Но я решил пока его оставить в покое. И вновь показал Дине, как и чем наряжать елку. А сам объяснил, что нужно в эти полчаса сбегать в магазин. Поскольку кроме меня самого никто о празднике не позаботится.

- Но ведь вы никогда не выходите на улицу? – заметила Дина.

- Никогда – это громкое слово. Такого понятия – никогда вообще не существует, запомни это, девочка. Все относительно. Если мы говорим «никогда», значит, подразумеваем «иногда, но бывает», – и я почему-то легонько щелкнул ее по носу. Она вновь засмеялась.

- Но, может быть, все-таки я бы потом, после работы вам могла бы...

- А вот в шефстве я пока не нуждаюсь. Хоть и глубокий старик. Но тебя я буду иметь в виду.

Я набросил на плечи дутую пеструю куртку антиквара и выскочил на улицу.

И зажмурился. Мои глаза прослезились, словно на улице было много солнца и много света. Но уже вечерело. Я, скорее зажмурился от того, что улица сама по себе существовала. Как данность. С непрекращающимся гулом машин, с неоновыми витринами, с ослепительными гирляндами, с хрустом снега под ногами сотен, нет, двух, нет гораздо больше прохожих. И они все куда-то бежали, летели, неслись, боялись не успеть. Неужели они так ярко торопились к Новому году. Зачем? И что их может ждать в Новом году? Неужели они не бояться того,

что их уже поджидает. Но они надеются все равно на лучшее. Словно переступят порог Нового года и по волшебству окажутся на новой планете, под новым небом с новыми законами. В любом случае, на год они станут старше. И они тоже этого не боялись! И я почувствовал, что неожиданностей нового года, и прибавки к годам опасаясь я. Словно это антиквар думал за меня, словно это он по-настоящему боялся.

А еще я по-настоящему ослеп и прослезился от падающего снега. Боже, как это красиво! И почему я этого не замечал раньше! Ведь столько зим я пережил и столько раз торопился встречать Новый год. И лишь теперь, после затворничества (которое было не таким уж и долгим) я вдруг по-настоящему оценил красоту зимы. И все-таки через стекло они совсем другие. И зима, и улица, и люди. Нет, не лучше. Наверно, и не хуже. Просто другие. Они были настоящими, а не кукольными персонажами, которые играли в спектакле, за которым я наблюдал каждый день. И я вновь физически, до боли в висках ощутил, что это мыслю не я. Это мыслит за меня убитый антиквар. Мне стало жутко. Я поежился. И повернул к цветочному лотку. Который действительно настолько нелепо выглядел на фоне сверкающих елок, снежинок, сугробов, шуб и меховых шапок, что я невольно улыбнулся. Страх прошел. Мне стало легче. Все же нелепости часто нам помогают. В трудные минуты. Может, стоило бы прописывать нелепости как рецепт от тоски и состояний угнетенности и страха. Жаль, что и эта идея не по моему профилю.

Среди белого падающего снега возвышались цветы. Розы, тюльпаны, гвоздики и даже подснежники! Алые, синие, желтые! Какие хочешь! Это они уже выглядели ненастоящими, кукольными персонажами, играющими в лето зимой.

А у цветочного лотка, притопывая ножками в сапожках гармошкой. И прихлопывая варежками из верблюжьей шерсти, танцевала Косулька. Так вот кто заменил Дину. Никогда бы не подумал. Что ж, это ей делало честь. И я даже хотел поцеловать ей ручку, но она была в варежках. Поэтому я обошелся галантным поклоном.

- Это делает вам честь, милая дама!

Косулька захлопала заснеженными ресничками. И еще сильнее затопала ножками. Отчего «гармошки» еще больше сморщились, и мне показалось, издали даже мелодичный звук.

- Да уж, какая честь, уважаемый, когда такая холодрыга на улице! Я сама скоро сосулькой стану.

- Ну что вы, какая же вы сосулька! – мне так хотелось добавить – вы же Косулька. – А на свежем воздухе вы даже похорошели. И румянец на щеках. А то все в душном кафе, среди пара и угара. Вас родной муж не узнает, настолько вы помолодели, - не переставал изгаляться я. И подумал – зачем? Не знаю почему, но при виде Косульки меня несло. Все время хотелось наговорить комплиментов. То ли я ее опасался. То ли видел, что она опасается меня.

- Ну, мой родной муж, уважаемый Аристарх Модестович, узнает меня при любой погоде и при любом свете. Точнее, без света тоже узнает. А на добром слове спасибо. Сразу видно издали интеллигентного человека. Не то, что эти, - она кивнула на кафе, из которого выходили попеременно шатающиеся завсегдатаи. – Они и книжки ни одной не прочитали, и картины ни одной не видели. А я вот, по вашему умному совету, стала тут баловаться искусствами всякими. Коли вас заинтересует...

При слове «искусство» я весь содрогнулся. Но, как и подобает интеллигентному человеку, виду не подал.

- Еще как заинтересует, – я изобразил на своем лице неподдельный интерес, – всегда с удовольствием оценю ваши многочисленные таланты.

Косулька смутилась и махнула верблюжьей варежкой.

- А Дина чего, дала уже показания?

- Почти.

- И чего, против вас? Я вроде одним ухом слыхивала. А на первый прикид такая хорошая девушка.

- Хорошая, уважаемая, очень хорошая. За меня все показания были, а не против. Она же честная, как и вы.

Косулька окончательно растаяла. И впрямь сегодня для нее было уместно прозвище - сосулька.

- Честная... Только чего ей от этого. Она в торговле ничегошеньки не кумекает. Вон, за целый день ни одного цветка не продала. Я и то умудрилась за пару часов несколько букетов сбегать каким-то полупьяным дуракам. Им уже все одно было, что в дом тащить – елку или цветы. Представляю, как этими букетами жены их по спине огреют. Так им и надо! Нечего перед новым годом напиваться. Всему свое время, я так понимаю, уважаемый.

- Вы очень мудрый человек, – не переставал я расшаркиваться перед Косулькой. Определенно я ее боялся. – И воспитательную работу верно ведете. И в борьбе с пьянством активно участвуете, – я ненароком взглянул на забегающую, из которой по-прежнему выходили шатающиеся завсегдатаи. Которым проворно подсовывала букеты Косулька. И дабы избежать следующей сделки, я выпалил на одном дыхании.

- Я покупаю все!

Косулька непонимающе заморгала и даже перестала прыгать от холода.

- Что – все?

- Все цветы. Абсолютно все. Без ограничений.

- У вас кто-то умер? – сочувственно спросила Косулька.

- Нет, у меня кто-то родился.

- Ну да! А все считают вас стариком. Может, вы просто неважно выглядите?

Косулька тут же засуетилась, собирая букеты в охапку. Они не вмещались в ладони. И одному их было не унести. Но Косульку это не смутило. Она проявила себя настоящим дельцом. Через несколько минут она поспешно складывала букеты в тележку, за которой сбегала к себе в кафе. Я от страха услужливо сделал еще один реверанс и протянул Косульке букет с подснежниками. Воистину сказочное время – подснежники в декабре. Косулька от неожиданности даже отпрянула от меня. И я, по-прежнему непонятно по какой причине ее опасаясь, и желая все время угодить, схватил столько букетов, сколько смогла удержать Косулька, и сунул их в руки ей.

- Не перестаю вам поражаться, Аристарх Модестович. Не удивительно, что вы содержите антикварную лавку. Знаете, эти прошлые века прямо сама галантность. А старые вещи – и вовсе искусство. Вы, Аристарх Модестович, воистину художник. Мы с вами коллеги. Видеть вас – одна приятность, а то за целый день нахватаешься этих пьяных рож. И писать стихи даже нету мочи. Не то, что рисовать. А с вами пообщаться – так сразу вдохновение и наплывает. Аж дышать трудно. Аж эти цветы сразу и хочется нарисовать, правда? Так и чувствую всю себя премиленькой падчерицей из сказки «Двенадцать месяцев». Эх, и где мой белокурый Апрель!

Толстая, румяная Косулька бросила подснежники в плетеную корзинку и мне как-то сальненько подмигнула. Хоть я был похож на Апреля, как она на падчерицу. И все же я не мог не признать, что она поэт. Иметь такое воображение! Косулька сделала глубокий вздох и попробовала изобразить реверанс, но ее сапожки лишь скользнули по льду, еще более сморщились и гнусаво скрипнули. Но Косульку это не смутило.

Я покати́л тележку́ домой. Снег падал на цветы. Они от этого только грустнели, опуская все ниже и ниже свои головки. Прохожие на меня поглядывали с нескрываемым сочувствием. Словно я действительно кого-то сегодня хоронил. А, возможно, решили, что я везу цветы на свои похороны. И почему у людей такие мрачные мысли?

Я вез цветы Дине.

Дина долго не могла поверить в предновогоднюю сказку. Ведь их не бывает! Они закончились в детстве, когда мы узнали, что Деда мороза нет. А Новый год, по сути, это надуманный праздник для отсчета следующих месяцев, недель, дней. Каждый Новый год у нас крадет еще один год. И взамен мы ничего не получаем.

Дина от удивления присела в кресло и сложила перед собой ладошки.

- И все? Значит... Значит я теперь свободна?

- Все, Дина. План вы выполнили. Точнее - перевыполнили. Впору вашему хорошенькому личику на доску почета. А вы теперь имеете полное право на отдых.

Я бросил взгляд на елочку. Она стояла в уголке гордая, веселая и нарядная. Сколько игрушек украшало ее! И фабричных, и самодельных. И стеклянных, и фарфоровых, и картонных. Сколько поколений разместилось на ней! И у каждого поколения свой символ. И ангелочек, и рождественская звезда, и кремлевские башни, и лыжник, и початок кукурузы, и спутник. Я даже чувствовал запахи разных времен. Удивительно, я чувствовал, остро чувствовал запахи прошлого. Но сегодняшнего дня я не ощущал вовсе. У сегодняшнего не было запаха. Не было символа, знака, даже значка. И какие сейчас можно придумать новогодние игрушки. Чтобы спустя века определить по ним время. Даже страшно представить. Гайдебуровский старик? Зловещий и кровожадный. Который навсегда украдет время. И ничего уже не будет. И никогда. Нет, лучше ничего не надо придумывать, чтобы не пугать детей в новогодние праздники. Им пока хватит и прошлого. И, возможно, они еще смогут дождаться будущего.

А вскоре моя антикварная лавка была украшена и цветами, которые мы с Диной расставили по вазам и банкам. Лето и зима уместились в одной комнате. Им больше нечего было делить.

Старость и юность уместились в одной комнате. А вот это было противоестественно. Но, в принципе, возможно. И мне было очень грустно, что я не мог вновь превратиться в парня Гришку, в которого с первого взгляда влюбилась Дина. Как все тогда было бы просто.

- Я даже не знаю, чем смогу вас отблагодарить, - смущенно сказала Дина.

- А я знаю. Вы проведете со мной Новый год. Не откажете в этом удовольствии одинокому заброшенному старику? Или у вас другие планы?

Мое сердце дрогнуло. У такой хорошенькой девушки наверняка запланирован Новый год.

- У меня нет других планов, - улыбнулась хорошенькая девушка.

Солгала, чтобы не обидеть одинокого заброшенного старика? Или действительно... не стоит на этом заострять внимание. Это уже не важно. Новый год будет наш.

Новый год неумолимо приближался. Странно, ведь и я стану на год старше. Только никто об этом не узнает. Все будут думать, сколько мне лет? Сто? Сто один? Сто два? И никто, никто не узнает, сколько на самом деле. Об этом не узнаю и я. Я не увижу первые морщины на своем лице. Не прикоснусь к складкам у уголков губ. И не почувствую, как круги под глазами темнеют. Какой удручающий парадокс. Я не буду стареть. Я старым стал мгновенно. Все бояться старости. А я боюсь вновь стать молодым. Вернее, не боюсь. Просто у меня нет выбора. И

никогда девушка, которую я полюбил с первого взгляда, не станет моей. И не ответить взаимностью. Хотя все, все таким могло быть простым и ясным.

Я вытащил из холодильника запотевшую бутылку вина и шампанского, сыр и консервы. Довольно дурно для праздника. Но Дину за продуктами я не хотел отпускать. Я боялся, что она растворится в метели и не вернется. Или встретит в заснеженном лесу белокурого Апреля. Конечно, она честная девушка. И если пообещала, вряд ли бы оставила одного старика. И все же... Мне казалось, что не все от нее зависит в Новогоднюю ночь. Ведь еще могут встать на пути Снежная Королева или Снежный король, чтобы во вьюжную ночь умчат девушку на санях в свое холодное царство. И превратить ее сердце в ледышку.

Дина все понимала. Как мне нравилось ее понимание! Она не предлагала сбегать за продуктами. Она чувствовала, что я боюсь остаться один.

- Эту посуду можно брать? – Дина указала на фарфоровый столовый набор в мелкие розочки.

- Я, думаю, граф Шереметьев бы не обиделся, - усмехнулся невесело я. – Бери, Дина, бери.

Она испуганно поставила коробку с набором на место. И покачала головой.

- Посуда Шереметьева... Нет, Аристарх Модестович. Есть из нее это просто кощунство. Перед историей.

- Не говори так, Дина, - я улыбнулся. – Возможно, и было бы кощунством, если бы она стояла в музее. А так... Ее купят какие-нибудь мордovorоты с набитыми карманами. И ты думаешь, будут с благоговением смотреть на нее? И с придыханием вспоминать графа? О том, как он помогал крепостным? И деньги завещал бедным? И приветствовать его щедрость и меценатство? А потом бежать и повторять его подвиги? Сомневаюсь. Поверь, мы не самый худший вариант. И потом... Вдруг все это не правда? Все это вранье?

- Я не понимаю вас, Аристарх Модестович. Что вранье?

- Вообще все, - я обвел рукой антикварную лавку. – И тарелки Шереметьева, и зонт от Гашека. И чемодан Менделеева, и часы почти что от Андерсена, ну, его друга. Может, только ручка Ржешевского правда. Такое трудно придумать. Впрочем, нет. Все, все вранье. И все, все ненастоящее. И даже я...

- Зачем вы так, - Дина присела передо мной на корточки. – Вам же лучше знать, что это не подделка.

- Никто этого не знает, Дина, никто. Мне иногда кажется, что все, все в мире подделка. Не только эти вещи. А все. И наши чувства. И если нет чувств – тоже подделка. И луна на небе подделка. И снег. И этот город ненастоящий. И его фонари. И его машины. И регулировщик на дороге тоже фикция. И подснежники зимой – это не правда. И весной тоже. Все, все подделка. Весь наш мир подделка. И все мы. Все понарошку. Но где-то, возможно, есть настоящий мир. И настоящая жизнь. А это... Это всего лишь репетиция. Репетиция спектакля под названием жизнь. Кто-то на главных ролях, кто-то на второстепенных. Кто-то справится с ролью, а кто-то нет. Кто раньше вылетит из спектакля. Кто доиграет до конца. А потом спектакль понарошку закончится. И возможно, начнется по-настоящему. И каждый уже станет собой. И чувства его станут настоящими. И бесчувствие. Кто что заслужил, играя в спектакле. Какое количество аплодисментов. Но мы об этом никогда не узнаем. Пока не умрем. И не узнаем, на самом ли деле существует настоящий мир. Пока не умрем. Ад и рай. И почему все так этого боятся? Если каждый из нас на земле, хоть раз в жизни, но пережил или переживет обязательно и рай, и ад. И, пожалуй, в гораздо большей, обостренной степени. В том, другом мире, возможно, все гораздо проще и безопаснее.

Я произнес свой более чем удручающий монолог. И только тогда увидел, что Дина плачет. Опустив свою голову мне на колени. Я погладил ее по длинным

пышным волосам, как маленькую. На большее я не имел права. Хотя все права, по сути, у меня были. Но я не был настоящим. Я был понарошку.

- Знаете, Аристарх Модестович, - Дина подняла заплаканное лицо. – Перед новым годом часто такие мысли бывают. Грустные. И, кажется, все напрасно, что было. И что будет – тоже будет напрасным. Перед новым годом. Это очень похоже, как и перед днем рождения. Эти праздники так сравнимы. Потому что только в детстве они бывают по-настоящему веселыми и долгожданнами. Потому что только в детстве все не напрасно. И всего дожидаясь, чего ждешь. И все настоящее... Я вас понимаю, Аристарх Модестович.

- Это уже хорошо, Дина. Хоть мы такие разные, вернее, в разной возрастной категории.

- Для понимания возраст не имеет значения.

Мы замолчали. Я по старой привычке (вернее, по старой привычке настоящего антиквара) заглянул за окно. Снег кружился, вальсировал. И ему прохожие уже не мешали. Прохожие ждали поскорее стать на год старше. На улице заметно поредело. И только неугомонные машины по-прежнему носились. Машины не думают о том, как побыстрее отпраздновать старость. Они вообще не думают. Хотя тоже старятся. И ломаются. И ржавеют. Впрочем, как и все мы.

Вдруг я заметил промелькнувший силуэт. Я сощурился. Кто-то явно подглядывал в мое окно. Кто-то явно хотел подсмотреть за моим праздником. Ну, безусловно! Кто же еще! Я отчетливо разглядел Косульку. Ее любопытство не знало предела. Впрочем, любой бы на ее месте захотел узнать, для кого сумасшедший старик скупил все цветы. Я дружелюбно махнул Косульке рукой.

Вскоре она топталась на моем пороге, стряхивая снег с кривых сапожек. В своих руках она держала огромную плетеную корзину, в которую недавно сгрузила подснежники, как падчерица из сказки. Теперь корзина была полна еды. И мне это пришлось по вкусу.

- Так сказать, от нашего стола – вашему! – Косулька покраснела, видимо, осознавая свое неумное любопытство. Но ее носик при этом лез во все щели, чтобы увидеть, кто сидит в кресле. Но с порога было плохо видно. Плетеное кресло было огромным. И маленькая Дина буквально утонула в нем с головой.

- Благодарю, это такая щедрость, такое великодушие, – я продолжал бояться Косульку. Но при этом раскинул руки в стороны, яко бы для изливания чувств. Я должен был огородить Дину.

- Ну что вы, любезный! Как не поздравить такого многоуважаемого соседа. Можно сказать, долгожителя. Грех, да и только. К тому же и в магазин вы не ходите. Вот только сегодня цветы и купили. А к чему, спрашивается? Все, все у вас в цветах. Красиво... Но цветами не накушаешься. Мы же не травоядные, – хихикнула Косулька, довольная своей шуткой. – А в вашем возрасте нужно правильно питаться. Разумно. Диета – прежде всего.

Я не подпускал ее близко к Дине. Ей не обязательно было знать, кто у меня в гостях. Но благодарно принял дары. Они были кстати. И легонечко пытался придвинуть Косульку к выходу. Но она сопротивлялась до последнего.

- Ох. Аристарх Модестович. – Косулька издала глубокий вздох. – Поди, невесело справлять Новый год в одиночку? А может, не побрезгуете и к нам соизволите, в наш ресторан заглянуть? Может, там и не люди искусства. Но ведь веселые! А к чему, если разобраться, искусство на Новый год. По праздникам, согласитесь, разлюбезный, искусство ни к чему. Только мешает радоваться. Это занятие для серых, тоскливых, даже убогих и лучше не солнечных будней. Когда и делать-то нечего. Вы согласны, уважаемый?

Я искренне согласился. Но понимал, на что намекает Косулька. Ей нужно было всеми путями узнать, с кем я собираюсь остаться в новогоднюю ночь. Но я держался, как на допросе.

- Я вам премного благодарен, милая... Но, - я запнулся. Я не знал, как выкрутиться, подозревая, что Косулька была не из тех типов, которые уходят без информации. Возможно, она даже пытками не побрезгует. Пусть и словесными. Я ее по-прежнему боялся. Как в детстве боялся соседки снизу или сверху.

Но неожиданно раздался звонкий уверенный голос.

- Он не один будет праздновать Новый год, - Дина поднялась во весь рост. И повернулась к нам. Чтобы ее лучше было разглядеть.

Косулька аж присвистнула. Я и не знал, что она умеет так здорово свистеть. Может, у нее еще есть голубятня? Не хватало, что в ее забегаловке, ко всему прочему, вместо курицы подсовывали несчастных голубей.

А я в свою очередь, от страха перед Косулькой и неожиданности от вызывающего поступка Дины, схватил несколько букетов, расставленных по комнате, и всучил их Косульке.

Та, кланяясь и пятясь к двери, наконец, пулей выскочила на улицу. Похоже, новость для нее была шокирующая. Старик и маленькая цветочница.

Я вытер ладонью вспотевший лоб. И посмотрел за окно. За окном стояла Косулька и проворно рассчитывалась с покупателями подаренных мною букетов. Похоже, таки она всех их сумела продать. Перед Новым годом! Я слишком о ней хорошо думал. Может она и пишет по ночам тайно стихи. Или рисует картины. Но, похоже, цветы в ее искусстве не фигурируют. Торговля превыше всего. Интересно, на что она тратит деньги? На одежду уж точно нет. Скорее всего, она их вообще не тратит. Наверно, деньги для нее сами по себе произведение искусства. Впрочем, это не мое дело. И это вовсе не интересно. Но что нам приготовила Косулька, было весьма любопытно. А какой запах! Так цветы не пахнут. Косулька права – мы же не травоядные. Я поставил корзину на стол. И развернул пакеты. Пожалуй, она поторопилась намекнуть мне о необходимости диеты, в моем-то возрасте. Жирное перченое мясо (естественно свинина, а не оленина), фаршированные селедкой яйца, огромная тарелка салата с курицей под майонезом. О глубоком значении правильного питания Косулька явно преувеличила. Но все выглядело аппетитно и соблазнительно. А на диетах я никогда не сидел.

- Вот так, Дина. У нас таки получится сегодня пиршество. Хотя сплетен не миновать точно.

- А вы боитесь сплетен? – улыбнулась Дина.

- Я боюсь, что боитесь вы.

- В таком случае, нам обоим нечего бояться. Во всяком случае, мы за эту еду честно заплатили.

- Свежими цветами?

- Нет, свежими новостями. Новости стоят дорогого.

За окном щедро платили Косульке полупьяные завсегдатаи. А она, размахивая руками, кивала в нашу сторону. Падали огромные хлопья снега. В темноте плохо был виден ее силуэт. Только белые снежные очертания. И Косулька так напоминала снежную бабу, которой хотелось насадить на голову алюминиевое ведро.

Мы с Диной переглянулись. И рассмеялись.

Я, наверное, никогда не забуду этот Новый год. Возможно, он был единственный счастливый. Хотя от него ничего я не ждал. И от последующих дней и лет тоже. Но та ночь... Когда за окном снег. Он сверкал желтыми искрами в бликах фонарей и яркой луны. И звезды на елке горели. И бусы на елке

переливались. На елке непременно должны быть бусы. Еще горел камин. И эти букеты цветов. Может и не настоящих. Но все равно свежих, пахнущих весной или летом. Они были не к месту. Они были не к стати. И старые вещи вокруг словно оживали. Словно мы в комнате были не одни. Нас было много. Гостей из прошлого. И ни одного из настоящего. Потому что мы настоящего не хотели. Оно в тысячу раз было иллюзорнее, призрачнее, фальшивее. И только прошлое было реальным. Мы с Диной ушли в прошлое. Взявшись за руки, как верные друзья. Время, безусловно, остановить невозможно. Но нам с Диной, тогда, в ту Новогоднюю ночь, это все-таки удалось. Я даже остановил эти громоздкие часы с кукушкой ровно на двенадцати, которые никто не останавливал со времен Крымской войны. Остановил время на время. Чтобы потом, потом, гораздо позднее уйти в будущее. Мы так хотели там навсегда остаться, в Новогодней ночи. Но это было невозможно. В прошлое невозможно уйти навсегда. Все время, шаг за шагом, секунда за секундой мы обязаны уходить в будущее. И мы туда уходим. Хотим или нет. А в прошлое уйти ненадолго, на одну ночь, возможно, только нам и удалось. Даже если это была иллюзия. Но кто знает...

- Знаете, Аристарх Модестович, - сказала мне Дина. – Вот эти старые вещи, и этот Новый год, словно он тоже долго-долго пролежал в сундуке. И мы только сегодня открыли сундук и отпустили его на свободу. Кажется, сейчас начнется маскарад. Вам так не кажется? Маска, маска, кто вы?

Я вздрогнул. Кто я? И машинально схватился за бороду. Кто я на самом деле, мне кажется, я уже стал забывать. И это к лучшему.

- Это не так. Я не маска, Дина. Я настоящий. Я просто старик антиквар.

- Тогда, маска, маска, вы мне рады?

- А это так. Очень, очень рад. Очень рад.

Дина закружилась в чарующем вихре вальса Глинки. Маленькая, черноволосая, черноглазая, так похожая на цыганочку. Ей не хватало праздничного платья. И я открыл старый шкаф из дуба работы Карла Хельбига, декорированный маленькой ширмой ручной работы.

- Это платье фрейлины. Оно пунцовое. Такой цвет удивительно подходит к вашим черным волосам, Дина. Этот наряд для придворных дам был установлен особым законом аж около 200 лет назад. Для каждого чина – свой цвет. Теперь все цвета перепутаны. Может, оно и к лучшему. Видите, вот здесь бархатное верхнее платье с откидными рукавами с разрезом, который открывает белую юбку. Правда юбка пожелтела от старости. Но все равно платье выглядит еще очень красиво. Примерьте.

Дина мгновенно скрылась за ширмой.

Она меняла наряды, головные уборы, бижутерию и драгоценности. Перед моими глазами пробежали века. Вальсы, мазурки, полонезы. Танго, фокстроты, квикстепы. И Дина в каждом веке была гармонична. И наверно, в каждом веке смогла бы жить. И ее любили бы в каждом веке. И все-таки мне думалось, что я бы смог любить ее сильнее всех. Не смотря на наш циничный, бесчувственный и не любвеобильный век.

Удивительно, но за целую ночь мы так и не узнали друг друга. Они ничего не рассказывала о себе. Впрочем, я и не спрашивал. И о себе не рассказывал. Она не задавала вопросы. Мы говорили о времени, в котором приходилось жить вещам, окружавшим нас. Но не о людях. О людях мы как-то не думали. Как не думали о себе. Помню, только однажды Дина спросила:

- Аристарх Модестович, а вот если бы... Если бы вам предложили отдать все это, - она худенькой рукой обвела мою лавку, где находились драгоценные антики, – Ну, как бы расплатиться, чтобы вернуть молодость. Вы бы в один миг вдруг стали бедным, бездомным, голодным... Но молодым. Вы бы согласились?

Согласился бы я? Уже не знаю. В моих силах было в один миг вернуть молодость и завоевать Дину. И вновь стать бедным, голодным, бездомным. Нужен бы я ей был тогда? И завоевал ли? И что бы мы вдвоем делали? И не превратилась ли бы она в Тасю? И не пилила ли бы меня по утрам? И не подсчитывала проворно копейки? И не научилась ли бы подпирать руки в боки, искоса поглядывая на пустое место, где должен стоять кухонный комбайн. Но так и не стоял. Потому что мы его не купили. Я содрогнулся. Словно от холода. Хуже всего – я был бы не просто молодым и нищим, я бы был за решеткой. Мне не нравился Динин вопрос. Ответ я на него знал. Но Дине ответил другое.

- Возможно, Дина. Но только для того, чтобы завоевать вас.

- Но, если я не в счет. Тогда... неужели вам просто не хочется стать молодым?

- Знаешь, Дина, согласишься ли ты мне. Но я думаю, мало ли кто хотел бы повторной жизни. Честное слово, мало кто. От нее устаешь. И в ней много теряешь. И печалей в ней гораздо больше. И отчаянья. И ошибок. Даже если ты не очень беден и голоден. Все равно устаешь. Да и люди приедаются, и события, и вещи. И вновь жить, зная, что неизбежно состаришься, и неизбежно умрешь... От этой философии устаешь тоже. Может быть, если бы вернуть отдельные счастливые мгновения... И то зачем? Чтобы вновь увидеть родителей, зная, что их потеряем снова? И вновь переживать эти потери? Или вернуть любовь? Зачем? Повторная любовь это уже не любовь. Все это имело бы смысл, если бы мы ничего не помнили, что было с нами. И опять же тогда все бессмысленно. Что мы знаем тогда о счастливых мгновениях? Мы не сможем даже узнать любимых людей. Это будут уже новые люди. И кто знает, вдруг мы уже бежим по кругу в сотый, тысячный раз? Меняясь судьбами и перетасовываясь, как карты. Где нет начала и нет конца. Как не знаешь, где кончается небо и где начинается земля. Разве не так? Но это тема не для Нового года. А для новой жизни. А новую жизнь мы еще праздновать не научились. У нее нет даты. Так что давай выпьем, Дина. Пока что за Новый год.

Мы вновь подняли бокалы с шампанским. И все равно это была самая счастливая Новогодняя ночь в моей жизни. У меня слипались глаза. Похоже, утра я так и не дождусь. Я был стариком, которому трудно выдержать ночь. Но это к лучшему. Утром всегда все по-другому. А часы я переводить не хочу. Пусть продлится эта волшебная ночь. Даже если я половину ее просплю. Лишь бы подольше не наступало утро. Я уснул прямо в кресле, так и не дождавшись рассвета. И мне снилась и снилась эта волшебная ночь. Вернее ее продолжение.

Утром я понял, что не ошибся. Ночь действительно была заколдованной. Колдовство рано или поздно утрачивает свою магию. Но чтобы настолько! Этого я предположить не мог.

Я открыл слипшиеся глаза. И увидел. Вернее, ничего не увидел. И поначалу даже не сообразил, что к чему. Моя антикварная лавка была пуста.

Я встряхнул головой. Я хотел еще верить, что это всего лишь новогоднее наваждение. Но вера не помогла.

Моя антикварная лавка была по-прежнему пуста. Голые витрины, голые стены, голые углы - ни одной ценной вещи. Разве что я и кресло. Ну, и, безусловно, современная мебель. Которая, к тому же, уже вовсе не казалась современной. А просто старой, облупленной, потертой. И прямо на кривеньком, пошарпанном столе остатки недоеденной пищи от Косулек. Потому что посуда от графа Шереметьева то же благополучно исчезла. И посреди этой угнетающей пустоты – много, много разных, разных цветов. Словно я оказался в склепе. Словно меня заживо похоронили. И украсили память обо мне розами и тюльпанами, крокусами и даже подснежниками. Все-таки удивительны цветы сами

по себе. Они одинаково могут украшать и радость, и горе. Свадебные платья и гробы. Они одинаково растут в необъятном поле и на могиле. Цветы не выбирают. Их выбираем мы.

Я бросил умоляющий взгляд на елку. Я с ней подружился. Но не сумел защитить. Ее полностью раздели. И мне показалось, она смущена своей наготой. Потому что с нее стыдливо падали иголки. Я тяжело вздохнул, как старик, хотя стариком не был. И стукнул себя по лбу.

- Старый дурак.

Хотя был дураком молодым.

Дина вывезла все, что имело цену. Что цены не имело – она оставила мне. В том числе оставила и меня. В виде одинокого, беспомощного, нищего (!) старца. И убийство, свершенное мною, в один миг вдруг утратило смысл. Я вновь вернулся к исходному положению. Нет, к гораздо худшему я вернулся. Когда-то я был просто бедным и молодым. Сейчас я бедный и старый. Нет, еще хуже. Бедный и старый убийца. И убийство с меня не снять. И его вместе с дорогими вещами вот так запросто не вывезти за одну Новогоднюю ночь.

Я схватился за седую (в общем, не свою) голову. Мне хотелось рвать не себе седые (не свои) волосы.

И мне ужасно не хотелось звонить в милицию. Для обворованного человека она была бы кстати. Для человека, совершившего убийство – нет. Я бы еще мог подумать о выборе. Но мне не дали время для раздумий.

Милиция сама пришла ко мне.

В дверь не стучали и не звонили. Она была не на замке. Дверь легко распахнулась. И на пороге появился Роман.

Он, совсем как недавно Косулька, звонко присвистнул. И свист повис в пустой комнате и отозвался глухим эхом.

- Вот это да!

- Да, - эхом отозвался и мой глухой голос.

- Неужели все смогли продать за одну ночь? Вам повезло! – продолжал издеваться он.

- Мне очень повезло.

- Ну что ж. Составим протокол. А вы пишите подробное заявление, - тон Романа смягчился. И в его интонации появились сочувствующие нотки.

Я поднял на него тяжелый взгляд. Роман улыбался. Самодовольной улыбкой. Вообще, он выглядел настолько самоуверенно, сыто, благополучно, и почему-то еще моложе. Вот ей-богу, он помолодел за эти дни! Я его тут же возненавидел. И почему-то впервые за это утро подумал о Дине. Странно, но я ее по-прежнему не мог соединить с этим происшествием. Хотя, без сомнения, это она приложила руку. Да еще наверняка со своим каким-нибудь смазливый дружком. (Он непременно должен быть смазливый и очень крутым, нехстати промелькнуло у меня в голове). И все же... Дина для меня осталась в той, самой счастливой Новогодней ночи. Счастье я не мог предать. И в этом утра был кто угодно виноват, только не Дина.

- Боюсь, мне нечем писать. Даже ручка от Ржешевского исчезла.

- Как и все в этой комнате, - Роман протянул мне свою авторучку. – Поэтому прошу перечислить здесь все украденные вещи.

- А почему вы решили, что они украдены?

- Ну не продали же вы их, в самом деле. И не пропили. За одну ночь.

Я лихорадочно соображал, что мне делать. Роман пришел неспроста. Он по-прежнему не отставал от меня. И по-прежнему подозревал. Поэтому теперь самый подходящий момент, чтобы смыться. Терять уже мне было нечего, кроме своей седой бороды. Я в один миг, вернее, в одну ночь потерял все. Все к черту!

Вновь ни денег, ни бесстрашия за день грядущий. Зато есть шанс избежать тюрьмы и вернуть молодость. А это очень и очень немало. К тому же, положив руку на сердце, я искренне не хотел заявлять на Дину. Не хотел и все! Пусть она тысячу раз со мной бесчестно поступила. Эта хорошенькая девушка с распахнутыми невинными черными глазками. Пусть. Но не в моих правилах было предавать тех, кого я искренне люблю, или любил. Даже если они меня ни капельки не любили. За минуту счастья можно, я был уверен, можно простить все. Потому что в жизни этих минут можно пересчитать по пальцам. И потом, укравший у вора... Кто угодно, но только не вор. И, в конце концов, я сам виноват. Спрос с простофили. С умного спросу нет. Я поступил далеко неумно. Поверив, что красивая молодая девушка захочет со мной, страшным, почти гайдебуровским стариком, без умысла справить Новый год. Который только раз в год и случается.

- Это называется – связался черт с младенцем, - эхо от Романа раздалось звонче и громче. – И на что вы рассчитывали? На взаимное чувство? На взаимное сочувствие?

Я нахмурил седые, густые (не мои) брови.

- Я вас не понимаю, - мое эхо было тихим и слабым. И я нечаянно бросил взгляд на стол. По-прежнему кусочки жирной свинины и остатки салата – горкой. Черт, бокал! Мой бокал! Если Роман его вычислит, я для Дины уже ничего не смогу сделать. На дне бокала наверняка лошадиная доза снотворного, распознать которое для экспертов сущий пустяк.

- Вы меня понимаете, вы меня прекрасно понимаете, только я понять не могу, - эхо Романа стало злее и ярче, – какая у вас выгода, какой интерес?! Чтобы не делать заявление на цветочницу!

- Почему вы решили, что это сделала цветочница, - мое эхо прозвучало машинально и еле слышно. Мой голос не хотел эхо. Я не любил повторяться. И соображал, как незаметно умыкнуть стакан со стола.

- Почему я решил? Здесь и решать нечего. Надежные свидетели подробно мне рассказали, что вы встречали Новый год с цветочницей.

- И с каких пор Косульки стали надежными свидетелями?

- Косульки, - начал было Роман, за которым бодро шагало эхо. Но тут же остановился. Он был слишком серьезен для кличек. И тут же вместе с эхом себя поправил. – Граждане Косулевы... Не в их интересах придумывать данное событие. Они понятия не имеют о краже. Но о том, что цветочница на всю ночь осталась у вас – они знают наверняка. К тому же...

Роман обвел рукой пустую комнату.

- Эти цветы... Разве они не доказательство?

- Цветы для цветочницы? Может быть... И такое бывает. Но вы не находите, что это мое личное дело. И мы вдвоем более чем совершеннолетние.

Я резко поднялся с места. Всем видом показывая, насколько я недоволен этим разговором.

- И вообще, это более, чем странно! – Мое эхо не на шутку рассердилось и вихрем разнеслось по пустой комнате. – Неужели вы настолько одиноки, что после Новогодней ночи вдруг оказались у меня? И только для того, чтобы выслушивать сплетни местных торговцев?! Или к вам поступила жалоба?! На кражу! Я подобной жалобы не подавал. Поэтому не хочу показаться невежливым...

- Вы уже показали, - Роман ответил настолько тихо, что его эхо даже не смело подать голос. – Впрочем, у меня было другое дело. Но всему свое время. И я этого часа дождусь.

Роман приподнял шляпу. И скрылся за дверью.

А я бросился убирать стол. И первым делом тщательно вымыл свой бокал, практически его продезинфицировал. Что ж, я дождался своего часа. Пора было смываться. Мало ли куда мог уехать одинокий старик. И кто знает, возможно, у него куча денег в банке. И он собирается начать новую жизнь. Впрочем, на вопрос, какую можно начать новую жизнь в 100 лет, я бы ответить не смог. Учитывая, что новая жизнь уже его поджидает.

А молодой парень Гриша Карманов через пару деньков объявится живой и невредимый. Как ни в чем не бывало. И какое дело, где он скрывался от девчонки, на которой не хотел жениться. И, кстати, по-прежнему не хочет. И у него все есть права начать новую жизнь. И он знает как.

Что ж. На этом пора и пора поставить точку. Даже вещей собирать не надо. Я оглядел пустую комнату. Налил себе бокал шампанского. И выпил за новую жизнь. И молодого парня, и старика.

Жаль только, что все оказалось напрасным. И убийство. И богатство. И даже любовь. Впрочем, что в этой жизни не напрасно? Если сама жизнь напрасна, потому что за ней все равно последует смерть. Которая тоже всегда выглядит довольно напрасной. Потому что перед ней была напрасная жизнь.

Я осушил на всякий случай еще один бокал. И присел на дорожку. Пустые стены. Пустые глаза старика. Дырявый зонтик Гашека. Пустой самовар Кустодиева. Ручка без чернил Ржешевского. Оборванная струна гусара Потапова. Пустой звук ботинок самого Наполеона. Пустой чемодан Менделеева. Пора в дорогу. Никого. Вещи мне так и не стали друзьями. И я не стал другом им. Единственное, наверно, о чем стоит жалеть. Потому что только теперь я по-настоящему понял, что среди людей друзей не бывает. Или почти не бывает. Может, кому и везет в дружбе. Но только не мне.

Похоже, мне не везло не только в дружбе. Я в этом убедился через минуту. Когда, полный надежд на новую молодую жизнь, нос к носу столкнулся на пороге с Романом и Тасей. Я обреченно вздохнул.

- Куда-то направляетесь, Аристарх Модестович? – участливо спросил следователь.

- Прогуляться. Как ни как первое утро Нового года. Или это возбраняется?

- Безусловно, нет! – Роман развел руками. – Вы как гражданин имеете все права. В том числе и на прогулки в любое время. Хотя они вам так несвойственны. Я и не мог подумать, что люди меняют свои привычки даже в таком почтенном возрасте.

Я решил не отвечать на подобные выпады. И сделал решительный шаг через порог. Но Роман, как бы невзначай перегородил мне дорогу. Тася выглядывала из-за его плеча. И ее глаза метали искры. Драконьим огнем рассыпались на мне, обдавая жаром.

- Опять же, уважаемый Аристарх Модестович, - в голосе Романа прозвенели льдинки. Он был еще моложе! Ей-богу, он скоро превратиться в мальчика Кая! - Будьте так любезны, ответить на один маленький, незамысловатый вопросик. А потом, ради бога, куда глаза глядят. Если правильно, конечно ответите.

Мне ничего не оставалось, как пропустить их в комнату.

Роман зашел как всегда медленно, важно, с нескрываемым достоинством. Тася влетела вихрем. И, разинув рот, остановилась посередине пустой комнаты, по привычке подперев руки в боки.

- Вот это да! Ай да старичок- простачок! В одну ночь и так ловко облапошили! А еще говорят, что старость – мудрость. Еще говорят: старого не учат – мертвого не лечат! Нет, уж тут скорее – век живи век учишься. Или, как его... Седина в бороду – бес в ребро. А цветочница-то, цветочница! Ай да умница! Не

бес, а просто ведьма. И не в ребро, а в самый кошелек. Вот уж, Аристарх Модестович, с кого писать картину Неравный брак. А вы все меня попрекали. А сами-то, сами. Сами наверняка этой картинкой по ночам любовались. Обсматривали со всех углов ее. Кстати, где она? Ах да, чтобы не умыкнуть такую драгоценную вещицу! Даже, если она кистей не какого-то Пукирева, а его ученичка.

Я не выдержал и демонстративно повернулся спиной к Тасе и лицом к Роману. В этот миг по сравнению с Тасей, мне он казался каким-то близким, чуть ли не родным. Прямо воплощение такта и интеллигентности. Во всяком случае, он не молот всякий бред. Я даже закрыл глаза на то, что его лицо дышало ледящей опасностью.

- Я слушаю ваш незамысловатый вопрос, Роман Романович. И постараюсь со всей искренностью на него ответить.

Роман неожиданно кивнул Тасе. Она ответила таким же заговорщицким кивком, и решительно направилась к единственно оставшемуся покарябанному письменному столу. Естественно, принадлежавшему ни Бальзаку, ни Толстому, ни еще одному Толстому. Ни им подобным. Он принадлежал антиквару как примитивный продукт нового времени. Вряд ли антиквар питал к нему симпатию. Но почему-то держал. А возможно, он был дальновзорким человеком и предвидел, что через пару веков этому столу не будет цены. Только кому эта цена достанется? Не собирался же он жить вечно.

Я знал, что в столе хранятся все документы по скупке-продаже редких вещей, а так же личные документы антиквара, которые уже принадлежали мне. Ну и еще какие-то записи, вырезки из газет и журналов и канцелярские принадлежности. Вот, по-моему, и весь скарб, отображающий более чем скромную и неискусную внешность письменного стола. Все, на что он был способен.

Тася резко открыла верхний ящик. Покопалась в бумагах и, наконец, торжественно вытащила паспорт.

Это был мой паспорт. Не старика антиквара. А именно мой, Григория Карманова. Я его узнал издалека. Ноги мои стали ватными, руки почему-то резко похолодели, словно я долго их держал в ледяной, очень ледяной воде. По всему телу пробежала нервная дрожь. Моя реакция была - оцепенение. И это, пожалуй, меня спасло. Как спасает всех моржей в период холодного и очень холодного холода. Внешне я выглядел невозмутимо. Я давно заметил, что нервный шок разные люди переживают по-разному. Кто вздрагивает, кто впадает в истерику, кто бледнеет, кто краснеет. Я, к счастью, в основном, цепенею. Внутри у меня все бурлит. А снаружи я кремень. Даже голос не меняется. Ну, как у ледяной фигуры.

- Вы узнаете этот документ?

Еще бы! От ледяного голоса Романа мои руки еще больше похолодели. Хотя куда уже больше.

- Нет, впервые вижу.

Роман вновь кивнул Тасе. Она радостно подбежала ко мне и всунула в руки паспорт, намеренно открытый на странице с фотографией.

Я мельком на него взглянул.

- Вот теперь узнаю, - мой голос совсем не дрожал. Мне кажется, он стал от пережитого даже тверже. - Насколько понимаю, это паспорт пропавшего парня. Я не ошибаюсь?

- Вы не ошибаетесь. И не ошибетесь еще больше, если скажете всю правду.

- Правда - одна. Я никогда этот паспорт не то, что в руках не держал до этого времени, - я вернул паспорт Роману. - Но и в глаза не видел. И объяснить

его появление в моей комнате, в моем столе, увы, никак не могу. Хотя...Есть один ответ. Такой же незамысловатый, как и вопрос. Его сюда подбросили!

Последнюю фразу я произнес смело, с каким-то возвышенным торжеством. Потому что она единственная была честной. Подбросили. Ну конечно подбросили! Я не брал паспорт с собой, когда выходил на улицу в тот грозовой день. Как и не мог знать, что судьба или рок приведут меня в лавку антиквара, где я совершу убийство.

- Подбросили? – Роман взметнул густые брови. – Это серьезное обвинение следствию.

- Не следствию, а всего лишь одному человеку, который этому следствию желает, во что бы то ни стало, воспрепятствовать. И который более всего заинтересован в судьбе пропавшего Карманова. Как равно и в том, чтобы насолить лично мне, - я повернулся лицом к Тасе, и, вытянув руку, указал на нее. То был указующий перст. Рука правосудия.

Тася подпрыгнула на месте. И неожиданно расхохоталась. Я был чертовски наивен, на секунду понадеявшись, что она испугается или, тем более, повинится в своей бесстыдной лжи.

- Нет, ну совсем уморил меня старичок! Я подбросила улику! Нет, вы такое слышали! Слово я фокусник какой-то! Да я у вас на глазах открывала ящик этого дурацкого стола! Вы сами все видели! И вообще! С какой стати я должна тут оправдываться. Тут и без меня есть, кому оправдываться! Это серьезнейшая улика! По одной такой улике можно уже арестовывать запросто!

И Тася вновь подперла руки в боки. Она прекрасно знала, насколько я ненавижу эту ее позу. Впрочем, эту позу ненавидел Карманов. Но она, видимо, решила отыгаться на антикваре.

- В общем, гражданка Таисия права. – Роман искусственно кашлянул. Явно ему не было необходимости кашлять. Но мне казалось, он тоже ненавидел, когда Тася подпирала руки в бока. – Улика более, чем серьезная. Более того, ее наличие напрямую указывает на то, что Карманова могли убить. Поскольку, если бы он просто захотел уехать, неизбежно бы захватил с собой документ. Вы не находите, Аристарх Модестович?

Я невозмутимо пожал плечами. Я полностью взял себя в руки. И мои руки потеплели. Мои руки оттаяли.

- Но с другой стороны, Роман Романыч, если предположить, как некоторые этого страстно желают, – я многозначительно взглянул на Тасю, - предположить, что убил я, к чему бы я оставил такую важную улику у себя? Я просто бы от нее незамедлительно избавился! Это то же самое, что повесить на себе табличку : я убийца.

- Все очень просто! – вновь встряла Тася. И ее базарный голос как-то ясно, как-то понятно наполнил всю опустевшую комнату. – Более чем просто! Вы слишком забывчивы, уважаемый! Возраст, склероз. Вы даже не вспомнили, что к вам забегал Карманов! Хотя ваша подружка цветочница на это явно указала! Вот вы и забыли уничтожить паспорт. Знаете, убийство вы, поди, не каждый день совершаете. То же, поди, определенный стресс пережили, так ведь? Убить человека это вам не вещицами торговать. Вот вы и перенервничали, паспорт засунули в ящик стола и про него забыли.

Роман развел руками.

- В ее словах есть логика.

- А в моих? – я нахмурился. Я не знал, что мне делать. Я на глазах превращался в обанкротившегося старика-убийцу. Которому, к сожалению, в тюрьме придется просидеть не пару лет, то есть до смерти. А очень, очень много лет. Поскольку я в силу молодости умирать пока не собирался.

- Можно рассмотреть и вашу точку зрения. Но она очень субъективная и не подкреплена весомыми доказательствами, - Роман прошелся взад-вперед по комнате, скрестив ладони на спине. – У нас на глазах девушка открыла ящик. И мы свидетели того, что она туда ничего не подбрасывала. Это раз. Два это то, что она, как девушка сильно влюбленная в Карманова, думаю, желала бы отыскать настоящего убийцу. Чтобы свершилось возмездие. К чему ей вы? Даже если у вас и личные счёты.

- Вот именно, к чему! – загремел голос Таси. – Вы уже того... И так на подходе. Так сказать, на закате. Вам и мстить необязательно. И за меня отомстят. Ваши годы!

Я слегка поклонился Тасе. Господи, неужели я с ней умудрился прожить столько лет! Я определенно сумасшедший! И счетовод был сумасшедший. И Сенечка сумасшедший. И я от души пожалел этого парня, хотя он меня чуть не предал. Неплохо бы Сенечку все же надоумить, подумал я. Хотя подобная благотворительность в моем положении была не к месту.

- Вы весьма тактичны, и весьма любезны.

На мою иронию Тася ответила лишь громкой ухмылкой.

- И все же, - я еще не сдавался. – Ваше, во-первых. Тасе не обязательно было сегодня подбрасывать улики. У нее для этого было предостаточно времени. Если вы не забыли, она у меня проработала некоторое время. А в верхний ящик стола я давненько не заглядывал, поскольку нужные документы лежат в нижнем. И ваше - во-вторых. Которое следует из - во-первых. Тасе очень нравилась эта работа. Ей, бывшей продавщице, она казалась верхом положения. Почти путем в высшее общество. Эта работа не только дала ей материальное обеспечение, которого у нее никогда не было. Не только дорогие вина, одежды, наверняка холодильник, да?

Тася от неожиданности, что я попал в точку, то есть в холодильник только кивнула, слегка приоткрыв рот от удивления.

- Эта работа дала гораздо, гораздо большее! То, о чем все мечтают, но достигают лишь единицы!

- Ну же, не томите! Чего это! – Тася от нетерпения топнула ногой.

- Эта работа подарила ей чувство собственного достоинства, о котором она и мечтать не могла в былые годы. И что ни за какие деньги не купишь. И ни по какому благу. Она приобщилась и к истории, и к ее ценностям, и в некотором роде к интеллектуализму (здесь я явно переборщил, но меня понесло), и к самой вечности. И когда она вновь оказалась на улице... Ни дорогих вещей, ни истории, ни достоинства... Как вы думаете после всего она ко мне могла относиться? Люди убивают и за гораздо меньшее. За обычную работу. Вернее ее потерю. А Тася в один миг потеряла все.

Тасины глаза горели, щеки покрылись румянцем. Она меня заслушалась. И торопливо закивала головой.

- Точно, точно, вы так сейчас все точно рассказали. Боже, сколько я потеряла из-за этого старикана! Вас и впрямь убить хочется!

Я повернулся к следователю. И отдал ему почтительный поклон.

- Что и следовало доказать.

Тася от возмущения забежала взад-вперед по комнате. Ее покрасневшие щеки то надувались как шарики, то тут же сдувались. Наконец она резко затормозила.

- Да мало ли кого и когда, убить хочется! – закричала она. – Но ни кто же не убивает! Вот вам, разлюбезный Аристарх Модестович, разве никого не хотелось убить, хоть раз в жизни! Учитывая, что у вас жизнь-то была, ох какая длинная! – Тася впилась своим диким взглядом в мои глаза.

Я предпочел не отвечать на ее истерику. Учтывая, что я убил по-настоящему.

- А вам, уважаемый Роман Романович, неужели никого не хотелось пристукнуть хоть разок в жизни! Учтывая, что у вас такая профессия... В основном-то дело имеете с людишками не из благородного пансиона.

Следователь последовал моему примеру и не ответил Тасе. Он вновь неестественно откашлялся, сверкнул льдинками и сказал:

- И все же вы сделали опрометчивое заявление, гражданочка. Я не обвиняю вас, что вы подбросили этот паспорт. Но и доказать обратного не могу. Хотя, безусловно, наличие одного документа в лавке антиквара это довольно убедительный факт. Но с санкцией на арест я повременю. Однако подписочку о невыезде, любезный Аристарх Модестович, вы мне таки предоставите.

Я, не мешкая, подписал документ. Во всяком случае, у меня было еще время подумать. Пока конкретных улик против меня не было. И я даже осмелел и сделал заявление.

- Вот что я вам скажу, гражданин следователь. Для убийства нужны серьезные основания. Даже если предположить, что Карманов забегал ко мне в лавку (хотя я этого и не помню). С какой стати мне его убивать? Для подобных действий я должен был быть, по меньшей мере, сумасшедшим, разве не так? С парнем я знаком не был и не мог быть. Извините, в моих знакомых значится совсем иной контингент. Насколько я понимаю, парень был беден, так что украсть у него я ничего не мог. Тогда что?

- А может от зависти! – вставила свои пять копеек Тася. – Он был молодой и очень симпатичный. В отличие от вас. Старого и некрасивого. Вот вы и решили стукнуть его, чтобы жизнь малиной не казалась. Вы-то уже на тот свет, поди, вещички собираете. И с какой стати он должен жить? Может, вы хотели доказать, что возраст не имеет значения. И в любом возрасте можно того...

- Странная логика, - я усмехнулся. – В таком случае я должен быть каким-то тайным маньяком, убивающим молодых. Интересно, почему это я вас не убил?

- Ну, может у вас на меня были виды, - нагло продолжала врать Тася.

Роман решил пресечь этот глупый спор. И, кивнув Тасе, направился к выходу. У дверей он резко обернулся, словно вспомнил что-то важное.

- Ах да, Аристарх Модестович, и дайте-ка мне ваш журнал учета купли-продажи. Мне нужно его приложить к следственным документам.

Я на секунду замешкался. Мне это более, чем не понравилось. С какой стати им нужен этот журнал? Неужели они решили устроить охоту на Дину?

Я вытащил журнал из ящика, для виду перелистал его. Буквы прыгали и ничего уловить важное я не мог.

- И, кстати, - продолжал Роман, взяв журнал из моих рук. – Вы просто обязаны написать заявление о случившейся краже. И перечислить все пропавшие вещи.

- Кражи не было, - категорично ответил я.

- Граждане Косулевы (они вдруг оказались почтенными Косулевыми) показывают обратное. Подъехала грузовая машина. И были вынесены все вещи.

- Косульки не из тех людей, кто за этим будут наблюдать из окошка. Наверняка мигом выбежали бы во двор. Я не ошибся? И что им ответила Дина?

Роман сощурил глаза. В глазах по-прежнему плавали голубые льдины. И искрилось снежное царство.

- Ну, хорошо. Ответила, что с вашего согласия. Что вы переезжаете.

Я пожал плечами.

- Вот видите. Я действительно переезжаю.

- В таком случае сообщите мне новый адрес.

- До окончания следствия я поживу по старому адресу.

Роман с откровенной ненавистью смотрел на меня. Мне казалось, если бы весь холод его глаз отпустить, то мой дом превратился бы в ледяную избушку. В царство Снежной королевы или Снежного короля. Или образовалась бы огромная ледяная глыба, которой бы он меня и убил. Наверняка он не раз мечтал кого-нибудь пристукнуть. Тася на сей раз не ошиблась. Впрочем, его за это нельзя было осуждать. Иметь всю жизнь дело с асоциальными типами, а то еще хуже. И я словно в знак извинения почему-то тепло улыбнулся Роману. Но мое тепло не растопило холод его глаз. Мое тепло было искусственным и неярким, словно исходило от масляного обогревателя.

Когда непрошеные гости ушли, я долго вглядывался в окно, расшитое морозными узорами. Там было красиво, за окном. Я давно не помнил подобной зимы. Чтобы все время шел снег. Шел плавно, неторопливо, с каким-то зимним достоинством. И улица становилось замерзшей и бледно голубой. И небо было бледно-голубое, и замерзшее. И даже солнце не могло согреть, хотя изредка пыталось бросить в город свои слабые лучи. И само не могло согреться. И город замерзший сверкал. И сверкал весь замерзший мир. И мне казалось, что у прохожих замерзли все чувства, все мысли и их правильные и неправильные стремления. И такими мне прохожие больше нравились.

И самым оживленным в этом замерзшем городе выглядел Сенечка. Он прыгал на месте и так же виртуозно играл своей полосатой палочкой. И его слушались машины, как никогда. Наверно потому, что им было тоже холодно. А в холод всегда хочется быть послушным.

На улицу мне не хотелось. Я, как когда-то старик, был уверен, что из окна мир выглядит гораздо и добрее, и честнее, и умнее. И его даже можно пожалеть. Жизнь вне стен меня уже не прельщала. Как не прельщала никогда старика антиквара.

Я приложил лоб к узорчатому окну и помахал Сенечке, когда он грациозно повернулся в мою сторону, взмахнув палочкой. Я не думал, что он заметит мой зов, но он почему-то заметил. И посмотрел на часы. Я машинально взглянул на часы вслед за ним. Совсем скоро закончится его смена. И мне очень, очень хотелось, чтобы он заглянул ко мне. Как ни странно, он оказался единственным положительным персонажем из всех, с которыми в последнее время столкнула меня судьба. И даже его мимолетное предательство я мгновенно простил. Я умел прощать предательство, если оно было вызвано любовью. И за любовь судить я не имел право. У любви не судей. У нее есть только адвокаты. Которые просто обязаны выиграть процесс. И если процесс не выигран, значит, в любви можно усомниться.

Я тщательно вытер стол. Еда еще оставалась. Косульки все же щедрые люди. В холодильнике я достал бутылку холодного шампанского. Посмотрел с грустью на своего друга - елку. Мне очень не нравилось, что она была ненарядной. Какой-то обнаженной. И обиженной, что так бессмысленно провела праздник. Уж лучше в лесу. Там ее нагота естественна. А не в этих голых стенах.

И я словно извиняясь перед ней, взял мешок с конфетами (тоже от Косулек), стал к ним привязывать нитки и вешать самодельные игрушки на елку. Елка повеселела. А я подумал, с какой-то непонятной тоской, что мы с Диной так и не добрались до конфет. На чем же мы остановились? Я плохо помню. Сон мгновенно меня свалил. А Дине, видимо, уже было не до конфет.

Дина. Я должен был злиться на нее, должен был ее ненавидеть. Но ничего подобного я не испытывал. Кроме нежности. У моей любви был хороший адвокат. Сама любовь. Мне плевать было на вещи, которые были не моими и которые давали мне шанс на безбедную жизнь. Жизнь. Разве это была бы жизнь? Жизнь

старика отшельника, погрязшего в старинных вещах, утонувшего в истории, до которой уже мало кому есть дело. А свою историю я бы так и не написал. Может быть, Дина была права? Может быть, она угадала? Молодость и бедность. Чем старость и богатство. Но Дина не могла знать, что я могу запросто стать молодым. И уже хочу этого. Но все обстоятельства против меня.

Сенечка был послушным парнем. И как бы ко мне не относился после неприятного казуса с Тасей, все же после работы сразу же заглянул в лавку. Бывшую антикварную лавку.

Я сидел на стуле, посреди пустой комнате. И сам себе напоминал старуху у разбитого корыта. Разве что бутылка шампанского скрашивала мой полнейший крах. Банкроты не пьют шампанское. А еще то, что я был стариком, а не старухой, прибавляло мне чувство достоинства. Вот, пожалуй, и все.

Сенечка сделал несколько робких шагов в мою сторону.

- Сочувствую вам, Аристарх Модестович, - он даже снял фуражку, словно уже собирался меня хоронить.

- Спасибо за сочувствие, Сенечка. Но умирать я еще не собираюсь.

Я налил ему бокал вина, и мы чокнулись.

- Да вот, - вздохнул Сенечка, рукавом вытирая мокрые губы. – И такое бывает. Копишь всю жизнь и все напрасно.

- Ну, Сенечка, у всех по большому счету все напрасно. И у тех, кто коллекционирует марки, и у тех, кто деньги, кто дома. И кто детей и внуков коллекционирует тоже все напрасно. Даже если все достается им. И друзей, это уже вообще напраслина. И кто знания коллекционирует тоже напрасно, и кто собственные книжки, картины или музыку, или изобретения, даже если они остаются истории. Мы нищими приходим в этот мир, голыми. Собственного-то у нас ничего. Нищими и уходим. Иногда, Сенечка, мне вообще кажется, если считать по абсолюту, не напрасна жизнь, возможно, лишь у бомжей. Чудовищно звучит?

Сенечка опустил глаза. И еще пригубил шампанского. Ему не понравилось мое заявление.

- А ты зря так, с осуждением к моей философии. Я же говорю – в абсолюте. А абсолютных категорий не существует. Если только предположить. Тот, у кого нет дома, нет родных, нет работы, в общем, вообще, вообще ничего нет, им может, только им и помирать не страшно. Ведь страшно терять. А если терять нечего...

- Не знаю, Аристарх Модестович. Ох, не знаю. Но ведь еще страшно терять... Ну, к примеру раннее утро, или солнечный день, или предновогодний вечер. Или воспоминания, или какие мгновения жизни приятные. Они есть у всех, они не накапливаются, они даются бесплатно. С ними и рождается человек. И с ними умирает. Поэтому тоже страшно.

- Может ты и прав, Сеня, а может, и нет. Чем больше мы имеем, тем больше зависимы от жизни. От родственников, от своего насиженного места, от карьеры, от родного крова, от накопленных богатств. Зависимость не самая приятная штука на свете. Она сковывает, иногда парализует. А вот независимость – это то, что ты говоришь. Лишь раннее утро, солнечный день, предновогодний вечер... С ними как-то и покидать этот мир не страшно. И не обидно. В одиночку. Только дождь о тебе и заплачет. И после тебя – ничего. И жалеть тебя некому, и псевдожалеть, и радоваться твоему уходу. А под торжественный похоронный марш, многолюдное шествие и рыдания родных и знакомых как-то обидно быть мертвым. Вроде ты еще кому-то нужен в жизни. Когда за тобой целый шлейф остается... То такое ощущение, что этот шлейф и останется. Ну, словно вместо тебя. Не важно, из материальных благ или духовных. А когда ничего – ну, словно,

имеешь право на повторную жизнь. Потому как ушел из нее ни с чем. И словно еще вернешься. Потому что тебя ничего не тяготит. Тебя словно и не было. И значит, ты еще будешь.

- Это вы так говорите, любезный, когда все потеряли. Философия-то тоже зависима. От обстоятельств. А раньше, когда у вас было все, ваши вещи, вы и думали по-другому. Даже родных не было, а так копили все. И ничего себе не объясняли. Хотя это и выглядело странно. Для кого? Для чего? Ан нет, просто жили среди вещей и вам нравилось. И к чему объяснения. Если нравилось.

Я встал, прошелся по комнате, закурил. Взглянул за окно. Снег усилился и еще больше сверкал на солнце. Вот, пожалуй, все, что у меня осталось. Замерзшее окно и сверкающий снег. И еще солнце. Разве этого мало? Если бы еще вновь стать собой. Боже, как этого было бы много!

- А с Тасей мы расстались, - Сенечка громко вздохнул. И его вздох повис в пустой комнате. Украшенной лишь цветами. Для свадьбы или похорон?

- С Тасей трудно вообще-то расстаться. Но с ней все расстанутся, - я попытался успокоить Сенечку.

- Не везет мне с девушками. И вообще у меня какая-то несчастливая юность.

- А у кого она счастливая? Поверь мне на слово, Сенечка. Ни у кого! Слишком в ней много берешь на себя. И слишком в ней много чувств сваливается на тебя, и грехов тоже, и сожалений. Чаще всего бессмысленных, которые и следа не оставляют. И слишком много покоя. Знаешь, я гораздо больше людей встречал, которые не добрым словом отзывались о юности, чем добрым. Вот так. Юность - это всего лишь красота, даже если ты не очень красив. Здоровье, даже если ты не очень здоров. Силы. Даже если ты не очень силен. И все, пожалуй.

- И успокоили, и не успокоили, дорогой, - Сенечка вздохнул еще громче. И кивнул на елку, увешанную конфетами. - И игрушки она, значит, того?

- Бог с ними, игрушками, Сенечка. Ты лучше скажи, что ты знаешь о Дине?

- Что знаю? - Сенечка почесал затылок. - Если разобраться - и ничего.

Появилась она здесь внезапно, и я почему-то первым делом подумал - цыганка. Такая чернявенькая и бусы на шее. Даже решил за ней присматривать. А потом вижу - ан, нет. Гражданочка, как гражданочка. Цветами торгует. Ну и ладно себе. Бдительность я и потерял. А оказалась-таки цыганка. Наверняка со своими братьями цыганами все и умыкнула у вас. Они это запросто умеют.

- Какое легкое всему объяснение - цыгане, - невесело усмехнулся я. - Вроде дашь такое объяснение - и уже легче. Какой с цыган спрос? А если не цыганка? Тогда грустно и обидно, так, получается?

- Вроде так. Но все равно она цыганка. Когда ж она у нас на улице появилась? - Сенечка сморщил свой курносый нос. - Да летом, поди! Помните, Аристарх Модестович? Ну, тогда еще она в цветастой юбке до пят была. Жарко было. Цыгане как-то только в жару видны. Зимой их не видно. Зимой их цыганская внешность как бы пропадает. Ну, словно окрас они зимой меняют. Помню, вам еще тогда глобус завезли, большой такой, ну, навряд ли мяча волейбольного. Там весь мир наш был нарисован. Он еще на витрине стоял, помните? Помню, она остановилась напротив вашей лавки, юбку приподняла, чтобы по асфальту не тягалась, уж длинная больно была. И разинула рот, глядя на глобус. Мне кажется, уж больно он ей приглянулся. Одно слово - цыгане! Им же по миру в самую сласть шастать. А тут такая вещица! Весь мир перед тобой! Ткни пальцем в любую точку мира и давай, иди туда смело! Да видно ей не повезло. Глобус то вы раньше сбыли.

Я замер на месте. Не знаю, сколько я так стоял, в оцепенении. Пепел от сигареты падал прямо на пол. И только когда она обожгла палец, я вздрогнул. Да,

так про что это Сенечка? Что меня так испугало и обожгло? Цыгане, шастающие по миру всласть. Нет, не то. Цыганка, укравшая ценные вещи. Опять не то! Весь мир перед тобой! Мир, это уже ближе. Мир. Разные континенты, страны, города, горы, реки. Целый мир, на который так мечтают смотреть цыгане, чтобы ткнуть в него пальцем. И поехать, куда глаза глядят. Мир. Нарисованный. На карте. Нет, на глобусе. В виде волейбольного мяча! Вот оно! Волейбольного мяча Моргана. Мяча, которым я совершил убийство. Который тщательно вымыл, даже продезинфицировал. И который все равно может оказаться важнейшей уликой. Потому что сегодня наука зашла слишком далеко. Сегодня науку не продезинфицируешь. Она выше стерилизации. Черт побери! Этот бестолковый разукрашенный мир в виде мяча сейчас преспокойно покоится у этой расфуфыренной дамочки, которой я его продал. Или нет, он не лежит, им, возможно, играет в футбол ее муж. Вместо того, чтобы напиться до чертиков из венецианского стекла. Хотя как им можно играть, он же всего лишь фикция, копия, подделка мяча. Подделка мира. Дамочка что-то перепутала. Он слишком тяжел для игры. Если им можно убить. Запросто убить.

Я взъерошил свои густые седые волосы. Господи, почему я так подумал: свои. Это не мои волосы. Это всего лишь парик. Свой цвет волос я уже стал забывать. Их густоту, их длину. Все подделка. И эта антикварная лавка, в которой за один миг ничего не осталось – тоже подделка. И кафе у Косулек, где вместо оленины подают свинью. И Дина, которая была не цветочницей, а воровкой. Может быть, Сенечка не подделка, этот лопухий, веснушчатый регулировщик. Впрочем, он уж слишком хорош для этого нехорошего нарисованного мира на глобусе. Мир таких не принимает. И в свои ряды не берет.

- Аристарх Модестович, - голос Сени я услышал словно издали, хотя сам он вплотную приблизился ко мне и даже положил руку на плечо. – Что с вами, Аристарх Модестович?

Действительно что. Почему я так переполошился, вспомнив глобус. Нет, я вспомнил орудие убийства. На котором были отпечатки пальцев. А еще. Ну конечно! Журнал, который я самолично отдал Роману. Журнал, в котором черным по белому указан адрес дамочки, которой я продал орудие убийства. Зачем я его продал. Лучше бы я продал весь мир. Только кому он нужен, этот мир. И кто бы у меня его купил. Если он ничего сегодня не стоит. Возможно, завтра он станет раритетом, превратится в антиквариат, в застывшую форму в виде глобуса. С мертвыми городами, странами, континентами. Морями, реками и горами. Возможно, в таком виде им заинтересуются другие планеты. Застывшим, мертвым миром. Без людей. С людьми он ничего не стоит. Человечество снизило его цену до нуля. И превратило в дешевку.

- Что, что вы сказали, дорогой? – Сенечка встряхнул меня за плечо. И я, наконец, очнулся. Не хватало, чтобы я еще разговаривал вслух.

- Ничего, Сеня, тебе просто послышалась. Я просто... Ну, вспомнил этот глобус. Жаль мне его. Действительно была хорошая вещь. Как-то на сердце она мне легла. И от самого сердца-то и оторвали.

- Ну, да, - согласился Сенечка. – К своему сердцу и приложили. Мне эта дамочка сразу не понравилась. Из этих, новеньких, у которых только что деньги появились. И они словно торопятся взять реванш за свою прошлую неудачную жизнь. А что реванш! Реваншисты изначально пораженцы, я правильно говорю? Помню, как она важно шла с этим глобусом, словно с короной, прижав к груди. Но вы не волнуйтесь, Аристарх Модестович, я ей сполна отомстил. Я уже научился тоже брать реванш. Справедливый реванш. И научился им мстить. Справедливо.

Я вопросительно поднял брови. О чем говорит этот славный справедливый парень?

- Припарковалась-то она с ошибочкой. Парковка-то в том месте не разрешена! Нарушение! Я еще помню, подумал, у такого уважаемого человека, как вы, покупает такие уважаемые вещи. Которые можно сказать из самой истории. А в то же время так невежественно парковаться. Как недоучка! Вот я ей счет по полной и выписал. Ох, и визжала она. Но нет, не помогло. Я людей сразу распознаю. Вернее, не людей, а автомобилистов. И уже поверьте мне, я ошибок не допускаю. Мой глаз наметан. Сразу вижу, кого по полной можно наказывать, без зазрения совести, можно сказать на благо обществу. А кого можно простить. И отпустить с чистой совестью. Вот так, дорогой.

Легкая дрожь, словно морская волна, пробежала по моему телу. Мой голос от волнения охрип. И я выдавил охрипшим голосом:

- И что, Сеня, и бумагу ты составил, как полагается? И адрес она правильный указала? Не слукавила. Знаешь, от таких можно всего ожидать.

- Нет, любезный. Меня голыми руками не возьмешь. Все отрапортовала. Живет она ведь здесь, недалече. Из наших она. К чему ей нарываться на скандал с властями? Поди, каждый раз мимо меня на своей «Тойоте» мотает. То сюда, в свою квартиру, то бишь на нашу улицу, где и прописана, как полагается. То в особняк, то бишь за город. Сегодня еще здесь, в квартире сидит. Видел, как недавно вышла «Из Косулек». Чего ей там делать? Но видно от родословной никуда не деться. Тянет их в «Косульки» и все тут, даже если они из торговки вмиг королевами стали. И даже если такую духовную вещь, как ваш глобус, могут себе позволить. Эх, зря вы, любезный, в такие руки такую вещь!

Я нервно прошелся взад-вперед по пустой комнате. Мне во что бы то ни стало, нужно было у Сени раздобыть адрес этой дамочки. Но как это сделать аккуратно, чтобы он ничего не заподозрил, я придумать не мог. Сеня это сделал за меня. Он даже стукнул себя по лбу, словно его озарила гениальная мысль.

- Ох, как я вас и понимаю, любезный! Хоть и не философ, и от вашей философии далеко стою. На дороге всего лишь. Но понимаю! Вы же один остались! Ну, абсолютно один! Хоть вы и говорите, что абсолютных категорий не существует... Но, похоже, здесь тот случай. Ни родных, ни друзей. Хоть вам они и не нужны были. Элеонора Викентьевна и та померла, - Сенечка всхлипнул и перекрестился. – Но главное – пустая лавка! Вот для вас трагедия, дорогой! Можно сказать горе! Можно сказать живая могила! Ведь эти ценные вещицы из истории вам заменяли все! И жизнью для вас была история! Так начните ее заново! Ну, словно сотворение мира! Хоть с чего начните! Ну вот, хотя бы с этого глобуса. Как никак, а на нем нарисован плохой или не очень, но целый мир! Верните его!

- Как? – я слишком поспешно перебил Сенечку.

Сенечка еще раз хлопнул себя по лбу. Еще сильнее. Словно убеждал, что мысль действительно гениальная.

- А вы выкупите его! Скажите, мол, извиняюсь, кланяюсь, приношу соболезнования. Но глобус и ста рублей не стоит. Ошибочка, мол, вышла. Не исторический он вовсе. А просто старый. Деньжата-то у вас имеются, чтобы выкупить?

Я утвердительно кивнул. Деньги у меня были. Во всяком случае, чтобы выкупить глобус – хватит. Я до сих пор недоумевал, почему Дина не притронулась к этим деньгам. Может, она все-таки не цыганка? Тогда кто? Впрочем, мне было уже не до Дины. Мне нужно было любыми путями получить улику. И, похоже, появился шанс. Я внутренне ликовав. Я не ожидал, что Сенечка был способен на гениальные мысли. Как же я часто ошибался в людях! Но я вовремя взял себя в руки. И проявил сдержанность. Сенечка не должен заметить моего перевозбуждения.

- В общем, это не дурно. Неплохая мысль, Сеня. С чего-то же нужно начинать. А там глядишь, и дело пойдет.

- Вот я о том же, любезный!

Сенечка быстренько раскрыл кожаную папку, которая придавала солидности его не очень солидному виду. И стал рыться в бумагах.

- Ага. Вот оно. И адресок, и телефончик, как положено.

Он переписал мне данные хозяйки глобуса. И пожелал удачи. Я был готов его расцеловать. Но вовремя спохватился.

- Доброе дело хотел для вас сделать, дорогой, - Сенечка приложил руку к сердцу. – Мучит меня совесть, что чуть было вас не подставил. Под тюрьму не подвел. Да как такое возможно! Такой уважаемый человек! Эх, все эта ведьма околдовала. И впрямь одно зло от этих женщин.

- Только в молодости, Сеня, поверь, только в молодости. Потом только одна радость.

- А вам, откуда это известно, любезный?

Я развел руками. Мне это не было известно. Поскольку я был еще достаточно молод. И понятия не имел, с возрастом зло несут женщины или радость. Просто мне хотелось сказать Сене приятное.

- Хотите сказать, что все еще впереди? – ответил Сенечка за меня. И помахал рукой на прощанье.

- Ну, что-то вроде того. Аналогичное.

Зря я радовался, зря ликовал и зря поспешил сказать Сене приятное за добрый совет. Неприятности не заставили меня долго ждать. Едва я набрал номер дамочки. Ее звали ни больше, ни меньше – Виола. Наверняка, в прошлом Валя. Они, как рецидивисты, едва срубят куш, тут же имена меняют. Впрочем, мне до этого не было дела. Виола так Виола.

- Виола?

- Ну.

Кратко и понятно. Похоже, в недавнем прошлом она была массажисткой. Где и словила своего миллионера-футболиста, добросовестно массируя его травмированную коленную связку. Но и до этого мне не было дела. И вообще, какого черта я лезу в чужую жизнь?

Я глубоко набрал в рот воздух и повторил:

- Виола?

- Ну.

Я, как и советовал Сенечка, стал раскланиваться, расшаркиваться перед этой массажисткой. Извиняться и рассыпаться в любезностях. Ну, разве что не станцевал перед ней. Трубка мешала. Наконец, мне удалось внятно разъяснить суть дела. Шарканья и комплименты она молча проглотила. А вот суть дела... Мне пришлось даже отодвинуть от себя телефонную трубку, чтобы она меня не оглушила. Там стоял такой ор, что я уже усомнился, массажистка ли она. Скорее, кондуктор в автобусе.

- И вы... Вы смеете еще... Да как вы вообще смеете.

Слово «смеете» она повторяла раз пятнадцать. Пока я резко ее не перебил.

- Я же извинился. Не я виноват. Это ошибка. Меня самого обманули.

- Ах, так! Да таких, как вы, в жизнь не обманешь! Жулик! Торгует всяким вторсырьем! И честных граждан надувает! Да тебя бы по башке этой рухлядью! Вон, стоит твой мерзкий шар! Кажется бы, взяла да как запустила! То же мне - умник! Да я в жизнь сэконд хэнд не носила! Здесь живут приличные люди! И знакомые наши приличные! И даже не знакомые! Антикварная лавка! Да какая к лешему антикварная лавка! Лавка уцененных товаров! Смени табличку, лапоть! Я бы повесилась, чем нацепить на себя уцененку.

А я почему-то легко представил, как совсем недавно она ошивалась в уцененках и примеривала на себя секунд хэнд. Черт с ней! Хотя и промелькнула подлая мыслишка, что лучше бы я ее этим глобусом, чем старикашку. Но мне удалось узнать главное. Глобус находился недалеко. В квартале отсюда. Более того, эта дура вообще раскрыла все карты, когда завизжала, что завтра утром подаст на меня заявление в милицию.

- Слыхала, слыхала, что вас грабанули! Да теперь сомневаюсь в этом. Наверняка сами припрятали. Весь свой металлолом, чтобы улик никаких (похоже, она знала, о чем говорит). Но ничего, уж вас-то я выведу на чистую воду! Утром! В милицию! С заявлением!

- Но почему завтра, а не сегодня, - я шустренько вставил словечко.

- А потому как сегодня я в свой особняк еду! У меня званый ужин! И посуда настоящая! От Фаберже! Не из уцененки, как у тебя! (когда она особенно злилась, то столетнего старика называла на «ты»). Массажистка? Нет, определенно кондукторша. Или что-нибудь таки из транспортировки фруктов и овощей?

Больше мне слово вставить не удалось. Трубка залаяла отрывистыми гудками, и я бросил ее на рычаг. Нет, она все же заслуживала, чтобы именно ее хоть разок стукнуть по башке этим бестолковым круглым миром, а не старика. Впрочем, меня не покидало предчувствие, что совсем скоро этот бестолковый мир не выдержит и сам свалиться на ее голову. И придавит.

В эту ночь я решился на отчаянный шаг. Впрочем, у меня не было выбора. Либо глобус окажется у меня. Либо завтра вместе с заявлением будет лежать перед носом Романа.

Погода играла на моей стороне. К ночи разбушевалась метель. С трудом можно было разглядеть, что делается на улице. И я надеялся, что меня тоже будет не разглядеть. Что такое одинокий прохожий, спрятавшийся в широкой куртке с натянутым на голову капюшоном. Вон, фонари какие высокие, их и то за метелью еле видать. А я ниже фонарей. Вон дома какие огромные. Их тоже не очень-то разглядеть в пелене снега. А я гораздо мельче домов.

Я быстро нашел нужный адрес. И бегом взбежал по лестнице. Меня обрадовало то, что Виола не успела еще обзавестись солидной дорогой квартирой. Пока ей хватило лишь на особняк. А теперь ютилась в стандартной девятиэтажке с малогабаритными комнатами и видимо, очень низкими потолками. Зачем я подумал про потолки. Маленьких комнат достаточно, чтобы быстро найти большой глобус.

Я легко умел открывать замки. Этому меня научила работа охранника в супермаркете. Где не раз приходилось прибегать к помощи отмычек, когда нерадивые пьяные кладовщики теряли ключи. А потом, втихаря, совали в мой карман сотню за помощь и молчание. И я никогда не отказывался. Потому что жил вместе с Тасей. Помню, она даже мне предложила организовать маленький бизнес. Она будет воровать ключи (на нее никто не подумает), а я отмычками вскрывать замки. Ну, и естественно ставки повысит. Я категорически отказался. Тася была гораздо на ловкие идеи. Но я отлично понимал, что такой бизнес долго не продержится. В таком бизнесе периодичность – ему же погибель. И вместе с ним нам. Хотя теперь... По истечению времени я все же думаю, что Тася изначально все подстраивала. Слишком часто кладовщики теряли ключи. Ну, не настолько же они всегда были пьяные. И не настолько же не уважали кодекс кладовщика.

Вот я легко и открыл этот замок. И осторожно ступил в кромешную темноту. Свет зажигать было опасно. Я в разумных пределах раздвинул плотные занавески. И в комнатах посветлело от уличных фонарей и снега. Квартирка и впрямь была малогабаритная, правда загроможденная новенькой импортной

мебелью, мне на секунду даже показалось, что я на складе. Только, к счастью, не было пьяных кладовщиков. Особенно почему-то обрадовало, что потолки были, как я и предполагал, очень низкие. Казалось, я задену их головой. И казалось, что с такими потолками и правда будет легко отыскать глобус.

Я его отыскал быстро. Он возвышался в самой большой комнате, на самом большом столе. И я схватил его двумя руками и прижал к груди. Я обнимал целый мир. С его морями и реками, с его городами и странами. И мне хотелось плакать от счастья, что я его вновь обрел. И мне казалось, что уже навсегда. И мне казалось, что с его обретением я наконец-то свободен. Он ведь такой большой. И в нем так много всего обозначено. На нем все обозначено, кроме людей. Кроме их сумасшедших машин. Кроме их бездушных домов. И их компьютеров, и их телефонов. И их переживаний, их любви, их предательств. Их рождений и их смерти. Все обозначено на этом глобусе, ничего лишнего. Ничего того, чтобы мешало жить этому круглому миру. Только для чего? - я ответить не мог. Но в любом случае, я могу скрыться. И меня никто никогда не найдет. И никто на меня не укажет. Потому что указывать будет некому.

Резко вспыхнул свет. Словно в меня щелкнули затвором фотоаппарата. И я от души желал, чтобы это были всего лишь пьяные нерадивые кладовщики. Я в эту минуту был готов их расцеловать. И отказаться от сотни. Только бы это были они.

Я боялся открыть глаза. Но я их открыл. Я стоял посреди чужой комнаты, так напоминающей склад. И мои пальцы до онемения впились в земной шар. Это была дурацкая картина. В стиле абсурда. Или воровского абсурда. Мне понравилось это определение. И я подумал, почему не существует такого жанра. Я хотел думать о чем угодно, только не осознавать реальности, только не приветствовать реализм. Но реализм побеждает в любых случаях. Потому что он есть. А всего остального нет. Все остальное – это выдумки и больное воображение. И больное воображение этот земной шар. И зачем только Галилей упрямо бубнил, что он вертится? Ведь я не верчусь. Я стою на месте. И Галилей не вертелся. У Галилея тоже было больное воображение. Или он тоже не хотел осознавать реальность. Как я сейчас.

Потому что этой реальностью был Роман. Который стоял напротив меня. И молча, как-то очень молча (я не знаю, как может быть очень), но, честное слово, он очень, очень молча смотрел мне прямо в глаза. А потом, еще более молча, протянул руки, чтобы я отдал ему глобус. Если бы у живых было трупное окоченение, то я решил бы, что оно у меня. Но оно бывает только у трупов. Которым я не был. Поэтому я просто молча (я не умею очень, для этого нужно иметь ледяные глаза) вернул ему волейбольный мяч в виде глобуса.

- М-да, - ледяным тоном протянул следователь. – Это уже переходит все возможные пределы. Старик врывается в чужой дом и ворует антикварную вещь. Впрочем, на вас поступила жалоба, что она вовсе не антикварная.

Нет, эта негодяйка Виола таки успела на меня стукнуть. Пожалуй, я точно скоро стукну ее.

- Я арестован? – я тоже попытался добавить в свой тон кубик льда. Но не получилось. Кубик растаял.

- Арестован? – Роман нахмурил брови. – Это было бы верно. И по закону. Но... Но учитывая ваш, более чем преклонный возраст. Я с арестом повременю. Я не хочу брать грех на душу, даже если он прописан законом.

Роман в одной руке держал глобус, а другой придерживал меня за локоть. То ли он опасался, что я убегу. То ли то, что я в любой момент могу отдать концы. В общем, и то, и другое состояние в этот момент было мне близко к сердцу.

Я так же проворно закрыл отмычкой дверь. И поскольку Роман не препятствовал, у меня зародилась надежда, что вторжение в чужой дом он мне предъявлять почему-то не хочет.

- И где вы так ловко этому научились? – он даже попытался улыбнуться. Но лишь обдал меня ледяным паром.

- А вы знаете, сколько за сто лет можно научиться! Так почему бы не этому?

- Действительно, почему бы и нет.

Он провел меня к дому. И даже распахнул передо мной дверь. Он вел со мной себя так, словно я почтенный старец, а не без пяти минут арестованный вор. И я подумал, что это очередная уловка. Он что-то наверняка знает. А если и не знает наверняка, то все равно проверит. Потому что я сам себя, как дурак, подставил. Возможно, у него не зародилась бы мысль про улики на глобусе. Ну, мало ли что я мог продать, пусть подделку. Вдруг и меня обманули, я мог легко отвертеться. А теперь. Теперь мне оставалось уповать лишь на случай или недалёковидность Романа. Но в последнем я сильно сомневался. У него было отличное зрение.

Я закрыл за собой дверь и прильнул к окну. Я видел, как уходит Роман, пробиваясь сквозь пургу и пронзительный ветер. Он шел медленно, приподняв голову вверх. Такой важный, солидный, он крепко прижимал к груди наш такой неважный и не солидный, но по-прежнему круглый мир. Который к тому же, как утверждал фантазер Галилей, умел вертеться.

Я остался один. Мое ночное предприятие было успешно провалено. Я огляделся. Моя пустая комната с редкой современной мебелью напоминала камеру. Конечно, я мог сравнить ее с живой могилой, как сказал Сенечка, но я не видел живую могилу и даже не мог ее себе представить. А вот камера. Как-то она для меня становилась все реальнее и реальнее. И чтобы эту реальность как-то заморозить, притенить, я свой единственный диван пододвинул к окну. В этом случае я мог забыть, что нахожусь в голых стенах. Я мог видеть лишь небо. Замерзшее темное небо, из которого падал и падал снег.

Глядя на небо, я не мог невольно не думать о небесной каре, которая может меня ждать. О справедливой каре. И справедливой участи, которая меня вот-вот может ждать. А, может, не может? На сегодняшний день я не мог припомнить людей, знакомых или незнакомых, которых настигла небесная кара. Вполне возможно, их вообще нет. А вот припомнить тех (чаще незнакомых) преступников и негодяев, которым все легко сходило с рук – мог. И чем больше и чаще они изощрялись в своих неблагоприятных делишках, тем легче им было идти, нет бежать вверх. Прямо к небесным далям. И не мог я припомнить тех (чаще знакомых), которым добро оборачивалось несчастьями или гибелью. И что такое тогда небесная кара?

И вновь я смотрел и смотрел на небо и думал. Возможно, земля это его отражение. Возможно его тень. Но мне казалось, они так похожи. И так друг от друга зависимы. И то что происходит на земле, происходит на небе. Только уже по большому счету. И если у нас празднуют победу злодеи, почему они не празднуют там? И если у нас нет возможности и сил помочь хорошим людям. Почему мы думаем, что есть возможности и силы помочь нам оттуда? Если акции давно распределены не в пользу добра. А в пользу преступников. Как на небе, так и на земле. А у добра в лучшем случае 10% акций. А может и вовсе один. Нет, пожалуй, 10. С одним процентом мир бы не просуществовал и минуты. Земной шар бы лопнул в один миг. На десяти процентах еще можно держаться. Даже если добро уже не держится на ногах. Зло на десяти процентах добра продержаться еще может.

Это были невеселые мысли. Как и невеселое темное небо в пелене снега. Холодное, замерзшее небо, от которого валил пар. Но я должен был радоваться подобным мыслям и подсчетам. Не знаю, верны ли они, я ведь не был бухгалтером, им был парень Тази. Вот бы у него спросить. А я был всего лишь философом. А философы чаще всего ошибаются. Сегодня я принадлежал большинству. Я встал в ряды тех, у кого 90 процентов преступных акций. Я отвернулся от 10-ти. Потому что когда-то устал. Устал бороться с тем, что победить невозможно. Зато у меня был большой шанс не просто выжить, но и хорошо жить. Но меня почему-то это не радовало.

С этими мыслями, в которых была надежда на спасение. И ненависть к этой надежде, я и уснул. Под черным небом. Из которого валил и валил белый снег. На круглую мерзлую землю. Никчемную землю. Помню, последнее, что я помню, это чувство своей собственной никчемности. Не потому что рядом было небо. Или потому что я был на земле. Скорее, и то, и это. Мне нравилось жить под этим небом и на этой земле. И чувствовать чувство никчемности. Знаете, люди всегда соревнуются. Им всегда себя мало. Им нужен кто-то еще, чтобы себя до конца осознать и принять. И поэтому все не любят друг друга. Потому что кто-то всегда находится лучше. А как может понравиться тот, кто лучше? Это уже утопия. Я как философ это знаю. Люди ненавидят себе подобных. Начальники начальников, врачи врачей, дворники дворников, художники художников, а миллионеры миллионеров, хотя, что может быть больше миллионов? Наверно, может. И любовь, и талант, и достоинство. Но все равно ненавидят. Так же никчемные ненавидят никчемных. Хотя вряд ли соревнуются. Тут другое. Тут ненависть к самим себе и к тому неприглядному факту, что ты не хочешь выбраться из братства никчемных. А наоборот, хочешь в нем застрять навсегда. Я любил никчемность и ее ненавидел. Я любил неудачников и их презирал. Как-то я спросил у одного никчемника:

- И зачем?

Он просто ответил:

- Что бы только так, и ничего больше.

Помню, меня поразило – больше. Вот в чем наша проблема. Мы не хотели большего! Не потому что не умели, не потому что были безграмотны, не потому что были нечестны. Мы просто УЖЕ не хотели большего. Потому что перед нами стал выбор. Выбор не очень приятный, но очень многим понятный. Мы его не хотели. Мы выбрали участь никчемных. Она была смиренна, безопасна и проста. Кто ее не выбрал, были счастливее нас, но мы им почему-то не завидовали. И я даже не знаю, почему. Наверно, изначально не умели. А возможно, потому что мы были в глубине души рады, что нас, вот таких, все равно никто не может понять и победить. Даже если давно победили. Но кто знает, что такое победа? И бывает ли она вообще? Во всяком случае, навсегда.

Странно, я подумал о никчемных, хотя уже не был в их рядах. Я был преступником. А они никогда не бывают никчемными. Я же не был ни стариком, ни нищим, ни убогим. Я был достойным образцом своего общества. Но мне от этого легче не становилось. Иногда мне казалось, если я даже явлюсь с поднятыми вверх руками, меня все равно отпустят, только потому, что я совершил преступление, только потому, что я убил старика. Мне казалось, что это даже возвысит меня в глазах многих и многих, и мне протянут руки, и мне пожмут руки, и кто-то выпишет чек. А ведь это так просто. Нет, не выписать чек, а так просто все принять. И главное, можно принять все, все, все. И сделать по-другому все, все, все. И другими всех, всех, всех. Так просто. Стоит только поднять руки вверх.

Я был готов поднять руки вверх. Но я уснул. А с поднятыми вверх руками не засыпают. И небо уснуло и успокоилось. И снег перестал падать. И тоже уснул

мертвым сном, плавно ложась на землю. В эту ночь закончилась пурга. Но еще не зима. А я так ждал весны. Я еще надеялся. Не на хорошую участь. Я ее не заслуживал. Хотя небо, с его злыми покровителями, думало, что заслужил. Я просто надеялся на весну.

А утром по-прежнему была зима. Только какая-то тихая, умиротворенная. Словно уставшая. Словно надоело ей разбрасываться снегом и раздуваться метелью. Окно покрылось снежинками. И я плохо видел небо. Но видел, что снежинки сверкали желтым цветом. Значит где-то там, далеко-далеко наверху было солнце.

Они явились ко мне паровозиком. Первый вагон представлял Роман. Как всегда, гладковыбритый, свеженький. На лице ни одной морщинки. И, как всегда, в последнее время, помолодевший. Прямо СВ класс. Наверняка, пользуется масками и кремами, мелькнула у меня раздраженная мысль. Недаром от него всегда разит парфюмом. И с каких пор наша милиция так благоухает.

Косульки, друг за дружкой, двумя общими вагончиками топали за ним, и выглядели куда хуже. Новогодние праздники не прошли даром. Не потому что они праздновали. А потому что трудились. И у меня вновь промелькнула раздраженная мысль, зачем столько зарабатывать денег, в поте лица, если даже не удосужиться привести себя в порядок. И пот с лица вытереть.

Косульки одновременно промокнули вспотевшее лбы помятыми носовыми платками. И глубоко вздохнули. Мне по-прежнему казалось, что они на моей стороне. Хотя разве можно доверять торговцам свининой, преподнося ее как оленя?

За Косулками робко мялся Сенечка. Плацкарт под охраной. Он не смотрел мне в глаза. Его виноватый взгляд бегал по голой комнате, словно что-то искал. Возможно, деталь для моего оправдания. Но моя комната по-прежнему оставалась детально пустой.

Замыкала паровозик Тася. Последний вагон. Самый ненадежный, бардачный и самый шумный. Виляющий из стороны в сторону. И она фыркнула мне прямо в лицо, разве что не пошел с трубы пар.

Они так и стояли один, за одним. И мне хотелось им предложить схватиться друг за дружку и сплясать «Еньку». Или поиграть в ручеек. Но это было некстати. Юмор бы не оценили. Они выглядели слишком серьезно. Хотя, по всем правилам, серьезным должен быть я. Но для слишком серьезного положения частенько именно серьезности и не хватает. В некотором роде самозащита.

- Уж не с Новым годом ли явились вы меня поздравить? – я старался говорить весело и беспечно. – Хотя нет, скорее, напоминает похоронную процессию. Благо, и на цветы тратиться не надо. У меня их предостаточно. Даже подснежники могу предоставить. Вспомните весну, до нее так еще далеко.

- И не то, и не другое, - Роман шутить не собирался. – Поздравлять вас не с чем. А хоронить, пожалуй, еще рановато.

- Батюшки, ну вы скажите, Аристарх Модестович, - Косулька перекрестилась на скорую руку. – Да кто ж живьем-то хоронит. Упаси Боже!

- Еще как можно живьем! – Тасе надоело быть последним вагончиком, и она выступила вперед. – Если в тюрьму, за решетку!

- Поди, и в тюрьме живут, - робко встрял Косулька. – Я то, конечно, не в курсе. Бог миловал такой участи. Но, пожалуй, жить можно. Оно как все функции работают. И глаза, и уши, и рот. И покушать чего можно, и шум дождя услышать, а то и на небо поглазеть.

- Вы определенно поэт! – я не выдержал. – Только понять не могу, вы что, меня в тюрьму пришли провожать?

- Ну что вы, Аристарх Модестович, - промямлил Сенечка, по-прежнему избегая моего взгляда, - до тюрьмы вам далеко. Вернее, до тюрьмы далеко ехать. А вы в преклонном возрасте...

- Ага, - весело подхватила его Тася. – Можете и не доехать. А вы нам нужны живехоньки.

Роман поднял руку вверх, призывая всех к молчанию.

- Первым делом, я пришел ознакомить вас с судебной экспертизой. Результаты были получены сегодня утром. Неутешительные результаты.

Косульки вздохнули. И даже стали меньше ростом. А Тася, напротив, распрямила плечи, вздернула курносый носик, вызывающе подняла голову вверх. И как-то выросла. Но только не в моих глазах.

Я взял папку с результатами. И пытался вникнуть в их смысл. Но вникалось тяжело. Отчетливо понял лишь три слова: глобус, кровь, анализ. Впрочем, трех слов для меня было достаточно.

А Роман популярным языком объяснил остальное. Результаты эти, мол, ни что иное, как итог высочайших достижений современной науки и криминологии. Все основные проблемы и достижения криминологии в конечном счете явно или имплицитно сводятся к вопросу о социальном контроле над преступностью. Наша наука достигла таких вершин и познаний, таких высот и глубин, что... На слове «что» я куда-то улетел. Меня не очень интересовали достижения науки. Это было бы несправедливо по отношению к себе впитывать познавательную информацию. В моем-то положении. И я вернулся на землю, когда Роман вдруг пафосно завершил свой монолог:

- Кровь не смывается никогда!

- Чья кровь? – я вздрогнул.

- Убиенных и загубленных душ. – Косулька вновь перекрестилась. Она тоже была поэтом.

- В конкретном случае – кровь убитого Григория Карманова, - уже более официально заключил Роман. – Обнаруженная на глобусе, который вы попытались украсть этой ночью. Чтобы уничтожить улику. И тем самым вывели нас на орудие преступления. И подписали себе приговор.

Я лихорадочно соображал. С какой стати моя кровь вдруг оказалась на глобусе? Да, я порезал палец. Возможно, моя кровь и капнула на земной шар. Но это капля в море! Почему же не обнаружена кровь старика? Черт! Только он на это способен. До меня стало доходить. Какая жестокая усмешка судьбы. Или игры судьбы. Конечно! На седых волосах старика яркие пятна. Я отчетливо их помню. И примерно помню их количество. Четыре. И хотя не был бухгалтером, почему-то в подобных шокирующих ситуациях запоминается всякая ерунда. Безусловно, это вполне могла быть моя кровь. На столько пятен ее бы хватило. А старика... А у старика не было крови. Не потому что он был бескровен. Просто я так умудрился его убить. Бесшумно и бескровно. Я знаю, такое бывает. Хотя я не убивал никогда. Но я знаю, бывает. И если бы я тогда не порезал палец. Они ничего не смогли бы доказать! Глобус был бы чист, как стекло. Хотя разве земной шар может быть чистым? Это миф.

Я оказался в ужаснейшем положении. Меня обвиняли в убийстве меня же. И для этого были все основания, все улики. Кроме одного. Моего искреннего признания, что я и являюсь гражданином Кармановым. Следовательно, меня не могли убить, следовательно... Нет, в таком случае мне пришлось бы признаться в убийстве старика. И для этого тоже есть все основания и все улики. Что лучше? Утонуть в луже или в океане? Из огня да в полымя? Повеситься или отравиться? Не важно, какой конец, если это конец. Но в моем случае все было несколько по

иному. Дело не в жертве. Дело в преступнике. Есть выбор. Либо преступник я, Григорий Карманов. Либо старик антиквар.

Мне не хотелось мараить свое имя. В этой ситуации лучше оставаться жертвой. К тому же, для старика вполне реально снисхождение на суде. Сколько ему столетнему и так осталось? Возможен даже условный срок, если повезет с адвокатом. Если придумать достойное объяснение убийству. А с другой стороны... У меня не будет даже могилы. И пусть на нее никто бы и не пришел. И все же... Лучше чем вообще ничего. Словно и не было на земле. Словно ты и не рождался. Тогда все зачем? И это небо, и этот земной шар, и даже Дина? И потом... Ко всему прочему капля совести у меня осталась. Я не хотел выглядеть даже перед собой законченным негодяем. Как я могу подставлять старика и делать из него убийцу, если он прожил такую долгую безупречную жизнь. Чтобы так долго и так безупречно! Это не каждому удастся! Возможно монахам, и одиночкам. Когда избавляешься от искушений не путем мучительного выбора, а путем добровольного затворничества. Конечно, в некотором роде это нечестно перед другими, у которых на каждом шагу искушения. Но в любом случае – остаешься честным человеком. Даже можешь позволить себе осуждать других! Поскольку тебя осуждать не за что. Я не скажу, что мне сильно нравился старик. Даже более того. Но факт оставался фактом. Он не убийца. И как я мог на него такое взвалить? Получается я на него, уже мертвого, повесил убийство человека, который жив и здоров? Нет, это уже за пределами преступления и наказания. И мне не будет оправдания. Никогда. Ни на небе, ни на земле. Безусловно, если судьями окажутся когда-нибудь справедливые обвинители. А когда-нибудь это будет, я в это верил. Может быть, единственное, во что я еще верил. Ценные акции не бывают все время в одних и тех же руках. История их все равно периодически перераспределяет. История это тоже точная наука. И когда-нибудь ее точность достигнет справедливых высот. Даже если она к нам не всегда справедлива. И мы к ней несправедливы почти всегда.

Я резко обернулся к Роману.

- Вы меня арестовываете? На слове «меня» я почему-то сделал ударение. Словно еще сам не знал, кто это спрашивает – старик антиквар или молодой парень Гришка.

- Ну, к таким крайним мерам мы пока прибегать не будем. До тюрьмы действительно далеко. В вашем почтенном возрасте. А вот к домашнему аресту прибегнуть придется. И даже в этом случае я позволю сделать вам скидку. С вами останется Сенечка, как человек, знающий вас. И в некотором роде вам сочувствующий.

- Почему в некотором? – обиделся Сенечка. И даже мне слегка поклонился. – Во всех смыслах вам сочувствующий, любезный.

- А вот огласки вам не избежать, разлюбезный! – Тася сделал шаг вперед в мою сторону. – Скандальчик выходит! Все газеты завтра напишут, что вы убили прекрасного парня Гришку! У которого впереди была целая жизнь! Огромные возможности! Блестящее будущее! Он кстати был философом! И даже сочинял философские труды! Он мог стать профессором, а может даже академиком! И вообще он был гением! А убийство гения тяжелее во сто крат! И он, этот прекрасный, добрейшей души человек, этот гений всегда мечтал жениться на мне! И я как его невеста, а теперь вдова, непременно сегодня дам интервью! Меня уже поджидают репортеры! И я ни одной подробности не упущу из нашей личной жизни, которая была похожа на сказку. И была разбита этим старикашкой! Как и разбита наша великая любовь!

Неужели и Тася туда же, решила вслед за Косульками записаться в поэты? Нет, этого я уже не вынесу. В одном она, впрочем, права. Оборвать жизнь

посередине гораздо хуже, чем в конце. Все же лучше, чтобы не старик оказался убийцей молодого парня, а наоборот. К тому же, я как представил, что завтра в газетах будут со всех сторон склонять мое имя, убитого Григория Карманова, красочно расписывая, каким я был замечательным парнем и как горячо любил Тасю. А по телевизору показывать накрашенную, напудренную, разодетую в дорожные тряпки рыдающую вдову... И я даже не смогу защититься, поскольку мертв. Нет, этой радости Тасе я не доставлю. Уж лучше быть преступником. За преступника она точно замуж уже не захочет и скорее всего вообще меня не упомянет, чтобы не марать свое имя порочной связью. К тому же, меня по-прежнему мучила совесть перед антикваром. Как странно, даже не столько за то, что я убил его. А за то, что хочу взвалить на него вину за убийство. И завтра в газетах начнут поносить его почтенное имя со всех сторон. Смешивать с грязью его достойную жизнь. Копаться в его благородном прошлом и настоящем. Увольте! Лучше уж я, Григорий Карманов окажусь убийцей. В конце концов, у меня нет родных, перед кем было бы по-настоящему стыдно. А больше... Больше мне не перед кем стыдиться. Не перед этим же миром, где убийства давно узаконены. Где давно богатства распределены в пользу убийц. Перед этим миром-убийцей мне краснеть нечего. И земной шар не заставит мое лицо покрыться пунцовой краской. Потому что он сам в крови. И этот глобус давно следовало бы делать не в форме зеленого шара. А пунцового. Где пунцовые реки и моря, пунцовые города и страны, пунцовые горы и леса. Нет такой точки на планете, которую бы нельзя было изобразить алого цвета. Где не проливалась бы кровь. И причем тут я и старик? Мы всего лишь крошечные, незначительные детальки в огромном механизме законных и безнаказанных убийств. Но в отличие от других, я могу доказать, что мое убийство незаконно и наказуемо. И справедливость возможна. Даже если в ней никто не нуждается. В моей власти признать, что суд существует. И преступники это реальность, а не миф этого преступного мира.

Я вышел на середину комнаты. И гордо встряхнул седой шевелюрой. Мне показалось, что я на сцене. На пустой сцене, где нет декораций. Впрочем, бутафории иногда только снижают накал. Мне показалось, что и Роман, и Сенечка, и Косульки, и Тася – это не зрители, перед которыми мне сейчас предстоит произнести трагический монолог в кульминации этой трагедии. А мои партнеры по пустой сцене. Где нам вместе предстоит сыграть эту пьесу. И мои друзья, и мои враги. А зрителей нет. Нам играть не перед кем. Мы будем играть друг перед другом. И кто из нас выиграет? И кто нам раздаст аплодисменты и цветы? Если зрителей нет. Впрочем, зрители тоже иногда только мешают. Настоящие трагедии разыгрываются без свидетелей. Свидетели – это уже послесловие всех трагедий.

Я набрал полный рот воздуха. Выдохнул. Вновь набрал. Мне нравилось быть в главной роли. Я никогда в ней не был. Всегда был второстепенный персонаж. Неужели, чтобы тебе дали главную роль, нужно стать убийцей. Как чудовищно. И как просто. И я вновь набрал полный рот воздуха. И сказал. И сам почувствовал силу своего голоса. Его четкость. И густоту. Мой голос ни разу не дрогнул. Я был на сцене.

- А теперь выслушайте меня, мои дорогие, совершенно случайные знакомые. Кого вы видите перед собой? Я уже заранее предугадываю ваш ответ. Но вы ошибаетесь. Перед вами не старик антиквар. Этот почтенный столетний старец. Наверное, жаль. Но уже ничего не исправить. Перед вами молодой, полный сил парень Григорий Карманов, который по несчастливой случайности убил этого милейшего старика. А теперь напрягите зрение...

Я стал осторожно и по порядку снимать свой грим. Сначала беретку. Почему я начал с беретки? Ведь она ничего не доказывала. Вслед за ней я снял

седой парик, седые брови, седые усы, седую бороду. Я словно раздевался на сцене. Мучительно, долго. Ненастоящие детали настолько приросли к моему лицу, что мне самому казалось, что они уже настоящие. Ну вот. Вот и все. Вот и финал. Заключительный акт. Почему нет аплодисментов? Ах, да передо мной не зрители. А всего лишь партнеры по сцене. Где я играю главную роль. И теперь стою, словно голый, перед ними. И выдерживаю театральную паузу. Слава богу, мы доиграли. Мы добрались до конца этой трагедии. И я не мог знать, что, возможно, это только ее начало. Словно какой-то неутомимый автор, которому безумно понравилась своя пьеса, решил не останавливаться на ее окончании. И из последнего акта вновь сделать первый.

Молчание затянулась. Театральная пауза повисла в воздухе. Впрочем, так и должно быть. Жутковато, когда в один миг из старика превращаешься в юношу. Вот если наоборот - это еще как-то пережить можно. Ну, допустим, это никто переживать достойно не собирается. Ни Роман, который всегда передо мной подчеркивал свою молодость, а я оказался вдруг моложе его. Ни Сенечка, который был влюблен в мою девушку. Ни Косульки, которые кичились дружбой с таким почтенным соседом. Но Тася. Я вдруг откровенно, без всякой враждебности, и даже почти с нежностью посмотрел на нее. Но она! Она же просто обязана броситься мне на шею! Зацеловать! Заобнимать! Забросать тысячью нежных слов! Неужели и она... И она не рада. Неужели она разочарована. И даже злится на мое воскрешение? Ах, да, я вновь погубил все ее планы. Она же вечером должна давать интервью. И она уже, возможно, приглядела черное трикотажное платье с широким воротом в магазине для вдов, которое бы подчеркивало ее хрупкую фигурку. Перед ней светила возможность напечататься в глянцевого журналах. И, возможно, ее бы даже пригласили на телевиденье вести передачу о разбитой любви. О, а вдруг уже какой-то репортеришко, молодой, высокий, лохматый подмигнул ей ненароком? И небрежно записал свой телефончик? Этого она бы мне точно не простила. И своими руками вырыла бы мне могилу, чтобы живьем туда уложить. Не в ее планах были разбитые планы. Лучше уж разбитая любовь.

- Тася, - только не обижайся, - я распахнул перед ней объятия.

В мои объятия она не рухнула. Напротив. Резко отпрянула, зажав рот ладонью.

- Тася, ты прости меня, Тася. Но ведь я вернулся. Разве этого мало, чтобы простить? Ну же! Неужели Гришка Карманов лучше выглядит мертвым, чем вот так, живым, и перед тобой. Неужели ему лучше быть убитым, чем убийцей?

Я уже откровенно наступал на Тасю, а она испуганно пятилась к двери. Между нами вдруг резко встал Роман. Словно грузовик перерезал дорогу. В своих руках он держал старое, запотевшее, расколотое зеркало. И молча протянул его мне. Я плохо видел свое отражение и все же его узнал. Я отчаянно рукавом стал тереть зеркало, дышать на него, вновь тереть, еще, еще сильнее, еще сильнее дышать. Оно стало зеркально чистым, хотя по-прежнему было расколото на две неровных части. Из зеркала на меня смотрел старик антиквар. Почти гайдебуровский старик. Седые длинные волосы, седые брови, седые усы и борода. И морщинами исполосованное лицо, и мешки под глазами. Почему я их раньше не замечал? Постепенно привык? Они выглядели органично со старческим образом?

- Этого не может быть, - прохрипел я и закашлялся, как старик. – Этого просто не может быть. Он же умер... Я его сам убил, я же его убил вот этими руками. Я до боли сжал кулаки и ими затряс. Мои руки были жилисты и морщинисты. Почему я этого раньше не замечал? Постепенно привык? Я в отчаянии швырнул зеркало на пол. Оно разбилось на мелкие осколки. И я

подумал – дурная примета. Хотя так подумать было глупостью в моем положении. Что может случиться со мной еще худшего? Если в зеркале я увидел немощного старика, к тому же нищего, к тому же которого обвиняют в убийстве. К тому же, которого ждет за порогом только тюрьма и смерть. Что может быть хуже подобной участи. И что может мне сделать разбитое зеркало. Если все уже сделано без него. Только кем? Этого я не мог знать. И не мог даже придумать. В моих глазах помутнело, и я медленно стал опускаться на пол. Последнее, что я почувствовал, как меня подхватили руки. Сильные руки, наверняка молодого человека. Может быть, руки Романа, может быть Сенечки, впрочем, могли быть и руки мужа Косульки. Он оказался тоже гораздо, гораздо моложе меня. Кто бы мог подумать? Больше я ни о чем не подумал.

Очнулся я от резкого запаха нашатыря, которым мне тыкали в нос. И валокордина, который мне заливали в рот. Как ни странно, я не подумал, вдруг все это дурной сон, хотя эта мысль принята после обморока. Напротив все выглядело настолько отчетливо и предстало такой явью, что я дернулся. Я ясно видел перед собой лица моих партнеров по сцене. Молодые, симпатичные лица. Даже Косульки по сравнению со мной были красавцами, не смотря на их красные, отекающие (но молодые!) лица.

- Все в порядке, дорогой, все в порядке, всего лишь сердце кольнуло, - ласково шептал Сенечка. Разве что оставалось погладить меня по седой шевелюре. Как обезумевшего старичка.

- В вашем возрасте это не страшно, любезный, - вторили ему Косульки. – Вон, какое у вас здоровьице, нам, молодым, можно позавидовать. Подумаешь, сердечко слегка закололо.

- За вами присмотрят, уважаемый Аристарх Модестович, - тон Романа был суше, как и положено. Но не настолько. – Мы хоть и милиция, но тоже сердце имеем. И у нас оно, бывает, колет.

- Дорогой, любезный, уважаемый! – грубо передразнила их Тася, по привычке подперев бока руками. – Кольнуло, колет, закололо! Да он скоро сам околеет, тогда будете причитать! Не успеете оглянуться, а арестовывать некого! И отвечать некому! Вот тогда вы попляшете! Убитый убит, а убийца, потому на свободе, что околел! И судить уже некого!

- Ну, вас бы все равно в присяжные заседатели не позвали, зря вы так волнуетесь, - резко ответил Роман.

- Зато в свидетели позовут! И на интервью позовут! А с мертвыми, какой прок в интервью! Все дело мне хотите запороть! Так что давайте, откачивайте старикашку. Он нам нужен живьем.

Так, так, так. Я попытался сосредоточиться. Медленно, с помощью молодых сильных рук встал на ноги. Спина не разгибалась. Похоже таки радикулит. Я проковылял к креслу.

- Да... Испугали вы нас, Аристарх Модестович, - голос Романа стал еще мягче, но в глазах вновь блеснули две льдинки.

Я решил не сдаваться. Какого черта! Я же не сумасшедший! Даже если я не так молодо выгляжу, это не означает еще, что я не Григорий Карманов. И я это должен во что бы то ни стало доказать.

- Я не Аристарх Модестович! И я не антиквар, - процедил я сквозь зубы. Мне хотелось на них кричать во весь голос. Но я вовремя остановился. Мне показалось, что когда сквозь зубы цедишь слова, это более убедительно. – Я повторяю. Я Григорий Карманов. И я убил антиквара.

- Вот наглец! – завизжала Тася. – Ели дышит, еле ходит, а хочет за моего Гришку себя выдать! Да еще убийство ему пришить!

- Я никогда не был твоим, Тася.

- Упаси боже! – она не перекрестилась. Она не умела креститься. Зато умела громко визжать. – Не хватало, чтобы такой дряхлый старикан вдруг был моим! Да я ни в жизнь! Что я какая-нибудь! Это пусть ваш Пукирев со своими нечистыми мыслишками о неравном браке мечтает! А я уважаемая молодая вдова, которая завтра даст честное интервью о трагичной любви. Я уже даже договорилась с одним молодым высоким лохматым репортером! Он даже мне свой телефон любезно оставил! Он все о любви знает! И он поймет!

Я по-прежнему цедил слова. Но мне это не помогало. Тася визжала, но ее визги были более убедительны. Я прикрыл уши руками. Я хотел тишины. Но слушать тишину в моем положении было роскошью. Мне нужны были слова и действия. И я обратился к Роману.

- Я могу доказать,

Это был мой последний аргумент. И тогда все станет на свои места. Они увидят тело убитого антиквара. И все станет на свои места. Правда, мне еще придется убедить, что я ни кто иной как Карманов. Но, в конце концов, не так сложно убедить, кто ты на самом деле. Я сумею. И тогда точно все станет на свои места. Я так хотел, чтобы когда-нибудь все, все стало на свои места. Даже если я останусь убийцей. Даже если обо мне напишут тысячи газет. Даже если в меня будут тыкать пальцем и закидают камнями. Даже если мне будут плевать в лицо. И даже если на мою голову повесят петлю. Лишь бы я вновь стал собой. Лишь бы я вновь занял свое место под солнцем. Которое, наверно, уже не увижу. Во всяком случае, весной.

Я тяжело поднялся с места и заковылял к потаенной двери, которая сливалась со стеною. Я махнул рукой, чтобы все шли за мной. Правда, не забыли захватить с собой фонари. Сколько есть. Фонари нашлись. И мои непрошенные гости вновь изобразили паровозик. Наверно, для важности и четкости программы действий. И паровозик двинулся с места. За мной. Я нажал на кнопку. Дверь медленно отворилась. Свет из комнаты осветил длинную лестницу вниз, в темный подвал. Там по-прежнему пахло перебродившими огурцами и сыростью. Мы организовано выстроились. Вагончик за вагончиком. И стали спускаться по лестнице. И я уже был первым вагоном, почти машинистом. Я вновь был на первых ролях. И мне это нравилось. Я вновь почувствовал свою важность. И даже достоинство. Я вдруг подумал, что у убийц тоже бывает достоинство. Впрочем, возможно, сегодня только у них и бывает. Остальные как-то обходятся без него. Раз принимают и прощают этот убийственный мир.

А в подвале было убийственно темно и убийственно холодно. Это был настоящий склеп. Но я даже на ощупь, нет, даже по направлению мог определить, где лежит тело. Я не нуждался в свете. Убийцы помнят всегда, где спрятали тело. Впрочем, я раньше не был убийцей. Но мне все равно казалось, что они помнят.

- Тише, тише, - шептал я, словно боялся испугать мертвого антиквара. Словно он вот так запросто мог вскочить и убежать. Но я напрасно боялся.

- Вот здесь, да, вот здесь. Здесь лежит тело старика.

Несколько фонариков одновременно вспыхнули. И я от неожиданности зажмурил глаза. И тут же их открыл. Глаза слезились. Но это мне не помешало увидеть, что труп пропал. Неужели мы таки его испугали. И первое, что я воскликнул было отчаянное:

- Я же вам говорил, потише!

Второе, что я воскликнул было:

- Это невозможно. Это просто невозможно.

Голос Таси был звонкий, яркий, какой-то многослойный. Словно многоголосие. Он разбивался о гулкие стены подвала.

- Еще бы возможно! То же выдумали! Сам жив-живехонек, а свое тело ищет. Просто сумасшедший дом какой-то.

С сумасшедшим домом я полностью согласился. Это определение мне даже вселило некоторую надежду. Вдруг мы все и впрямь просто в психушке. И ничего не было, ни убийства, ни старика антиквара, ни следствия. Я был готов уже в это поверить. Если бы не Тася. Она выглядела такой реальной, такой нормальной, такой по-домашнему приземленной. И этот курносый нос, и эти кудряшки, и даже руки в боки. Что поверить в сумасшедший дом было просто невозможно.

Роман опустил на колени и шарил фонариком по месту, где когда-то лежал старик.

- Так, так, так. Тело здесь определенно лежало. Вот, пожалуйста, засохшая кровь.

Мое сердце заколотилось. Вдруг окажется, что это не моя кровь? Вдруг? Но сам я уже в это слабо верил.

Роман соскоблил запекшуюся кровь с пола и аккуратно положил ее в мешочек.

- Ну что ж, Аристарх Модестович. Похоже, это последняя улика. Мне очень жаль. Если эксперты докажут, что это кровь Карманова... Боюсь, ваше положение будет бесспорно. Впрочем, вы добровольно показали, где прятали труп. Правда, вопрос в том, где этот труп в данный момент?

Хотел бы и я знать ответ на этот вопрос. Неожиданно на меня накатила такая вялость и усталость, что я боялся, вот-вот заснуть, прямо стоя. Это было бы неприлично. По сути, я должен был дрожать от страха, корчить отчаянные гримасы, рвать на себе волосы, только не спать! И чтобы не выглядеть неприличным, и чтобы не заснуть на ходу я спросил.

- Когда будут готовы результаты экспертизы?

- Пожалуй, завтра. Сегодня еще праздники. И наши эксперты тоже имеют право на Новый год. И не хочется им портить кровь чьей-то кровью.

- Да зачем же завтра! – Косулька всплеснула пухлыми ручками. – Роман Романыч! Как пить дать сегодня! У нас праздников не бывает! И кровь животных мы проверяем регулярно, со всей пунктуальностью! У нас своя научная лаборатория! Сами понимаете, мы солидное заведение! Мы должны быть уверены, что подаем здоровое мясо. Вернее, мясо здоровых животных. Сами знаете, читали поди. Свиной грипп, куриный грипп. А почему не олений грипп? Всяко случается. Так что мы сами себе эксперты! А что ж Аристарху Модестовичу, этому уважаемому человеку мучиться до завтра! Переживать. В его возрасте переживания не на пользу. Он должен знать всю правду сейчас! Даже если он убийца, то, поди, и человек! Никто ничего человеческого в нем не отменял!

Я посмотрел на Романа. Такой солидный, такой важный и серьезный он их пошлет подальше со своим заведением, мясом и кровью. Какая к черту лаборатория!

- Ну что ж, я принимаю ваше предложение. Сделайте предварительную экспертизу. Действительно, зачем ждать до завтра.

Косульки разве что не плясали от счастья. Они радостно затопали своими скривленными сапожками, и захлопали в пухлые ладошки. Такие несолидные, неважные они получили такое серьезное поручение. Впрочем, почему бы и нет? Если мы продолжали жить в таком несолидном и несерьезном мире, так похожем на сумасшедший дом. Или просто на больницу, где у каждого свой определенный диагноз. Это может когда-то мир был очень даже нормален, солиден и серьезен. И даже планы на будущее можно было выполнить и перевыполнить. Потому что будущее было. И было прошлое. И одно поколение цеплялось за другое, даже

если было другим. Сегодня мы живем в больничных стенах сегодняшнего дня. И за этими стенами вакуум. На небе больно пустота, на земле больной пустота, за больничными окнами пустота. Мои глаза по-прежнему слипались. И на экспертизу мне было уже плевать. Воистину, старость притупляет все чувства. Как и притупляет все чувства этот больной мир с неопределенным диагнозом. Хотя возможно, диагноз уже установлен, просто нам об этом не говорят.

Наконец-то мы выбрались из подвала. Счастливые Косульки убежали, сжимая в ладошках чужую кровь. Моя кровь застыла и была холодна, и, возможно, уже не красного цвета. А возможно ее не было вообще.

Гости обступили меня. словно каждый хотел сказать что-то важное, но не находил слов. Слова нашел я. Вялые бесполезные, сонливые слова, которым никто не поверит.

- И все-таки моя фамилия Карманов. Это я по несчастливой случайности убил антиквара и занял его место. И даже не знаю почему. Может быть, испугался, а может быть устал жить через силу. А может быть, просто уже не было сил, чтобы жить так, как я жил.

- Устали вы, дорогой, как пить дать устали, - Сенечка осторожно взял меня под локоть и усадил в кресло. – Бесспорно устали. Но мне поверьте, я хоть и простой регулировщик, но на досуге изучаю уголовный кодекс и даже литературу по уголовному праву выписываю. Интереснейшее чтение, поверьте! Возраст уже у вас, как это сказать помягче, сами понимаете, наипочтнейший. Таких глубоко пожилых людей могут и вовсе не засудить. Ну, условно, в крайнем случае. Или с подписочкой о невыезде. Да и вам, куда уже выезжать, и к чему?

- Да уж, - хихикнула Тася. – У вас уже билетик в одну сторону.

- В общих чертах, Сеня прав, - Роман уселся напротив меня на стул и забросил ногу за ногу. Его взгляд буквально вонзился в мое лицо. – Только одного возраста маловато будет. К этой версии неплохо бы присовокупить и нарушение психики. Кстати, в старости это довольно частый симптом. И доказать, судя по вашим неадекватным заявлениям, это будет несложно. С такими заявлениями я еще ни разу не сталкивался. Но их допускаю в почтенном возрасте. Когда желание быть молодым, желание вернуться назад и вернуть все, что возможно, превосходит доводы разума. На этой почве, безусловно, возможно преступление. Убив Карманова, вам показалось, что вы как бы можете в него перевоплотиться. Забрать его молодость. И отдать свою старость. Увы, дорогой, это невозможно. Никак невозможно, насколько бы сегодня наука не опережала наше строение мозга и психики. Я заявляю – невозможно!

- Увы, - вздохнул Сенечка, - иначе бы все старики поубивали молодых, и мы бы жили в стране умудренных молодцев. Смириться нужно, любезный. Только смириться. Вам и так посчастливилось дожить до таких преклонных годов. Не каждому это под силу.

- Вот поэтому он снисхождения и не заслуживает! – категорически заключила Тася. – Хватит, пожил в роскоши и безделье! Пусть хоть умрет в нищете, на лесоповале! Труд облагораживает в любом возрасте.

- Ну, уж так сразу на лесоповале! Это слишком, – возразил Роман, – в определенном учреждении тоже трудятся, хочу заметить.

Я пытался вникнуть в их диалог. И плохо вникалось. Какой лесоповал, какое учреждение, какое нарушение психики? Может, это они все ненормальные. И лишь я здесь единственный не псих? И почему вдруг это я украл молодость, если ее у меня украли. Но кто и за что? И вообще как? Если наука действительно еще не доросла до подобных метаморфоз. Или доросла, но мы об этом не знаем? Нет, бред какой-то. Значит...Значит, где-то есть ложь, обман, кривляние. Как в искаженном зеркале. Я оглянулся вокруг себя. Больше не было зеркал кроме

одного, с кривой трещиной наполовину, словно раненое. Мне не нужно было раненое зеркало. Раненые зеркала могут лгать.

- Тася, поройся в своей сумочке, ты всегда носишь с собой маленькое зеркальце. Некачественных зеркал ты не носишь. Дай мне его.

Тася пожалала плечами. И стала рыться в сумке.

- Свет мой зеркальце скажи и всю правду Расскажи, - Тася протянула мне зеркальце и засмеялась.

Я долго смотрел на себя. Вернее, по-прежнему на старика антиквара. Даже со злостью дернул себя за бороду, усы, брови. Они были настоящими, седыми. И морщины были настоящими и круги под глазами. Это был я. Мои мысли, моя душа. Но лицо, тело. Они были чужими. Впрочем, они тоже наверно были моими, но через 40, 50 лет. Но сегодня, черт побери, этого просто не может быть!

- Зеркала не лгут, - сухо ответил Роман на мой внутренний монолог. – Лгут только люди.

В антикварной лавке уже топтались смущенно Косульки. И протягивали помятую, замусоленную жиром (я уже не знал, косули или свињи) бумажку.

- Как пить дать, люди лгут, - вздохнул муж Косулька. – Кто бы мог подумать. Чтобы такой почтенный, заслуженный, уважаемый столько лет Аристарх Модестович совершил... Не могу даже выговорить, что совершил. Язык не поворачивается.

Роман бегло пробежал взглядом по бумажке.

- Да, похоже, все верно. Кровь Григория Карманова. Дело, можно сказать, закрыто. Безусловно, мы завтра перепроверим. Но это несложная экспертиза. Так что...

- Вот так живешь рядом с соседями и не знаешь, что у них на уме. – Косулька жена перекрестилась. – И про искусство так красиво рассуждают, и про науки, и про древности всякие. И что с того? А потом раз – и по голове. Нас, слава Богу, Бог миловал...

Они что-то еще говорили. Но я дремал. Глубокий старик дремал в своем кресле. И сквозь дрему я слышал, как они уходят. Только шаги. Но по топоту удаляющихся шагов я понимал, что покидают они мой дом тоже паровозиком. Разве что не хватает одного вагона. Им был Сенечка. Сенечка взялся меня охранять. Он даже осторожно укрыл меня теплым пледом. Я хотел его поблагодарить, и вообще мне хотелось сказать доброе слово доброму Сенечке. Но я не успел. Я провалился в глубокий сон, как в пропасть. Как в неопасную пропасть. Из которой всегда можно выбраться с приходом утра, с восходом солнца. В отличие от реальности. Которой никакое утро, никакой восход солнца уже не помогут.

И приснилась мне черноволосая девушка в цветастой юбке до пят. Ее тонкую длинную шею украшали ряды разноцветных бус. Она бежала по бескрайней степи, под палящим солнцем, в своей узенькой ладошке она сжимала раскрытый зонтик Гашека. И я подумал, что здесь дождей не бывает. И быть не может. Здесь всегда жарко. И мне так захотелось ей это объяснить. Что этот зонтик напрасен. И что многое, многое в жизни напрасно. Даже, возможно, – все. Разве что солнце не напрасно, и эта степь. А этого для жизни так много. Если живешь не один, если живешь вдвоем. Я так хотел ей рассказать об этом. И я побежал за ней. Я бежал легко и весело. Я легко и весело ее догнал. И схватил за плечо. И повернул лицом к себе. Передо мной стояла старуха. Седые брови, исполосанное морщинами лицо, черные круги под черными глазами. Горький мог написать «Старуху», я в этом уверен. А Гайдебуров ее сыграть. Я в этом тоже уверен. Гайдебуровская старуха, почему бы и нет? Я хотел закричать, что так не бывает. Что она совсем юная. И юный поворот головы, и тонкая талия, и легкая

поступь. Ведь так не бывает. Где-то вдали Сенечка махал полосатой палочкой. Но дорога была пуста. Сенечке не нужно было дирижировать палочкой. В степи дирижеров не бывает. Может, он звал старуху к себе? Или дирижировал нами? Но ведь мы не машины. Хотя... Старуха засмеялась. Она дышала на меня мятой, или лимоном. Или и тем, и другим... Я хотел закричать, но подавился. Мне показалось, я подавился жизнью. Я громко откашлялся и выплюнул кусок жизни на раскаленный песок. Жизнь была маленькой и круглой, как глобус. Как волейбольный мяч Моргана. На ней были обозначены могилы моих родителей и друзей. И неизвестные могилы тоже. На ней был обозначен философский факультет и пень от березы за окном. И умерший завод, с трубы которого валил пар. И старушка с исхудавшей дворнягой в переходе. И хромым дворник, сжигающий листву. И толстый румяный Гарик Вышкин, бросающий деньги, много денег, в осенний костер. И супермаркет, в котором много, много людей с одинаковыми лицами и одинаковыми пакетами, заполненными мылом. И Тася в плюшевых тапочках с мордочкой мишки красила розовым лаком длинные ногти. А Наполеон разношивал новые ботинки. А Менделеев продавал чемоданы в антикварной лавке. А Виктор Серж переставлял стрелки часов ровно на О. И Виола пила с венецианского графина. И черт в нем становился все толще и ярче, по мере убывания жидкости. И Роман, так похожий на постаревшего Кая, долбил киркой лед. И Косульки жарили мясо прямо на снегу. И на красном снегу лежали убитые олени, косули и даже свинья. А художник Пукирев исправлял на своей картине «Неравный брак» название, закрашивая приставку «не». И где-то тихонечко хихикал гайдебуровский старик. Но я его не видел. Господи, эта жизнь казалась такой скучной и неинтересной. Если бы не тоненькое, вкрадчивое хихиканье гайдебуровского старика.

Проснулся я от горячего дыхания, которое пахло то ли чаем с мятой, то ли с лимоном. Уж очень знакомое тепло. Особенно, когда простужен. Оставалось надеяться, что дышал на меня не Сенечка. Еще чего не хватало! Подкрадываться среди ночи и дышать! И все же я не торопился открывать глаза. Может, опасался, что мне очень понравится это дыхание, родное оно было, что ли. Что ли из детства. Оно согревало мое лицо, и лицо розовело. Хотя вряд ли это было заметно из-за седой, настоящей моей бороды. Мне не казалось все происшедшее дурным сном. Я все отчетливо помнил. Что было вчера, что позавчера, что несколько месяцев назад, когда я совершил убийство. Именно я. А не убили меня, как все утверждают. Явь до мельчайших подробностей пронзала мое сознание. Я по-прежнему не хотел просыпаться, чтобы с ней вновь и вновь не столкнуться. Хотя сон был не из приятных.

Но не мог же я вечно закрывать глаза на действительность. По меньшей мере, для этого нужно стать слепым. Наконец я собрался духом и разодрал слипшиеся веки. Не для синонима говорю слипшиеся, чтобы заменить выражение – открыть глаза. Просто у меня, похоже, начиналась катаракта. Болезнь стариков. Грустная болезнь, как и сама старость. И хоть мне не нравился этот мир ярким, в многообразии цветов, слепым немощным старцем я себе нравился еще меньше. Но мне понравилось то, что я увидел. И действительность постепенно отступала и наступала радость. Которая наверняка ошибочная, как всегда у меня и бывает. И наверняка не настоящая. И наверняка кратковременная. Но в моей бесконечной грусти я этой маленькой радости безумно обрадовался.

Надо мной склонилась Дина. Черноволосая, черноглазая, чернобровая. Так похожая на цыганку. Может, и впрямь она цыганка? Но что бы это изменило? Впрочем, оправдало бы воровство. Как-то цыганам воровать можно и общественное мнение их не судит.

- Дина! – прошептал я. Но это я так думал, что прошептал. Слишком много громких чувств нахлынуло в миг на меня. И этот миг просто не мог быть тихим.

- Т-с-с, - Дина приложила указательный палец к губам. – Не кричите так громко!

Честное слово, я хотел кричать тихо!

Дина кивнула в сторону Сенечки. Тот, свернувшись калачиком, крепко спал на раскладушке. И даже сладко посапывал во сне. Он был плохой охранник. Его место на бурной, кипящей, грохочущей дороге. А не в 4-х стенах, где поселилась вечная старость. Даже если старые вещи унесены. Даже если все в цветах, хотя и они уже почти погибли.

- Откуда ты, Дина? И зачем ты? – мне хотелось добавить, что цыгане не возвращаются. Они все время идут вперед и уходят. Им нельзя возвращаться, слишком много они уносят с собой. Но я лишь крепко сжал ее руки. Снова неточность! Я не мог крепко сжать руки. В них было мало силы. Мое недавнее прошлое было свежим, румяным, здоровым, в отличие от меня. И я не мог с этим смириться. Мои мысли были молодыми, дерзкими, в отличие от меня. И меня это угнетало. Пожатие получилось вялым, безжизненным. И я расстроился.

- Вам нужен адвокат, дорогой, - в ответ Дина сжала мои руки. Крепко сжала. Право, молодость давала на этой ей право. – Не унывайте. Адвокат будет. Он очень, очень дорого стоит. Поэтому я и украла вещи, чтобы потом их продать, если вас будут судить. Похоже, вас судить будут. И вам нужен очень дорогой адвокат.

- Разве он может быть дороже истории? Какая ты еще молоденькая, Дина, - я не сдержал снисходительной улыбки, на которую способны лишь старые люди. А еще я почему-то расстроился, что она не цыганка. Мне в эту минуту непременно хотелось, чтобы она оказалась цыганкой. И рассказала о своих дорогах. Возможно, мне хотелось побывать там, где я никогда не бывал и уже не буду. И чтобы мысли и мечты бродили вместо меня вместе с табором. Я даже был готов простить мои пропавшие антикварные вещи. Вот, я уже говорю «мои». Впрочем, я их заслужил. Слишком дорого я за них заплатил. Чтобы что-то купить, всегда нужно что-то продать. И чем дороже продаешь, тем дороже и покупаешь. Но сделки, как правило, неоправданны. Поскольку ты продаешь свое. А покупаешь чужое. А кто знает, на пользу ли нам это чужое? И нужно ли вообще? И стоит ли оно нас самих?

- Эх, Дина, Дина, - прохрипел я и закашлялся. Похоже, начинался бронхит. - Можно было бы продать всего один стул от Этель Войнич. Знаешь, она писала на нем своего «Овода». И сам Овод сидел или мог сидеть на этом стуле. У меня всегда было ощущение временного его отсутствия. Казалось, он вот-вот зайдет, слегка прихрамывая, и займет свое место, чтобы дать отдых своей больной ноге. Может, все это и не правда. Но мне хотелось, чтобы было правдой. В конце концов, что такое правда? Она целиком зависит от нас, нашей фантазии или нашей веры. И этого стула было бы более, чем достаточно, чтобы оплатить адвоката.

- Тихо, ну пожалуйста, потише, Сенечка может проснуться, и вы все напортите.

- Да не проснется он. Он слишком молод, чтобы проснуться от шепота в три часа ночи. Ты когда вернешь вещи, Дина? Они мои. И воровать нехорошо такой хорошенькой девушке.

Если бы она оказалась цыганкой, клянусь, я ничего подобного бы не сказал!

- Извините, но я пока не верну, - Дина потупила глазки, словно ее уличили в краже яблок в соседнем саду.

Эх, помнится, как я в детстве ездил к своей бабушке в деревню. И воровал яблоки у ее соседа! Золотое было время! Как золотой ранет. Сочное, прозрачное, как белый налив. Причем яблок у моей бабушки было пруд пруди, их некуда было девать. Они гнили под ногами. Бабушка просто их ведрами выносила и ставила у калитки. Угощайтесь, кому ни лень! Но всем было лень. Всем в деревне яблок хватало. Но мы, мальчишки все равно хотели их воровать. Чтобы никто не видел. Никто не заметил. Чтобы все украдкой. Ноги подкашиваются от страха. И комок в горле : вдруг засекут? Нас заловили лишь один раз. И нам влетело по полной! Хотя яблоки гнили, и яблок хватало всем. И никто не жалел яблок. Просто дело было не в яблоках, пожалуй. Дело было в детстве. Золотом, как золотой ранет. И сочным, прозрачным, как белый налив. И моей бабушке, и ее соседу, и всем жителям поселка так почему-то хотелось, чтобы о детстве в деревне остались только самые счастливые воспоминания. Впрочем, они в любом случае были бы самыми счастливыми. Разве можно быть несчастным в яблочном саду.

Но это был не яблочный сад. Это антикварная лавка. И Дина не подросток. И, увы, даже не цыганка. А жаль.

- Поймите же, дорогой, - зашептала Дина, до боли сжав мои руки. – Я не могу пока все вернуть. Честное слово не могу! Я сама, собственными ушами слышала, как был сговор против вас. Вас по-настоящему хотели обокрасть! И вот тогда... Если бы не я, вы бы уже точно ничегошеньки не вернули. Потому что они говорили... Говорили так, словно подчеркивали важность каждого слова. Что вы... Ну, будто бы убийца и в милицию сообщить побоитесь. Вот так. Они говорили, опять так важно, будто им нравилась, очень нравилась эта мысль. Что убийца вора разыскивать не станет. Ему самому нужно спастись, а не спасать ворованное. Что жизнь дороже вещей. Может, они были правы? Ведь вы на меня не заявили? И мы их обманули. Здорово все вышло, правда?

- Сговор? Они? Кто, кто они, Дина – я нахмурился и схватил ее за плечи. – Ты только скажи кто?

Дина вздохнула. И вытерла капельки пота с открытого лба.

- Если бы я могла знать. Если бы знала. Я тогда на улице торговала. Была такая метель. Помните? Она кружилась, кружилась, и ветер. И ничего не было видно. И я спряталась под навес. И эти слова принесла мне метель, или ветер, не знаю. Во всяком случае, ко мне эти слова дошли уже искаженные, что ли. Ни мужчина, ни женщина, ни старый, ни молодой – ничего не понять. Ветер и метель все искажают. Даже наши лица. Старше мы становимся, что ли. Вы заметили, что цветочницы рано стареют, потому что все время на улице. И при этом их всегда называют девушками. Потому что тех, кто торгует цветами, по-другому трудно назвать. Но... Скажите, дорогой почему вы на меня не заявили? Почему? Потому что вы убийца или... Или что?

- Или что, Дина, или что. Но что – уже наверно не имеет значения. А ты случайно не цыганка? Только цыгане так виртуозно могут все своровать.

- Случайно нет. Но случайно моими друзьями оказались цыгане. Они и впрямь виртуозы.

Уже легче. И все же я не понимал. Впрочем, что тут понимать? Ну, какие-то гастролеры решили поживиться за счет старика. Что тут удивительного. Никто мою лавку не охраняет. А в лавке очень даже много чего. Из-за чего могли и убить. Получается, Дина не только спасла мое драгоценное имущество, но и мою не очень драгоценную жизнь. Благодарить ли ее за это? Или все было бы гораздо проще, если бы не она. Я чувствовал, что у меня нет сил, бороться за эту жизнь. Я был слишком стар.

- Мы еще поборемся, дорогой, не переживайте, - Дина положила руку на мою ладонь. Так ласково, нежно. Холодное прикосновение ладони в натопленной

комнате. Словно протянула свою жизнь. Чтобы я мог ею воспользоваться. Если своей уже не могу.

- Вы мне верите, дорогой?

- Я не знаю, Дина, не знаю.

- Знаете, сколько мне пришлось бороться! И я сумела! И никогда не отчаивалась. И вы сможете.

- Сколько у меня той жизни, Дина? И даже эта малость, вряд ли уже радуется.

- А сколько бы ни было! Даже если всего один месяц остался! Что месяц, даже день! Нет, даже если всего один час! Представьте! Как можно прожить всего час! Можно его проспять, можно проесть! А можно прожить! Знаете, сколько за час можно увидеть! Вы только посмотрите! Даже из вашего замерзшего окна можно увидеть звезды! А звезды в городе – это такая редкость. Пожалуй, они больший раритет, чем все ваши антики. А если мы выйдем на улицу! Мы увидим деревья в снегу, это красиво, честное слово! Мы почувствуем, как снег падает на наше лицо! Прохладный, мягкий снег! И фонари! Они освещают улицу, словно солнце, словно луна. И улица уже другая. В снегу, при свете фонарей, она сверкает. Можно даже услышать молчание ночи. Молчание ночи больше говорит, чем все слова, сказанные при свете дня. И еще за этот час мы можем все узнать друг о друге. И как здорово рассказывать друг другу истории своей жизни и растирать продрогшие от холода руки. И растирать замерзшие лица. А потом вернуться в натопленную комнату и поставить на плиту чайник. И ждать его протяжного свиста. Словно ждать поезда, который может унести от всех, всех бед. Разве этого мало? И разве за это не стоит бороться? За один час. У многих вся жизнь не стоит одного такого часа. Глупая, никчемная жизнь.

Я взбодрился, и ей богу, помолодел, ей-богу сбросил этак годков двадцать. Что с нами делает любовь? Даже если нас не любят, а просто жалеют.

- И что ты предлагаешь, Дина? – старость цеплялось за молодость.

Старость не верила в свои силы.

- Я предлагаю доказать, что вы ни кто иной, как Григорий Карманов! Что вы живы-живехоньки! И, следовательно, убийства никакого не было! И быть не могло, если нет даже трупа!

- Дина, Дина, но как? – мое сердце заколотилось. Комок в горле застрял, как тогда, в детстве, в яблочном саду. И этот комок – целая жизнь. Стоит только откашляться и выплюнуть. Мне вдруг показалось, что я могу умереть. Нет, мне одного часа мало. Мне нужно доказать. И значит выжить. Чтобы увидеть улицу в свете фонарей. И услышать молчание ночи. И дожждаться гудка паровоза. – Как, Дина, как?

- Сдать свою кровь.

Я вновь постарел в один миг. Сгорбился. И опустил руки вдоль кресла. Господи, как просто. Действительно, просто сдать свою кровь. Это она на глобусе. Это она в подвале. Кровь от случайно порезанного пальца. И как я раньше до этого не додумался? Или не пожелал додуматься? Что я скажу, если сдам кровь? Вернее, что это изменит, если я смогу доказать. Разве что не сяду в тюрьму. А остальное? Я вдруг представил лицо Таши, искаженное торжеством и злобой! Ее час наступил! Перед ней ее парень! Гришка Карманов, который не захотел жениться на ней! Который ее унижал бедностью и пьянством! Что теперь из него вышло? Уродливый дряхлый старик! Я вдруг представил лицо репортеров, которые, как голодные волки, набросятся на меня. Сенсация века! За пару жалких месяцев молодой цветущий парень превратился в жалкого старикашку! Я даже представил Косулек, которые шарахаются от меня в страхе! Почему-то Косульки меня расстроили до слез. Они даже не захотят рассуждать со мной об искусстве! Я же не аристократичный старик! И Сенечка побоится ко мне забегать. И Роман

обледенит мою кровь своим взглядом. Он повзрослевший Кай, он это сумеет. А Дина... Что скажет Дина, если это окажется правдой. Если я и есть тот парень, в которого она влюбилась с первого взгляда. Дина, господи, я не подумал! Дина! Почему она это сказала! Спасись, если сдать кровь! Она же ничего не знает, и знать не может!

- Дина, но если я не Гришка Карманов, как я могу сдать кровь?

- Но ведь ты он, - вдруг тихо и просто, и очень уверенно сказала Дина.

Но ее слова прозвучали, как взрыв петарды, нет бомбы, как грохот тысячи, миллион орудий. Я похолодел. Мое сердце вообще куда-то провалилось. И я уже не пытался отыскать свое сердце. Мне даже показалось, что лучше сейчас умереть. Лучше потерять сердце, чем остатки здравого смысла.

- Я знаю, что ты это он. Об этом, возможно, только я и знаю.

- Откуда, Дина? - я нахмурился. Очень уж мне все это не нравилось.

- У вас совсем другие глаза. Совсем не такие, как у старика. Вроде и цвет похож, только у вас они светло зеленые, а у него дремуче болотные. Но даже не это. Даже не в глазах дело, во взгляде, что ли. У него он был... Немного пьяный, даже неприятный. Что-то отталкивающее было в его взгляде. Знаете, как говорят - с поволокой. Но обычно это говорят в хорошем смысле. Для старика эта поволока была дурным смыслом. Словно он все время что-то замышлял. Плохое замышлял. Знаете, можно подделать все что угодно. Люди в принципе не так уж и отличаются друг от друга. Особенно, если они одного роста, примерно одного телосложения. И на лице борода и усы. Кто особенно будет вникать в другие подробности лица, возраста, разве не так? А вот глаза... Их невозможно подделать. В них, наверно, скрывается все. Вернее, в них ничего скрыть нельзя, вы не находите?

- В таком случае... Все равно странно. А Косульки? А Сенечка? Господи, да ладно они, они люди и простодушные, и бесхитростные, в некотором смысле.

- Точнее, глуповатые, - уточнила Дина.

- Пусть так. Но Элеонора Викентьевна! Это же невозможно! Она старика знала сто лет! И у меня подозрение, что все эти сто лет она была в него влюблена на все сто! И не меньше! Она была на нем помешана! Она его боготворила и цитировала как классика антикварного жанра! Она пела ему дифирамбы и не пропускала ни одной щели с пылью! У нее наверняка была тайная мечта женить его на себе! И кто знает, вдруг у них что-то было! Ну, хотя бы в молодости! В молодости часто что-то бывает! И он возможно в силу характера забыл, а она... Она запомнила на всю жизнь эту мгновенную любовь! И чтобы она... И не узнала взгляд! Да этого просто не может быть!

- А вы, сколько вы были знакомы с Элеонорой Викентьевной?

- Ну, я видел ее один раз...

- Один! - Дина торжественно подняла палец вверх. - Один! И скажите, она на вас смотрела? В упор?

- Ну, - я наморщил и без того морщинистый лоб. Я задумался. - Нет, пожалуй, нет, ни разу. Она все время говорила, говорила, но так ни разу и не посмотрела на меня. И меня это обрадовало. Она, наверно, не смотрит на собеседников. Знаете, есть такие люди... главное им говорить, а ответ вовсе необязателен. Иногда он только раздражает...

- Скорее влюбленные люди! И скорее вы правы. Она была влюблена. И когда-то у нее что-то с ним было. И до сих пор она не могла посмотреть ему прямо в глаза. Настолько любила! Вы представляете! Она тоже анахронизм, эта Викентьевна! Тоже антик и раритет! До сих пор ей было и стыдно, и радостно. От стыда она готова была уйти от старика. Но чувство радости при виде его, все

превышало. И она вновь и вновь оставалась. Она была в некотором роде заложницей любви. И заложницей антиквара, который превратил ее в служанку.

- Получается, никто, никто не узнал меня, кроме вас? Но почему, Дина? Ведь вы видели меня... Мельком, случайно... И запомнили взгляд?

Дина улыбнулась. По-детски, ямочками на щеках.

- Как будто, чтобы запомнить взгляд, нужна вечность. Или пуд соли с вами съесть. У меня хорошая память на лица. Я ведь продаю, ни больше, ни меньше – цветы. Я в некотором роде психолог. Я по лицам определяю – для чего человеку цветы. На лицах все написано. Для похорон, для свадьбы, дня рождения, для примирения. Даже для разрыва! Или развода! И то могу угадать! Желтые всегда в точку попадают! А, скорее, холодные хризантемы или официальные гвоздики. Что означает – прощай навсегда! Знаете, люди ведь не хотят с нами вступать в контакт. А многим просто неловко распаивать свою жизнь, вернее показывать ее отрезок. Вот самой и приходится угадывать.

- Я понятия не имел, что для развода нужны цветы.

- А для похорон нужны? Ну, если по сути. Вот так же и для развода.

Вообще, это красиво. Развод с цветами. Но такие чудачки не так часто попадают. Скорее, виноватые чудачки.

- Представляю, как бывшая жена его этими хризантемами...

- А вот это уже послесловие. Меня это не касается. Я ведь только предисловие для этой семейной сцены. А занавес опускаю не я.

И все же Дина ответила не на все вопросы. Она ушла от вопросов, словно взяла меня за руку и повела прогуляться по цветочной оранжерее. Где каждый цветок имеет свое значение. Где, оказывается, есть влюбленные цветы, есть цветы смерти, есть разлучники, есть призы. Кого только нет в оранжерее. Мне же хотелось перехватить ее руку и повести в яблочный сад. Где пахло детством и бабушкиными блинами с яблочным вареньем. Но оранжерея была возможна. Яблочный сад нет. Я как всегда проигрывал. Но меня это особенно не угнетало. Проигрывать я привык. И все же спросил по существу.

- А ведь ты свидетельствовала против меня, Дина? Хотя ты узнала меня с первого взгляда. Я никогда не забуду, как наши взгляды встретились. Знаешь, будто на дороге, сумасшедшем шоссе, где правит автомобильный бал Сенечка. И на этой дороге с огромной скоростью, превышающей все возможные пределы, столкнулись две машины. Я еще подумал, почему? Я – понятно. Но ты? Теперь понимаю. Я влюбился с первого взгляда. Ты меня с первого взгляда узнала. Но свидетельствовала против меня.

- И отказалась от своих показаний. Довольно легко, разве не так? Ладно, я узнала с первого взгляда, но разве можно поверить с первого взгляда в такое?! Вы только подумайте! Поверить и осознать!

- Увы, нет, - я вздохнул. Я признал свое поражение. – И кто поверит в такое, даже если я сдам кровь. Кто?

- Все! Во-первых, кровь на глобусе совпадет с вашей. Во-вторых, трупа нет. А в-третьих, мы заставим и Сенечку, и Косулек вспомнить старика. А Тасю вспомнить вас. Ну, хотя бы по взгляду, по манере говорить, двигаться. К тому же они действительно доверчивы и глуповаты.

- Для лжи их доверчивость впору. А такой правде доверчивость помешает. К тому же, в любом случае, ты защищаешь убийцу. Уже не важно - убийцу кого. Правда - одна, – я в упор посмотрел на Дину. Впрочем, от нее я мог ожидать любого непредсказуемого ответа. Он таковым и оказался.

- Знаете, я никогда не поверю, что вы убили. Во всяком случае, сознательно. Скорее, этот старик был способен на преступление. Во всем его облике сквозило что-то зловещее. Какой-то скрытый порок. И эти мертвые вещи,

на которых он был помешан. И эта антикварная лавка, словно склеп, в котором захоронили хозяина вместе с драгоценными вещами. И он наконец-то решил восстать. Вдруг вы убили само зло?

Я не выдержал и рассмеялся. Все-таки, какой она еще ребенок! Я тут же машинально стал ощупывать зубы. Вдруг я смеюсь беззубым ртом. Перед девушкой! Так неловко! Как ни странно, все зубы были целы. Видимо, в отличие от всего остального, зубы так мгновенно состариться не могут. Хотя в обыденной, равномерной жизни, из года в год, они старятся раньше всего.

- Но есть еще, Дина. Это я насчет крови. Знаете, они могут заявить, что кровь старика антиквара и Карманова совпадали. И тогда точно не развязать узлы.

- Еще как развязать! – Дина потуже завязала цветастый шерстяной платок, наброшенный на острые плечи (как у цыганки). – Да, старик избегал врачей. Он им не доверял. И считал, что без них можно выиграть у жизни много дополнительных лет. Если хорошенько поторговаться. Он всегда торговался. А врачи, как налоговики. С ними годами не разживешься. Не знаю, насколько он прав... Но! Тем не менее, анализы его крови сохранились! И все благодаря его подружке Викентьевне. Как-то ей удалось его уломать, уговорить. Нет, вернее, обхитрить. Она сказала, что его кровь нужна для истории! Может быть, даже удастся его клонировать! Представляешь! Сыграла на тщеславии старика! Тот уши и развесил. Этаким Наполеон в глубокой старости, если бы тому посчастливилось постареть. И кому нужна его кровь? Если и Наполеона-то не нужна. Кому теперь какое дело, сколько у них было эритроцитов, лейкоцитов и тромбоцитов. Превышали они норму или наоборот. А старик был фанатично уверен, что он тоже часть истории, как и его вещи. Думаю, он глубоко разочаровался, узнав, что его забыли бы на следующий день. А его вещи нет. Поскольку они память. А он всего лишь кладовщик памяти. Понимаешь?

- А что тут не понимать, Дина? Но где эти анализы? Мне они, во всяком случае, не попадались.

- Викентьевна взяла их себе на хранение. Мол, у нее надежнее. Если со стариком что-нибудь случится (упаси боже, она и мысли такой не допускает и все же...). Так что я проникну сейчас же в ее дом. И раздобуду их. Викентьевна меня любила. И считала, что во мне кипит цыганская кровь. А от цыган можно ничего не скрывать. Они секреты уносят с собой, в дорогу. И, как правило, она со мной была откровенна. Так что мне много времени не понадобится.

Мы так заболтались, что не заметили, как подступило утро. Это было зимнее, позднее утро. Резко погасли звезды. И было еще темно, но можно было понять, что это утро. Машины стали визгливей, а люди громче.

И Сенечка зашевелился на раскладушке.

Мы подкralись к вешалке, и я набросил на Дину меховое манто.

- Ты иди, Дина. Тебе лучше уйти. Для них ты всего лишь воровка.

- А ты скажи, что цыганка. Они и поверят, и простят.

Дина выскользнула за дверь. И растворилась в заснеженной улице. Среди заснеженной толпы. И заснеженных домов. Смуглая, черноглазая она ослепительно смотрелась на фоне белого снега. И на ее черные волосы, которые она так и не покрыла платком, и на ее черное меховое манто, падал, падал ослепительно чистый снег.

Сенечка, часто моргая рыжими ресницами, непонимающе смотрел на меня спросонья.

- Вы уже на ногах, дорогой? Ну конечно, безусловно, в ваши-то годы. И спите вы, чай, не много. Почему так все несоответственно? Несоответственно? Не по протокольному, что ли. В ваши-то годы и поспать подольше не грех. Спешить,

поди, некуда. А вот мне недурно было бы спать поменьше. Столько ответственных поручений! А глаза так и слипаются. Похоже, проспал я весь караул, - виновато сказал он. Будто я его за это мог отругать.

- А куда бы я сбежал, Сеня? Мне бежать некуда. У меня никого и ничего нет.

- И это верно, – Сенечка широко зевнул и потянулся. – А мне приснилась красивая девушка. Лица не помню. Но знаю, что красивая. Она склонилась надо мной, и ее черные длинные волосы упали прямо на мое лицо. Она все время что-то шептала. Наверно, слова про любовь. Думаю, красивые слова. Ведь шепчут только про любовь? Вы как думаете, Аристарх Модестович?

Я пожал плечами. Меня это задело. С какой стати Сенечке Дина шептала про любовь?

- Не знаю, Сенечка, мне кажется, шепчут тогда, когда не хотят, чтобы кто-то посторонний услышал.

- Вот и я о том же, дорогой! Всегда не хотят, чтобы посторонние слышали про любовь. Вы как думаете, сон в руку?

- А я думал, ты Тасю забыть не можешь, - резко ответил я.

- Тася – это первое глубокое разочарование юности. Такое и впрямь не забывается, дорогой. Но очень, очень хочется, чтобы поскорее забылось. Про неприятное всегда хочется поскорее забыть. К вашим годкам, вы как считаете, я все забуду?

-Может и гораздо раньше.

До ста лет нужно еще уметь дожить, с раздражением подумал я. Сенечка вряд ли сумеет. Впрочем, почему я так разозлился на этого простодушного лопухого парня? Если он всего лишь увидел сон, в котором непосредственно повинны мы с Диной. Если бы Дина не пришла, и сна бы никакого не было. И уж тем более, ни о каком сне в руку не может быть и речи. Если он искусственно создан. Я успокоился и примирительно улыбнулся парню.

- Тебе пора на работу, Сеня. Иначе на улице создастся аварийная ситуация. Похоже, усиливается метель.

Сенечка махнул рукой и вновь сладко зевнул.

- Приказано дожидаться следователя. А я выполняю точно приказы. К тому же за меня сейчас светофор работает. Он тоже надежный постовой. Хотя на нашем перекрестке иногда барахлит. Вот вы поверите, дорогой, сколько я и в высшие инстанции обращался, вы же знаете, я человек ответственный. Сколько умоляющих писем написал. Бывало и кулаком по столу. Правда, кулак потом так долго болел. Даже по району прошелся для сбора подписей. Все как один подписались. У нас очень добросовестный район. Ан, нет! Никакого ответа! Правда один человек на должности, солидный такой человек, вы его наверно знаете, но фамилии упоминать не буду, и не просите. Так вот он и намекнул, мол, машина человека не подменит. Особенно когда не за страх, а за совесть, как я.

Сенечка даже приосанился, вытянул вперед живот. И стал выше ростом.

- Ты совестливый человек, Сенечка, – ответил я, вспомнив как сегодня ночью он «караулил» меня. Впрочем, я не в счет. Сенечка доверял мне и питал некий пиетет. Да и я с ним всегда мог договориться. Как сейчас, мы дружно договорились выпить крепкого чаю. «Чтобы проснуться окончательно», как заявил Сенечка. Мне же чай был нужен, чтобы не уснуть.

Под свист чайника и явился Роман. Стряхнул снег с клетчатой кепки английского фасона и пальто. Медленно прошел в комнату.

- Недурно вы приветствуете с утра гостя.

- Дорогого гостя, - уточнил Сенечка. Ему так и хотелось угодить Роману, поскольку он чувствовал вину за то, что не выполнил его поручения. И проспал.

Сенечка стал тщательно стряхивать снег с воротника пальто у Романа. Хотя снег уже успел растаять.

- Обошлось без эксцессов? – ледяной взгляд Романа так и впился в Сенечку.

Сенечка поежился, словно от холода. Хотя в комнате было хорошо натоплено.

- Естественно, - ответил я за парня, – а что могло приключиться? Разве что, мы не сомкнули целую ночь глаз. Сеня, как ответственный работник, по долгу службы. Я от переживаний.

Сенечка бросил благодарный взгляд в мою сторону.

- Да уж, - Роман сделал глоток чаю, который услужливо ему налил Сенечка. – Есть за что переживать. Плохи ваши дела, Аристарх Модестович. Это я вам без преувеличений заявляю. Граждане Косулевы не ошиблись. Это я про группу крови. Которую обнаружили в подвале. И суда вам, похоже, не избежать. Хотя я вам сочувствую. В вашем возрасте уже другой суд, пожалуй, нужен. И далеко не здесь.

- Я не тороплюсь на другой суд. Меня пока этот устроит.

- Вот и славненько. Впрочем, как я вам уже заявлял, при хорошем адвокате, вас вполне могут признать невменяемым.

Сенечка закашлялся. И отставил чашку с чаем.

- Я это... Чего хотел сказать. Вы же знаете, я человек дела. И слова тоже. Это все в нашем районе знают. Могу даже предоставить рекомендательные письма от жителей. А то и попрошу одного человека на должности, вы его знаете, но фамилию пока что разглашать преждевременно. Это лишь по случаю.

- Что вы хотите сказать? – резко прервал его Роман.

Я тоже понятия не имел, что хотел сказать Сенечка.

- Ну, в общем, на досуге, я занимаюсь научной литературой по юриспруденции. Особенно меня адвокатура интересует. Я уже отмечал, что журналы многие научные выписываю, даже конспектирую витиеватые цитаты и мысли всякие. И потому как посмею вам предложить мои скромные услуги. Ей богу, Аристарх Модестович, я вас не подведу. Вы знаете мою ответственность ко всем вопросам. И ни копейки с вас не возьму, поскольку почтительно, со всем уважением к вам отношусь. Да и вы теперь находитесь в бедственном положении, что я тоже учитываю.

Я похлопал Сенечку по плечу. Пожалуй, вышло слишком фамильярно для его высокопарной организованной речи. И Сенечка растерялся. Словно подумал, что я шучу над ним. Я изобразил серьезный вид.

- Спасибо, Сеня. Меня очень тронуло твое внимание. И в случае чего, первым делом я непременно обращусь к тебе. Поскольку в твоей компетентности не сомневаюсь. Но я так думаю, что адвокат мне не понадобится. Я собираюсь сдать сейчас же, сиюминутно свою кровь. Можете звать Косулек. Они тоже компетентные и ответственные люди. Брать кровь у животных, а потом резать их, это, знаете ли... Для этого нужна и сила воли, и материалистичное знание жизни. И принятие ее. Такое во сне не приснится!

- Точно, во сне!

Сенечка вдруг вскочил с места, пролив чай на свои брюки. Тут же стал тщательно тереть пятно. Оно расплылось еще больше.

- Ну, конечно, во сне. Как же еще! Эта девушка из моего сна, помните, я говорил, дорогой, – Сенечка мельком взглянул на меня и вновь принялся за чистку брюк. – Эта красивая девушка, хоть я не помню ее лица. Она тоже говорила – нужно сдать кровь и тогда все наладится.

Да, похоже, Сенечка меня сдал. Дешево сдал, хотя и не хотел этого.

- Девушка? Во сне? - Роман нахмурился. – Пожалуйста, дайте подробное описание ее внешности. И поточнее воспроизведите ее слова.

- Подробное? Воспроизвести? – Сенечка растерялся и уселся на место, хлопая рыжими ресницами.

- А что, в свидетели уже годятся люди из сна? – съязвил я. – Не думал, что наша милиция занимается фантасмагорией. Может вам впору еще привлечь ясновидящих и гадалок?

- Зря вы иронизируете. Сны это та часть мозга, которая скрыта для внешнего мира. Но немаловажна. Там столько может сохраниться полезной информации! Важнейшей информации, о которой мы можем и не подозревать. Как в компьютере. Только нужно вовремя надавить на нужную клавишу. Чтобы она случайно не стерлась.

- На клавишу? – Сенечка растерялся еще больше. И так сдвинул рыжие брови, словно со всей силы давил на клавишу своего лба. – Ну, я точно вряд ли... воспроизвести. Черноволосая она была. И просила сдать кровь. «Кровь на глобусе совпадет», так сказала она. Так точно, именно так! - буквально процитировал Дину Сенечка. Клавиша сработала.

- Замечательно! – Роман встрепенулся и встал с места. И протянул руку регулировщику. – Просто замечательно. – У тебя прекрасная память, Сеня. И голова работает, как надо. Пожалуй, я непременно доложу об этом твоему знакомому должностному лицу. Что-то ты засиделся... Вернее застоялся на дороге. Чтобы рисковать такой головой! Такие, как ты, люди, нужны в кабинетах.

Сенечка крепко тряс рукой в ответ. И рассыпался в благодарностях и любезностях.

- Бесконечно, безмерно вам благодарен. От всей души... Если что, я всегда к вашим услугам... Вот только... Только прошу, умоляю... О кабинете ни слова. Дорога – она знает, мое, - Сенечка постучал кулаком в грудь. Похоже, в его груди тоже кипела дорога. – Понимаете, мое. Я же с детства хотел быть автогонщиком. Но не вышло. Никак не вышло. Плохая реакция на скорости, понимаете ли. То есть переключение скоростей. Чуть не сорвался. А тут... Вроде и автогонки, вроде я в гуще их, и вроде даже управляю автомобилями. И вроде даже рискую, и в любой момент могу погибнуть. Но все со стороны, понимаете! А со стороны и виднее, и грамотнее, и организованнее - со скоростью не ошибешься. А кабинет загубит меня. Я же без дороги ничто! Ноль без палочки, – Сенечка вытащил свою палочку регулировщика и виртуозно, как жонглер, подбросил ее вверх и словил. – Я дышу дорогой и наслаждаюсь скоростью. Если бы я был поэтом, непременно бы сочинил песню про дорогу. А в кабинете, я точно ничего не сочиню. Только не кабинет.

- Ладно, ладно, Сеня. Я тебя понял. – Роман легонько подтолкнул Сенечку к двери. – Вон, и светофор уже погас. Тебе пора на дорогу. Пора дорогу спасти.

Сенечка выскочил за дверь. И я услышал издали, как он поет песню про дорогу. Чужую песню. Но пел ее он так душевно, с таким надрывом. Держа палочку, как микрофон, что я понял, поэтом в мировом масштабе, может, он и не станет. Но на одном отрезке гудящей дороги, в одном отрезке светящегося от фар времени, в одном отрезке сумасшедшей скорости, он все же, поэт мировой.

Мы остались с Романом наедине. Впрочем, это Роман сделал все, чтобы так случилось. Я этого, клянусь, не хотел. Мне не хватало Сенечки. С ним всегда было как-то по-домашнему спокойно. По-родственному уютно.

Роман улыбался. Я редко видел, чтобы он улыбался. Что-то в его улыбке было... Я бы мог сказать красиво - холодное, ледяное, замерзшее. Но не хочу повторяться. В его улыбке было просто что-то противное. Гаденькое и изворотливое.

- Так, так, - протянул Роман, наливая очередную чашку чая. Пожалуй, уже третью по счету, нет, четвертую. Пьет не в себя, как водку!

- Значит, черноволосая девушка из сна. Похожая на цыганку.

- Про цыганку он не говорил, - отрезал я. И решил не притрагиваться к чаю назло ему. Хотя он вряд ли из-за этого расстроится.

- Это сказал я. Потому что ждал этого. Рано или поздно, она бы вас навестила. И, безусловно, не во сне.

- А вам какое дело, гражданин следователь! – Мой тон был откровенно хамский. Так долгожители не отвечают. Время сделало их рассудительными. И тем более, если долгожители - антиквары. – Ну, пришла и пришла. Что, ко мне ночью не может придти девушка?

- К вам???

Роман откровенно расхохотался. Я вообще не помнил, чтобы он когда-нибудь смеялся. Во весь голос, вызываясь громко. И тоже очень противно. Когда само лицо недвижимо, мимика отсутствует, гримасы не выступают. Лицо стянуто как маска. И только смеющийся рот живой. Словно его дергают за ниточки. Как в кукольном театре. Конечно, для взрослых. Дети бы перепугались.

- Ко мне, - с достоинством ответил я, сжав кулаки. На подобный взрыв хохота нужно отвечать безразличием и краткостью. С безразличием получилось. С краткостью – нет.

- А что во мне не так? Что? Или дело в ночи? И чем ночь отличается от утра, если приходит молодая девушка. Или вы считаете, что я для ночных визитов слишком стар...

- Это не я считаю, уважаемый! – резко перебил мой монолог Роман. – Это у вас на лице написано. И не на лице тоже.

Против лица и того, что на нем написано, я ничего возразить не мог. И поэтому вытащил козырь из рукава.

- Вы знаете, что сохранились подробные анализы крови настоящего Аристарха Модестовича? Вижу по вашему выражению лица, что вы не в курсе. Они в квартире безвременной почившей Элеоноры Викентьевны.

- Элеоноры...Анализы? – Роман вздрогнул. Я впервые видел, чтобы он вот так вздрагивал. Словно его ударили током. Это меня взбудрило. Хотя это было мгновение, как и после любого удара током. К тому же он очень даже выжил.

- Именно анализы! Из этого следует, уважаемый (я не выдержал и передразнил его), что анализы крови Карманова, известные вам благодаря неизвестной девицы Таисии, будут сопоставлены с анализами старика-антиквара. Которые будут незамедлительно доставлены. И мы сможем безошибочно определить, кто есть я на самом деле. Так сказать установить мою личность. Факты не оспоришь. Особенно если они изложены на медицинском бланке. И заверены сургучной печатью.

- И окроплены кровью, - Роман явно решил меня запугать, впившись в меня прозрачными, как льдинки, глазами. Интересно, летом его глаза тоже ледяные или все же тают, как тает все летом. Или он мне не верил? Думал, что я блефую? Нет, не похоже. Похоже, что он сам испугался. Но почему? Он искренне не верил, что я вдруг могу оказаться Кармановым, молодым, сильным парнем. В это уже с трудом верил и я. Тогда чего он боялся? Чувство страха не в его стиле. В его стиле ледяные глаза и замерзшие чувства. Которые не тают даже летом. Хотя летом тает все. Но, возможно, в его организме встроенный холодильник? Я бы не удивился. Сегодня возможно все.

А потом он и вовсе меня удивил. Вдруг он стал пятиться к двери, так же не отводя от меня ледяного взгляда. И казалось, что льдинки вдруг выпадут из глаз и разобьются вдребезги. Я вообще не видел, чтобы люди так натурально пятались.

Скорее, это было придумано образное выражение для людей, делающих пару шагов назад. А пятиться вообще невозможно. Люди назад не ходят. Они ходят только вперед. Даже если впереди их ничего не ждет хорошего. И все хорошее позади.

А Роман именно пятился. Причем так умело, так безошибочно, что даже не врезался ни в стул на пути, ни в раскладушку, на которой спал Сенечка. Вот тот бы наверняка оценил его передвижения, сравнив с умелым задним ходом машины.

И в этот миг раздался свист чайника, который я поставил вновь на плиту. Поскольку Роман вдруг оказался чаелюбом. Роман пятился под свист. Пронзительный свист. Словно зрители с удовольствием освистали неудавшуюся игру артиста.

У выхода Роман притормозил и так же, не поворачиваясь к двери, нащупал ручку, открыл двери и без единого слова, юркнул на улицу.

Я так ничего и не понял. И даже приоткрыл рот от удивления. И даже забыл посмотреть по привычке за окно, и не успел заметить, в какую сторону ушел Роман.

Когда я опомнился от удивления и бросился к окну. Романа уже и след простыл. Зато к антикварной лавке бежала Дина. В своих руках она несла земной шар. А мне казалось, она несет всю нашу землю, а не ее модель. Целый мир, а не его копию. Где возвышаются лесистые горы в голубой дымке. Где спокойно текут реки и рассудительно втекают в моря. Где страны уживаются друг с другом. И так похожи. Где города зажигают по вечерам огни, чтобы утром их отключить. И все начать сначала. Где есть даже яблочный сад, в который я непременно приглашу Дину. Хотя мы уже не дети. И угощу бабушкиным яблочным вареньем. Хотя бабушки давно нет. И обязательно ей скажу, что мне бы так хотелось вернуться в детство. Не потому что там все так просто. Просто с детства всегда можно начать все сначала. Но я не в силах включать по утрам и выключать по вечерам свет. И свое время я не в силах зажечь снова. Похоже, погасло оно навсегда.

И главное – на этом маленьком земном шаре. Вернее, на его модели. Нет войн, нет разрухи, нет голода, нет предательства, зла, или просто измены. И нет кладбищ и больниц. И нет убийств. И даже моего убийства нет. Хотя это не значит, что их нет вообще. Просто их здесь не видно. Они не отмечены. И когда смотришь на глобус, кажется, все так и есть. Все так мирно. И все так гармонично. Так логично. Так счастливо.

В руках Дины наш земной шар выглядел так значительно, так торжественно, что казалось от того, как она пронесет этот глобус, зависят судьбы нашей земли. Она так крепко обхватила мяч руками, словно боялась, что он упадет или его выхватит какой-нибудь местный воришка. К тому же для маленькой хрупкой Дины он был достаточно тяжел. И она даже один раз поскользнулась на ледяной дорожке. И у меня перехватило дыхание. Казалось, еще чуть-чуть и наша земля рухнет и взорвется на месте. Но все обошлось. Дина ловко проехала с ним на ногах по льду, как в детстве. Я невольно улыбнулся. И, спохватившись, бросился к двери. И широко распахнул двери для Дины.

- Дина, ты так неосторожна! – как заботливый дедушка, пожурил я ее.

- Да, чуть не грохнулась, - Дина часто дышала. Еще щеки покраснелись на морозе. Я поставил глобус на стол. Взял руки девушки в свои. И стал на них дышать.

- Уж больно скользко. И упасть было бы, наверное, больно.

- Я не о том, Дина, – я помог ей раздеться и усадил в кресло. – Конечно, об этом тоже. На дороге, особенно на ледяной дороге, нужно быть крайне

осмотрительной. Но ты, ко всему прочему, неосторожно появляешься в моем доме. Среди бела дня. И Сенечка в любой момент мог тебя увидеть. И следовательно тебя подозревает. Кстати, он вот-вот может вернуться!

- Может, но не так скоро! – Дина с жадностью сделала большой глоток свежезаваренного чая, – мы с ним разминулись. И я даже знаю, куда он так побежал. Ему, кстати, так не идет кросс. Он такой важный. И для разбежки не подходит, вы не находите?

- И куда, он такой важный, вдруг побежал сломя голову? Да, кстати, и откуда у тебя глобус?

- В этом-то все и дело. Представляешь, он был у Викентьевны! Я присвистнул от удивления.

- Вот-вот, и у меня была такая же реакция. Я свистнула на всю квартиру. Даже боялась, что соседи услышат!

- Но я не понимаю, с какой стати! У Викентьевны... Это же улика! Серьезная улика против меня! погоди, погоди... Может этот вовсе не наш земной шар? А жалкая подделка, фальшивка, копия...

- Землю не подделаешь, - вздохнула многозначительно Дина.

- Землю, может, и нет. Но глобус.

Я бросился к столу и стал со всех сторон осматривать мяч. Земля, как земля. Реки, горы, города и страны. Я попробовал его на вес. Тяжелый. Ну и что? Цвет... все тот же зелено-коричневый. Оставалось разве на вкус определить. Но это было излишне. Вкус имеет земля, но не ее калька.

- Знаешь, Дина, если это подделка, то очень качественная, - со знанием дела сказал я, словно разбирался в оригиналах и фальшивках.

- А если нет...

- Тогда непонятно... очень непонятно. С какой стати Роман отнес его Викентьевне. Главный следователь угро. Это уже подсудное дело – скрывание улики. Неужели... Дина, неужели он хотел меня защитить? Ну конечно! Как я сразу не догадался! Он блефовал! Как следователь, безусловно, он хотел узнать правду! Но судить! Судить одинокого старика! К тому же уважаемого на весь район человека! Почетного жителя этого квартала! К тому же долгожителя! Он раздумывал, Дина! Предоставлять ли факты прокуратуре. Убийственные для меня факты. Пойми, я ведь могу не пережить суд. А сколько мне и без того осталось! Стоит ли пачкать руки в крови. Крови столетнего старца, который всю жизнь занимался хранением старых вещей. Нет, черт побери, ценного антиквариата! Нет, господи! Хранением истории! Истории для потомков. Знаешь, умри я на суде или в тюрьме, он себе бы этого не простил, он же чистоплюй! Посмотри на него! И как бы мы к нему не относились! Но он благородных кровей! Он понимает, что такое хорошо и что такое плохо. Убийство плохо. Но в моем возрасте... он прав, в этом возрасте суд уже должен состояться не на земле. Где угодно, но только не здесь, – и я постучал по мячу, изображающему земной шар. Раздался глухой звук.

И едва я стукнул последний раз – в комнату ворвался Роман. Мой тайный покровитель. Тайный спаситель. Тайный благодетель. В эту минуту мне хотелось его расцеловать. И я бросился ему навстречу, распахнув объятия. И даже успел подумать, что мы могли бы стать добрыми друзьями. Ну конечно, я предложу ему дружбу. Ну и что, что я убийца, а он нет. Ну и что, что он эстет и чистоплюй, а я нет. Ну и что, что он благородных кровей, а я далеко нет. Люди разные дружат. И как лучшему другу я попытаюсь ему все объяснить, и он непременно поймет. Может, мы даже выпьем на брудершафт. Я сам куплю дорогой, выдержанный коньяк... Только это я и успел подумать.

Роман тоже бросился мне навстречу. И я почувствовал на своей шее холодные руки.

- Глобус, - прошептал он перекошенным ртом. – Глобус.

Я стал задыхаться. На объятия друзей это не было похоже. Я успел подумать, что с добрыми друзьями так не поступают. Им больно. Руки давили, давили на вены моей шеи. И мне ничего не оставалось, как собраться силами, вцепиться еще сильнее, чем он, в его плечи и оттолкнуть назад. Он лишь слегка откинул голову, его пальцы ослабли, и в этот миг я со всей силы съездил ему по физиономии.

Реакция его была неожиданной. Он не дал мне сдачи. Он встряхнул головой. И стал озираться по сторонам, часто моргая глазами. Наконец, опустился на колени и стал шарить руками по полу. Интересно, что он мог потерять, если я всего лишь его ударил по лицу. Я не верил, что можно потерять какую-то часть лица. Нос, например. Или рот. Ну, разве зубы. Не хватало, чтобы я выбил ему зуб. А если он золотой? Роману бы подошел золотой зуб.

Мы с Диной с недоумением смотрели на него, ползающего по полу. Наконец он поднял на нас взгляд. И мы вздрогнули. Он потерял свои глаза. У него были чужие глаза. Болотные, пьяные. С поволокой, в неприятном смысле этого слова. Черт побери, но ведь и глаза потерять невозможно. Если это конечно не...

- Это он! – вскрикнула Дина, перебив мои мысли на полумысли. – Это антиквар! Я узнала его! Эти глаза! Их не узнать невозможно!

- Это невозможно! – возразил неуверенно я. Во рту у меня пересохло. И я плохо соображал. – Может, это хотя бы внук антиквара? Глаза иногда передаются по наследству... Только вот я не пойму, а где его другие глаза?

- Он их потерял, - усмехнулась Дина.

Роман так же сидел на коленях и беспомощно шарил по полу. Он, казалось, не обращал на нас никакого внимания. Наконец, он на миг застыл. И медленно поднялся с колен. Похоже, он взял себя в руки. Так же медленно стряхнул пыль с брюк. И тяжело поднял голову. И я вновь встретился с ним взглядом. Холодным безжизненным взглядом. Вновь эти голубые льдинки в глазах. Как у повзрослевшего мальчика Кая. Эти ледяные глаза мне нравились куда больше, чем его недавний пьяный болотный взгляд с поволокой. А может я к ним просто привык.

- Быстро же вы меняете глаза, - удивленно сказал я.

- Это всего лишь линзы, - пояснила Дина. – Все очень просто. Изменить внешность гораздо проще, чем все думают. Стоит только нацепить бороду, брови, усы – и перед вами предстанет ни кто иной, как антиквар! Столетний старик!

Дина подбежала к комоду и вытащила из ящика мой недавний камуфляж. И силой посадила Романа на стул. Вскоре на Романа был седой парик, седые усы и брови, и, как положено старцу, седая борода. Перед нами действительно сидела копия антиквара, или моя копия. Или чья-то еще. В общем, я порядком запутался. Только глаза. Они были другими. Холодными, замерзшими глазами Снежного короля, который когда-то был Каем. Но глаза так просто подменить. Я и понятия не имел, что глаза легче всего исправить. То, что выдает человека, как бы он не переодевался, заменить оказалось проще простого. Спасибо ученым! А какой-то простак когда-то заявил, что глаза – это зеркало души. Зеркало души оказалось разбить легче всего. Зеркало не склеишь. И душу не склеишь и не подменишь ни на какую другую. Но ученые медики постарались. Правда с душой у них пока не выходит. Но, думаю, это дело времени. В котором все возможно. Особенно когда это время в руках часовщиков- шарлатанов.

Роман, как ни странно, не сопротивлялся. Он сидел неподвижно, отстраненно. И смотрел куда-то вдаль. Чужими глазами. Которые были зеркалом чужой души. В душу Романа мы заглянуть не могли. Если она у него была вообще.

- Да, но где его морщины? – я даже приблизился к Роману и бесцеремонно стал вглядываться в его лицо. Оно оставалось по-прежнему молодым, выхоленным, ровным – ни единой ухабины и щербинки. Словно по его лицу прошла закаточная машина. И разгладила неровный асфальт. Я обреченно вздохнул.

- Ерунда, - махнула рукой Дина. – Люди верят не в то, что видят, а в то, что знают. Они знали наизусть столетнего седого старика. Кто будет обращать внимания на морщины?

Вообще мы говорили о Романае, как о неодушевленном предмете. Мы даже поначалу не требовали от него объяснений. Мы пытались объяснить все сами. Он же казался всего лишь частью антикварной лавки. Старинным предметом. Еще не внесенным в каталог ценных вещей. Я не мог поверить, что он может быть живым. Тем самым стариком антикваром, с которым я познакомился несколько месяцев назад. И которого убил. Как может ожить тот, кого я убил? Это просто невероятно. Я все запутывался и запутывался в своих мыслях, как в лабиринте. Из которого нет выхода. Вернее, он есть, но найти его очень трудно. Но возможно. Поскольку если существует начало, всегда существует конец, даже если он приводит к началу. Если есть вход, всегда есть выход, даже если он тот же вход.

- И все же я не понимаю, Дина, - я прошелся взад-вперед по комнате, сложив руки за спину. – Если он и старик одно и то же лицо, что получается? Лицо-то молодое! Как он может быть стариком? Столько лет! Его же знает вся округа! Он даже заслужил уважение у соседей, ты только вспомни Косулек! А Сенечка! Он же готов ему кланяться в пояс! А мэрия даже собирается ему медаль вручить как старожилу района! А префектура на доску почета повесить! Я слышал, что даже на городской свалке ему собираются памятник поставить, как самому гениальному старьевщику! Который и шариковую ручку сумеет прировнять к перу Пушкина. А ты только на него посмотри!

Ни один мускул, ни одна жилка, ни одна косточка не дрогнули на лице Романа. Самыми живыми на нем вдруг оказались чужие холодные неживые глаза.

Дина приблизилась к Роману. И безжалостно сняла с него грим старика. Парик, усы, борода разлетелись в разные стороны. Лицо Романа было неподвижным, но по-прежнему молодым. Ни одной морщинки.

- Да уж, - Дина задумалась. И ее лоб покрылся маленькими морщинками. Она провела ладонью по лицу Романа, даже легонько потянула за щеку, словно хотела убедиться, что это не маска. Это была не маска. Но Дина не сдавалась.

– Ну и что? Может, он косметические маски каждый день делает, салон красоты посещает и сауну. А волосы красит. Сейчас, знаешь, сколько всего ученые пооткрывали! И рецептов молодости навалом. Вдруг он тоже какой-то рецепт изобрел! Ты только на него посмотри! Он тебе, что хочешь изобретет, лишь бы ему выгодно было! Лишь бы на него все работало. И не с людьми он общался всю жизнь, а с вещами. Это тоже многое значит. Общение старит, это точно! Люди за всю жизнь столько крови выпивают. Из-за них и ночами не спишь, и куришь из-за них, и пьешь! И плачешь, и переживаешь! И ненавидишь! И если любишь, то это тоже великое страдание, разве не так! Любовь сердце изнашивает еще больше чем ненависть! А он... Ни родных, ни друзей. И не любил никого и никогда. Пожалуй, и не ненавидел! Плевать он хотел на людей! И на их события! И на их новости! И на весь земной шар плевал! Пусть лопнет себе, сколько хочет! Он только посмеется, и ладонки от удовольствия потрет. А вещи не предадут и не обманут. И любовь к ним тихая, ровная, замогильная, неземная какая-то. А если неземные чувства – какие тут страдания! Страдания приносит то, где живешь. А он на земле, похоже, и не жил. Создал свой антикварный мирок. Свою родину

вещей. Свою историю антиков и мертвецов. Свой склеп. Или мавзолей. В мавзолее не состаришься, уж мне-то поверь. И мертвые не стареют.

И Дина со злостью, на всякий случай, словно сама не верила своим словам, еще раз дернула Романа за щеку. Но гораздо сильнее и больнее. И все же, это была не маска. Хотя Роман даже не вскрикнул.

Мне казалось, мы находимся в какой-то научной лаборатории. Куда доставили какого-то пещерного человека. Нет, нет, Роман на пещерного не тянул. Его фирменный вид говорил только о высочайшей цивилизации. Ну, в таком случае дикаря. И это не то. Дикари слишком наивны. Умный вид Романа говорил только о том, что человеческое общество, где он искусно научился лгать, ему далеко не чуждо. Скорее, он походил на инопланетянина. Где существуют и магазины фирменной одежды, и пятизвездочные отели, и крутые автомобили, и компьютеры, и даже ракеты. Конечно, и однопланетники, с которыми нужно приспособливаться жить. А Дина напоминала старшего научного сотрудника, который пытался объяснить строение человека другой планеты. Не вдаваясь в подробности самой планеты. Ей не хватало только указки. И она вновь ткнула в Романа тем, что есть всегда под рукой. Своим указательным пальцем.

- Нет, ты только посмотри на него!

Дина, если и была похожа на старшего научного сотрудника, то довольно на плохого. По сути, она должна была заявить: «Уважаемые коллеги, вы только посмотрите на это подобие человека!» Но Дина не знала, что мы играем в эту игру. Иначе бы она наверняка постаралась стать похожей на хорошего ученого.

- Да уж, - протянул я. – В какие-то сто лет выглядеть на все тридцать пять...

- Если ты в тридцать пять выглядишь на все сто, почему не может быть наоборот? Это закон физики. Или химии, я точно не знаю. Если возможно одно, возможно и другое. Короче, ничего невозможного нет.

- Лучше бы какие-то вещи в мире оставались невозможными. Мир бы точно был лучше. И зачем превращать норму в отклонение. Чтобы нормальное стало раритетом? А мы все ненормальными? Я точно не хочу быть ненормальным! Хотя, похоже, мне до этого не так уж далеко. Давай, Дина, забудем про меня. Порассуждай в другом направлении. Если исходить из того, что это нереально, чтобы столетний старик выглядел таким молодым. Тогда...

- Тогда, - повторила за мной Дина. И наши взгляды столкнулись, как на заасфальтированной гладкой дороге. И вовремя притормозили. И аварии не произошло. Мы тот час поняли друг друга.

И раздался телефонный звонок. Как сирена при столкновении на дороге, он оглушил нашу комнату. И я схватил трубку, словно хотел услышать ответ.

Вежливый, низкий и очень приятный молодой голос представился как сотрудник уголовного розыска. И, как положено сотруднику угро, он хотел разыскать человека.

- Поступили вполне достоверные данные, - четко рапортовала моя телефонная трубка низким голосом угро, - что этот гражданин может находиться поблизости. Это известный мошенник и вор. Антиквариат – его основная сфера деятельности. И мы, Аристарх Модестович, наслышанные про вас как о почтенном долгожителе, которому скоро будет поставлен памятник... Вы, можно так сказать, являетесь легендой нашего района, без преувеличений. Поэтому убедительно просим вас – будьте осторожны! Так сказать, всегда начеку.

- А приметы? – я не отрывал глаз от Романа. Но его взгляд был неподвижен и не отвечал мне взаимностью. Он был устремлен за ледяное окно.

- Этаким холеный эстет. Даже красавчик. Гладко зачесанные светлые волосы. Прямая осанка. Ледяное спокойствие. Только болотные глаза с поволокой могут его выдать. Как-то сразу угадаешь в нем нехорошего человека.

Знаете ли, глаза – это зеркало души. Как говорят мудрецы. Правда, настоящие его глаза редко увидишь. Он любит их менять. Так сказать, он сторонник современных методов. И любитель цветных линз. Да, еще одевается модно и дорого. Предпочитает шляпы и фирменные костюмы из дорогой ткани. Английской шерсти, французского шелка, итальянского хлопка. Нет, скорее, тяготеет к английскому костюму. Прекрасно одевается. У него для этого есть возможности, – угро почему-то вздохнуло. Видимо, у него не было такого костюма. – У тех, кто торгует вчерашним днем, всегда есть возможность хорошо жить сегодня, – угро спохватилось. – Естественно, мы не вас имеем в виду, почтенный Аристарх Модестович. А исключительно мошенников. Честная свободная торговля историей в честном свободном государстве с богатейшей историей официально разрешена. Так что всех вам благ и будьте бдительны!

Мне показалось, что вот-вот он добавит: «С уважением. Сотрудник угро». Но трубка отрывисто запищала несолидным голосом. Угро так не пищит. А мне так не хватило вот этого единственного: «с уважением»...И почтенный, и долгожитель, и памятник, и даже легенда. Но только не с уважением. А ведь все, все меня называли и уважаемый, и глубокоуважаемый, и многоуважаемый. И мне так захотелось вдруг догнать сотрудника угро. Встряхнуть его за плечи и в лицо рявкнуть: «Ты меня уважаешь?» Интересно, чтобы он ответил? Может, он просто не уважает историю? Или тех, кто ею торгует? Или костюмы из английской шерсти в клетку? Я этого не узнаю. Голос не догонишь. Голос растворяется в пространстве. Или убегает по проводам. И звучит только один раз, даже если слова тысячу раз повторимы.

Я как-то мрачно посмотрел на Романа. И так же мрачно сказал.

- Это не Аристарх Модестович.

Дина легонько вскрикнула. И зажала рот ладонью.

- Значит, это убийца.

Она вскрикнула это как на сцене. Нет, скорее, как в научной лаборатории. Тихо, с чувством, даже с каким-то умиротворенным достоинством. И слегка зажала рот ладонью. словно ее исследования наконец-то завершены. И она открыла сенсацию: на других планетах живут исключительно убийцы.

И я, как младший научный сотрудник (хоть и негоже с такой седой бородой) вслед за ней эхом повторил.

- Значит, это убийца. Он убил настоящего антиквара. И спрятал его тело. А потом убийство хотел свалить на меня. Подтасовать все улики. И предоставить тепленьким для угро. Заодно замалить свои воровские грешки.

- А ты, как дурачок, поверил, что он следователь. А он не следователь, а настоящий бандит. Дурачок.

Слово дурачок Дина повторила два раза. И тепло пронеслось по моему телу. А может, тепло было в комнате от полыхающего камина. А может, Дина просто хотела сделать мне приятное. словно хотела сказать: что, ну и что, что ты весь седой морщинистый старик. Я-то знаю, что ты красивый и молодой. И помню тебя таким. И запросто, вот так с ходу, могу тебя назвать дурачком. Причем тут внешний вид? Действительно, причем? И все же я чувствовал, что внешний вид всегда (еще как!) причем.

- А что я еще мог подумать, Дина? Виновные удостоверения не требуют. Виновные верят каждому слову. Даже, если это слово идет от такого же виновного. Вора, например.

- И убийцы. И все же, где тело настоящего антиквара?

Мы с Диной одновременно повернули головы к Роману.

Он сидел так же неподвижно. И его волнение теперь выдавали разве что челюсти. Он настолько их стиснул, что, скулы стали ярче и острее. И казалось, вот-вот щеки лопнут. И раздастся хруст костей.

- Если ты сейчас же не признаешься, - я попытался подражать ледяному тону Романа. Теперь я был на его месте. Теперь я вел следствие. Но у меня подражать ему плохо получалось. Я не носил костюмы из английской шерсти. Но я попытался охладить свой тон. И придать ему английское спокойствие. – Если вы... Вы сейчас же не признаетесь. Я тотчас позвоню в угро. Первым делом, вас все равно арестуют. Вы в розыске. Вторым делом, есть свидетель, - я кивнул на Дину, - который слышал, как вы договаривались о грабеже антикварной лавки. Правда, мы еще не знаем вашего сообщника. И в- третьих... Возможно, это будет непросто. Но, учитывая предыдущие пункты, я сумею, нет, черт побери, я сделаю все, я разобьюсь, я умру, я...я еще постарею на сто лет, но докажу, что вы убили настоящего, высокоуважаемого старожилу, антиквара Аристарха Модестовича! И это из-за вас теперь мэрия поставит памятник ему не при жизни, а после смерти! И это из-за вас он не может быть внесен в книгу Гиннеса как самый старый житель земли. И префектура не повесит его на доску почета! И это из-за вас наш район не прославиться на весь мир! А у него были все шансы! Он был здоров как бык! И мог прожить еще сто, нет двести, а может и все триста лет! А сто лет – это так мало. Особенно сегодня. Когда невозможное возможно, - в конце своей гневной речи я смягчил тон и глубоко вздохнул. Словно меня до глубины души тронуло то, что в нашем районе так и не будет человека из книги Гиннеса. Мне даже захотелось расплакаться от обиды.

Я взял трубку. Раздались длинные гудки. Это гудело еще не угро. Пока оно не гудело. Вместе с трубкой я медленно, театрально и слегка небрежно повернулся к Роману.

- Где вы спрятали тело?

И тут он не выдержал. И тут он стал похожим и на пещерного человека, и на дикаря. Который не знал цивилизации. Понятия не имел, как водить людей за нос. И не щеголял в фирменных заграничных костюмах.

Он, как ошпаренный пещерным котлом, вскочил с места, опрокинув с грохотом стул. Его, всегда ровное, без единой ухабинки лицо с благородным бледным оттенком вдруг сморщилось, сместилось к носу и побагровело. Он закричал как истинный дикий человек из нашей планеты:

- Черт меня подери! Не было тела! Не было! Я вам клянусь! Клянусь всеми своими бабками! Клянусь своими отсидаками! Своими лесоповалами! Клянусь своей молодостью! Клянусь, если хотите, самым стариком! Не было старика! Откуда мне знать, куда этот хрыч делся! Плевать я на него, по большому счету, хотел! Жмот проклятый! Нужно было его просто грабануть – и дело с концом! Так нет, жить хорошо захотелось, как и тебе! Официально, по документам, по протоколу хорошо жить! Чтобы не прятаться и не перебежать на другую сторону при виде милицейской формы! Да разве это жизнь! Одно название! Да и никогда я не жил среди вещей! Я от них всегда избавлялся! Мне много места нужно! Мне дороги нужны! Бескрайние! И на обочине каждой дороги – бар-казино! И непременно маленькая гостиница с хорошенькой горничной! Никогда я не сидел на одном месте! Тоска! Что б под тобой один и тот же диван. Над тобой одна и та же люстра. Рядом с тобой одна и та же женщина. А за окном одна и та же береза. Это ж повеситься можно! А тогда... Вот жадность взяла. Уже не просто к ценностям всяким. А жадность к одному месту. Думаю, а вдруг это и есть жизнь. И почему бы в таком виде ее не попробовать. Попробовал на свою голову. Но стукнул по голове старикашку. Только разок, правда, плохо помню, как все было. Как в тумане. Глобусом стукнул, прямо по твоему сценарию. И тело в подвал

спрятал! А он, старый проходимец, взял и пропал! Живуч оказался! Или просто этим глобусом не убьешь, откуда я знаю. Или где-то он среди нас полумертвым бродит! Может, он вообще привидение! С него станется! Кажется, встретил бы его еще раз, все равно бы прибил! Прямо на месте! Хоть я и не мокрушник! И мухи не обидел ни разу, и таракана! Но не убить этого старого мерзавца, ей-богу, грех!

Боже, как умеют перевоплощаться люди! И так легко. Так бесстыдно. И так правдоподобно. Животным это не под силу, и растениям тоже. И мухам, и тараканам. Волк не сможет прикинуться собакой. Хоть они и похожи. А крапива розой. Хоть они и колючи. Нас, пожалуй, от мира природы отличает не разум. А умение искусно лгать. Впрочем, возможно, ложь и является основой разума.

Я смотрел на Романа и не узнавал его. Вроде тот же холодный аристократический взгляд. Тот же костюм английского покроя. Те же благородные черты лица. Но передо мной был обычный аферист. Какой же я болван. До сих пор верил в сказки.

Мне стало даже досадно. Ведь он так мне напоминал Кая из «Снежной королевы». Повзрослевшего Кая, которому так его сердце и не вернули. И вместо сердца – кусочек льда. Даже если этот лед похож на алмаз. Но с одной стороны меня это радовало. Ведь это я недавно заявлял, что в жизнь должна быть реальностью. А мистическими пусть остаются лишь сны. Но с другой стороны, я уже скучал по тому, безукоризненному, породистому следователю. С гордой походкой и высокомерным взглядом. От которого веяло и опасностью, и надежностью одновременно. А в-третьих, я уже начинал что-то соображать. Похоже, Роман когда-то попал в ту же ловушку, что и я. Так же не убил старика. И так же занял его теплое местечко, чтобы жить не просто хорошо, а очень хорошо. Но его, как и меня стала тяготить старость антиквара. Только я не мог взять в толк, почему он сумел сохранить молодость. В отличие от меня. Здесь обозначались явные расхождения в сценарии наших поступков, действий и эпилогов. Впрочем, я еще успею его об этом спросить. Ведь теперь я веду дело. И теперь он у меня в руках.

Я, как и положено, обвинителю, сложил руки у себя на груди. Не хватало жилетки. Мне снова так хотелось изобразить холодный аристократический взгляд, но не получилось. Английский костюм был на Романа. И сидел на нем бесподобно. Тогда я решил горделивой походкой пройтись взад-вперед по комнате. Но мешала сутулость. Болела спина. И ноги тяжелели. Молодость была для Романа.

- А зачем ты меня хотел подставить? – мой вопрос так и не зазвенел льдинками. Не умел я, черт побери, перевоплощаться!

- Да нужен ты мне! – Роман махнул рукой. – Впрочем, просто так с бухты барахты не следует убивать стариков. Старость следует уважать! Поэтому не зря я тебя проучил. Страх иногда идет на пользу! Теперь задумаешься, прежде чем на долгожителя руку поднимешь следующий раз.

- Следующий раз я скорее руку подниму на...

Я поднял руку и потряс кулаком перед носом Романа. Моя рука была морщинистой, вялой. И страха не вызывала. Роман расхохотался. У него по-прежнему была красивая белозубая улыбка. И металлический смех.

Дина, молча следившая за нашим словесным поединком, наконец, не выдержала и подскочила к Роману.

- Может, ты и игрок! Но здесь не казино! Поищи казино на большой дороге. Как и положено бандиту! А нам ответь, во что ты играешь! Зачем тебе Гришка! Что ты от него хотел! Если трупа даже не было!

- Да не нужен мне твой Гришка. Просто мне нужен глобус. И все. Я хотел его честно купить, но не успел. Его эта мыпра уже купила.

- Глобус? – я нахмурился. – Зачем? Не понимаю. Ты мог запросто в любой миг меня обокрасть. Глобус не самая дорогая вещь в этом доме. Или ты любитель волейбола?

- Я любитель путешествий. И мне нужно знать, куда идти. И куда возвращаться.

- Ну и купил бы в соседнем магазине. Там и дешевле, и качественнее. И настоящее. И напольные, и настольные, какие хочешь. И с видом земли и с видом звездного неба. На любой вкус. И крутятся даже. А это...Этот же так, сувенир.

Я даже проникся к Роману. Мне почему-то захотелось, чтобы он непременно, прямо сейчас приобрел глобус. Я даже был готов пойти с ним за покупкой, не смотря на радикулит. Мне уже тяжело ходить. Но он... Он такой молодой и легкий. Если он так любит дороги. Этот клуб золотистой пыли от них летом. Этот зимний серебристый пар от них зимой. Эту весеннюю слякоть и осенние лужи в разноцветной листве.

- Глобус, – это еще и орудие несостоявшегося убийства.

– Роман жестоко прервал мои романтические мысли. Убийство как-то мало вписывалось в мечту о дороге. Хотя почему-то говорят, что разбойник с большой дороги. Интересно, почему? Мне кажется разбойничать легче на узеньких, маленьких тропках. А на больших дорогах лучше гулять большой компанией и петь во весь голос. Правда, мне не приходилось. И все же...

- И все же я хотел бы иметь именно этот глобус, - голос Романа стал настойчивее и взгляд холоднее. – Он для меня в некотором роде сувенир. Так сказать – память. Моя специфика – мошенничество. И убийства не каждый день совершаешь. Я вообще никого не убивал, ни мухи, ни таракана. А так... поставлю я его у себя в комнате. И буду любоваться. Разглядывать со всех сторон. Изучать страны и континенты. И, возможно, даже думать о зле, которое могу причинить людям в этих странах и континентах. Но уже никогда не причиню. Потому что в моей комнате глобус. Участник несостоявшегося убийства. И я увижу на нем горы и реки. И могу подумать, почему бы вместо того, чтобы воровать и мошенничать, не отправиться туда. Взойти на пик самой высокой горы, чтобы сорвать единственный цветок для девушки, которую я еще не встретил. Или посидеть у реки под ветвистым деревом вместе с девушкой, которую уже встретил.

Теперь передо мной стоял не первый Роман-аристократ, ни второй – Роман-аферист. Он был третий – Роман-романтик, которому под стать самому писать романы. И я ему верил еще меньше. Я не мог понять, кто он на самом деле.

- Нет, не убедил, - Дина поддержала мое недоверие и, распростерши руки, заслонила собой глобус, – Может ты и любитель дорог. И единственного цветочка на горе и девушек у реки. Но глобус здесь ни при чем.

- Я заплачу, - резко ответил Роман. И его ненастоящие глаза сузились. Я не знал, что линзы настолько сужаются. – Я много заплачу. В два, три раза дороже, чем вам за него дали! В конце концов, зачем он вам нужен! У вас все есть! И в конце концов, не все ли равно кому вам его продать!

- Мы не можем продать то, что уже давно продано. Мы его только можем вернуть законному владельцу. – Я пожал плечами. И почему-то зевнул.

Пожалуй, именно зевок вывел его из равновесия. Если бы я грубо отказал, или рассмеялся ему в лицо, он бы так не взбесился. Но я вдруг в самый ответственный момент. Просто так. Ни с того, ни с сего, взял и равнодушно зевнул... И даже не удосужился прикрыть рот рукой. Но не специально! И этот парень, который носил исключительно английские костюмы, выдержать подобный выпад не смог. И бросился на меня с кулаками. Я уже приготовился отразить кое-как удар. Как вдруг грохнула музыка. Она была такой громкой, такой неожиданной,

так некстати. И мы втроем застыли на месте. Тася с распростертыми руками, защищая глобус. Роман со сжатыми кулаками, один из которых был уже у моего носа. Я с ладонями, вытянутыми вперед. Мы стояли посреди этого хаоса оглушающих звуков и тупо переводили взгляд друг на друга. Мы не знали что делать. Это длилось две секунды, а возможно, три. Но этого было достаточно, чтобы передохнуть и успокоиться.

А потом мы с Диной, как по команде, прильнули к окну. И даже открыли форточку, через которую влетели вихрем оглушающие звуки оркестра. Мы действовали инстинктивно. Нам не терпелось узнать, откуда эта музыка и зачем. На улице, напротив кафе «У Косулек» было полно народа. Музыка вдруг перебили сирены машины. Люди расступились. И из белого лимузина, украшенного ярко красными розами, выплыла жена Косулька. Венок из белых роз был воздвигнут как корона на невероятно кудрявую голову. Единственное украшение. На остальной наряд, похоже, не хватило, нет, не денег, а духу выложить деньги. Косулька величественно протянула руку своему мужу. Тот покорно принял ее помощь. И вышел из машины. На его толстый самовязанный свитер с широким горлом была прицеплена черная «бабочка». Косульки, взявшись под руки, заковыляли к кафе. В своих кривеньких одинаковых сапожках. Они напоминали двух откормленных поросят, которых подадут к ужину. Но они об этом еще не знают.

- Что это? – только и спросил я. Неизвестно у кого. Мне казалось, никто не может знать, что это.

Но Дина неожиданно ответила.

- Свадьба. Неужели не видишь? Музыка, венок из роз и «бабочка». Неужели не понятно.

- Свадьба? Какая? Серебряная или золотая?

- Обыкновенная. Просто свадьба. Они решили пожениться. Они же долго были женихом и невестой. И он за ней долго ухаживал. Ну, как положено... Наверное...

Я ошалел. Почему-то эта новость для меня оказалась шокирующей. Хотя в этот день на мою голову свалилось немало событий, заслуживающих большего внимания, чем какая-то свадьба каких-то торгашей. И все же. Я был сражен. Я был на все сто уверен, что ни муж и жена. Они словно уже родились мужем и женой. Им закон был не писан. И штамп в паспорте не обязателен. Словно им давно уже кто-то этот штамп о законном браке поставил на лбу. Им не нужно было встречаться, бегать друг к другу на свидания, целоваться и признаваться в любви. Им не нужно было назначать день свадьбы и жениться. И носить обручальные кольца. Они изначально родились мужем и женой. Так бывает. Однажды, в один солнечный (или пасмурный) день. На большой (или маленькой) дороге. В ресторане (или столовой) встретились муж и жена. Не любимый и любимая, не жених и невеста. А супруги. Едва завидев друг друга, они тотчас поняли, что можно обойти весь земной шар. Вдоль и поперек. Можно даже поставить какой-то штамп в паспорте о браке с другим, может, более достойным. Но все равно никого не встретить другого. Только друг друга. Пройтись по кругу земли и вернуться в исходное положение. Так и Косульки. Поговорки напрасными не бывают. И пошлыми тоже. Это про Косулек. Две половинки встретились. Именно половинки. И стали одним целым. По отдельности они не смотрелись. Грустно было даже представить их в одиночку. Словно разрезанный пополам глобус. Когда у каждой половинки появляется край. Нелепо и бессмысленно. И главное – не научно. Глобус может быть только целым. Края земли не бывает. Это еще доказал греческий философ Эратосфен. А потом уже Магеллан проверил.

Вот поэтому я с открытым ртом смотрел на эту свадьбу. Она была ни к чему. Вопрос брака был для них давно разрешен. Пожалуй, они сами забыли, что не женаты. И только сегодня об этом вдруг вспомнили.

И раздался марш Мендельсона. И народ расступился. Я отчетливо увидел здание кафе «У Косулек». Оно было украшено выделанной шкурой животного. И на вывеске позолоченными буквами было написано: «Запахи ветра и вкус тишины». Похоже, Косульки-таки сумели стать поэтами. Впрочем, почему бы и нет? Сегодня кто угодно поэт. Особенно когда поэзии в жизни просто нет и просто быть не может. А вот шкурный интерес...

Разряженные в кокошники и красные сарафаны официантки, торжественно вынесли на подносе благоухающую ароматами, румяную от огня, окутанную клубящимися парами, тушку молоденькой косули. Спина которой (даже в таком виде, грациозная и гордая), была полита ярко красным кетчупом. Косуля смотрела на хохочущих, зубоскалящих, хрюкающих от удовольствия людей недоуменным стеклянным взглядом. Словно спрашивала: за что? И почему? И для кого? Неужели ради вас я принесена в жертву? Если вы никогда и ничем не жертвовали. Неужели ради вас в меня стреляли? Ради тех, кто убивает каждый день. Неужели ради вас я испытывала неимоверную боль. Ради тех, кто каждый день делает другим больно. Неужели ради вас меня резали. Если вы умеете резать даже словами. Неужели ради вас я полыхала на огне. Если вы умеете сжигать даже чувства. Ради вас я была убита. Кто не знает запаха вольного ветра. И вкуса тишины. Для вас запах вольного ветра – это запахи жареного мяса. Для вас вкус тишины – это скрежет зубов, в которых застревает жареное мясо. Вы не умеете бегать по вольным степям и лесам. Вы не уметь пить росу по утрам и свежий воздух. Вы не умеете смотреть на звезды и бежать за падающей звездой. Чтобы ее не догнать. Но бежать, бежать. За тем, что никогда, никогда не догнать. Вам непременно нужна добыча. У вас просто нет звезд. Как нет росы поутру и нет воли. И мне вас так жаль. Вы умеете лишь убивать. Мы убивать не умеем. А если бы умели, то вряд ли бы вас убили. Вы нам неинтересны. Вы очень злы. И не очень красивы. Потому что меня никто, ни один из вас не защитил.

Девушки торжественно несли косулю на плоском серебряном блюде. Словно несли гроб. Словно это были похороны, а не свадьба. И все же косуля казалась живее всех людей. Хотя ее горделивая спина была забрызгана кетчупом, словно кровью. И вдруг повалил снег. Белые хлопья падали прямо на ярко красную спину косули. Словно хотели отмыть кровь. Природа всегда заодно с природой. В отличие от нас.

А люди веселились. И веселье напоминало маскарад. Не потому что гремел салют и свистели петарды. И конфетти утопали в снегу. И искры бенгальских огней растворялись в сугробах. И не потому, что все были в масках. Им маски были не нужны. Их лица были как маски. Люди были нарядными, в разноцветных шубах и куртках, в разноцветных платках и шапках. Но лица ничем не нарядишь. Это были завсегдатаи кафе «У Косулек». Красномордые любители водки и оленины, вместо которой проворные хозяева кафе подбрасывали обычную свинью. Кроме сегодня. Сегодня был праздник. Гости чавкали и улюлюкали, падали в снег и подставляли друг другу подножку, если кто первый тянулся за лакомым куском из косули. Иногда они умудрялись тайно вытянуть друг у друга деньги, чтобы расплатиться за мясо. Их щеки лоснились от жира, их губы краснели от кетчупа, их зубы чернели от мяса, их нос распухал от водки, их глаза заплывали от похоти. Им маски были не нужны. Но это был маскарад. Впрочем, нам всем не нужны маски. Потому что мы всегда в них. Настоящего нашего лица никто не знает. Может, мудрец и прав. Настоящее лицо – это глаза. Вернее, единственно настоящее – это глаза. Но я сомневаюсь. По глазам душу не

прочитаешь. Настоящее лицо – это мысли. А мысли невидимы. И даже в нашем невероятном мире, где все невозможное так легко становится возможным, мысли никто и никогда не увидит. И никакие линзы уже не помогут. И старшие, и младшие научные сотрудники тоже. И даже академики.

Маски прыгали, хохотали, визжали, водили хороводы и валялись в снегу. И дружно двигали челюстями под громкий голос жены (уже законной!) Косульки. Она кричала, словно читала стихи. С надрывом, нараспев, растягивая слова, словно ириски.

- Это самое ценное мясо среди диких животных! Вкус его сочен, прохладен! Как роса поутру! Аромат тонок и свеж! Как утренний воздух! Оно пахнет лесами и степью! И в его жиру отражаются звезды! Которые нам никогда не словить!

Я захлопнул со злостью форточку. Она в ответ недовольно зазвенела замерзшим стеклом. Я бы никогда не хотел быть участником этого маскарада. Хотя не отрицаю, что я уже давно в доле костюмированного балагана. Но может быть, хотя бы другого. Где мои партнеры Сенечка, Дина... Роман. Да, черт подери!

- Роман! – выкрикнул я, и мы с Диной резко обернулись.

Романа и след простыл. Следа не осталось и от глобуса. Мы выскочили на улицу. Снег ударил в глаза. В лицо ударила громкая бессвязная музыка, в уши – грохот петард. И еще отзвуки ямба, хорея или... Может быть, это был белый стих. Впрочем, я плохо разбирался в поэзии. В моей жизни ей не было места. И поэзия как-то не получилась в моей жизни. Но, похоже, она удачно получилась у Косулек. Сегодня, оказывается, мясники могут стать лучшими поэтами. Сегодня возможно все. Воистину волшебное время. Андерсену до него далеко.

- Волшебное мясо Косули! – вторил своей жене муж Косулька. – И сок с него течет, как река. Неторопливо и плавно. И попадает на ваши уста. И шкура ее, - Косулька одним махом содрал шкуру с двери кафе и бросил на заснеженный асфальт. – Идите по ней! Смелее! И шире шаг! И стройны ряды! Тех, кто любит мясо косули! А может, оленя, А может, и вовсе лося! Бегите по шкуре! Возможно, вы догоните звезды! Которые тонут в жиру...

Мы с Диной бежали, расталкивая локтями разгулявшихся пьяных гостей. Мы бежали не за звездами. Мы их не видели, в отличие от Косулек. Мы бежали за Романом. Мелькали маски. Кривлялись, морщились, гримасничали. Но среди них не было Романа. Вдруг я заметил белую кроличью шапочку и белую шубку. Это была Тася. Она выделялась среди пестрой толпы. И единственная была в белом на свадьбе. Хотя и не ходила в невестах. И я некстати подумал, что на ее белый пушистый кроличий костюм вот-вот прольется ярко красный кетчуп. Мы врезались друг в друга взглядами. И она вздрогнула. Как от боли при случайной аварии. Тася редко вздрагивала. И редко в ее глазах я мог прочесть испуг. Но, похоже, этот редкий случай произошел. Она вздрогнула и испугалась. И я бросился к ней. Я уже все понял. И не ошибся. Тася заслонила собой Романа, который пытался скрыться незамеченным. И я поступил не как истинный кавалер. Но у меня не было выбора.

Я грубо оттолкнул Тасю. И она бухнулась прямо в сугроб. И толкнула какого-то толстого небритого гостя с тарелкой. И на Тасину белоснежную пушистую шубку пролился ярко красный кетчуп. Тася завизжала, как поросенок, которого, еще живого, уже внесли в меню кафе «У Косулек». Но я бы не удивился, если бы она закричала ямбом и хореем. Ведь сегодня волшебное время. Но, видимо, волшебство было бессильно перед Тасей. Она всегда была крепким орешком. О который каждый может сломать зуб мудрости. Как, например, Сенечка. Он не участвовал в маскараде. Он дирижировал, как всегда, машинами, которые тоже мелькали, как маски. Как маски гудели, хрюкали, пыхтели, орали. И казалось, он дирижирует праздником. И люди уже мало отличались от машин. А

машины от людей. И только снег. Единственно натуральный на карнавале, падал и падал на землю. Он был не пластиковый, был не крахмальный и не целлюлозный. Откуда он? Кто его создал? Кто придумал? И кто сохранил? В этом накрахмаленном, пластиковом, целлюлозном мире? Он единственный был настоящий, холодный. Но не мог охладить пыл людей. Как и ветер, единственно настоящий на карнавале, вихрем носился по улице. Но не мог сбить с ног людей. Как и небо, единственно настоящее на карнавале, освещало бутафорские декорации праздника, но так и не сумело обратить на себя внимание людей. И никто на него ни разу так и не посмотрел. Не поднял голову вверх. И не протянул к нему руки.

Сенечка дирижировал праздником. Тася визжала на всю улицу. А я бросился на Романа. Хотя осознавал, что наши силы не равны. Я был моложе его по годам, мною прожитых. И я был старше его по непрожитым мною годам. Эти лишние годы кто-то жестоко, без моего согласия мне прибавил. И все же я собрал все свои слабые силы и мертвой хваткой вцепился в глобус. Роман не сдавался. Мы не дрались. Мы не могли драться. Между нами был земной шар. А за нами две девушки. Одна моя, другая Романа. Такие разные. Как две стороны мира. Как ночь и день. Как свет и тьма. И неважно, что ночь была белокурая, а день чернобровый. Мы не обязательно видим то, что знаем. И верим в то, что видим. Возможно, на свете существует только два типа женщин. И не обязательно, что Ева была одна. Их могло быть и две. Одна Ева просто съела яблоко, а вторая просто отказалась. Иначе бы все в мире потеряло смысл. Иначе бы женщины были лишь воплощением горя. А мужчины радости. И мир бы не делился на добро и зло, а делился на мужчин и женщин. И мы бы изначально знали, кому верить и кого восхвалять, а кого презирать и ненавидеть. Но это не так. Все гораздо сложнее. Или проще? А вот Адам, скорее всего, был все же один. Здесь вариантов, увы, быть не может.

Мы дрались с Романом, а за нами стояли две наши женщины. Которые болели за нас, но помочь не могли. Разве что, если кто-то из них воспользовался бы запрещенным приемом и ударил одного из нас по голове. Мы держались за земной шар и качались из стороны в сторону, словно на земле началась качка. А, возможно, мы просто физически поняли теорию Галилея. От которой он однажды отсекся, чтобы ее утвердить навсегда. На миг мне показалось, что так может продолжаться вечно. И никто из нас не выпустит земной шар из своих цепких рук. Мы дрались за глобус, за земной шар, за землю. Хотя она была не наша. А давно уже была продана какой-то тупой, наглой и бессердечной жене спекулянта, который возомнил себя президентом. И ее муж, такой же тупой, наглый и бессердечный будет совсем скоро играть земным шаром в футбол. Какие случайные люди! На такой неслучайной, такой логичной и такой умной земле. Их не земля родила. Они появились случайно. Но как много сегодня случайностей.

И тут Роман не выдержал. По профессии он был аферист и мошенник. В отличие от меня. Он сам воспользовался запрещенным приемом и умудрился подставить мне подножку. Я стал падать. Не выпуская из рук мяча в виде глобуса. Роман стал падать вслед за мной, на меня. Земной шар не выдержал, и выскользнул из наших рук. Он упал раньше нас. Он грохнулся на землю. Прямо на ледовую дорожку, по которой недавно катались мальчишки. И раздался со всех сторон такой грохот, что мы в страхе заткнули уши. Мне показалось, что земной шар взорвался. И посыпались во все стороны ослепительные искры. И мы в страхе закрыли глаза. Мне показалось, что земной шар горит. Но я почему-то был по-прежнему цел. Неужели все повторилось, как в детстве? Мне одному удалось выжить на всей планете? И как в детстве, мне вновь показалось, что я что-то значу. И не важно, что мир погиб. Важно было, что я единственный в нем

умудрился выжить. Но что я один буду делать с этой планетой? Куда мне на ней идти и к кому. Я на ней хозяин. Но как можно быть хозяином того, чего нет. Что разрушено, уничтожено, мертво. У мертвых хозяев нет. И слуг тоже. Мертвые равны. Может быть, только мертвые имеют право на равенство. И справедливость мира. Может быть, только мертвые имеют права. Как просто, для того чтобы мир стал справедливым, нужно его уничтожить. Для того, чтобы познать справедливость. Нужно умереть. Действительно, как просто.

Не зря я учился на философском. Мне показалось, что я открыл формулу счастья мира. И так стало жаль, что не успел написать диссертацию на этой земле, поскольку эта земля уже мертва. И от этой простоты и ясности мысли мне так стало легко и свободно, что я вдохнул глубоко морозный воздух. И подумал, если планета погибла, почему она не пахнет порохом и гарью. И подумал, если планета мертва, почему она по-прежнему гремит и грохочет. И тогда я открыл глаза.

Земной шар был по-прежнему жив. Он умирать не собирался. Напротив, казалось, он еще больше ожил, развеселился, разгулялся и поглупел. Наша планета не сгорела. Это горели петарды. Наша планета не взорвалась. Это грохотала дробь барабана, которой чествовали свадьбу Косулек. Действительно, как просто. И зачем я когда-то заканчивал философский? И как хорошо, что я так и не стал философом и не написал диссертацию. Мне бы все равно не удалось вывести формулу счастья и справедливости на этой земле. Я бы просто потерял время. Хотя разве время можно потерять? Оно давно уже утеряно. И движется не вместе с нами, по кругу, на круглой земле. А где-то далеко, возможно, параллельно. Возможно, за нами, возможно, впереди нас. Но мы с ним не столкнемся. Мы от него давно отказались. Или оно отказалось от нас. Но мы научились жить вне времени. Не по-настоящему. Не по часам, которые когда-то придумала история. Или какой-то один мудрый часовщик, имя которого известно. И во времени он останется навсегда. А безвременно придумали мы. Так сказать, народное творчество. Безымянного народа. Имени которого, похоже, уже никто не узнает. А во времени он не останется. Потому что только время дает имена. Да здравствует безвременно! Одноликий пласт, где ничего не существует! Одностороннее движение! Гладко заасфальтированная дорога в одну сторону, по которой мы идем в никуда. Нам не нужно ни завтра, ни вчера! Мы не помним ни вчера, ни сегодня! И не запомним завтра! Мы не носим уже часов! Они нам уже не нужны. Даже если их бой напоминает бой сердца. Но мы не носим часы на руках. Возможно, скоро мы не будем носить с собой сердце. И никто нам на день рождения не дарит уже часы. И мы скоро забудем про дни рождения. Какое имеет значение, когда мы родились? Если нет ни вчера, ни сегодня, ни завтра. А может так легче жить? Так жить свободнее? Без времени? Или просто времени легче и свободнее без нас? Зато мы научились волшебным образом жить. Делая невозможное возможным. Норму не нормой. Разумное неразумным. И потихоньку, ненавязчиво и незаметно сходя с ума. Сумасшедшие времени не замечают. Оно им просто не нужно.

И тут я услышал хохот. Истеричный, надрывный. И я резко обернулся. И увидел Романа. Еще одного сумасшедшего. Если уж такие как Роман сходят с ума... Что говорить об остальных. Остальные просто обречены.

Роман сидел на снегу, обхватив голову руками. Он и впрямь походил на безумного. Его глаза блестели от слез. Он хохотал. И пальцем указывал вниз. На льду лежал разбитый глобус. Он был испачкан кетчупом, скорее всего, угодила прямо в разлитую лужу из томатного соуса. Он был разделен на две равные половины. И я удивился, как можно так удачно, аккуратно разбиться. А потом я

удивился, как он вообще разбился. Мне казалось, он сделан из небьющегося материала. Возможно, даже из резины. Ведь мы никого им даже не сумели убить!

А Роман громко хохотал и показывал пальцем на глобус.

- Какой ничтожный земной шарик!

- Скорее хрупкий, - я попытался защититить земной шар. Не знаю зачем.

- Смотри! Он весь в крови!

- Это всего лишь кетчуп, - я по-прежнему грудью

стоял на защите мира.

- Смотри, философ! – Роман дрожащими руками, как алкоголик, протянул мне две половинки глобуса. – Они пустые! Совершенно пустые! В них ничего нет! Абсолютно ничего! Ни одной тайны! Ни одного сокровища! Ни даже стрелки часов! Все пустое! Ни один город не построен! Ни одна речка не протекает! Ни один ручеек! И ничего не цветет! И ничего не светит! И ничего не горит! И даже не умирает! Здесь нет даже пепла! Господи – наша земля пуста! Как все просто! Мы живем в декорациях, бутафориях, рампax! И мы... Слышишь, философ, мы сами не настоящие! Я понял! Мы тоже ненастоящие! Мы всего лишь призраки! И наши страны и города тоже призрачны! И наши звезды и солнце! И наши дни и годы, и наше время! И наша земля – просто призрак, который вертится вокруг своей оси! Что еще более становится простым и понятным. У всего есть край! Кроме земли! У земли его нет! Значит, она призрак! Она не настоящая, слышишь философ! Мы наверно когда-то были настоящими, и даже когда-то жили! Но теперь! Я понял, философ! Нет, ты послушай! Я открыл истину! Она так проста! Кто сказал, что здесь жизнь, а где-то там смерть. Что здесь этот свет. А там тот? А если все наоборот, философ? Мы призраки настоящих людей, которые когда-то жили! Мы на том свете. И эта круглая земля ни что иное как тот свет. Ад или рай, слышишь? Тогда все становится на свои места. Поэтому мы так мучаемся. Ведь больше мучений, чем придумано на этой планете, придумать просто невозможно! Просто нереально! Ни у кого не хватит фантазии! И там мы жили. Слышишь! Гораздо проще, правильнее и справедливее! А здесь преувеличена наша жизнь! Возведена до абсурда! Нет, мы просто за нее платим! Как нелепо, мы платим за то, что нам позволили жить в аду! Смотри, философ! Две половины! И они пусты! Как все пустое здесь, на этой земле!

- Опомнись, Роман! – Я даже встряхнул его за плечи. Мне даже хотелось его ударить, чтобы он пришел в себя. Но в последнюю минуту я передумал. И помог ему подняться с колен. Он на коленях стоял на земле. В существование которой не верил.

- Опомнись, Роман! Это всего лишь хрупкая модель мира, а не мир. Это всего лишь уменьшенная в сиксильярды раз копия нашей земли. Но не земля. Это всего лишь механический чертеж нашей планеты. Но не планета. А земной шар живой. И он вертится. И все на нем живое. И мы живы тоже. И вертимся вместе с ним. По кругу. Потому что так разумно. И так удобно. И для него и для нас.

- Ты не понимаешь, философ, - Роман покачнулся. И вытер стекающую слезу со щеки рукавом английского пиджака, – ты ничего не понимаешь. Я ведь верил. Во что я верил, черт подери? Сам черт не разберется! Я верил в землю. Нет, пожалуй, нет. Я не настолько глуп. Верил в тени на этой земле? Нет, я не настолько умен. Во что я верил, философ? В то, что земля круглая и вертится вокруг своей оси? Так это знает каждый двоечник. Пожалуй, я верил в то, что есть тайна. Одна маленькая тайна на всю огромную планету. И она очень проста. Просто никто не додумался, что она настолько проста. Все ищут сложности на земле. Настолько в ней всего много умещается. Но все хотят еще, еще большего! Сколько придумано наук, трактатов, теорий, теорем и аксиом! Сколько слов и понятий! И настолько много еще необъяснимого, перепутанного, такого разного,

что никому в голову не может придти, что все очень просто. Человеческий мозг слишком сложен для легкого. Человеческий разум слишком разумен для легко объяснимого. Как дважды два. Дерни за ниточку и клубок распутается. Только нужно найти конец этой нити. Или ее начало. Хотя это, по сути, одно и то же. В этом и есть тайна, ты не находишь, философ. И она где-то спрятана от людей. И эту тайну можно сторожить, а можно и нет. И обязательно, обязательно должен быть сторож для этой тайны.

- Ты думал это старик? – я неотрывно смотрел на Романа. Я начинал понимать.

- Думал! Нет, черт побери! Я это знал! Кто же еще! Гайдебуровский старик! Я бы до такого и не додумался! Он сам, сам мне указал на глобус. И заставил поверить, что все, что он говорит – это не бред сумасшедшего, не старческий маразм! Это правда! А ты сам посуди, как не поверить! Все располагало к доверию. И эта антикварная лавка. И этот полумрак от фонарей. И этот запах старых вещей, которые иногда оживали. Да и он сам. Этаким гайдебуровский старик. Такой ненастоящий, театральный, словно выдуманный специально для того, чтобы в мире осталась вера в таинственное и необъяснимое. Я и поддался на эту удочку. Меня поймали на наживку. Легко поймали. Как на хорошую наживку глупую рыбу. Которая не думает, что ее так же сожрут, как она недавно сожрала наживку. Потому что она не хочет думать. Она верит в то, что видит. Это тоже очень просто, философ. Верить в то, что видишь. И не думать. А уже потом за это платить. Платить за обычную наживку. Которая не так дорого стоит. Но даром ничего не бывает. И если и бывает – даром, то потом за это платишь и вдвойне, и втройне. Поверь мне, философ. Это тебе говорит не настоятель монастыря, не школьный учитель и не окружной судья. Это утверждает мошенник и вор. Который поставил великую цель жизни – прожить ее даром. Но ничего не получается. Но это не значит, что я от нее отказался. Цель, возможно, и хороша тем, что ее редко достигаешь. Может, это не обязательно. Ведь она становится твоим образом жизни. Твоим хобби. И смыслом жизни. Для кого труд смысл, для кого риск. И там и там высшее напряжение и отдача. И не всегда награда. Вот так.

- Может и так, Роман. Я не знаю. Я не находил смысла жизни ни в труде, ни в риске. Может быть, его не было вообще. Я его не искал. Это тоже некоторый образ жизни. Не иметь смысла и цели есть смысл и цель для меня. Но я про другое. Почему, ты скажи, почему не было трупа. Если ты убил?

-А ты как думаешь, почему? – Роман сощурил свои ненастоящие глаза. Сощурил линзы. – Вот и думай, ты же философ. Может, это был вовсе и не старик? Может, я тоже пытался убить убийцу, сечешь? Или это сотый, тысячный старик, понимаешь? А где настоящий? Ну, первый, что ли. Как ниточка, которую нужно найти, чтобы распутать клубок. Чтобы найти конец. Или начало.

Он неожиданно вцепился мне в плечи. И в его ненастоящих глазах вновь зажглось безумие. Вернее, еще больше зажглось. Поскольку оно и не потухало. Лед растаял давно. Всемирное потепление. Или всемирный потоп. Как давно он мне не напоминал постаревшего Кая! Я даже соскучился.

- А может, вообще не было старика, ты как думаешь, философ? – Роман вдохнул полной грудью морозный воздух. Тут же его выдохнул. И обдал меня паром. Но мне стало еще холоднее, и я поежился. Мне казалось, чем больше Роман сходит с ума, тем я больше становлюсь нормальным. Тем прочнее стою на земле. Которая для меня самая что ни есть настоящая.

- Даже если предположить, что все здесь призрачно, - я топнул ногой. Под ногами твердая замерзшая почва. Я очень обрадовался. О каких призраках может быть речь? Но Роману решил подыграть, как обычно подыгрывают сумасшедшим. – Даже если предположить, Роман, что мы призраки, и наши дома призраки, и

наши вещи, все равно, старик должен быть. Даже если он тоже призрак. Пусть. Но кто-то же создал эту призрачную антикварную лавку. И деньги, кстати, на ней рубил немалые. Даже если это призрачные деньги.

Роман, как и полагается истинно сумасшедшему, расхохотался жутким смехом. Что-то я сомневаюсь, чтобы призраки так умели заразительно хохотать. Его зубы были белы, безукоризненны. Интересно, они тоже ненастоящие, как и его глаза? Вряд ли у призраков бывают такие зубы. И даже если нет, Роман все равно не напоминал привидение. Приведения в английских костюмах не ходят. Даже если родом из Англии. На них всегда что-то белое в виде балахона, это я точно знаю.

- Узко мыслишь, философ! Кто не верит в призраки – философами не становится. Скорее, математиками или астрономами. Они только и умеют, что вычислять размеры солнца или луны, или расстояние до них. Или радиус тени Земли. Тебе виднее.

Был разгар зимнего дня. Разгар зимнего праздника, который устроили в честь себя Косульки. И улыбнулось солнце. И ветер успокоился. И только медленно падали, падали крупные хлопья снега. Солнце было таким ярким, таким желточным, как редко бывает в зиму. И снег блестел на солнце, переливался многоцветьем. И было больно глазам до слез. От белизны и света. Словно кто-то навел прожектора прямо в лицо. Ветер стих. Поэты пишут стих про такой день. Они сочинители. И все же такие дни случаются. И такой день не сочинишь.

Но я сомневаюсь, что солнце выглянуло в честь Косулек. И в честь Косулек поэты слагали стихи. Солнце хотело что-то доказать другое, более важное. Может быть, что оно настоящее? И не призрак?

- Смотри философ! – линзы Романа плакали от света. – Солнце! Оно настоящее! Но ты заметил, что оно не здесь, не с нами, не на земле. Ты заметил, что самые красивые вещи на планете земля не принадлежат ей. Они другие планеты или с других планет. И небо, и солнце, и звезды, и луна! Самые поэтичные вещи! Они не наши! Они оказывают лишь нам милость, помогая выжить. И жить по законам природы. Нам принадлежат лишь их отражения. Их свет. Их холод и жар. Их вода, снег, туманы. Их тени. Мы тоже тени, философ. Мы настоящие там, а здесь, на земле, мы всего лишь тени! Жалкие, искаженные отражения себя же! Не в зеркала нужно смотреть, философ. Зеркала все лгут! Нужно смотреть на тени! Вот мы какие, философ! Темные, бездушные, механические. У нас нет лица. И нет сердца. А мы настоящие там, где самые красивые антики, которым цену никто не назначит. Там, где солнце, небо, облака, звезды, луна и принадлежат они именно нам. А земля – всего лишь театр теней! Или королевство кривых зеркал! Как хочешь!

На снегу были отчетливо видны наши тени, которые небрежно отбросило солнце. Тени наших домов, наших деревьев, наших улиц, фонарей и аптек. Черные тени на белом снегу. Искажение нас или насмешка над нами. Словно королевство кривых зеркал. Или комната смеха. Или комната страха. Что, впрочем, одно и то же. Смотря с какой точки земли посмотреть. Но я по-прежнему был уверен, что мы настоящие. Может быть, мы иногда подражаем теням. Когда мысли наши черны. Или поступки наши черны. Или когда обстоятельства наши черны. А может быть, тени всего лишь напоминание, что мы бываем такими. Вполне возможно, они не отражение нас, а вторая нас половина. А может быть, мы вообще все преувеличиваем. И правы математики и астрономы. Это всего лишь темные участки изображения, векторная величина, поток энергии солнца. И какая разница, кто из нас главный. Мы или наши тени. Слава ученым. Философы все только портят.

Глобус, расколотый на две равные половины, по-прежнему валялся в луже кетчупа. Все было проще. И не призрачный мир теней раскололся, а просто глобус, более того, просто волейбольный мяч. И кетчуп всего лишь томатный соус. А не кровь на снегу.

- Дай мне его! – я протянул руки к Роману.

Он перехватил разбитый глобус и спрятал за спину.

- Я докажу, что он пуст! Я опозорю целый мир на весь мир! Я унижу его! И заставлю над ним смеяться.

Смех разгулявшихся людей становился все громче. Приплясывая, они пели во весь голос. И их песни все громче приближались к нам. Плотным кольцом. Они стали водить вокруг нас хоровод. И Роман протянул им две половинки земного шара. В них тут же была до краев налита водка. Глобус и впрямь оказался пустым. Никаких тайн.

- Пей, философ! – Роман протянул мне одну половину. – Она твоя. Я не буду пить за земной шар. Он уже давно пропит и продан. Он давно провонял водкой и типографской краской денежных знаков. Мне он уже не интересен. Я выпью за то, чтобы ты смог простить меня.

- За что? За эту игру в судью и преступника? Она мне даже была интересна.

Роман хитренько подмигнул мне одной линзой. И мне не понравилось его двусмысленное подмигивание. Оно было... ну, словно у Романа было о чем сказать. Но он не хотел. Не боялся, а просто не хотел. Словно он в очередной раз сумел что-то ловко украсть. Но что? И у кого?

- И все же прости меня философ! Я редко прошу прощения! Но сегодня особенный день. И, возможно, когда-нибудь ты узнаешь за что, а возможно и нет. А возможно, сам у кого-то вот так, в морозный солнечный день, напившись водки из расколотого мира, попросишь прощения. И не скажешь за что. И тебя тоже будет за что прощать.

Люди тесным кольцом подступали к нам. И песни были настолько громки, фальшивы, бессвязны, что я плохо различал громкие, фальшивые, бессвязные слова Романа.

- Мир этот чудесен, великолепен этот мир! – кажется, так пели люди.

- Как он безобразен! – сморщился Роман и выпил залпом водку. Остальное вылил на снег. Водки было слишком много. Не смотря на сумасшествие, он, похоже, знал меру.

- Сколько в мире обмана и сколько лжи! - кажется, так пели люди.

- Нет, здесь все не понарошку. Здесь все настоящее, - я облизал пересохшие губы и выпил вслед за Романом. Не потому, что мне так хотелось выпить от горя или от радости. Просто мне хотелось пить. Не знаю почему. В морозный холодный день редко мучает жажда, даже если он ослепительно солнечный. Мне не удалось утолить жажду. Зато удалось напиться. Я не был сумасшедшим, но меры, похоже, не знал. Я плохо помню, что было потом. Мелькали люди, мелькали дома, мелькали деревья. И улица, и фонарь, и аптека. Или их тени, я не знаю. А возможно, и то и другое попеременно. Даже мелькнули тени Косулек и тень убитой косули на огромном подносе. И тени охотников и тени жертв. И мелькали голоса. Или их тени. (У голосов есть тени, я знаю теперь точно. Это – эхо.) То ли крики, то ли песни, то ли смех, то ли рыдания. А возможно, и то и другое попеременно. И мелькали даже чувства. Помню, я еще удивился, ведь чувства увидеть невозможно. Они не зримы и не осязаемы. У них нет ни цвета, ни запаха. Ни величины, ни объема, ни веса. Ни даты рождения, ни даты смерти. Мне даже хотелось расхохотаться над учеными. Над старшими и младшими сотрудниками. Над академиками и профессорами. Сколько они вычислили, сколько открыли, сколько изучили, сколько анализировали, сколько изобрели. А

такое простое как чувства – так и не смогли разгадать. Дать им научное определение. Защитить на эту тему диссертацию. А я их видел. Они мелькали. Ненависть или любовь, горе или радость. А возможно, и то и другое попеременно. И я подумал, что лишь у них нет теней. Даже солнце не в силах отбросить тени от чувств и эмоций. А вдруг я ошибаюсь? Вдруг Роман прав и чувства тоже ненастоящие? А настоящего не бывает. Или мы его просто еще не знаем. Или его не изобрели ученые и академики. Не вычислили, не показали на мониторе и не дали характеристику. Чувствам пока дали определение только сочинители. Но сочинителям нельзя верить. Они сочиняют призрачный мир. Мир теней.

Роман взмахнул на прощанье рукой и исчез. Помню, последнее, что я увидел, - это прыгающую за ним кроличью беленькую шубку и кроличью шапку. Мне даже захотелось пожелать им счастья. Они так подходили друг другу. Как охотник и жертва. Или как два охотника. Смыслом жизни которых было даром ее прожить. За счет жертв. Или они были две жертвы, смыслом жизни которых было не попасть под пулю охотника. Но я не мог говорить.

Помню, последнее, что я подумал – это то, что тайну мира так никто и не узнал. И не узнает. Может быть потому, что у земли просто нет тайн. Или их знать нам не нужно. Я почему-то очень этому обрадовался. И тут я понял, что забыл спросить у Романа главное – почему, ну почему он не превратился в старика так же, как я? И меня это огорчило. Но заплакать от обиды я не успел...Я был слишком пьян для слез, для чувств, для эмоций. Свой мир я тоже сегодня успел пропить. Но, как в детстве, мне не так уж его было жаль. Этот бесчувственный мир, который не умел плакать. И в котором единственными живыми остались призраки. Или тени.

КОНЕЦ ДЛЯ НАЧАЛА

Вот так, многоуважаемый и любезный читатель. Я не иронизирую, я научился, извините, подобной тональности в антикварной лавке. Но еще не знаю, будут ли у меня читатели вообще. Ну, хотя бы один. Но даже для одного я бы постарался и написал эту невообразимую историю. Вот она и закончилась. Хотя с этого момента она могла бы и начинаться. И, возможно, была бы более увлекательна. Возможно, более комична. Возможно, наоборот.

Впрочем, так думал, что закончилась. Но мало ли что я думал. Вообще я слишком много думаю. И от этого совершаю ошибки. Все ошибки идут от чрезмерного увлечения мыслями. Мысли запутываются в клубок. И так невероятно трудно найти конец нити или ее начало. Чтобы распутать. И земля наша тоже клубок, который мы стремимся распутать всю жизнь. И мы не знаем, где ее начало и где конец. Мы тоже впутаны в этот клубок. Мы катимся по ней или она под нами. Но края нет. Так утверждают физики и астрономы. И жизнь наша тоже клубок. И вот здесь нам кажется, что мы отлично понимаем, где ее начало и где конец. И возможно как всегда в жизни ошибаемся. У нее тоже нет начала и нет конца. Потому что это одно и то же. Мы не помним рождения и не помним смерти. Мы не помним, что было до нашего рождения и что будет после нашей смерти. Как можно утверждать, что мы вообще что-то знаем? Если это тайна, возможно, очень простая, но разгадать ее ни дано никому. Даже если мы академики и профессора. Философы и сочинители. И наши знания это всего лишь клубок, в котором нет начала и нет конца. Вернее есть и то, и другое. Но нам его не отыскать. Даже если это очень нужно кому-то.

Но и сильно жалеть об этом не стоит.

ЭПИЛОГ ДЛЯ ПРОЛОГА

Я остался в антикварной лавке. Она теперь по праву принадлежала мне. Я носил бороду и усы. Они теперь были настоящими. И я был настоящим стариком антикваром. И никто не мог догадаться, что я всего лишь тень, призрак того молодого парня философа, который не искал смысла в жизни. И смысл жизни нашел его. У теней нет возраста, и у призраков тоже. Я попытался это понять и поэтому смирился. Конечно, я бы мог бриться каждый день. Но это бы не помогло. Моложе бы я не стал. В старости приходится выбирать – морщины или борода. Так когда-то утверждал антиквар (впрочем, вовсе и не антиквар, а всего лишь его копия). Я, как и он, выбрал бороду. И этот выбор не был мучителен, хотя я когда-то не мог и предположить, что выбирать придется так скоро. Но, во всяком случае, я успокоился тем, что стал немножко похож на Сократа. Или на Вергилия. Возможно, на Цицерона. Да мало ли на какого мыслителя! Ведь почти все философы прошлого носили бороды. Ну да, Платон, пожалуй, не носил. Но он был какой-то уж совсем легкомысленный философ. А для серьезной философии борода нужна непременно. А вот сегодня философов нет вообще. Не потому, что они не отпускают бороду. Потому что нет философии. Наша жизнь от философии далека. Для философии нужно время. Много времени. А время мы потеряли.

Время потерял и я. Мое время осталось в прошлом. Мне же осталось смириться с настоящим. И я смирился. Не скажу, что далось мне это с трудом. Во всяком случае, в моей старости была своя прелесть. В отличие от своих ровесников, мне не нужно было переживать за то, что я могу постареть. Покой мне достался даром. Как даром далась и безбедная жизнь. А моим ровесникам еще немало придется попотеть, порыдаться, покусать ночами подушку, чтобы такую жизнь заработать. Им немало придется встретить на своем пути подонков и ничтожеств, немало угождать, подобострастно кланяться им в пояс, чистить им ботинки, вытирать лобовое стекло блестящего автомобиля и стряхивать пыль с английского костюма, чтобы подобную жизнь заслужить. Их немало будут предавать, подставлять подножки, стрелять из-за угла, чтобы они смогли жить примерно, как я. И немало друзей продадут в один миг немало своих друзей. И они немало гадостей будут шептать в трубку о тех, кто их когда-то любил. Ради того, чтобы предать любимых. Из-за ненависти. Или реванша? Им придется не раз падать головой вниз с обрыва. Чтобы вновь и вновь карабкаться вверх. А сколько им придется пережить похорон и потерь! Господи, а любовь! Я забыл про любовь! Сколько еще выпадет на их долю этих горьких мучений, этой преходящей страсти, которая, как ржавчина, разъедает сердце, ломает душу. И просто ломает.

В общем, я им не завидовал. Я стал старым в один день, фактически ничего не пережив. У меня болела спина, ныли ноги, частенько куда-то проваливалось сердце. Но потом всегда возвращалось на место, как ни в чем не бывало. Я и с этим смирился. Я безбоязненно отпускал свое сердце. Иногда нужно отдохнуть и от него.

Дела мои шли в гору. Бизнес антиквара процветал. Дина добросовестно помогала мне во всем. Она была полной противоположностью Тасе. Милая, приветливая, какая-то очень не фальшивая. Может быть, она единственная была не призраком, не тенью. Во всяком случае, пока.

И мы любили друг друга. Я бы никогда не позволил себе любить такую молоденькую девушку. Это же нонсенс! Или отклонение! Но я помнил еще свои настоящие года. И поэтому разрешил себе эту любовь. Дина тоже помнила о моих годах. И поэтому тоже любила. Но кроме нас о моем истинном возрасте никто не знал. Поэтому мы прятали нашу любовь. И дальше стен антикварной лавки она не выходила. И сама в некотором роде стала антиком. Ценным, но застывшим, дорогим, но безжизненным. Мне казалось, я запросто могу достать с полки свою

любовь, как любой раритет в этой комнате. Вытереть пыль с нее, полюбоваться, сощуриив глаза или нацепив очки. Даже легонько поцеловать. И осторожно поставить на место. Наша любовь стала в некотором роде историческим фактом. Музейным экспонатом. Или семейной реликвией. Впрочем, любовь имеет столько значений! Почему она не может быть и такой? Такая любовь меня вполне устраивала. Но я не задумывался, устраивала ли она Дину.

Меня даже не расстраивало то, что при Дине меня называли дедушкой. Вежливо уступали место в трамвае. Иногда помогали за руку переходить дорогу. Или поднести сумку. Мне даже в глубине души это нравилось. Во всяком случае, не напрягало. Я как представил себя, в бытность молодым! Если бы на улице случайно, по рассеянности толкнул кого-нибудь локтем, какая бы завязалась потасовка, сколько бы вылито было напрасно чувств, затрачено эмоций, нервов. А тахикардия, а давление, а кровь в лицо? Фу, аж вспомнить страшно. А теперь... Толкай сколько хочешь. Еще и извиняться перед тобой. Я даже иногда специально кому-нибудь на ногу наступал, или с тротуара сталкивал. И что? В ответ только виноватая улыбка. Ну, в крайнем случае, сладенько-вежливое «дедушка, в вашем возрасте нужно быть осторожным» Я иногда специально даже в ответ на их сладости хамил. И что? Только пожимали плечами. Старичок видно тронулся. Жалко!

В общем, старость мне даже нравилась. И хотя сопутствующие ей болезни не миновали меня. И чувства притупились. Разум, что поразительно, разум оставался прежним, ясным, я бы осмелился сказать – молодым! А это не мало. Во всяком случае, только благодаря одному молодому разуму я мог полноценно почувствовать жить.

И я не задумывался. Насколько может нравиться такая жизнь Дине. Хотя она искренне подыгрывала мне. И даже хотела догнать мой возраст. Поначалу она сознательно не красилась, не наряжалась. Напротив, все время в одной коричневой юбочке по колена, и серой блузке. В толстых чулках и черных ботинках на шнурках. Ну, прямо выпускница монастырской школы. Или английского колледжа. Она даже уже не распускала свои роскошные волосы, а собирала, то в пучок, то в приглаженный хвостик. Она все чаще напоминала старую деву. И все же отсутствие косметики и пышных нарядов делало ее еще моложе. А однажды я даже застал ее у зеркала. Вы не поверите! Но она с помощью грима рисовала у себя на лице морщинки. И гримасничала, чтобы морщины появились как можно скорее. Зато ей не нужно было тратить время на косметические маски. Она меня тогда не заметила, а я промолчал.

Она много ела, чтобы испортить фигуру. Ну, уж чего-чего, а еды у нас было навалом. Наедалась она на ночь до отвала, и жирного, и сладкого, и соленого. И ложилась спать. И частенько в свои бессонные ночи я видел, как она открывает холодильник и там шарит в поисках пищи. И я думал, что ей многие девушки могут только позавидовать. Они истощают себе диетами, крутят неистово обруч и от голода часто плачут и злятся на свет божий. Дина толстела и добрела прямо на глазах. В конце концов, вдруг она права? И ей действительно по быстрее нужно стать старше. Молодость только в тягость. А для старости в моей антикварной лавке созданы все условия. И мы ни в чем не нуждаемся. Разве на сегодняшний день этого мало? И где бы была Дина, если бы не я? Со своей молодостью. На улице? В рукавицах и шапке ушанке кричала бы на всю глотку: «Покупайте цветы на любой случай? Свадьба, похороны, помолвка и поминки?» Топала бы от холода ногами и ругалась бы, как истинная торговка, с покупателями? Ну, разок в неделю сбегала бы с каким-нибудь парнем, местным грузчиком, в кино. На кафе бы денег не хватило. А раз в месяц купила бы себе новую помаду или пудру, чтобы закрасить морщины. Раз в полгода новое платье. Раз в год новые туфли.

Да она бы и оглянуться не успела, как состарилась бы в один миг. И весь заработок бы уходил на косметику, чтобы гримировать морщины. Разве это жизнь? Это призрак жизни. Или ее тень.

Но я не знал, понимала ли это Дина.

Иногда она делала слабые попытки вытащить меня на улицу.

- Ну, хотя бы в кино?

Я недоуменно пожимал плечами.

- Дина, ты меня удивляешь. Разве сейчас снимают хорошее кино? А настоящее у нас есть.

И я доставал в который раз старенький кинопроектор, каким-то образом доставшийся от самого британского актера сэра Питера Устинова. Хотя он такой же сэр, как и я. Ни грамма британской крови. А вот русской – хоть залейся. Впрочем, он этого и не скрывал, и даже гордился. И в который раз я показывал на белом экране немую комедию с еще одним сэром Чарли Чаплином. Который тоже не хотел быть сэром. А, скорее, товарищем нашей страны.

Я даже протягивал Дине кулек с семечками. Ну, чтобы было, как в настоящем кинотеатре. Не попкорном же давиться. Мы же не сэры.

И когда вспыхивал свет, в глазах Дины всегда стояли слезы. Похоже, она смеялась до слез. Вот что творит настоящее кино! И настоящие комики!

Иногда Дина робко просила:

- А если пойти в театр?

Я кривился. В моей жизни театра было предостаточно.

- Дина, ты не перестаешь меня удивлять! Разве сейчас увидишь что-нибудь стоящее в театре?

Она думала, что у меня не было театра, глупенькая. У меня театр был!

И я доставал сундучок с перчаточными куклами. Раскладывал ширму. И сочинял на ходу трагедию. И на одной руке у меня была кукла седого старика, почти гайдебуровского. А на второй – молоденькой чернобровой цыганки в цветастой юбке. История всегда заканчивалась печально. Старик умирал, а цыганка убегала к другому, неведомому, который лежал в сундуке. Эту куклу я почему-то не доставал и скрывал ее от Дины.

Во время представления я непременно угощал Дину шоколадкой. И она громко шелестела фольгой. Чтобы получилось, как в настоящем театре. И получалось.

Когда вспыхивал свет, Дина истерично хохотала. Видимо, она рыдала до хохота. Вот что творит настоящий театр. И настоящие трагики.

Иногда Дина жалобно умоляла.

- Давай сегодня поужинаем в ресторане.

Я возмущено взмахивал руками.

- Дина, ты удивительная девушка! Смотреть на эти пьяные рожи, жрущие под попсовую музыку! Когда вместо косули подсовывают пережаренную свинину! У меня свой ресторан!

И я устраивал для Дины ресторанный вечер в антикварной лавке. Сам готовил рыбу в ананасовом соусе с маринованным терном. Открывал бутылку мартини, небрежно бросал туда лед. Как настоящий официант. Даже слегка кланялся, поправляя «бабочку» на крахмаленном белом воротничке. Тускло горели свечи, и на патефоне грустно играла старенькая пластинка Шопена. Иногда Моцарта. Иногда Листа.

- И вообще, в моем доме есть все, что ты пожелаешь, Дина. Весь земной шар вмещается в этой антикварной лавке. И вся жизнь может безболезненно и безбоязненно пройти в ней. Разве это плохо? Учитывая, что за ее стенами такой непредсказуемый, такой опасный, такой страшный мир.

Прогуляться по магазинам Дина даже не рисковала меня просить. А шла сама. Я ей ни в чем не отказывал. Она могла купить себе все самое дорогое. И покупала вещи, которые умудрялись делать ее старше. Что-нибудь безвкусное и пышное.

Дина превратилась в матрону. Толстая, румяная, в длинной до пят песцовой шубе, огромной песцовой шапке. Она перекатывалась на толстых каблуках, как утка. Она остригла свои пышные волосы очень коротко и сделала завивку. И даже обесцветила свои черные волосы! На ее лице умещался килограмм вульгарной косметики. А на ее шее с двойным подбородком блестело толстенное кольцо из золота, усыпанное чистыми бриллиантами, которое я ей подарил в годовщину нашего знакомства. Оно принадлежало какой-то помещице, вроде бы родственнице архитектора Шехтеля. А, возможно, и нет. Как и все в этой лавке – возможно, и нет.

Иногда я недоуменно смотрел на Дину и думал, как мог в нее влюбиться? Это было просто невероятно! Эта пышная стареющая женщина была просто не в моем вкусе! У нас по-прежнему была заметна разница в возрасте. Но, ей богу, клянусь всеми своими антикварными вещами, я выглядел ее лучше. Интереснее я был, что ли. Благороднее и изысканнее, что ли. Из богемы, что ли. Даже если мне было сто лет. Седой старик в черной беретке, замшевой куртке и небрежно заброшенном за спину шарфе, с трубкой в зубах выглядел гораздо привлекательней этой толстой матроны.

Впрочем, я безжалостно гнал от себя эти гнусные мысли. В конце концов, превращение Дины в клушу мне было даже на руку. Мы с ней имела право, наконец, показать свою любовь всему свету. Мы могли запросто вынести свою любовь на суд людской. Бросить на порог, как шкуру убитой косули. И крикнуть на всю улицу: ну же, судите! И клянусь честью, никто, никто не осудит. И никто не станет шептаться за нашей спиной. Даже Сенечка! Да что Сенечка, он в принципе парень широких взглядов, ну, настолько широких, насколько широка его дорога, на которой он жонглирует палочкой. Даже Косульки не покосятся на нас. Даже слово дурного не посмеют сказать! Я уверен, они пожелают нам счастья и приготовят свадебный пирог из свинины, которую назовут косулей. И мы запросто объявим на весь наш почетный район, что скоро поженимся. И подобный брак уже вряд ли кто-нибудь посмеет назвать неравным. Пукирев был уже ни при чем. И его философия разбивалась в пух и прах. Еще пару каких-то лет и молоденькая героиня его картины могла запросто превратиться в Дину. Стоило лишь подождать. И персонажи неравного брака вполне могли поменяться местами. А мы с Диной были равны. Разница в возрасте уже никого бы не удивила. Подумаешь, богатый столетний старик благородной наружности и пышная разукрашенная тетенька с тройным подбородком, на котором увешаны, как кольца из детской игры, побрякушки. Я в этом лично находил логику.

И я сделал Дине предложение. И она неслыханно обрадовалась. Пришло, пришло ее время выходить замуж. Она же неглупая, в душе понимала, еще чуть-чуть, и даже я бы ее не взял. И Дина решила поторопиться. К тому же я был вполне выгодной и более чем достойной партией.

Дина уже вовсе не напоминала ту чернявенькую цыганку. Которая встряхивала длинными пышными волосами (я когда-то не мог оторвать глаз от ее волос), вскидывала густые дугообразные брови (я когда-то обожал, когда она так делала) и улыбалась детскими ямочками на щеках (я так любил ее ямочки). От ее цыганского прошлого (хотя она утверждала, что никогда не была цыганкой, и я когда-то сомневался, но не теперь) осталась песня. Которую она по-прежнему напевала по утрам. Но уже при этом не танцевала. Она стала слишком неуклюжа для танцев.

Кибитка несется по пыльной степи,
 Меня за собою, цыган, позови!
 В кибитку запрыгну легко на ходу,
 С тобою в степи я всю ночь проведу!..

И я прикрывал глаза. И видел чернявенькую цыганку, которая неслась в кибитке по бескрайней желтой степи. И кони бешено мчались, и ветер бился в лицо, и солнце кувыркалось на небе. И впереди бесконечность дороги, бесконечность молодости и бесконечность жизни. Но это уже было погибшее ретро, это была проданная за гроши кинохроника старых снов. Я открывал глаза и видел другую Дину. Которая все больше напоминала Косульку. А в Косульку я просто не мог влюбиться! Это противоречило моим принципам, моим убеждениям, кодексу моей морали, черт побери! Но, увы, вовсе не противоречило возрасту. И я смиренно склонял голову перед Диной. И целовал ее пухлую ручку, унизанную кольцами и браслетами.

Мы назначили день свадьбы. Как я и предполагал, никто не удивился. Я даже слышал иногда шепет в спину:

- А они чудесная пара! Так подходят друг другу!
- И Аристарху Модестовичу на старость лет такая радость!
- И Диночке, умнице, большое наследство. Старику, поди, недолго

осталось.

- Он еще всех нас переживет. Вот увидите. Хитер черт. Что нас, и детей наших и внуков переживет, вот увидите...

В общем, счастливы были все. И мы, и наши соседи, которые были не столько счастливы за нас, сколько выпавшему счастью повеселиться на празднике.

Мы назначили день свадьбы. В один из последних дней лета. Это было трогательно и символично. Дина так тщательно выбирала этот день, что позвонила в прогноз погоды, чтобы окончательно убедиться, что в этот день не будет дождя. Ей пообещали. Но я слабо верил в это обещание. На счет метеосводок следовало звонить в более высшие инстанции. Но там не было телефона.

Дина с утра убегала в магазины в поисках свадебного платья, которое она подбирала с той же тщательностью, что и погоду. И возвращалась к вечеру, удроченная и печальная. Всплескивала пухлыми ручками и бормотала.

- Ну не нравится мне все, так не нравится! Я такая толстая в них. А это, как никак, моя первая свадьба. И так хочется быть неотразимой.

- Ты и так неотразима, - в очередной раз лгал я ей, вспоминая Косульку.

И вот в один из таких летних вечеров, за чаем у самовара от потомков Кустодиева, при тусклых свечах, я рассыпался, как и положено жениху, в комплиментах невесте. И невеста их достойно принимала. Она была наряжена в пурпурное платье с золотистыми рюшечками и изумрудным воротником. И тут мы заметили, как по клетчатой скатерти ползет гусеница. Такая пушистая, толстая, она переливалась различными красками. И золотистым, и изумрудным, и пурпурным. Я поражаюсь природе. Как она умела все хитро обтяпать. Что порой невозможно понять совершенство она сотворила или наоборот. Ведь красивая была гусеница. Ей-богу, красивая. Краски великолепные. Насыщенные. Но одновременно. Разве повернется язык сказать про нее, что она хороша? Я и понять не мог - почему. Почему гусеницы вызывают чувство брезгливости, если они, по сути, прелестны, совершенны, безупречны. И должны радовать глаз. А любая прилудная, общипанная, обкусанная блохами серая дворняга вызывает только умиление, так и хочется сказать: какой хорошенький!

Дина поморщилась.

- Фу, - только и сказала она. И тут же повторила. – Фу, фу, фу. - Уже три раза. Лаконично и очень понятно. Гусениц она ненавидела.

А мне гусеница так напомнила Дину. И я вздохнул. И даже умудрился упрекнуть природу в ее изощренной изобретательности.

Пока мы обсуждали изобретательность флоры и фауны, гусеница куда-то благополучно отползла. Дина даже расстроилась.

-Вдруг я на нее наступлю? Это ужасно.

Я так и не смог понять, то ли она опасалась за судьбу гусеницы, то ли за судьбу своих новеньких босоножек. Впрочем, жестокостью Дина никогда не отличалась. Даже если стала другой.

А через несколько недель поутру я вдруг проснулся от Динино крика. Она восторженно смотрела куда-то на стену и показывала пальцем. На стене сидела изумительно красивая бабочка с изумрудным воротничком, пурпурным отливом, и золотистыми рюшечками на крыльях.

- Боже, какая красота! – Дина не отрывала от бабочки своего замороженного взгляда.

Бабочка, словно желая доказать, что она и впрямь красива и благородна, взмахнула крылышками и плавно закружила по комнате.

Дина неожиданно вскочила с места и вслед за бабочкой закружила в танце. Но до бабочки ей было далеко. Словно корова решила состязаться с мотыльком. Это пустой номер. Каждому свое место в жизни. Но Дина не сдавалась. Она помнила, что умела легко и грациозно танцевать. И пыталась повторить номер. Танец получился смешным, неуклюжим. Дина взмахивала толстыми руками, как крыльями. Пыталась стать на цыпочки. Но тут же опускалась на пятки. Пыталась подпрыгнуть на месте и сделать полный оборот, но упала. И вдруг разрыдалась. Я бросился к ней.

- Ну что ты, милая, перестань. Прекрати же! Тебе так не идут слезы. И ты так чудесно танцуешь...

Но Дина не успокаивалась. Она рыдала истерично, пугающе. Даже бабочка, похоже, встревожилась. И отыскав узкую щель в форточке, умудрилась туда вылететь. И Дина долго смотрела за окно, за которым бабочка легко покружила еще нам назло и, наконец, навсегда улетела на волю. Наверно, она сумеет перелететь крыши стандартных многоэтажек, трубы погибших заводов и бигборды, растянутые на дорогах. И, наконец, доберется до поля, усеянного ромашками и васильками. Покружит над ними, грациозно и весело. Всего один день. И умрет. Впрочем, это так много – один день на воле. Так много. Людям такой день не всегда за всю жизнь выпадает.

Я посмотрел на Дину. Она сидела на полу, босая, растрепанная, в ночной рубашке, с опухшим от слез красным лицом. И с нескрываемой завистью смотрела за окно, вдаль. Наверно, она видела этот один день среди васильков и ромашек. А, возможно, она видела голую пыльную степь, по которой бешеные кони несли цыганскую кибитку.

А я почему-то подумал, что гусеница таки сумела нам отомстить.

С этих пор Дина стала другой. Она погрузилась. На лбу ее появилась даже яркая глубокая морщинка. Уже настоящая, а не нарисованная. И она ей удивительно шла. Ее лицо стало умнее, одухотвореннее, что ли. Дина часами бродила по комнате, опустив голову, и все время о чем-то думала. Даже о походах в магазин она забыла. И свадебное платье оставалось в перспективе. Иногда я пытался заикнуться о нем, но она только отмахивалась. Впрочем, меня ее печальное состояние не очень расстраивало. Во-первых, оно было вполне объяснимо перед свадьбой. Во-вторых, мне даже на руку. Во всяком случае, меня не тащили в кино, театр или в ресторан. Меня оставили в покое.

И этот покой все чаще нарушал Сенечка. Который вдруг к нам зачастил. И это мне тоже было на руку. Поначалу он распивал с нами за самоваром чай, как Кустодиевская купчиха, и меня понемногу утомлял своими долгими разговорами о беспорядках и авариях на дорогах.

- Это же надо, дорогой Аристарх Модестович! – Сенечка делал шумный глоток чаю, – какие удивительные люди. Ну, вот вы, как умный человек, объясните, зачем им ездить! Ведь мы созданы для того, чтобы ходить, бегать, прыгать. Но не летать или кататься. У нас ноги, а не колеса и крылья, вы согласны, любезный?

Я безропотно соглашался, поскольку мне лень было отвечать Сенечке.

- И знаете, уважаемый, что поразительно, когда я служу на дороге, выполняю так сказать свой неотъемлемый долг, я вижу перед собой лишь машины. И мне уже кажется, что людей нет. Словно и не существует на свете. Что это машины живые. Это у них светятся глаза, это они скалят зубы. Это они гудят и фыркают, это они спотыкаются или скользят. Что это машины думают, спорят и даже, вы не поверите разлюбезный, это машины любят и ненавидят! И я отвечаю тем же! Я не вижу людей! Я разговариваю с машинами! Спорю, поучаю, хвалю, штрафую машины! И их я люблю или ненавижу! И это не у людей, а машин есть характер! Одни веселые, знай себе, скачут беззаботно в неизвестность. Другие серьезные, важные, как начальники - бурчат и фыркают недовольно. Третьи скромные, тихенько так, незаметно пролизнут. Четвертые снобы. Высокомерно пронесутся, не подняв головы. Иногда мне кажется, что человечество вымерло. И живыми в нем остались только автомобили, дома, магазины... Я, видимо, не ясно выражаю свою мысль, не так конкретно, не так скрупулезно, как хотелось бы...и как положено...

- Зато образно, Сенечка. И я с тобой даже почти согласен.

Я при этих словах обычно вставал с места и, сославшись, как старый человек, на плохое самочувствие, вызванное магнитной бурей, уходил к себе в комнату. Я частенько стал замечать за собой, что разговоры меня утомляют. Я старался избегать разговоры. И думал, что выбираю машины, дома, стены, с ними не нужно вести бесконечные бессмысленные беседы. И понял, почему настоящий старый антиквар выбрал когда-то вещи. Монолога достаточно. Монолог безопасен. Диалог это нервы, напрасные страсти и изнуряющая боль. Я тоже выбираю вещи. Или цветочный горшок на окне. Или проползшую гусеницу, которая превратится когда-нибудь в бабочку. Или звезды я выбираю.

Поэтому когда в один из таких вечеров Сенечка предложил сходить в кино, естественно, всем троим, этакой дружной компанией, я неслыханно обрадовался, что появился повод спихнуть Дину на Сенечку. И, наконец, остаться дома один.

На следующий вечер они ушли в театр. Потом в консерваторию. Потом в музей. Потом в ресторан. И так далее, по кругу. По круглой земле. Я радовался удачно сложившейся ситуации. Вечера, наконец, стали моими.

Самое поразительное, что ночами светили звезды. Настоящие звезды! Не гирлянды, не фонарики, не электрические лампочки. А звезды! Но еще поразительнее, что они светили только над моей лавкой. Выстраивались в такой четырехугольник, иногда пяти или шестиугольник и вызывающе светили в мое окно. Это заметили все. И Косульки не раз с завистью мне говорили, что какой я ловкач, сумел отыскать во всем городе место под звездами. Ведь в городах в принципе нет звезд и быть не может. Вообще, удивительно мы живем! Там, где не бывает звезд. И ничего, выживаем. Но мне иногда казалось, что антиквар не выбирал место под звездами. И что их здесь когда-то не было, как и во всем городе. Он просто как-то исхитрился, изловчился заключить с небом сделку. Подписать договор. Что он продал небу, что подарил? Или что небо взяло у него?

Или это был равноценный пакт? Равноценная доля? Кто знает... Этого я тоже никогда не узнаю.

И я мог наблюдать звезды. Которые напоминали светящиеся бабочки. Иногда они кружили, иногда падали, оставляя серебристый след. Иногда я с ними разговаривал. Иногда они со мной. Иногда мы просто молчали. И тогда я подумал, вслед за Сенечкой. Что человечество вымерло. Или скоро вымрет. И останутся только звезды. Только они имеют право на бесконечную жизнь. Потому что всегда правы. И на все имеют права. Потому что всегда свободны. И свобода только для них. Потому что всегда выше всего. И только для них высота.

Иногда я у них спрашивал, есть ли Бог? И они иногда отвечали – нету. Моя жизнь - дело рук моих. Я смотрел на свои иссохшие руки, и мне становилось печально. И я вторично спрашивал, есть ли Бог? И они иногда отвечали – конечно. Моя неудавшаяся жизнь – его воля. Мне не нравились эти ответы. Эти ответы вели в тупик. И я перестал спрашивать. Они все равно не ответят. Потому что тоже не знают. Или знают бог знает что.

Я не замечал в эти дни Дину. Впрочем, как и Сенечку. Лишь поздно вечерами, укрывшись в своей комнате, любясь звездами, я слышал их возбужденные голоса. Веселые и молодые. Они что-то горячо обсуждали в очередной раз. Наверно, новый фильм или выставку. И я удивлялся в очередной раз, что можно вообще сегодня обсуждать? И достойно ли это обсуждения? И удивленно смотрел на звезды. Словно искал ответа. Но они в ответ лишь недоуменно мигали. Они тоже не понимали. Они были со мной солидарны.

А завтра должна была состояться свадьба. И я тоже не знал ответ, нужна ли она. Впрочем, я помнил, что любил Дину. А она любила меня. И эта любовь случилась с первого взгляда. И смогла даже пережить старость. Значит, право на свадьбу у нее было. И я подумал, что Дина даже не похвасталась свадебным платьем. Впрочем, мне было глубоко безразлично, какой на ней будет наряд. В моем возрасте нарядами не восхищаются. Но я подумал, что все же, нужно что-то теплое сказать Дине перед бракосочетанием. Так положено. По-другому нельзя. Жених обязан говорить невесте красивые слова. Особенно перед таким волнительным днем. Я посмотрел на часы. Было уже за полночь. Впрочем, для Дины и Сенечки это было не время. Они приходили и гораздо позднее. Я приблизился к окну. И увидел их. Я увидел их словно впервые.

Они шли по освещенной фонарями улице. А еще их освещала луна. Словно со всех сторон были наведены прожектора, даже сверху. Чтобы я получше сумел разглядеть их счастливые лица. Они шли крепко обнявшись. Иногда останавливались и целовались. Иногда хватали друг друга за руки и размахивали ими, словно им было безумно весело. Сенечка даже схватил Дину в охапку и подбросил вверх. И я подумал, как он, такой худенький и маленький, умудрился поднять такую толстую Матрону. Но с Матроной я поторопился. Передо мной была другая Дина. Вернее. Прежняя Дина. Маленькая, худенькая, черноволосая и чернобровая. В длинной цветастой юбке и коротеньком топике. Она как никогда напоминала цыганку. И казалось, вот-вот пробежит гнедой конь. И они на ходу запрыгнут на него, чтобы вместе ускакать в леса и поля. В луга и степи. Где много цветов и много солнца. Где много ветра и много воли. Убежать от меня. От этой мертвой лавки вещей. И полумертвого старика. Который жил еще только тем, что помнил, сколько ему лет на самом деле. И, возможно, в глубине души надеялся на чудо. Хотя чудеса были давно отменены. Всеми писанными и неписанными законами. Всеми уставами и конституциями. Всеми парламентами и президентами.

С первого взгляда было видно, что они влюблены. Точнее, безумно влюблены друг в друга. И их любовь была совсем другая. Такая, которую я уже

стал подзабывать. А возможно, у меня и никогда не случалась такой любви, даже когда я думал, что был молодым. Эту любовь не нужно было хранить на полках. Вытирать с нее пыль. И доставать по случаю праздника, иногда, чтобы полюбоваться при свете. Эта любовь была живой. И не дополняла коллекцию антикварных вещей. Аукцион ей не грозил. У нее не было истории. И она не будет занесена в архив. Она просто проживет свое время. И просто умрет. И от нее ничего не останется, даже памяти. Но ей память не нужна. Она жива сегодняшним днем. И сегодняшний день вдыхал в нее жизнь. Грош цена была такой любви. Ее было не продать, не обменять, ни оформить в залог. Она как бабочка, на один день. Но я почему-то завидовал этой любви.

И мое сердце до боли кольнуло. И я схватился за свое больное сердце. И с надеждой, как всегда, посмотрел на звезды. Они должны, просто обязаны были меня поддержать, успокоить, понять и объяснить. И просто ответить: За что? Ну, за что? За что? Я только один раз оступился. Люди оступаются каждодневно, каждоминутно. А я всего лишь один раз. Но видимо одного раза для меня было достаточно. Потому что я оступился в бездну. И я протянул руки к звездам. За помощью. За советом. Они не имеют права от меня отступить. Это незаконно. Ведь была же какая-то сделка с небом, договор, пакт! Я ведь только с ними общался, если не считать вещи. Но они имели на все права. Они были свободны. Звезды скрылись за облаками, растворились в ночном небе. Даже они устали от одинокого ворчливого старика.

Свадьба не состоялась. Меня не сжигала ревность. Потому что, как и любовь, она была для меня застывшей формой, антиком, пылящимся на полке. Как и все, все другие чувства. Меня сжигало что-то другое. Необъяснимое. Или объяснимое. Что-то вроде обиды. Понимания, что все могло быть, и ничего не было. И ничего не будет. И я не мог понять, по чьей вине.

Дина и Сенечка не умчались в цыганской кибитке в степь, или поля, или леса. И не разбили там цыганский шатер, чтобы проводить в нем звездные ночи только вдвоем. Я, как всегда, все преувеличивал. Все было гораздо проще. Сенечка, всю жизнь прослуживший на дороге, и ненавидящий автомобили, таки приобрел импортную дорогую машину. Новую модель. С раскосыми злыми глазами и зловещим оскалом. И они с Диной укатили на ней по ровной дороге. Наверно, в какую-нибудь многоэтажку. Впрочем, быть счастливым в полях и лесах тоже преувеличение и выдумки сочинителей. Можно вполне быть счастливым и в блочном доме. У счастья нет географии. И на глобусе места счастья не отмечены.

Дина что-то поняла в этой жизни. И поэтому была счастлива. Это понимание, пожалуй, к ней пришло в один вечер. За круглым столом у Кустодиевского самовара. По которому ползла мерзкая, но до совершенства красивая гусеница. Или в одно утро. Когда бабочка грациозно порхала под потолком. Наверно, Дина подумала, что природа творит невероятные, волшебные вещи. И все имеет логику, и все имеет смысл. И ничего нет случайного. И у каждого из нас есть свой аналог в природе. И своя модель. Кто-то из нас цветы, кто-то сорняк. Кто-то так и остается гусеницей на всю жизнь. А кто-то сразу рождается птицей. Кто-то муравьем, а кто-то клещем. Кто-то в теплице, а кто-то в бескрайних полях. Мы разные. Как и в природе. И у каждого свой образ жизни. Как и в природе. И у каждого может быть будущее счастливым или не очень. Как и в природе. Но для каждого ответ есть, как поступить, чтобы быть счастливым или не быть. И этот ответ нам всегда природа подсказывает. И если бы мы умели прислушиваться. И если бы ответ искали у нее. Но мы не прислушиваемся, не ищем ответ. Мы предпочитаем жить по-своему. И, как правило, в этой жизни проигрываем. Но Дина, похоже, не проиграла. Она сумела понять. Даже, если антикварной лавке предпочла блочную многоэтажку. А не леса и поля. А старику

антиквару регулировщика на дороге. А не цыгана. Все равно она сумела понять. Даже если выбрала маленькое счастье, уместящееся в стены блочного дома. Не журавль в небе. И не синица в руках. И не старая курица, несущая золотые яйца. А бабочка у электрической лампочки под потолком. Которая свободна в рамках четырех блочных стен. Но зато не ползает, а летает. И такое бывает счастье.

Я остался один. И что мне с этим одиночеством было делать?

Как-то осенью, когда ливень исполосовал воздух. Молния разорвала деревья в клочья. Ветер пригнул фонари к земле. И поток дождевой воды хлынул по тротуару. Ко мне постучали.

На пороге стоял совершенно мокрый с головы до пят молодой человек. И я хотел спросить, почему он без зонта, но почему-то передумал. И молча пустил его за порог.

- Здравствуйте, Аристарх Модестович - сказал он, отряхивая дождь со светлых волос и потрепанной одежды.

Мне его голос показался знакомым. Низкий, поставленный, дорогой, в отличие от помятого дешевого костюма и стоптанных ботинок.

- Я вам как-то звонил, - объяснил он узнаваемость своего голоса. – Интересовался неким аферистом Романом. Романом Романовичем.

Ну конечно! Теперь я вспомнил. Следователь угро, который разыскивал Романа. А мы с Диной тогда его почему-то не сдали. Интересно, почему? И где интересно теперь Роман? Вместе с Тасей? Может быть, они тоже сумели понять что-то в жизни? И может быть, хотя бы они несутся на гнедых конях по бескрайней пыльной дороге, вдоль лесов и полей, наперекор ветру и дождю? Может быть, хотя бы они в этой истории счастливы? Потому что больше всех рисковали. Хотя я не исключал, что их вот-вот сбросят бешеные кони, и они покатаются вниз, в овраг, в пропасть, все ниже, ниже. Впрочем, ну и что? Края земли нет. Земля круглая. Это доказано учеными. Ученые знают, что говорят. И рано или поздно они остановятся. Отряхнут грязь и пыль. И встанут. И вновь начнут карабкаться вверх. Ведь земля не просто круглая, она еще вертится. Это тоже доказали ученые. И все у них пойдет по кругу. И все же я почему-то искренне желал Тасе и Роману, чтобы они свалились попозже. Хотя я помнил, что они были... ну, если не моими врагами, то в товарищах моих не записаны точно. Но мне нравилось почему-то быть милосердным, всепрощающим стариком. Не умеющим ненавидеть. Неужели я уже стал задумываться о душе? Ненависть свойственна очень живым. Те, кто думает о душе, о ненависти уже не задумывается. Впрочем, если бы мне приходилось выбирать, я бы сейчас выбрал ненависть, ревность, губящую страсть. А не спасение души. Но выбора у меня не было. И я смиренно сложил иссохшие руки на впалой груди. И склонил голову перед непрошенным, мокрым с головы до пят гостем. Во всяком случае, я хоть был сухим в отличие от него. Хотя сухим из воды так и не вышел.

- Чем могу служить? – спросил я, как и положено, достопочтенному антиквару.

- Роман по-прежнему в розыске, достопочтенный Аристарх Модестович, – увы, у него появилась некая напарница в его противозаконных делах. И они недавно сумели ограбить антикварный магазин. Ваших коллег, так сказать. На соседней улице. Поэтому, уважаемый, любая информация, предоставленная нам, принесет пользу не только вашим почтенным коллегам, но и всему нашему обществу, которое с каждым днем поднимается все выше на ступеньку социальной справедливости. И эту справедливость подобные асоциальные личности пытаются нарушать незаконными методами.

Не знаю почему, но я от всей души желал асоциальным личностям удачи. Мне они становились все симпатичнее.

- Увы, дорогой, - я развел руками. – С радостью, но ничем помочь не могу.

Следователь вздохнул и присел на краешек стула.

- Да, похоже, квартальная премия сорвалась.

Он сказал это так просто, обреченно, по бытовому, что мне стало его искренне жаль. Похоже, он очень рассчитывал на эту премию. Наверно, хотел купить новый холодильник. Или жене сапоги. Ведь уже осень. И я даже подумал, не плохо бы чтобы они встретились с Романом на большой дороге и тот откинул ему немного деньжат с прибыли. И это было бы социально вполне справедливо.

Следователь огляделся.

- Красиво у вас тут. Уютно. Ни тебе спешки, ни начальства, ни страха за квартальную премию. Знай себе, разговаривай с вещами и все. И еще деньги за это получай. Не в обиду вам будет сказано, уважаемый, но завидую я вам. Покой, который мне только снится. И то в редких снах, потому что сплю как убитый. Не до сладких снов. Одни кошмары. Даже кричу во сне.

Мне так хотелось успокоить несчастного следователя. Но я не знал как. Впрочем, с какой стати я его вздумал жалеть. Передо мной высокий, здоровый, красивый молодой мужик. Что еще ему надо? Даже если самым дорогим был в нем голос.

- Ну, вы это зря. Ведь вы так молоды. Значит, у вас все может быть.

- Все? – усмехнулся следователь. - А что все, любезный? И когда? Разве что на тот свет приходится рассчитывать. Там наверняка квартальные премии выплачивают регулярно. И кланяться ни перед кем не нужно. И с дрожью в голосе не вытягиваться перед начальством. Поди, там и преступников нет. А вот положи руку на сердце, мне многие преступники симпатичны. Может, потому, что я таким никогда не осмелюсь стать. Отчаянные ребята. Нет, я не про убийц, безусловно. Убийству я никакого оправдания не ищу. Более того, скажу не для протокола, многих бы самолично, к стенке. Я про других. Которые попались. С дырой в кармане. Они мало, скажу вам от всего сердца, отличаются от тех, кто в лимузинах разъезжает, кто в особняках виски жрет и Мальтийские острова приобретает. Более того, у тех, кто попался, и рожи посимпатичнее будут, и сердце бывает. И вот я их должен ловить. А эти неуловимы. Прямо невидимки какие-то. Хотя как можно быть невидимым с жирным лоснящимся брюхом и красной пропитой мордой? А они умудряются! Волшебники! Словно у каждого в кармане мандат на неприкосновенность. Наверняка, у каждого за душой не одна жертва. Но поймать я их не могу. Мне приказано их не видеть! Мол, нету их и все тут! Понимаете, любезный!

Следователь был, похоже, очень недоволен жизнью. И мне это что-то напомнило, то ли это меня взволновало, я и сам пока не мог понять, что и почему.

- Ну, коль вы так неудовлетворенны своим делом, вы можете поменять профессию, - попытался я его наставить на путь истинный.

- Ох, любезный, как вы, похоже, далеки от жизни, - вздохнул глубоко следователь, – так сказать от нашего мрачного бытия. В четырех стенах нашей грешной жизни не познаешь, среди одних вещей людей не увидишь. Вот и завидую я вам, любезный. Благородную профессию я всегда мечтал иметь. Наиблагороднейшую! А что может быть благороднее, чем очищать мир от грязи? Ан, нет! Оказалось не все так просто и верно. Нет теперь благородных профессий. И язык не повернется утверждать, что милиция, ученые, писатели, политики, да мало ли кто теперь занимаются уважаемым делом. Да что они! И про врачей, этих полубогов, теперь не всегда доброе слово замолвишь, разве я не прав? И что поменяется, если я поменяю? Конечно, образование теперь не столь нужно. Могу сам стать запросто и писателем, и политиком, да хоть врачом и ученым, все одно! Могу даже быть директором атомной станции! А могу президентом! Но грязь,

мусор, все равно останется! Не разгребешь! Поскольку не видим он, не осязаем. Куда ни иди, все одно. Но разве что в дворники – здесь все понятно. И мусор виден, и грязь. Вставай поутру, и знай махать себе метлой. Может, передам я вам, от всего своего чистого сердца вашему чистому сердцу. Может, дворники сегодня и есть самая наибогороднейшая профессия. И им одним стоит поклоняться. Потому как они одни чистоту могут подарить. В чистом виде. И одна эта чистота и есть реальность. Остальное грязь. И дворники, эти боги, перед ней тоже бессильны. И стоит об этом подумать.

Может он и прав? Я тоже когда-то думал, что моя профессия – философия. Оказалось иначе. Но ему сказал совсем другое.

- Ну, уж так прямо в дворники. Вы, сразу видно, невооруженным глазом, человек на своем месте.

- А разве есть свое место? Тут не свое место найти важно. А не проворонить чужое. Скажу я вам, вот так на духу. Все что можно проворонил, потому как не наглый я, не нахал. А это не в почете. Вот теперь в однокомнатной квартирке с семьей и прозябаю. И то, слава богу. Вот говорят, если бог закрывает перед твоим носом двери, то открывает окно. А я так думаю, открывает только для того, чтобы ты потом все равно с него выпрыгнул.

- Напрасно вы так. Ведь кроме профессии, денег остается семья. Семья и есть ваше окно, или свет в окошке. Зачем выпрыгивать? Любовь ни профессией, ни деньгами не измеришь.

- Ох, наивный вы человек, Аристарх Модестович. Хоть и годков вам не мало. И пожилы на свете долго. Да откуда вам знать? Коль семья ваша – вот она, - следователь жестом руки обвел комнату. – И платить ей не надо. Потому как она платит. И работа непыльная, продаваться не надо. Потому как вы продаете. А вот вы знаете. Ох, ничегошеньки вы не знаете. И понятия не имеете, хоть, по сути, поди, философ. О жизни только абстрактные вещи знаете. Может, даже о смысле ее понимаете. А вот суть, каждодневный смысл так и не поняли. Потому как смысла и нет. Какой может быть смысл, когда четыре стены, кран протекает, за окном пень от березы, жена все время ворчит, что не расплатился за холодильник. С утра шаркает тапочками и то плачет, то ноет. А по вечерам пульт телевизора отбирает, чтобы футбол не смотрел. И развестись давно хочу, но сил нету. И уйти мечтаю, да сам себе не свободен. У самого табу. Куда одному-то деться? Какая тут любовь. И слова такого уже не припомню. Вернее его значения. Даже смешно подумать, что стихата ей писал. Уж какие стихи! Любовь – это роскошь, любезный. Может, даже привилегия. Может, даже на право любить скоро мандат будут выписывать. И в парламенте законность ее утверждать.

Вот и квартальная премия срывается, потому, как не отыскал афериста. А я в душе, может, и жалею его. И за него болею. Он хоть что-то понял. И даже если сорвется. То все равно пробовал хоть смысл этот глубинный, каждодневный понять. Он и в английском костюме ходил. Потому как в этом он был сам. Дыры в кармане, а костюм в клетку, дорожный, фирменный. Мол, я тоже человек не простой, с достоинством. И свободный я. И премии квартальной не вымаливаю, а сам в любой момент себе ее выпишу. И не бродяга я, а эстет. И не нищий я, а мыслитель. Даже если за душой ни шиша. И если к вам попаду, то не в лохмотьях. И руки мои дрожать не будут, и голос. В таком прикиде ничего не дрожит. Да и вы ко мне с почтением отнесетесь. Разве можно иначе в таком костюме?

А вот я, Аристарх Модестович, при своей должности при встрече с ним, даже в моем кабинете, себя неуютно почувствую. Поскольку нет у меня такого костюма. И не будет. Ниже себя почувствую, глупее что ли, и трусливее. Он даже за решеткой небо в голубях видеть будет. А я на свободе за окном только и вижу заколоченную проходную умершего завода, да магазинчик с надписью « книги »,

вместо которого теперь пиво в разлив продают. Такова моя жизнь. И в таком вот костюме и есть моя мечта, может быть. И может быть, и смысл есть. Свободным себя осознать в английском костюме. И с головой поднятой ходить. Даже если прятаться, даже если в розыске. Вы меня понимаете?

В общем, я его понимал. Иногда жалел, иногда он меня раздражал. Черт побери! У него было главное – молодость! И остальное не имело значения, это я знал точно, наверняка. Я проходил уже все. И так же, как он, ненавидел жизнь и ее презирал, жаловался на нее и отворачивался от нее. И у меня была женщина, шаркающая тапочками по утрам. И долг за холодильник. И раннее дождливое утро, когда не мог встать на работу. И забитая проходная завода за окном. И очереди за пивом. И голубей в небе не видел. И цветов на полях. И цыганской кибитки в пыли. Но, черт побери, у меня была молодость! Значит, я все мог изменить! Во всяком случае, попробовать! Во всяком случае, захотеть! Я тогда еще мог! Но этого я не мог ему объяснить. Он этого бы не понял. Все, чем мы обладаем, по-прежнему у нас не в цене. И все же я попытался. Понять его. И ему возразить.

- И все же... Я попытаюсь. Как вам сказать. Действительно, с высоты своих прожитых лет. Нет, неверно, когда так говорят. Много прожитых лет – это уже далеко не высота. Скорее уже низина. Но все же, опираясь на свои годы, посмею утверждать, что все. Абсолютно все в жизни можно исправить. Есть на это шанс, во всяком случае. Кроме возраста. И потому смерти. Вот это уже – данность и, наверное, в некотором роде, тупик. Здесь изменить ничего нельзя. Смерть неизменна. И возраст в другую сторону не изменить. И годам обратного хода нет. Поэтому, даже если у вас абсолютно, абсолютно ничего нет, вы можете хотя бы один раз улыбнуться одному: своей молодости. Может быть, эта улыбка вас и подвигнет на другое.

- Улыбка? – следователь расхохотался. Я не видел вообще, что он улыбается. И этот вызывающий хохот увидел впервые. И он меня смутил и расстроил. – Улыбка... Знаете, пожалуй, я бы без промедления и сожаления выложил свои года на ладонь, - он протяну ладонь перед моим носом, – и отдал их вам. Они ваши. Берите, не жалко! И забрал ваши. Даже если моя ладонь потяжелеет в сотню раз. Я не боюсь тяжести. Вы сетуете на года? Какая малость! Я вам завидую, если это ваша единственная неприятность. Мне бы такую! А я мечтаю поскорее стать стариком! Мое единственное желание – это не иметь желаний. В старости это еще возможно. А так... Я все же понимаю, все же у меня есть разум, что желания должны быть. Хоть какие. И с этим пониманием, этим грузом пониманий живет ужасно. Когда молодость в тягость. Красота, здоровье, сила. И одно слово – зачем? И не отвечайте, все равно правильно не ответите! Не ответите? Ну и хорошо. Любой ответ бессмысленен. Ведь смысла ни в чем нет. Я должен, должен думать, что он есть! Потому как молод! И мне это мешает! А его нет! Поэтому я мечтаю стать стариком, и поскорее. Знаете, я бы избавился от многих проблем! Даже если бы умирал в нищете. В нищете, кстати, умирать вообще не страшно. Может, нищие в старости и больше выигрывают? Им не страшно! Им терять нечего! И оставлять после себя нечего? И проигрывают другие? Хотелось бы этих толстосумов с жирным брюшком, красной мордой, в особняке из золота и мальтийскими островами увидеть на смертном одре. Да, еще, когда над ним склонилось совершенное, идеальное лицо юной, чернявой, стройной, как косуля, девы. Его молодой жены. Которой еще жить да жить. С его особняком, счетом в банке и мальтийскими островами. Да, безусловно, еще юным, загорелым атлетом в придачу.

Я перевел дух. И почему-то подумал, слава богу, что не женился. И мысленно пожелал Дине и Сенечке, от всей души, от всего сердца, счастья в личной жизни. И почему-то зябко передернул плечами.

- Ага! Вам это тоже знакомо? Но вы и прожили потому столько лет, что этого избежали? В таком случае, хвала вам, Аристарх Модестович. И песнь оды. Более того, я таки сделаю все, чтобы вам поставили памятник. Человеку без возраста. Или человеку, который всегда имел возраст. Это одно и то же. Вы изначально отказались жить, считая года. Вашими годами были вещи. А история лет не имеет. И счета годам тоже. Возможно, вы уже родились таким, умудренным стариком? В жизни все бывает.

Да, в жизни бывает все. Но он все не знал. И знать ему было это не нужно. К тому же я понял, как-то понял спокойно, без иллюзий и сантиментов. Понял, что он не очень любит жизнь. И ему многое все равно.

- А знаете, любезный Аристарх Модестович, я вот вам как близкому человеку скажу, как родственнику. Нет, извините, у меня в жизни много родственников и все я им сказать не могу. Это другое. Как случайно близкому человеку скажу. Мне лично жить просто лень. Вы мне поверите? Да или нет, уже не имеет значения. Просто лень. Как-то полностью, целиком лень, не по частности. И не потому, что не хочется вставать по утрам, идти на планерки, потом считать часы до окончания работы, в которой жалел многих и сажал, кого жалел. Считать часы почему? И сам не знаю. Чтобы идти домой. А прихожу домой – тапочки, ворчание и разбросанные бигуди на трюмо. И уже считаю часы до утра. Когда начнется работа. Потому, как и дома нет радости. Знаете, так тяжело, когда нет радости. Но и к этому привыкаешь. Есть вот такая поговорка. Для радостных людей поговорка. Счастлив тот, кто с радостью идет на работу и с радостью возвращается домой. А может наоборот, несчастлив? Я иду и возвращаюсь с радостью. Но радости, когда прихожу, увы, нет. Куда ни приду – нет радости и все. И такое ощущение, что мир этот создан не для праздников. А для рытья могил. Друг другу... Знаете, когда жить лень, это не лентяй. Я не лентяй. Просто, ну как вам объяснить. Лень не по пустякам. Да мне камни и бетоны не лень тягать, даже легче, чем думать. Но вот в общем... В общем жизнь воспринимать тяжело. И просто лень. Ну, не очень хочется жить, и все. Но жизнь никто не отменял. И бойкот ей не объявишь, вы согласны? И даже в законах и конституциях не запишешь запрет о жизни. Мол, жизнь кончена и до свидания. Нет, не получится. А я так понимаю, если на земле нечего делать, то лучше с нее спрыгнуть. Но она же круглая! Куда прыгать! Это ученые еще доказали. А жаль. Лучше уж как в древности – на четырех китах и все тут. А то мы катаемся все по кругу. А если бесплатно, то бишь, зайцами, то могут вежливо попросить сойти. Или выгонят раньше времени. Или штраф какой потребуют. А откуда взять этот штраф? Но не один я живу на свете, может, кому и в радость. Во всяком случае, это они думают, что в радость. Пока. А радости все равно нет. Как и смысла. Вот и приходится мучиться. Знаете, по большому счету, мучаются все. Просто одни это осознают, другие нет. Пока. А я вот не боюсь ничего. Даже своих похорон, хотя своих похорон все боятся. А мне нечего, поскольку жизнь не в радость. Потому и жду с благоговением старости и вам завидую. Пусть боятся те, с мальтийских купленных островов, у которых девушки, как косули. Им есть за что дрожать. А я вот ... Единственное желание. Поскольку жизнь никто не отменял. Но в итоге она каждого отменит. Я вот мучаюсь, успею ли насобирать на английский костюм. Такой, как у этого афериста? В белую клетку и с отворотами на брюках и рукавах? Единственное желание – чтобы похоронили в этом костюме. Ну, чтобы небо в голубях все-таки видеть, вы меня понимаете? Да и еще. Не знаю почему, опять же не для протокола. Если уж увидите этого афериста и его подружку. Не

сдавайте их мне. Кому-нибудь другому. Я уж как-нибудь без квартальной перебыюсь.

Я смотрел на следователя вдумчиво, очень по-стариковски. Хотя он, мне казалось, уже гораздо старше меня. Наверно, потому что в отличие от меня, ему не хотелось жить. Ему потом очень, очень, еще как захочется. Но не теперь. Он этого теперь еще не понимает. Потому что у него не было желаний. И ничто, никакие слова, афоризмы, метафоры и стихи не вернут его к этим желаниям. Я тоже еще в силу придуманного возраста ничего не желал. Но мне уже хотелось желаний. А это было так много.

Я приблизился к глобусу. Склеенному глобусу, который я так и не уничтожил, не знаю почему, не выбросил на помойку, не знаю почему. Но разве можно уничтожить. Разве можно выбросить на помойку целый мир. Где есть города и страны, океаны и реки, моря и равнины? Правда, нет людей. Люди не обозначены. Но это, возможно, и к лучшему. Я резко обернулся к следователю.

- Знаете, а ведь в разрезе вечности мы все одного поколения. Даже люди до нашей эры и мы, можно сказать, с одного поколения. В разрезе вечности, что такое 20 веков? Мелочь. Сущий пустяк. Ведь их может быть и миллион, и сиксильон, и сиксильярд сиксильонов и вообще такое число, которое не придумали математики до нас и не придумают после нас. Так что нас всех можно причислить к ровесникам. И вас, и меня, и вещего Олега и мальчика из пещеры Тешик-Таш. Это сегодня мы отличаемся по возрасту. Через миллион лет мы станем чуть ли не одногодками. Но зачем нам ждать миллион лет? Согласитесь?

Я достал камуфляж Старика, которого сыграл когда-то в пьесе Горького величайший артист со сложной фамилией Гайдебуров. Стряхнул с него пыль.

- Вот, пожалуйста, примерьте, - я, не дав одуматься следователю, ловко натянул на его стриженую голову седой парик, приклеил усы, бороду, брови. И повел к зеркалу. Он, словно околдованный моими действиями и словами, покорно пошел за мной.

В зеркале отражались два совершенно одинаковых человека. Старых, очень старых человека. Одинакового роста, телосложения, с одинаковыми лицами. Разве что он не сутулился. Но это такая мелочь. Стоит лишь пригнуть плечи. Он добровольно сгорбился сам. Вот и все.

Я почему-то уже знал, что он скажет. Он так и сказал. С неким то ли лакейским, то ли швейцарским акцентом.

- Извините, любезный Аристарх Модестович. Я действительно вас уважаю, и питаю самые лучшие чувства. И первый подписался на сооружение вашего памятника при жизни. При вашей вечной жизни. Вы богатый человек. Очень богатый. И вам ничего не стоит... Знаете, я бы никогда не попросил, но вы... У вас можно просить некоторую сумму. Есть люди, у которых можно просить. Вы не просто милосердны, вы очень мудры. У мудрых просить не стыдно...

Я протянул ему чашку чая. Он выпел залпом. Он всегда был голоден. Как когда-то и я.

Мне очень хотелось дать ему денег. У меня их было много. Но у меня не было одного.

И я ему грубо ответил. Как ростовщик. Как процентщик. Как старуха из «Преступления и наказания». Как гайдебуровский старик. Я ему очень, очень грубо ответил.

Он покачался. В глазах – туман и безнадежность. В губах горечь и отчаяние. Ему было лень жить. Но ему было и лень умирать. Разве этого мало?

Я резанул по руке и кровью испачкал глобус. Эту неудачную имитацию земного шара. Впрочем, он утопал в крови не один раз. И не один раз еще утонет.

Кровь растеклась и по моим седым волосам. Я упал на пол. Я понял механизм передачи. Я понял философию жизни. Я понял всех, кто живет.

КОНЕЦ КОНЦА

Я понял, что можно жить, взлетая на бешеных лошадях к звездам. Которые прячутся за облаками, потому что от нас тоже устали и нам не поверили. Я понял, что можно жить, целуя губы единственной женщины. Которая от нас тоже устанет и не поверит, даже если не бросит. Я понял, что можно жить, распахивая окно. Даже если его распахнуть невозможно, потому что оно забито гвоздями. А за окном – все равно небо в голубях, свобода или мечта о ней. Цыганская кибитка с лошадьми, чтобы побыстрее умчаться от этой мечты. Счастье или погоня за ним. И всегда риск. Потому что никогда ничего не догнать. Мы не догоним. Во всяком случае, здесь...

А где-то в толпе бродил гайдебуровский старик. Его видел каждый из нас. Но он исчезал на наших глазах так незаметно, так легко, неуловимо, что каждый про него мгновенно забывал. Словно его никогда и не было. И никогда не будет. А был ли старик? Был, точно был! И он есть. Ей-богу, есть...Ведь мы реалисты...